

Уильям Коллинз
Закон и женщина
СПб.: Лениздат, 2004

Аннотация

Юная Валерия, несмотря на сопротивление родственников, выходит замуж за аристократа Юстаса Вудвила. Но семейное счастье неожиданно рушится: Валерия узнает об ужасном прошлом мужа. Юстас обвинялся в убийстве (отравлении) своей первой жены.

Убежденная в его невиновности, любящая женщина отчаянно пытается раскрыть тайну трехлетней давности. Ее семейное счастье теперь зависит от того, удастся ли заменить вердикт шотландских присяжных «не доказано» на «не виновен».

А единственное доказательство находится в гленингской мусорной куче... Какой ценой удастся Валерии это выяснить и какие испытания преодолеть, узнает читатель романа Уилки Коллинза «Закон и женщина».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I ОШИБКА НОВОБРАЧНОЙ

«Так некогда и святые жены, уповающие на Бога, украшали себя, повинувшись своим мужьям. Так Сарра повиновалась Аврааму, называя его господином. Вы дети ее, если творите добро и не смущаетесь ни от какого страха».

Заключив этими хорошо известными словами обряд венчания англиканской церкви, мой дядя Старкуэзер закрыл свою книгу и взглянул на меня через решетку алтаря с выражением сердечного участия на своем широком красном лице. В ту же минуту тетка моя, миссис Старкуэзер, стоявшая возле меня, сказала, ударив меня слегка по плечу:

– Валерия, ты обвенчана!

Где были мои мысли? Что сделалось с моим вниманием? Я была слишком смущена, чтобы знать это. Я вздрогнула и взглянула на своего мужа. Он, по-видимому, был смущен не менее меня. Одна и та же мысль, я уверена, была в эту минуту у нас обоих. Возможно ли, что мы, вопреки желанию его матери, сделались мужем и женой? Моя тетка Старкуэзер решила вопрос, потрепав меня опять по плечу.

– Да возьми же его руку, – шепнула она тоном женщины, вышедшей из терпения.

Я взяла его руку.

– Следуй за дядей.

Держа крепко мужа за руку, я последовала за дядей и викарием, совершавшим вместе с ним обряд бракосочетания. Два священника ввели нас в ризницу. Церковь находилась в одном из мрачных кварталов Лондона между Сити и Уэст-Эндом. День был сумрачный, воздух душный и сырой. И сами мы представляли невеселое свадебное общество, вполне гармонизировавшее с мрачной местностью и с унылым днем. Никто из родных и друзей моего мужа не присутствовал: его семейство, как я уже сказала, было против его женитьбы. У меня же не было других родных, кроме дяди и тетки. Я была сирота, и друзей у меня было очень немного. Старый преданный клерк моего отца, Бенджамен, присутствовал в качестве посаженного отца, он «выдавал» меня, как говорится. Он знал меня с детства и во время моего сиротства был добр ко мне, как отец.

Нам предстояло совершить последнюю формальность – записать свои имена в церковной книге. В смущении и не зная хорошенько, что от меня требовалось, я сделала ошибку, которая, по мнению моей тетки, была дурным предзнаменованием: я написала свое замужнее имя вместо девичьего.

– Как! – воскликнул дядя громким и веселым тоном. – Ты уже успела забыть свое имя! Прекрасно! Будем надеяться, что ты никогда не пожалеешь, что рассталась с ним так поспешно. Но постарайся припомнить его, Валерия.

Дрожащими пальцами я зачеркнула свою первую подпись и написала, весьма некрасиво, свое девичье имя: Валерия Бринтон.

Когда пришла очередь моего мужа, я заметила с удивлением, что его рука тоже дрожала и что он оставил в книге весьма жалкий образец своей обычной подписи: Юстас Вудвил.

Моя тетка, когда пришла ее очередь записать свое имя, покорилась не без протеста.

– Плохое начало, – сказала она, указывая концом пера на мою первую подпись. – Я могу только повторить слова мужа: будем надеяться, что вам не придется сожалеть об этом.

Даже тогда, во дни моего неведения и невинности, суеверие тетки возбудило во мне какое-то неопределенное беспокойство. Муж ободряюще сжал мою руку, веселый голос дяди пожелал мне на прощание счастливой жизни, и это послужило мне утешением. Добрый дядя приехал в Лондон из своего северного прихода, где я нашла приют после смерти моих родителей, только для того, чтобы обвенчать меня, и намеревался уехать с полуденным поездом. Он обнял меня большими сильными руками и поцеловал так громко, что этот поцелуй, наверное, достиг ушей толпы зевак, ожидавших за церковной дверью выхода молодых.

– От всего сердца желаю тебе здоровья и счастья, душа моя, – сказал он. – Ты в таких летах, что можешь выбирать сама, и, – не в обиду вам будь сказано, мистер Вудвил, так как мы с вами друзья недавние, – я молю Бога, Валерия, чтобы выбор твой оказался удачным. Скучно

будет нам без тебя, моя милая, но я не жалуясь. Напротив, если эта перемена в твоей жизни сделает тебя счастливее, я радуюсь. Полно, полно, не плачь, не то тетка последует твоему примеру, а в ее годы это не шутка. К тому же ты рискуешь испортить свою красоту. Осуши глаза, посмотри в зеркало – и ты увидишь, что я прав. Прощай, дитя мое, и да благословит тебя Бог!

Он схватил под руку тетку и поспешно вышел из церкви. Как ни горячо любила я мужа, но сердце мое сжалось, когда дядя вышел.

Затем последовало прощание со старым Бенджаменом.

– Желаю вам счастья, душа моя. Не забывайте меня, – было все, что он сказал, но эти слова напомнили мне милое прошлое в доме моего отца.

Бенджамен обедал у нас по воскресеньям и каждый раз приносил какой-нибудь маленький подарок дочери своего хозяина. Я едва не испортила свою красоту, как выразился дядя, когда подставила щеку для поцелуя своему старому другу, и услышала, что он тихонько вздохнул, как будто и у него были сомнения насчет моего будущего счастья.

Голос мужа заставил меня овладеть собой и дал более счастливое направление моим мыслям.

– Не пора ли нам идти, Валерия? – спросил он.

Я остановила его, чтобы исполнить совет дяди, иными словами, чтобы взглянуть на себя в зеркало.

Что же увидела я в зеркале?

Я увидела в зеркале высокую тонкую женщину двадцати трех лет. Она не из тех, кто обращает на себя внимание на улице, так как нет у нее ни модных золотых волос, ни модных нарумяненных щек. Волосы ее черны, и она причесывает их так, как причесывала много лет назад по желанию отца: они откинута со лба наверх и свернуты на макушке простым узлом, как волосы Венеры Медицейской, так что шея остается открытой. Цвет лица ее бледен, кроме минут сильного волнения, на щеках ее никогда не бывает румянца. Ее синие глаза так темны, что их принимают обыкновенно за черные. Брови ее довольно красивы по форме, но слишком темны и резки. Нос ее принадлежит к типу носов, называемых орлиными, и может показаться слишком большим. Рот, самая изящная черта ее лица, очерчен весьма тонко и способен к самым разнообразным выражениям. Что же касается формы лица, оно слишком узко и длинно в нижней половине, слишком широко в верхней, где глаза и лоб. Вся же фигура, отраженная в зеркале, представляет женщину довольно красивую, но слишком бледную и слишком степенную и серьезную в минуты спокойствия и потому не поражающую с первого взгляда, но выигрывающую при втором и иногда даже при третьем взгляде. Что касается ее костюма, он тщательно скрывает, вместо того чтобы подчеркнуть, что она венчалась в это утро. На ней серая кашемировая туника, отделанная серым шелком, и такая же юбка. На голове ее серая шляпка с бантом из белой кисеи и с пунцовым цветком, довершающим эффект туалета.

Удачно или нет мое описание, судить не мне. Я старалась избежать крайностей тщеславия, самоунижения и самовосхваления. Во всяком случае, хорошо или дурно мое описание, слава Богу, что с ним уже покончено.

А кого вижу я в зеркале рядом с собой?

Я вижу мужчину, который немного ниже меня ростом и имеет несчастье казаться старше своих лет. Над его лбом образовалась преждевременная лысина, в его густой каштановой бороде и длинных усах проглядывает преждевременная седина. В лице его есть румянец, которого нет в моем лице, в фигуре его есть твердость, которой нет в моей фигуре. Он смотрит на меня такими кроткими и нежными глазами, каких я не видела ни у кого. Улыбка его приятна, но появляется редко. Обращение его, спокойное и сдержанное, отличается, однако, силой убеждения, неотразимо привлекательной для женщин. Он немного хромотает вследствие раны, полученной несколько лет тому назад, когда он служил на военной службе в Индии, – и как дома, так и вне дома он ходит, опираясь на толстую бамбуковую палку с оригинальным набалдашником. Кроме этого небольшого недостатка, если только это недостаток, в нем нет ничего болезненного, старческого или неловкого. Его легкая хромота – может быть, только для моих пристрастных глаз – имеет какую-то своеобразную прелесть, которую я предпочитаю необузданной подвижности других мужчин. И, наконец, и это главное, я люблю его!

Вот портрет моего мужа, каким он был в день нашей свадьбы.

Зеркало показало мне все, что я хотела знать. Мы выходим наконец из ризницы!

Небо, облачное с самого утра, потемнело еще более, пока мы были в церкви, и дождь уже накрапывает. Зрители смотрят на нас из-под своих зонтов угрюмыми, недовольными взглядами. Мы спешим пробраться мимо них к ожидающему нас экипажу. Ни веселья, ни солнца, ни цветов на нашем пути, ни роскошного завтрака, ни остроумных речей, ни свадебных подарков, ни отцовского или материнского благословения. Печальная свадьба, нечего сказать, и, если верить тетушке Старкуэзер, плохое начало новой жизни.

В поезде было оставлено для нас отдельное купе. Внимательный носильщик в ожидании вознаграждения опускает шторы на обоих боковых окнах и скрывает нас от взглядов любопытных. После нескольких минут ожидания, показавшихся нам нестерпимо долгими, поезд трогается. Муж обнимает меня. «Наконец-то», – шепчет он с такой любовью в глазах, какой не передать никакими словами, и нежно прижимает меня к себе. Моя рука обвивается вокруг его шеи, и мои глаза отвечают его глазам, и губы сливаются в долгий поцелуй, первый поцелуй нашей брачной жизни.

О, какие воспоминания об этом дне встают передо мной, пока я пишу! Я должна осушить глаза и отложить свою рукопись до другого дня.

Глава II МЫСЛИ НОВОБРАЧНОЙ

Мы пробыли в дороге немного более часа, но в нас обоих, незаметно для нас самих, произошла перемена.

Все еще сидя прижавшись друг к другу, рука в руке, голова к голове, мы мало-помалу впали в молчание. Истошил ли он уже краткий, но красноречивый словарь любви? Или же, насладившись страстью говорящей, мы решились, по безмолвному соглашению, испробовать более глубокое и уточненное наслаждение страстью думающей? Я не могу определить, что было этому причиной, я знаю только, что настало время, когда уста наши замкнулись. Мы продолжали путь, каждый погруженный в собственные мысли. Думал ли он только обо мне, как я думала только о нем? До окончания пути я усомнилась в этом, немного позже я узнала наверно, что его мысли были далеко от его молодой жены, что он был занят исключительно самим собой, своим собственным несчастьем.

Что касается меня, тайное сознание, что он наполняет мой ум и мое сердце, было само по себе наслаждением. Я вспоминала нашу первую встречу неподалеку от дома моего дяди.

Наша северная речка, знаменитая своими форелями, извивается, шумя и клубясь, по глубокому оврагу, среди болотистой местности. Был ветреный, пасмурный вечер. На западе, под темными тучами, догорал ярко-красный закат. У поворота речки, где вода стоит тихо в глубоком заливе под нависшим берегом, стоял, закидывая удочку, одинокий рыболов. Над ним, на высоком берегу, не замечаемая им, стояла девушка (я сама), нетерпеливо ожидавшая появления форели.

Минута настала, рыба клюнула наживку.

То опуская, то натягивая леску, стремясь подсечь рыбу, рыболов последовал за плененной форелью, пробираясь то по узкой песчаной отмели под крутым берегом, то прямо по неглубокому дну. Я пошла за ним по берегу, следя за состязанием искусства и хитрости между человеком и форелью. Живя у дяди, я заразилась его страстью к разным родам охоты, в особенности к ужению. Устремив глаза на удочку и не обращая ни малейшего внимания на неровную тропинку, по которой я следовала за незнакомцем, я случайно ступила на выдававшийся край берега и мгновенно свалилась в воду.

Расстояние было ничтожное, вода мелкая, дно, к счастью для меня, песчаное. Я испугалась и промокла, но больше не могла ни на что пожаловаться. Через минуту я была уже на суше, сильно сконфуженная своей неосторожностью. Как ни краток был перерыв, форель успела спастись. Услышав мой инстинктивный вскрик, рыболов повернулся, бросил удочку и поспешил ко мне на помощь. В первый раз в жизни мы увидели друг друга лицом к лицу: я – стоя на берегу, он – в мелкой воде передо мной. Я искренне верю, что в то же мгновение, как встретились наши глаза, встретились и наши сердца. Мы забыли, что мы леди и джентльмен, мы глядели друг на друга в молчании.

Я пришла в себя первая. Что я сказала ему?

Я сказала что-то о том, что я не ушиблась, и с жаром попросила его бежать назад и посмотреть, не удастся ли поймать рыбу.

Он ушел неохотно и вскоре вернулся ко мне, конечно, без рыбы. Зная, как был бы огорчен мой дядя на его месте, я начала извиняться с искренним сожалением и, желая искупить свою вину, предложила даже показать ему место, ниже по реке, где он мог бы попытаться счастья опять.

Он не хотел и слышать об этом. Он упрашивал меня идти домой и переодеться. Меня нимало не беспокоила моя мокрая одежда, но я послушалась его, сама не зная почему.

Он пошел со мной, мой обратный путь в дом священника был также и его путем в гостиницу. Он приехал в нашу сторону, сказал он мне, столько же для уединения и спокойствия, как для ужения. Он видел меня раза два из окна своей комнаты и спросил, не дочь ли я викария.

Я поправила его. Я сказала ему, что викарий женат на сестре моей матери и что он и тетка заменили мне отца с матерью после смерти моих родителей. Он спросил, можно ли ему будет прийти на другой день к доктору Старкуэзеру, прибавив, что у него есть друг, который, если он не ошибается, знаком с викарием. Я пригласила его посетить нас, как будто жила в собственном доме. Я была очарована его глазами и его голосом. До тех пор я несколько раз воображала себя влюбленной то в того, то в другого, но никогда в присутствии других мужчин не чувствовала того, что чувствовала теперь в присутствии этого человека. Сумерки быстро сгущались в ночную тьму, когда он расстался со мной. Я оперлась на калитку нашего сада. Я едва переводила дух. Я не могла думать, сердце мое билось, как будто хотело выскочить. И все это вследствие встречи с незнакомым мужчиной! Я горела от стыда и вместе с тем была невыразимо счастлива.

А теперь, когда прошло несколько недель после нашей первой встречи, он сидел возле меня и был моим на всю жизнь. Я подняла голову с его груди, чтобы взглянуть на него. Я была похожа на ребенка с новой игрушкой, мне хотелось удостовериться, что он действительно мой.

Он не заметил моего движения, он сидел неподвижно в своем углу, погруженный в свои мысли. Обо мне ли он думал?

Я опять опустила голову на его грудь, стараясь не потревожить его. Мои мысли вернулись опять назад и показали мне новую картину в золотой галерее прошлого.

Сценой нового действия был сад при доме викария, временем действия – ночь. Мы сошлись тайно. Мы ходили медленно вдаль от дома, то по темным тропинкам питомника, то по лужайке, облитой сиянием месяца.

Мы уже давно признались во взаимной любви и решили посвятить свою жизнь друг другу. Интересы одного были уже интересами другого, мы уже делили и радость и горе жизни. Я пришла к нему на свидание в эту ночь с тяжелым сердцем и с надеждой найти утешение в его обществе, ободрение в его голосе. Заметив, что я вздохнула, когда он при встрече обнял меня, он тихо повернул мою голову к лунному свету, чтобы прочесть на моем лице волновавшие меня чувства. Как часто читал он на нем мое счастье в первые дни нашей любви!

– Ты принесла дурные вести, ангел мой, – сказал он, нежно поднимая со лба мои волосы. – Я вижу на лице твоём следы тревоги и горя. Я почти желал бы любить тебя меньше, Валерия.

– Почему?

– Потому что тогда я был бы в состоянии возратить тебе свободу. Мне стоит только уехать отсюда, и дядя твой успокоится, и ты освободишься от всех неприятностей, преследующих тебя теперь.

– Не говори этого, Юстас. Если хочешь, чтобы я забыла свои огорчения, скажи, что ты любишь меня.

Он сказал это поцелуем. Мы насладились минутой полного забвения всех невзгод жизни, полного поглощения друг другом. Я возвратилась к действительности, подкрепленная и успокоенная, вознагражденная за все, что вытерпела, готовая вытерпеть все снова за другой поцелуй. Когда женщина любит, нет ничего, на что бы она не решилась, чего бы она не вытерпела или не сделала.

– Не представили ли они новых возражений против нашего брака? – спросил он, когда мы медленно пошли опять.

– Нет, они покончили с возражениями. Они вспомнили наконец, что я совершеннолетняя и могу решать за себя, но они умоляли меня отказаться от тебя. Тетка, которую я считала довольно жесткой женщиной, плакала сегодня, а я еще никогда не видела ее плачущей. Дядя, всегда

добрый со мной, стал добрее, чем когда-либо. Он сказал мне, что я не буду оставлена в день свадьбы, если настою на своем намерении выйти за тебя, что он придет обвенчать меня, где бы мы ни решили венчаться, но он горячо просил меня подумать хорошенько о том, что я делаю, согласиться хоть на временную разлуку с тобой, посоветоваться с друзьями, если для меня не довольно его мнения. О, милый мой, они так горячо желают разлучить нас, как будто ты худший, а не лучший из людей.

– Разве со вчерашнего дня случилось что-нибудь, что усилило их недоверие ко мне? – спросил он.

– Да.

– Что же?

– Помнишь, ты однажды говорил дяде об одном вашем общем друге?

– Да, о майоре Фитц-Дэвиде.

– Дядя писал ему.

– Зачем?

Он произнес это слово тоном, до того не похожим на его обычный тон, что голос его показался мне незнакомым.

– Ты не будешь сердиться, когда я отвечу на твой вопрос? – спросила я. – Дядя имел несколько поводов для того, чтобы написать майору, и одним из них было узнать адрес твоей матери.

Юстас внезапно остановился. Я замолчала, чувствуя, что не могу продолжать, не рискуя оскорбить его.

Надо сказать правду, поведение его, когда он впервые объявил дяде о нашей помолвке, было несколько странно. Дядя, естественно, начал расспрашивать о его семействе. Он ответил, что отец его умер, но мать жива. По настоянию дяди он согласился, но очень неохотно, объявить о своей помолвке матери и отправился повидаться с ней, сказав нам только, что она живет в деревне, но не сообщив нам ее адреса. Через два дня он вернулся с поразительным ответом. Мать его не имела ничего против меня и моих родных, но не могла дать своего согласия на женитьбу сына. И если он исполнит свое намерение жениться на племяннице викария, ни она, ни кто-либо другой из членов ее фамилии, которые все согласны с ней, не будут присутствовать на свадьбе. Когда у Юстаса попросили объяснения этого странного ответа, он сказал, что мать его и сестры желали, чтобы он женился на другой особе и что они были очень недовольны тем, что он вводит в семью незнакомую им девушку. Это объяснение удовлетворило меня. Мне приятно было узнать, что Юстас предпочел меня другой, но оно не удовлетворило моих дядю и тетку. Дядя заявил мистеру Вудвилу о своем желании написать его матери или повидаться с ней, чтобы узнать от нее самой о причине ее странного ответа. Но мистер Вудвил отказался наотрез сообщить адрес своей матери, уверяя, что вмешательство викария было бы бесполезно. Такая скрытность показалась дяде подозрительной. Он отказался одобрить возобновленное предложение мистера Вудвила и в тот же день отправил письмо, полное расспросов о нем, своему другу, майору Фитц-Дэвиду.

При таких обстоятельствах объяснение побуждений дяди было делом весьма щекотливым. Юстас помог мне, задав вопрос, на который я могла ответить без затруднения.

– Получил твой дядя ответ от майора Фитц-Дэвида?

– Получил.

– Читала ты его?

Голос его упал, на лице выразилось внезапное страдание, которое мне больно было видеть.

– Я принесла ответ, чтобы показать его тебе. Вот он.

Юстас почти вырвал письмо из моих рук и повернулся ко мне спиной, чтобы прочесть его при лунном свете. На это потребовалось не много времени. Ответ был краток. Я сразу запомнила его слово в слово и могу повторить теперь.

Многоуважаемый викарий,

Мистер Юстас Вудвил был совершенно прав, сказав вам, что он джентльмен по происхождению и по общественному положению и что он наследовал от отца независимое состояние, приносящее ему две тысячи годового дохода.

Преданный вам Лоренц Фитц-Дэвид.

– Можно ли желать более ясного ответа, – сказал Юстас, возвращая мне письмо.

– Если бы я справлялась о тебе, этот ответ удовлетворил бы меня.

– Разве он не удовлетворил дядю?

– Нет.

– Что же говорит викарий?

– Зачем тебе знать это, мой милый?

– Мне нужно знать. В этом деле между нами не должно быть секретов. Сказал что-нибудь дядя, показывая тебе ответ майора?

– Сказал.

– Что?

– Он сказал, что его письмо состояло из трех страниц расспросов о тебе, и обратил мое внимание на то, что ответ майора состоит только из одной фразы. Он сказал еще: «Я вызывался побывать у майора, чтобы расспросить его лично, но ты видишь, что он даже не отвечает на мое предложение. Я просил его сообщить мне адрес матери мистера Вудвила – он на это отвечает молчанием. Он ограничивается кратчайшим подтверждением голых фактов. Обратись к своему здравому смыслу, Валерия. Такая нелюбезность – нечто необычайное со стороны человека, которого все справедливо считают джентльменом по происхождению и по воспитанию и который, кроме того, мне друг».

Юстас прервал меня:

– Что ты ответила на вопрос дяди?

– Я сказала только, что не понимаю образа мыслей майора.

– Что сказал дядя? Если любишь меня, говори правду.

– Дядя был очень резок. Но он старый человек, ты не должен сердиться на него.

– Я не сержусь. Что он сказал?

– Он сказал: «Запомни мои слова, Валерия. Майор знает что-то, касающееся мистера Вудвила или его семейства, но считает себя не вправе открывать это. Письмо его, правильно истолкованное, есть не что иное, как предостережение. Покажи его мистеру Вудвилу и, если хочешь, повтори ему мои слова».

Юстас прервал меня опять.

– Ты вполне уверена, что дядя сказал эти слова? – спросил он, пристально вглядываясь в мое лицо при лунном свете.

– Вполне уверена. Но я не думаю так. Не сомневайся во мне.

Он порывисто прижал меня к груди. Взгляд его испугал меня.

– Прощай, Валерия, – сказал он. – Постарайся думать обо мне снисходительно, когда будешь замужем за другим.

Он повернулся, чтобы уйти от меня. Я ухватила за него с отчаянием.

– Я твоя и только твоя. Что сказала я, что я сделала, чтобы заслужить эти ужасные слова?

– Мы должны расстаться, ангел мой, – отвечал он с грустью. – Ты не виновата ни в чем. Можешь ли ты выйти замуж за человека, которому не доверяют твои ближайшие друзья? Моя жизнь была тяжелой. Я не внушил ни одной женщине той симпатии и дружбы, которые нашел в тебе. Тяжело лишиться тебя и обречь себя опять на одиночество! Но я должен принести эту жертву ради тебя, моя любимая. Я тоже удивлен ответом майора. Но как поверит мне твой дядя? Поверят ли мне твои друзья? Прости мне мою любовь. Прости меня и позволь мне уйти.

Я ухватила за него отчаянно и бессознательно. Взгляд его заставил меня забыть о себе. Его слова повергли меня в отчаяние.

– Куда бы ты ни пошел, я пойду за тобой, – сказала я. – Друзья, репутация, – мне нет дела, кого или чего я лишусь. Я не могу жить без тебя. Я должна быть и буду твоей женой.

Эти порывистые слова были все, что я могла сказать, прежде чем мое горе нашло исход в слезах.

Он уступил. Он успокоил меня своим удивительным голосом, своими ласками. Он призывал небо в свидетели, что посвятит всю жизнь мне. Он поклялся, что единственной целью его жизни будет сделаться достойным такой любви, как моя. И разве он не исполнил своего обещания? Разве за клятвой этой ночи не последовала клятва перед Богом у алтаря? О, какая жизнь была передо мной! Какое неземное счастье выпало на мою долю!

Я снова подняла голову с его груди, чтобы еще раз испытать наслаждение, видя рядом с собой его – мою жизнь, мою любовь, моего мужа.

Я прикоснулась щекой к его щеке и прошептала:

– Как я люблю тебя!

И тут сердце мое замерло. Что почувствовала я на своей щеке? Слезу!

Он все еще сидел, отвернувшись от меня. Я повернула к себе его лицо, несмотря на его сопротивление, и увидела, что глаза моего мужа в день нашей свадьбы были полны слез.

Глава III РЕМЗГЕЙТ

Юстасу удалось успокоить меня, но не скажу, что ему удалось рассеять мои сомнения.

Он сказал мне, что думал о контрасте между его прежней жизнью и настоящей. Горькие воспоминания о прошлом возбудили в нем сомнение, способен ли он сделать меня счастливой. Он спрашивал себя, не слишком ли поздно встретился со мной, не стал ли он уже из-за всех прошлых огорчений и неудач человеком разочарованным и разбитым. Такие мысли вызвали слезы на его глаза. Но он умоляет меня ради моей любви к нему постараться забыть об этом случае навсегда.

Я утешила, ободрила его, но по временам воспоминание об этих слезах мучило меня, и я спрашивала себя, был ли муж мой так же откровенен со мной, как я с ним.

Мы сошли с поезда в Ремзгейте.

Любимое английское побережье было пусто, сезон только что кончился. В наш план путешествия после свадьбы входила прогулка по Средиземному морю на яхте, которую предложил Юстасу один его друг. Мы оба любили море и, кроме того, вследствие обстоятельств, сопровождавших наш брак, оба желали избежать встреч с родными и знакомыми. С этой целью, обвенчавшись тайно в Лондоне, мы решили уведомить капитана яхты, чтобы он ожидал нас в Ремзгейте. Из этого порта мы могли отплыть незаметнее, чем из многолюдного порта на острове Уайте.

Прошло три дня восхитительного уединения и невыразимого счастья, три дня, которые не забудутся нами и не повторятся для нас во всю нашу жизнь.

Рано утром на четвертый день случилось обстоятельство, в сущности, ничтожное, но удивившее меня.

Я проснулась внезапно и беспричинно от глубокого безмятежного сна с чувством какого-то странного нервного беспокойства, которого никогда не испытывала прежде. В доме викария мой крепкий сон был предметом многих безобидных шуток. С той минуты, как голова моя опускалась на подушку, и до тех пор, пока не раздавался стук горничной в мою дверь, я не просыпалась никогда. Во всякое время и при всяких обстоятельствах моей жизни я спала долгим беспробудным сном ребенка.

Теперь же я проснулась без всякой определенной причины за несколько часов до моего обычного времени. Я попыталась успокоиться и заснуть опять, но сон не возвращался. Я была в таком тревожном состоянии, что не могла лежать спокойно в постели. Муж спал крепким сном возле меня. Я встала, стараясь не потревожить его, и надела блузу и туфли.

Я подошла к окну. Солнце всходило на тихое серое небо. Некоторое время великолепное зрелище производило успокоительное действие на мои нервы, но скоро прежнее беспокойство опять овладело мной. Я начала ходить взад и вперед по комнате, но монотонное движение скоро утомило меня. Взяла книгу, но внимание мое блуждало, автор не был в силах сосредоточить его. Я встала и поглядела с нежностью на Юстаса, радуясь его крепкому сну. Потом я подошла опять к окну, но картина прекрасного утра не произвела на меня в этот раз никакого впечатления. Я перешла к зеркалу и взглянула на себя. Какой у меня был утомленный и болезненный вид из-за того, что я проснулась раньше времени. Я повернулась и поглядела вокруг себя, не зная, что делать. Заключение в четырех стенах комнаты начало казаться мне нестерпимым. Я открыла дверь и перешла в уборную мужа, надеясь, что перемена комнаты успокоит меня.

Первое, что бросилось мне в глаза, была его туалетная шкатулка на туалетном столе. Она была открыта.

Я вынула из одного отделения флаконы, банки, щетки, гребни, ножи и ножницы, из

другого письменные принадлежности. Я понюхала банки и флаконы и тщательно вытерла их платком. Мало-помалу я совершенно опустошила шкатулку. Она была обита голубым бархатом. В одном углу я заметила тонкий голубой шнурок. Я потянула его и увидела, что доска, которую я считала дном шкатулки, была крышкой секретного отделения для писем и бумаг. В моем странном состоянии духа – капризная, праздная, любопытная – я для развлечения решила вынуть и бумаги, как вынула все прочее.

Я нашла несколько уплаченных счетов, несколько не интересных для меня, несколько писем, которые я, конечно, отложила в сторону, взглянув только на адреса, и в самом низу фотографический портрет, лицом вниз и с надписью на обороте. Я взглянула на надпись и прочла:

«Моему милому сыну Юстасу».

Его мать! Женщина, так упорно и безжалостно противившаяся нашему браку!

Я поспешно перевернула портрет, ожидая увидеть женщину с наружностью строгой, сердитой, повелительной. К удивлению моему, я увидела лицо, сохранившее следы замечательной красоты, лицо, хотя и выражавшее необыкновенную твердость, но вместе с тем доброе, нежное, привлекательное. Седые волосы, спереди мелкими локонами спускавшиеся по обеим сторонам лица, сзади были спрятаны под шелковую сетку. С одной стороны рта было какое-то пятнышко, вероятно родинка, довершавшее характеристическую оригинальность лица. Я глядела и глядела, стараясь запечатлеть в памяти это лицо, и все более и более убеждалась, что женщина, оскорбившая меня и моих родных, обладала необычайной привлекательностью.

Я впала в глубокую задумчивость. Моя находка успокоила меня, как не могло бы успокоить ничто другое.

Бой часов внизу напомнил мне о ходе времени. Я тщательно уложила опять в шкатулку все вынутые вещи, начав с портрета, в том порядке, как нашла их, и вернулась в спальню. Когда я взглянула опять на мужа, все еще спавшего спокойным сном, в уме моем возник вопрос: почему его добрая, кроткая мать так упорно старалась разлучить нас, почему она так решительно и безжалостно восстала против женитьбы сына?

Могла ли я задать этот вопрос Юстасу, когда он проснулся? Нет. Я не решилась на это. У нас было безмолвно решено не говорить никогда о его матери, и, кроме того, он мог рассердиться, узнав, что я открыла потайное отделение его шкатулки.

В этот день после завтрака мы получили наконец известие о яхте. Она прибыла благополучно в гавань, и капитан ее ожидал распоряжений моего мужа.

Юстасу не хотелось, чтобы я сопровождала его на яхту. Ему придется, сказал он, осмотреть инвентарь судна и решать вопросы, не интересные для меня. Он спросил, не подожду ли я его возвращения дома. Но день был великолепный, и я выразила желание погулять по берегу, а хозяйка нашей квартиры, случайно вошедшая в это время в комнату, вызвалась сопровождать меня и заботиться обо мне. Решено было, что мы пройдем сколько нам вздумается по направлению к Бродстерсу и что Юстас, окончив свои распоряжения на яхте, присоединится к нам.

Полчаса спустя я и хозяйка были уже на берегу.

Картина, окружавшая нас в это тихое осеннее утро, была в полном смысле слова восхитительная. Легкий морской ветерок, светлое небо, блестящее синее море, освещенные солнцем холмы, ряды судов, скользивших по большой морской дороге Британского канала, – все это было так прекрасно, что я способна была бы прыгать от восторга как ребенок, если была бы одна. Единственной неприятностью, нарушавшей мое блаженство, была болтовня моей спутницы. Эта добрая, прямая, но глупая женщина говорила без умолку, не обращая внимания, слушаю я ее или нет.

Спустя полчаса или немного более после выхода из дома мы нагнали пожилую леди, шедшую впереди нас по берегу.

В ту самую минуту, как мы поравнялись с ней, она вынула из кармана носовой платок и нечаянно обронила письмо, но, не заметив этого, продолжала идти дальше. Я подняла письмо и возвратила его старой леди.

Взглянув на ее лицо, когда она повернулась ко мне, выражая свою благодарность, я

остолбенела. Передо мной стоял оригинал портрета, найденного мной в шкатулке мужа! Передо мной, лицо к лицу, стояла мать моего мужа! Я узнала ее седые волосы, приветливое выражение лица, родинку в углу рта. Сомнения быть не могло: я встретила с матерью Юстаса.

Старая леди, естественно, приписала мое смущение стыдливости и с большим тактом и снисходительностью вступила в разговор со мной. Через минуту я уже шла рядом с женщиной, так решительно отказавшейся принять меня в свою семью. Я была в сильном смущении. Я спрашивала себя, могу ли я и должна ли я в отсутствие мужа сказать его матери, кто я.

Хозяйка моя, шедшая по другую сторону моей свекрови, решила этот вопрос за меня. Я заметила, что мы, вероятно, уже подходим к цели нашей прогулки, к местечку, называемому Бродстерс.

– О нет, миссис Вудвил! – воскликнула эта неугомонная женщина. – Бродстерс вовсе не так близко, как вы думаете.

К моему невыразимому изумлению, мое имя не произвело никакого впечатления на мою свекровь. Старая миссис Вудвил продолжала говорить с молодой миссис Вудвил, как будто до сих пор никогда не слыхала своего собственного имени!

Мое лицо, вероятно, выражало волнение. Взглянув на меня, старая леди остановилась и сказала с участием:

– Я боюсь, что вы утомились. Вы ужасно бледны. Пойдемте, сядем там. Позвольте мне предложить вам мой флакон со спиртом.

Я машинально последовала за ней. Мы уселись на обломках известняка. Я как сквозь сон слышала выражения симпатии и сожаления моей болтливой хозяйки, машинально взяла флакон со спиртом, предложенный мне моей свекровью, продолжавшей обращаться со мной как с чужой, несмотря на то, что мое имя было уже известно ей.

Если бы я могла думать только о себе, я, вероятно, потребовала бы объяснений немедленно. Но я должна была думать о муже. Я не имела ни малейшего понятия о его отношениях с матерью. Что могла я сказать?

Между тем старая леди продолжала говорить с самым внимательным участием к моему положению. Она тоже устала, сказала она. Она провела тяжелую ночь у постели больной. Только накануне получила она телеграмму, уведомившую ее, что одна из ее сестер опасно больна. Сама она, слава Богу, все еще сильна и бодр, и она сочла своей обязанностью отправиться к сестре немедленно. К утру состояние больной улучшилось.

– Доктор уверил меня, что немедленной опасности нет, и я вышла погулять, надеясь, что морской воздух восстановит мои силы.

Я слушала ее, понимала смысл ее слов, но была слишком смущена, чтобы поддерживать разговор. Хозяйке пришла в голову счастливая мысль, и она не замедлила заговорить.

– Вон идет какой-то джентльмен, – сказала она, указывая в сторону Ремзгейта. – Вы не в состоянии вернуться домой пешком. Не попросить ли нам его прислать извозчика из Бродстерса?

Джентльмен между тем подошел ближе.

Я и хозяйка узнали его. То был Юстас, вышедший нам навстречу, как мы условились. Неугомонная хозяйка поспешила выразить свои чувства.

– О, какое счастье, миссис Вудвил! Ведь это сам мистер Вудвил!

Я взглянула на свою свекровь. Опять имя не произвело на нее никакого впечатления. Ее зрение было слабее нашего, она еще не узнала сына, у него же, как и у нас, глаза были молодые, он узнал мать. С минуту он стоял ошеломленный, потом, не спуская с нее глаз, смертельно бледный от сдерживаемого волнения, подошел к ней.

– Вы здесь! – воскликнул он.

– Как поживаешь, Юстас? – проговорила она спокойно. – Разве ты тоже узнал, что твоя тетка заболела в Ремзгейте?

Он не ответил. Наша хозяйка, выведя из последних слов неизбежное заключение, смотрела на меня и на мою свекровь в таком изумлении, что даже ее болтливый язык был парализован. Я стояла в тревожном ожидании. Вся моя будущность зависела от следующей минуты. Если бы Юстас не представил меня матери немедленно, я стала бы презирать его.

Он не промедлил ни минуты. Он тотчас же подошел ко мне и взял мою руку.

– Знаете вы, кто эта особа? – обратился он к матери.

Она взглянула на меня с учтивым поклоном.

– Это молодая особа, которую я встретила на берегу. Она была так добра, что возвратила мне письмо, которое я обронила. Я, кажется, слышала ее имя, – сказала она, обращаясь к хозяйке. – Миссис Вудвил, не правда ли?

Муж бессознательно сжал мою руку до боли. Надо отдать ему справедливость, он объявил матери истину без малейшего колебания.

– Матушка, – сказал он спокойным тоном, – эта особа – моя жена.

Она до сих пор сидела. Теперь она медленно встала и безмолвно устремила глаза на сына. Выражение изумления, появившееся сначала на ее лице, сменилось сильнейшим негодованием и презрением.

– Жалею твою жену, – сказала она.

И с этими словами она сделала ему рукой знак, чтобы он не приближался к ней, и пошла назад одна.

Глава IV НА ОБРАТНОМ ПУТИ

Оставшись одни, мы с минуту молчали. Юстас заговорил первый.

– В силах ты идти домой пешком? – спросил он. – Не пойти ли нам в Бродстерс, чтобы вернуться в Ремзгейт по железной дороге?

Он сказал это таким спокойным тоном, как будто не случилось ничего особенного. Но глаза и губы выдали его. Они показали мне, что в глубине души он испытывал сильное страдание. Что касается меня, только что случившаяся странная сцена вместо того, чтобы лишить меня последнего мужества, укрепила мои нервы и возвратила мне самообладание. Я была бы не женщиной, если бы странное поведение матери моего мужа не оскорбило моего достоинства и не раздражило моего любопытства до крайней степени. Почему она презирала его и жалела меня? Чем объяснить то, что мое имя не произвело на нее никакого впечатления? Почему она ушла от нас с таким видом, как будто одна мысль о том, чтобы остаться с нами, была нестерпима для нее? Разгадать эти тайны было теперь главной целью моей жизни. Идти пешком? Я была в таком лихорадочном возбуждении, что могла бы дойти пешком до конца света с условием, чтобы муж шел рядом со мной и я могла бы расспрашивать его.

– Я отдохнула, – ответила я. – Мы пойдем домой пешком.

Юстас взглянул на нашу хозяйку. Она поняла его.

– Я не намерена мешать вам, сэр, – сказала она резко. – У меня есть дело в Бродстерсе, и я, кстати, схожу теперь туда. Прощайте, миссис Вудвил.

Она сделала заметное ударение на моем имени и на прощание мигнула мне, но я в то время была слишком занята другим, чтобы понять, что она хотела сказать мне. Попросить же у нее объяснения я не успела, потому что она оставила нас так же поспешно, как моя свекровь, и быстрыми шагами пошла в сторону Бродстерса.

Мы остались наконец вдвоем. Я спросила его прямо:

– Что означает поведение твоей матери?

Вместо того чтобы ответить мне, он залился хохотом, громким, грубым, резким хохотом, до того не похожим на его обычный смех, до того не соответствовавшим его характеру, как я его понимала, что я остановилась в изумлении и без церемоний сделала ему замечание:

– Юстас, что с тобой? Ты не похож на себя. Ты пугаешь меня.

Он не обратил внимания на мои слова. Он, по-видимому, был занят какими-то забавными соображениями.

– Как это похоже на мою мать, – сказал он веселым тоном. – Расскажи мне все, что было между вами.

– Рассказывать тебе? Я полагаю, что после всего случившегося твое дело рассказывать мне.

– Ты не понимаешь, как это смешно? – спросил он.

– Я не только не вижу тут ничего смешного, я думаю, что поведение и слова твоей матери дают мне право просить у тебя серьезного объяснения.

– Милая моя Валерия. Если бы ты знала мою мать так, как я ее знаю, тебе не пришло бы в голову просить у меня серьезного объяснения ее поступков. Относиться серьезно к моей

матери! – Он захохотал опять. – Милая моя, ты не понимаешь, как ты смешишь меня!

Все это было фальшиво, неестественно. Он, деликатнейший из людей, джентльмен в высшем смысле этого слова, был теперь груб, шумен, вульгарен. Сердце мое замерло от внезапного подозрения, которого я не могла заглушить при всей моей любви к мужу. В невообразимом испуге и смущении я спросила себя: не начинает ли он обманывать меня на четвертый день после нашей свадьбы? Не играет ли он роль? Я пытаюсь понять его, встать на его точку зрения.

– Ты говоришь, что я не понимаю твою мать, – сказала я примирительным тоном. – Так помоги мне понять ее.

– Помочь тебе понять женщину, которая сама себя не понимает, – дело нелегкое, однако я попробую. Основная черта характера моей бедной матери – его эксцентричность.

Если бы он умышленно выбрал самое неподходящее слово из всего лексикона для обозначения отличительной особенности старой леди, которую я встретила на берегу, это слово было бы «эксцентричность». Всякий ребенок на моем месте понял бы, что он грубо искажает истину.

– Запомни это, – продолжал он, – и, если хочешь понять мою мать, сделай то, о чем я сейчас просил тебя, расскажи мне все, что было между вами. Как случилось, что вы заговорили?

– Твоя мать рассказала об этом. Я шла позади нее, когда она нечаянно обронила письмо.

– Вовсе не нечаянно, – прервал он. – Письмо было выронено умышленно.

– Не может быть! – воскликнула я. – Для чего было твоей матери ронять его умышленно?

– Помни то, что я сказал тебе о ее характере, друг мой. Эксцентричность! Станный способ познакомиться с тобой.

– Познакомиться со мной?! Я только что сказала тебе, что я шла позади нее. Она не могла даже знать о моем существовании, пока я не заговорила с ней.

– Ты так думаешь?

– Я в этом уверена.

– Извини меня, ты не знаешь мою мать так, как я ее знаю.

Я начала терять терпение.

– Не скажешь ли ты, что она вышла гулять для того, чтобы познакомиться со мной?

– Я не сомневаюсь в этом, – отвечал он холодно.

– Да она даже не узнала моего имени, – воскликнула я. – Два раза хозяйка наша назвала меня при ней «миссис Вудвил», и, уверяю тебя честным словом, что оба раза это имя не произвело на твою мать ни малейшего впечатления. Она глядела и держала себя так, будто никогда до сих пор не слыхала своего собственного имени.

– «Держала себя» – выражение точное. Актрисы – не единственные женщины, умеющие играть роль, – продолжал он так же спокойно, как и прежде. – Целью моей матери было узнать тебя как можно лучше и для этого захватить тебя врасплох, притворившись чужой. Этот косвенный путь для удовлетворения своего любопытства вполне в характере моей матери. Если бы я не присоединился к вам, она расспросила бы тебя подробно о тебе самой и обо мне, и ты удовлетворила бы ее любопытство, убежденная, что говоришь с посторонней. Вот какова моя мать. Вспомни, что она враг твой, а не друг, и что ей хотелось узнать не достоинства твои, а недостатки. И ты удивляешься после этого, что твое имя не произвело на нее никакого впечатления! О, невинность! Ты видела мою мать естественной только в ту минуту, когда я положил конец ее мистификации, представив вас друг другу. Ты видела, как она рассердилась. Теперь ты понимаешь причину.

Я дала ему договорить, не прервав его ни одним словом. Но с какой болью в сердце, с каким мучительным разочарованием слушала я его! Идол, которому я поклонялась, товарищ, руководитель, покровитель моей жизни – как мог он упасть так низко, как мог он снизойти до такой постыдной изворотливости?

Была ли хоть ничтожная доля правды во всем, что он сказал мне? Да. Если бы я не видела прежде портрета его матери, я, действительно, не узнала бы ее, я не могла бы догадаться, что это она. Все остальное было ложью, грубой ложью. Одно только говорило в его пользу: было ясно, что он не привык лгать и обманывать. Праведное небо! Если муж мой был прав, мать его должна была проследить нас до Лондона, проследить нас до церкви, до станции железной дороги, проследить нас до Ремзгейта. Уверять, что она по лицу моему узнала, что я жена ее сына, что она

поджидала меня на берегу, что она выронила письмо для того, чтобы познакомиться со мной, уверять, что все эти невероятные совпадения были заранее подготовлены!

Я не сказала ничего. Я шла молча, в мучительном убеждении, что между мной и мужем стоит какая-то семейная тайна. Духом, если не телом, мы уже разлучились, разлучились на четвертый день брачной жизни. Он взял мою руку.

– Валерия, разве тебе нечего сказать мне?

– Нечего.

– Ты недовольна моим объяснением?

Я заметила слабую дрожь в его голосе. Я не из тех женщин, которые плачут при малейшем волнении, – слезы, вероятно, не в моем темпераменте. Но когда я заметила непритворную перемену в его голосе и вспомнила, не знаю почему, счастливый день, когда я впервые призналась ему в любви, я заплакала.

Он остановился, взял мою руку, пытался заглянуть в лицо.

Я стояла с опущенной головой, с глазами, потупленными в землю. Я стыдилась своей слабости и не хотела взглянуть на него. Он внезапно упал на колени к моим ногам с криком отчаяния, пронзившим меня как нож:

– Валерия! Я негодяй, я обманщик, я недостойн тебя! Не верь ни одному слову из того, что я сказал тебе, Бее это ложь, малодушная, презренная ложь! Ты не знаешь, что я пережил, ты не знаешь, какие мучения я вытерпел. Милая моя, постарайся не презирать меня. Я был вне себя, когда решился обмануть тебя. Ты была оскорблена и рассержена, я не знал, как мне поступить. Я хотел избавить тебя даже от минутного огорчения. Ради Бога, не спрашивай у меня ничего больше. Возлюбленная моя! Ангел мой! Моя тайна касается только меня и моей матери, тебе нет дела до нее, никому теперь нет дела до нее. Я люблю тебя, я обожаю тебя, все мое сердце, вся душа моя принадлежат тебе. Забудь то, что случилось. Ты никогда больше не увидишься с моей матерью. Мы завтра же уедем отсюда. Не все ли равно, где мы будем жить, пока живем друг для друга? Забудь и прости! Забудь и прости!

Невыразимое горе было в его лице, невыразимое горе было в его голосе. Примите это в соображение и вспомните, что я любила его.

– Простить легко, Юстас, – отвечала я грустно. – Ради тебя я постараюсь и забыть.

С этими словами я ласково подняла его. Он молча целовал мои руки. Чувство взаимного стеснения, когда мы медленно пошли дальше, было так нестерпимо, что я начала искать предмет для разговора, как будто была в обществе чужого человека. Из сострадания к нему я попросила его рассказать мне о яхте.

На эту жалкую тему он говорил, говорил, как будто жизнь его зависела от того, чтобы он не умолк ни на минуту во всю остальную часть обратного пути. Как тяжело мне было слушать его! Знаю, какое усилие делал он над собой, он, от природы задумчивый и молчаливый; я понимала, как велико было его страдание. Мне стоило большого труда сохранить самообладание, пока мы не пришли домой. Но дома я принуждена была пожаловаться на усталость и попросить его дать мне отдохнуть в уединении моей комнаты.

– Так мы отправимся в море завтра? – крикнул он мне когда я поднималась по лестнице.

Отправиться с ним на следующий день в Средиземное море, провести несколько недель вдвоем в тесных пределах яхты и с его тайной, которая с каждым днем будет все больше и больше удалять нас друг от друга? Я содрогнулась при одной мысли об этом.

– Боюсь, что я не успею собраться до завтра, – возразила я. – Не можешь ли ты дать мне еще немного времени?

– Сколько тебе угодно, – отвечал он не совсем довольным тоном, как мне показалось. – Между тем, пока ты будешь отдыхать, я схожу опять на яхту, там еще есть кое-какое дело. Не могу ли я сделать что-нибудь для тебя, пока не уйду, Валерия?

– Нет, Юстас, благодарю тебя.

Он ушел тотчас же. Боялся ли он остаться наедине с самим собой? Казалось ли ему даже общество капитана яхты и буфетчика лучше одиночества?

Бесполезные вопросы. Что знала я о нем и о его мыслях?

Я заперлась в своей комнате.

ОТКРЫТИЕ ХОЗЯЙКИ

Я села и попробовала собраться с мыслями. Теперь или никогда должна я была решить, как повелевал мне поступить мой долг относительно мужа и относительно самой себя.

Тщетное усилие. Измученная и нравственно и физически, я не могла связать двух мыслей. Я только смутно чувствовала, что если я оставлю дела в том положении, в каком они были, то никогда впоследствии не буду в состоянии рассеять тень, омрачившую мою замужнюю жизнь, так счастливо начавшуюся. Мы могли бы жить вместе для соблюдения приличий, но забыть случившееся или быть довольной своим положением было выше моих сил. Мое спокойствие как женщины, мои интересы как жены зависели от разъяснения причины странного поведения моей свекрови и смысла диких слов покаяния и самоосуждения, с которыми обратился ко мне муж на пути домой.

Вот все, что я могла сообразить для определения своего положения. Но когда я спросила себя, что мне следовало делать, я почувствовала себя самой неспособной, самой беспомощной женщиной в мире.

Я отказалась от тщетного усилия. Я бросилась на постель в безнадежном отчаянии и от утомления заснула беспокойным, прерывистым сном.

Стук в дверь моей комнаты разбудил меня.

Не муж ли? При этой мысли я вскочила с постели. Не готовится ли какое-нибудь новое испытание моему терпению и мужеству? Полуиспуганно, полусердито я спросила:

– Кто там?

Мне ответил голос хозяйки:

– Могу я войти к вам на несколько слов?

Я отворила дверь. Признаюсь, хотя я любила его горячо, хотя я оставила ради него дом и друзей, в эту несчастную минуту я обрадовалась, узнав, что стучалась хозяйка, а не Юстас.

Она вошла и без приглашения уселась рядом со мной. Ей было уже мало держать себя со мной как с равной. Поднявшись ступенью выше по общественной лестнице, она стала на платформу покровительства и глядела на меня с милостивым сожалением.

– Я только что вернулась из Бродстерса, – начала она. – Надеюсь, что вы будете настолько справедливы ко мне, что поверите моему искреннему сожалению о случившемся.

Я поклонилась и промолчала.

– Я сама благородная женщина, хотя я и вынуждена семейными несчастьями отдавать внаймы квартиры, и, как благородная женщина, я искренне сочувствую вам. Этого мало, я даже возьму на себя сказать, что я не осуждаю вас. Нет, нет! Я хорошо видела, что вы были поражены и сконфужены поведением вашей свекрови. Тем не менее на мне лежит обязанность, которую я должна исполнить, очень неприятная обязанность, но тем не менее обязанность. Я женщина одинокая – не по невозможности переменить мое положение, прошу вас заметить это, но по собственному желанию, – и, как одинокая женщина, я принимала в свой дом только людей самых почтенных. В положении моих жильцов не должно быть тайн. Тайна в жизни жильца – как бы мне выразиться, чтобы не оскорбить вас? – это некоторое пятно. Теперь я обращаюсь к вашему собственному здравому смыслу. Можно ли ожидать от особы в моем положении, чтоб она добровольно пошла на это? Я предлагаю вам этот вопрос в самом сестринском и христианском духе. Вы сами как благородная женщина, я скажу даже, как жестоко обманутая благородная женщина, вы, я уверена, поймете...

Я вышла из терпения и прервала ее.

– Я понимаю, что вы хотите отказать нам от квартиры, – сказала я. – Какой срок назначаете вы нам?

Хозяйка выразила свой сестринский протест, протянув мне свою длинную, костлявую, красную руку.

– Нет, – сказала она. – Оставьте этот тон, оставьте этот взгляд. Немудрено, что вы встревожены, немудрено, что вы рассержены, но постарайтесь, пожалуйста, овладеть собой. Я обращаюсь к вашему здравому смыслу: положим, что я назначу вам для выезда недельный срок. Почему вам не смотреть на меня как на друга? Вы не знаете, какую жестокую жертву я принесла для вас.

– Вы! – воскликнула я. – Какую жертву?

– Какую жертву? – повторила хозяйка. – Я унизила свое достоинство, я уронила свое самоуважение. – Она остановилась на минуту и схватила мою руку в неудержимом порыве дружбы. – О, бедная моя, я узнала все! Вы обмануты негодяем, вы такая же замужня, как я.

Я вырвала у нее руку и в негодовании вскочила со стула.

– С ума вы сошли? – спросила я.

Хозяйка подняла глаза к потолку с видом мученицы, добровольно подвергающейся пытке.

– Да, я сама начинаю думать, что я сошла с ума. Действительно, надо потерять рассудок, чтобы служить женщине неблагодарной, женщине, которая не ценит сестринского и христианского самопожертвования. Хорошо! Я не сделаю этого вторично. Да простит мне Господь, но я не сделаю этого вторично.

– Чего вы не сделаете вторично?

– Не буду шпионить за вашей свекровью, – воскликнула она, внезапно выйдя из роли мученицы и превратившись в фурию. – Я краснею, когда вспоминаю о том, что я сделала. Я проследила эту почтеннейшую особу до самой двери ее квартиры.

До сих пор гордость поддерживала меня, но при последних словах я беспомощно опустила на стул, не скрывая более своего испуга и волнения.

– Я мигнула вам, уходя от вас, – продолжала хозяйка, делаясь все шумнее и краснее по мере продолжения своего рассказа. – Благодарная женщина поняла бы, что я хотела этим сказать. Но Бог с вами. Я не сделаю этого в другой раз. Я догнала вашу свекровь около ущелья. Я последовала за ней – о, как я теперь сознаю низость своего поступка! – я последовала за ней на Бродстерскую станцию железной дороги. Она вернулась в Ремзгейт с ближайшим поездом. Я тоже вернулась в Ремзгейт с ближайшим поездом. Она отправилась пешком на свою квартиру. Я последовала за ней, идя позади нее, как собака. О, какой позор! По воле Провидения, как я думала тогда, – теперь же я не знаю, что и думать об этом, – хозяин дома оказался моим хорошим знакомым и был дома. Между нами нет секретов относительно наших жильцов, и вследствие этого, сударыня, я могу сказать вам настоящее имя вашей свекрови. Хозяин не знает никакой миссис Вудвил. Имя его жилицы (а следовательно, и имя ее сына) вовсе не Вудвил, а Макаллан. Миссис Макаллан, вдова покойного генерала Макаллана. Да! Муж ваш не муж вам, а вы – не девушка, не замужня и не вдова. Вы хуже, чем ничто, сударыня, и я прошу вас оставить мою квартиру.

Она хотела выйти, но я остановила ее. Она затронула меня за живое. Сомнение, брошенное ею на мой брак, было нестерпимо.

– Дайте мне адрес миссис Макаллан, – сказала я.

Гнев хозяйки уступил место удивлению.

– Неужели вы хотите отправиться к ней? – спросила она.

– Никто, кроме моей свекрови, не может сказать мне того, что мне нужно знать, – отвечала я. – Ваше открытие может казаться удовлетворительным вам, оно не кажется удовлетворительным мне. Почему мы знаем, что миссис Макаллан не была замужем два раза и что имя ее первого мужа не было Вудвил?

Изумление хозяйки в свою очередь уступило место любопытству. В сущности, как я уже сказала, она была добрая женщина, и, как у всех добрых людей, ее вспышки гнева были непродолжительны.

– Мне это и не пришло в голову, – сказала она. – Вот что. Если я дам вам адрес, обещаете вы рассказать мне по возвращении все, что узнаете?

Я дала требуемое обещание и взамен получила адрес.

– Вы не сердитесь? – спросила хозяйка с прежней фамильярностью.

– Нисколько, – ответила я так дружески, как только могла.

Десять минут спустя я была у двери квартиры моей свекрови.

Глава VI МОЕ СОБСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ

К счастью для меня, дверь была отворена не хозяином дома, а глупой служанкой, которая впустила меня, не спросив даже моего имени. Сказав мне, что миссис Макаллан дома и одна, она повела меня наверх и ввела в гостиную без доклада.

Свекровь моя сидела перед рабочим столиком, занятая вязаньем. Увидев меня, она отложила работу в сторону, встала и сделала мне знак дать ей говорить первой.

– Я знаю, для чего вы пришли сюда, – сказала она. – Вы пришли для расспросов. Пощадите себя и меня. Я предупреждаю вас, что не буду отвечать на вопросы, касающиеся моего сына.

Это было сказано твердо, но не грубо. Я, в свою очередь, заговорила твердо:

– Я пришла сюда, сударыня, не для того, чтобы расспросить вас о вашем сыне. Я пришла, чтобы задать вам, если позволите, вопрос, касающийся вас самих.

Она устремила на меня пытливый взгляд поверх своих очков. Я, очевидно, удивила ее.

– Какой вопрос?

– Я только сегодня узнала, что ваше имя Макаллан. – Сын ваш женился на мне под именем Вудвила. Насколько мне известно, единственным честным объяснением этого противоречия может быть то, что вы были замужем два раза и что муж мой – ваш сын от первого брака. Дело идет о счастье всей моей жизни. Будете ли вы так добры, чтобы войти в мое положение? Я прошу вас сказать мне, не были ли вы замужем два раза и не было ли имя вашего первого мужа Вудвил?

Она подумала немного, прежде чем ответить.

– Ваш вопрос вполне естественен в вашем положении, – сказала она, – но мне кажется, что лучше не отвечать на него.

– Могу я спросить, почему?

– Конечно. Если бы я ответила вам, это повело бы к новым вопросам, на которые я положительно отказываюсь отвечать. Мне больно разочаровывать вас. Я повторяю то, что сказала вам во время прогулки: у меня нет других чувств к вам, кроме симпатии. Если бы вы посоветовались со мной до свадьбы, я охотно сказала бы вам всю истину. Но теперь поздно. Вы замужем. Я советую вам постараться быть счастливой и примириться с настоящим положением дел.

– Извините, сударыня, – возразила я. – При настоящем положении дел я не уверена, что я замужем. Я знаю только, что сын ваш женился на мне под чужим именем. Могу ли я быть уверена, что я законная его жена?

– Мне кажется, что в законности вашего брака не может быть сомнения, – сказала миссис Макаллан. – Во всяком случае, вы можете посоветоваться на этот счет с юристом. Если вам скажут, что брак ваш незаконен, – сын мой джентльмен. Каковы бы ни были его недостатки и проступки, он не способен обмануть умышленно женщину, которая любит его и верит ему. Он будет справедлив к вам и поправит свою ошибку. Я тоже буду справедлива к вам. Если закон будет против ваших справедливых притязаний, я отвечу вам на все вопросы, какие вам вздумается задать мне. Теперь же, считая вас законной женой моего сына, я говорю вам опять: постарайтесь быть счастливой. Удовольствуйтесь любовью и преданностью вашего мужа. Если вы дорожите своим покоем и счастьем своей будущей жизни, не старайтесь узнать более того, что вы знаете теперь.

И она села с видом женщины, сказавшей свое последнее слово.

Дальнейшие домогательства были бы бесполезны, я видела это по ее лицу. Я повернулась, чтобы выйти.

– Вы жестоки со мной, сударыня, – сказала я на прощание. – Но, делать нечего, я должна покориться.

Она подняла на меня глаза и сказала со вспышкой румянца на своем добром и красивом старом лице:

– Бог свидетель, дитя мое, что я жалею вас всем сердцем.

После этого странного проявления чувства она одной рукой взялась за работу, другой сделала мне знак удалиться.

Я молча поклонилась ей и вышла.

Входя в дом, я далеко не была уверена в своем будущем образе действий. Я вышла из него с твердой решимостью открыть тайну, которую мать и сын так упорно скрывали от меня. Что касается вопроса об имени, я поняла теперь то, что мне следовало бы понять с самого начала. Если бы миссис Макаллан была замужем два раза, как я предположила, она, без сомнения, обратила бы внимание на дважды произнесенное при ней имя ее первого мужа. Если все остальное было загадочно, одно было ясно: Юстас женился на мне под чужим именем.

Подходя к своей квартире, я увидела мужа, ходившего взад и вперед перед домом и, очевидно, поджидавшего меня. Я решила сказать ему прямо, если он спросит меня, где я была и что произошло между мной и его матерью.

Увидев меня, он бросился ко мне навстречу. Лицо его было взволнованным.

– У меня есть просьба к тебе, Валерия, – сказал он. – Что ты скажешь, если я предложу тебе отправиться со мной в Лондон со следующим поездом?

Я взглянула на него. Я едва верила своим ушам.

– Мне необходимо побывать в Лондоне по одному делу, не касающемуся никого, кроме меня. Ты не желаешь отправиться в море немедленно, если я понял тебя. Оставить тебя здесь одну я не могу. Согласна ты съездить в Лондон дня на два?

Я не только была согласна, я была рада.

В Лондоне я могла узнать, законная ли я жена моего мужа или нет. В Лондоне я могла обратиться за советом и помощью к преданному старому клерку моего отца. Я могла довериться Бенджамену как никому другому. Как ни горячо я любила дядю Старкуэзера, мне не хотелось обращаться с моими затруднениями к нему. Жена его сказала мне, что я сделала дурное начало, записав в церковной книге не то имя, какое следовало. Сказать ли правду? Гордость не позволяла мне теперь признаться, что слова ее оправдались так скоро.

Спустя два часа мы были опять в поезде железной дороги. Как не похожа была эта вторая поездка на первую! На пути в Ремзгейт всякий мог угадать, что мы были новобрачной четой. На пути в Лондон никто не обращал на нас внимания, всем должно было казаться, что мы были женаты уже несколько лет.

Мы остановились в скромном отеле близ Портленд-Плейса.

На следующее утро после завтрака муж объявил мне, что ему необходимо отлучиться по делам. Я еще прежде говорила ему, что мне нужно сделать в Лондоне несколько покупок. Он охотно согласился отпустить меня одну, с условием, чтобы я взяла карету из отеля.

Мне было очень грустно в это утро, я мучительно чувствовала натянутость отношений между мной и мужем. Отворив уже дверь, чтобы выйти, Юстас неожиданно вернулся ко мне и поцеловал меня. Этот внезапный порыв нежности тронул меня. Под влиянием минутного побуждения я обняла его.

– Милый мой, – сказала я, – доверься мне. Я знаю, что ты любишь меня. Покажи, что ты можешь быть откровенным со мной.

Он горько вздохнул и отодвинулся от меня в горе, но не в гневе.

– Я думал, Валерия, что мы решили не возвращаться больше к этому предмету. Ты только напрасно тревожишь себя и меня.

И он поспешно вышел из комнаты, как будто боялся сказать больше, чем хотел. Лучше не говорить о том, что я почувствовала, когда он таким образом оттолкнул меня опять. Я немедленно приказала подать карету, надеясь переменой места и движением заглушить свои мысли.

Я отправилась сначала в лавки и сделала покупки, о которых говорила Юстасу, потом отдалась делу, которое было действительной целью моего выезда. Я поехала в виллу старого Бенджамена в окрестностях Сент-Джонз-Вуда.

Опомнившись от первого изумления, в которое я привела его своим неожиданным появлением, мой старый друг заметил, что я была бледна и озабочена. Я тотчас же созналась ему, что я в горе. Мы уселись перед ярким огнем камина в его маленькой библиотеке, и я рассказала ему откровенно все, о чем говорится на этих страницах.

Он был слишком поражен, чтобы говорить много. Он горячо пожал мою руку, горячо поблагодарил Бога за то, что отец мой не дожил до этого дня и ему не пришлось услышать то, что пришлось услышать его клерку. Затем, подумав немного, он повторил несколько раз вопросительным тоном имя моей свекрови:

– Макаллан? Макаллан? Где слышал я это имя? Почему оно кажется мне знакомым?

Но он отказался от тщетной попытки вспомнить забытое и с жаром спросил меня, чем может он быть мне полезен. Я ответила, что он может помочь мне разрешить вопрос, невыносимый для меня вопрос, законная ли я жена моего мужа или нет? Эти слова мгновенно пробудили в нем всю его прежнюю энергию, отличавшую его в былое время, когда он вел дела моего отца.

– Ваша карета у подъезда, друг мой, – сказал он. – Отправимтесь к моему юристу, не теряя ни минуты.

Мы отправились в Линкольнз-Инн.

По моей просьбе Бенджамен представил мое дело юристу как дело одной моей подруги, в которой я принимаю большое участие. Ответ был решительный. Я вышла замуж в искреннем убеждении, что имя, под которым я знала моего мужа, было его настоящим именем. Свидетели, мой дядя, моя тетка и Бенджамен, действовали, как и я, не подозревая никакого обмана. При таких обстоятельствах не могло быть сомнения, что брак мой был законным браком. Кто бы он ни был, Макаллан или Вудвил, но я была его законная жена.

Этот решительный ответ снял с моего сердца тяжелое бремя, и я приняла приглашение моего старого друга вернуться к нему и пообедать.

На обратном пути я возвратилась к разговору о том, что занимало меня теперь более всего. Я выразила намерение узнать во что бы ни стало, почему Юстас женился на мне под чужим именем.

Мой спутник покачал головой и посоветовал мне обдумать серьезное мое намерение. Его совет мне – так странно сходятся иногда крайности! – был советом моей свекрови, повторенным почти слово в слово:

– Оставьте это дело в том положении, в каком оно теперь. Ради собственного спокойствия удовольствуйтесь привязанностью вашего мужа. Вы знаете, что вы его законная жена, и знаете, что он любит вас. Разве этого не довольно?

На это у меня был только один ответ: жизнь при таких условиях была бы решительно нестерпимой для меня. Ничто не могло поколебать моего решения по той простой причине, что ничто не могло заставить меня жить с мужем в таких отношениях, в каких мы жили в последние дни. Я попросила моего друга сказать мне только одно: намерен ли он протянуть руку помощи дочери своего покойного хозяина?

Ответ старика вполне характеризует его:

– Скажите, что должен я сделать для вас, друг мой.

Мы проезжали в это время по улице, соседней с Портмен-Сквером. Мой ответ Бенджамену замер на моих губах. Я увидела мужа.

Он сходил с крыльца какого-то дома, глаза его были опущены, он не взглянул на нашу карету. Когда служанка затворила за ним дверь, я заметила, что номер дома был шестнадцать. На углу улицы я прочла ее название: Вивьен-Плейс.

– Не знаете ли вы, кто живет в доме номер шестнадцать, Вивьен-Плейс? – спросила я моего спутника.

Он взглянул на меня с изумлением. Мой вопрос был действительно странен после того, что он только что сказал мне.

– Нет, не знаю, – ответил он. – Почему вы это спрашиваете?

– Я сейчас видела, что из этого дома вышел Юстас.

– Так что же, друг мой?

– Мой рассудок в ненормальном состоянии, Бенджамен. Все, чего я не понимаю в поступках моего мужа, кажется мне подозрительным.

Бенджамен поднял свои худые старые руки и опустил их опять на колени в безмолвном соболезновании.

– Я повторяю вам, – продолжала я, – что жизнь моя невыносима. Я не знаю, что я сделаю, если проживу еще некоторое время сомневаясь в единственном человеке, которого я люблю. Вы человек опытный в жизни. Представьте себя на моем месте, предположите, что вы лишены доверия Юстаса, что вы любите его, как я его люблю, что ваше положение так же тяжело для вас, как оно тяжело для меня. Как поступили бы вы в таком случае?

Вопрос был прямой. Бенджамен дал такой же прямой ответ:

– Мне кажется, друг мой, что я отправился бы к какому-нибудь хорошему другу вашего мужа и предложил бы ему несколько вопросов.

К какому-нибудь хорошему другу моего мужа? Я подумала. Единственным его другом, о котором я знала что-нибудь, был майор Фитц-Дэвид. Сердце мое забилося сильнее. Не последовать ли мне совету Бенджамена? Не обратиться ли мне к майору Фитц-Дэвиду? Если он и откажется отвечать на мои вопросы, мое положение не будет хуже, чем оно уже было. Я

решилась попытаться. Единственным затруднением, которое я пока видела, было узнать адрес майора. Я принуждена была возвратить его письмо дяде и не догадалась заметить его адрес. Я помнила только, что он писал из Лондона.

– Благодарю вас, старый друг, – сказала я Бенджамену. – Вы подали мне хорошую мысль. Есть у вас дома адрес-календарь?

– Нет, душа моя, – отвечал он сконфуженным тоном. – Впрочем, я могу легко достать его.

Мы вернулись в его виллу, и он немедленно послал свою служанку за адрес-календарем к ближайшему книгопродавцу. Книга была принесена, когда мы только что сели за обед. Ища имя майора в отделе под буквой Ф, я была поражена новым открытием.

– Бенджамен, – сказала я, – взгляните, какое странное совпадение.

Он прочел слова, на которые я указала ему. Майор Фитц-Дэвид жил в том самом доме (номер шестнадцатый, Вивьен-Плейс), из которого вышел мой муж, когда я увидела его из кареты.

Глава VII НА ПУТИ К МАЙОРУ

– Да, сказал Бенджамен, – это действительно совпадение. Однако...

Он остановился и взглянул на меня, как будто не решался высказать то, что у него было на уме.

– Продолжайте, – сказала я.

– Однако я не вижу в этом случае ничего подозрительного, друг мой, – продолжал он. – Напротив, я нахожу совершенно естественным, что муж ваш, приехав в Лондон, посетил одного из своих друзей. Столь же естественно и то, что мы на пути ко мне проехали по Вивьен-Плейс. Вот как, по моему мнению, следует смотреть на этот случай. Что скажете вы?

– Я уже сказала вам, что мой ум в ненормальном состоянии, и все, что делает мой муж, кажется мне подозрительным. Я говорю, что он имел какую-нибудь особую причину для посещения майора. Это не обыкновенное посещение. Я твердо убеждена, что это не обыкновенное посещение.

– Однако не приняться ли нам за наш обед, – сказал Бенджамен покорным тоном. – Вот баранья нога, самая обыкновенная баранья нога. Находите вы в ней что-нибудь подозрительное? Нет? И прекрасно. Покажите, что вы доверяете баранине. А вот вино. И в этом кларете, Валерия, нет ничего таинственного, я готов присягнуть, что это самый обыкновенный виноградный сок. Если нельзя верить ни во что другое, будем верить в виноградный сок. За ваше здоровье, друг мой.

Я поддельвалась под шутливый тон старика. Мы ели и пили и говорили о прошлом, и некоторое время я была почти счастлива в обществе старого друга моего отца. О, если б и я была стара, если б и я покончила с любовью, с ее неизбежными страданиями, с ее мимолетными наслаждениями, с ее жестокими утратами, с ее сомнительными приобретениями... Последние осенние цветы на окне грелись под последними лучами осеннего солнца. Маленькая собачка Бенджамена спокойно наслаждалась на ковре своим обедом. Попугай в соседнем доме весело выкрикивал что-то. Я не сомневаюсь, что быть человеком – великое преимущество, но не завиднее ли иногда участь животных и растений?

Мой отдых был непродолжителен, прежнее беспокойство скоро овладело мной опять. Я встала и простилась с Бенджаменом.

– Обещайте мне, друг мой, – сказал он, отворяя мне дверь, – что вы не сделаете ничего опрометчивого.

– Опрометчиво ли будет отправиться к майору Фитц-Дэвиду? – спросила я.

– Да, если вы отправитесь одна. Вы не знаете, что он за человек, вы не знаете, как он примет вас. Поручите мне повидаться с ним и, так сказать, проложить путь для вас. Поверьте моей опытности, друг мой, в таких делах необходимо действовать как можно осторожнее.

Я подумала. Из уважения к моему другу я обязана была подумать, прежде чем отказаться от его предложения.

Размышление заставило меня решиться взять ответственность, какова бы она ни была, на свои собственные плечи. Хороший или дурной, добрый или злой, но майор был мужчина.

Влияние женщины было надежнее в таком деле, какое я имела в виду. Но объяснить это Бенджамену, не рискуя оскорбить его, было бы нелегко, и я попросила его побывать у меня на другой день утром, чтобы потолковать о его предложении. Очень ли унизительно будет сознаться, что втайне я решила не откладывать свидания с майором до следующего дня?

– Не делайте ничего опрометчивого, друг мой. Ради своих собственных интересов не делайте ничего опрометчивого, – повторил Бенджамен, провожая меня.

Я застала Юстаса ожидающим меня в нашей гостиной. Его расположение духа, по видимому, прояснилось с тех пор, как мы расстались. Он подошел ко мне с открытым листом бумаги в руке.

– Я покончил со своим делом раньше, чем ожидал, – сказал он весело. – Сделала ты свои закупки? Свободна ты?

Я уже привыкла (да простит мне Господь!) не доверять его припадкам веселости. Я спросила:

– Ты хочешь сказать, что освободился на сегодняшний день?

– На сегодняшний, на завтрашний, на следующую неделю, на следующий месяц, на следующий год и так далее, – отвечал он, порывисто обняв меня. – Посмотри!

Он показал мне открытый лист бумаги, который держал в руке. Это была телеграмма, уведомлявшая капитана яхты, что мы решили вернуться в Ремзгейт в этот день вечером и что мы готовы отплыть в море со следующим приливом.

– Я ждал только твоего возвращения, чтобы отправить телеграмму, – сказал он.

Он перешел на другую сторону комнаты, намереваясь позвонить. Я остановила его.

– Боюсь, что мне нельзя ехать сегодня в Ремзгейт, – сказала я.

– Почему это? – спросил он внезапно изменившимся, резким тоном.

Это может показаться смешным, но он действительно поколебал мою решимость отправиться к майору Фитц-Дэвиду, когда обнял меня. Его ласка смягчила мое сердце и едва не соблазнила меня покориться. Но зловеющая перемена в тоне его голоса сделала меня другой женщиной. Я почувствовала опять, и сильнее, чем когда-либо, что в моем критическом положении бесполезно было оставаться в бездействии и хуже, чем бесполезно, отступить назад.

– Очень жаль, что мне приходится противоречить тебе но я не могу, как я уже сказала тебе в Ремзгейте, быть готовой к отъезду по первому слову, – ответила я. – Мне нужно время.

– Для чего?

Не только его тон, но и его взгляд при этом втором вопросе потрясли меня до глубины души. Он пробудил во мне, не знаю как и почему, острое чувство оскорбления, которое он нанес мне, женившись под чужим именем. Опасаясь сказать под влиянием этого чувства что-нибудь слишком резкое, что-нибудь такое, в чем мне пришлось бы раскаяться впоследствии, я не сказала ничего. Только женщины могут понять, чего мне стоило промолчать, только мужчины могут понять, как раздражительно подействовало мое молчание на мужа.

– Ты говоришь, что тебе нужно время, – повторил он. – Я спрашиваю тебя: для чего?

Мое самообладание, доведенное до крайнего напряжения, изменило мне. Резкий ответ вырвался из моих уст, как птица из клетки.

– Время мне нужно для того, чтобы привыкнуть к моему настоящему имени, – сказала я.

Он бросил на меня зловеющий взгляд.

– Что это значит?

– Ты знаешь, что это значит. До сих пор я думала, что я миссис Вудвил. Теперь я узнала, что я миссис Макаллан.

Он отшатнулся от меня, как будто я ударила его. Лицо его покрылось такой смертельной бледностью, что я со страхом ждала, что он упадет без чувств к моим ногам. О, мой язык, мой язык! Зачем я не удержала мой зловредный женский язык?

– Я не ожидала, что испугаю тебя, Юстас, – сказала я. – Прости меня, пожалуйста. Я сказала это, не подумав.

Он нетерпеливо махнул рукой, как будто мои извинения раздражали его, как докучливые летние мухи.

– Что еще ты узнала? – спросил он тихим, строгим голосом.

– Ничего, Юстас.

– Ничего? – Он подумал и утомленно провел рукой по лбу. – Ничего, конечно, – прошептал

он, – иначе она не была бы здесь. – Он устремил на меня пытливый взгляд. – Не повторяй никогда того, что ты сказала сейчас, – продолжал он. – Ради себя самой, Валерия, и ради меня не повторяй этого никогда. – Он замолчал и утомленно опустил на ближайший стул.

Я, конечно, слышала предостережение мужа, но оно не произвело на меня такого впечатления, как предшествовавшие ему слова: «Ничего, конечно, иначе она не была бы здесь». Значило ли это, что если б я узнала что-нибудь, кроме того, что узнала об имени, то не возвратилась бы к мужу? Это ли хотел он сказать? Неужели тайна, которую он скрывал от меня, была так ужасна, что могла разлучить нас сразу и навсегда? Я стояла перед ним молча, пытаюсь найти ответ на эти вопросы в его лице. Как красноречиво было оно, когда он говорил о любви. Теперь оно не сказало мне ничего.

Он просидел несколько минут, не глядя на меня, погруженный в свои мысли, потом встал и взял шляпу.

– Друг, одолживший мне яхту, в настоящее время в Лондоне, – сказал он. – Я пойду к нему и скажу, что наши планы изменились. – При этих словах он разорвал телеграмму с видом угрюмой покорности. – Ты, очевидно, решила не ехать со мной, – продолжал он. – Так лучше отказаться от яхты немедленно. Как ты полагаешь?

Тон его был почти презрительный, но я была слишком встревожена, чтобы принять это к сердцу.

– Поступай как знаешь, Юстас, – сказала я грустно. – Не все ли равно? Пока я лишена твоего доверия, где бы мы ни находились, на суше или на море, мы не можем быть счастливы.

– Мы могли бы быть счастливы, если бы ты способна была обуздать свое любопытство, – сказал он резко. – Я думал, что я женился на женщине, свободной от пороков, свойственных ее полу. Добрая жена не стала бы мешаться в дела мужа, в такие дела, до которых ей нет никакого дела.

Тяжело было стерпеть это, однако я стерпела.

– Разве мне нет дела до того, что муж женился на мне под чужим именем? – возразила я мягко. – Разве мне нет дела до того, что мать твоя объявляет тебе, что ей жаль твою жену? Не жестоко ли с твоей стороны, Юстас, обвинять меня в любопытстве за то, что я не могу примириться с невыносимым положением, в которое ты поставил меня. Твоя скрытность омрачает мое счастье и угрожает моему будущему. Твоя скрытность отчуждает нас друг от друга в самом начале нашей брачной жизни. И ты ставишь мне в вину, что я принимаю это к сердцу! Ты говоришь, что я вмешиваюсь в дела, которые не касаются меня. Они касаются меня, в них замешаны мои интересы. О, милый мой, зачем ты придаешь так мало значения нашей любви и нашему доверию друг к другу? Зачем ты оставляешь меня в неизвестности?

Он отвечал со строгой, безжалостной краткостью:

– Для твоей пользы.

Я молча отошла от него. Он третировал меня, как ребенка.

Он последовал за мной, он взял меня грубо за плечо и заставил повернуться к нему опять.

– Выслушай меня, – сказал он. – То, что я скажу тебе сейчас, я скажу в первый и в последний раз. Знай, Валерия, что если ты откроешь когда-нибудь то, что я скрываю от тебя, жизнь твоя сделается пыткой. Ты не будешь знать покоя ни днем, ни ночью. Дни твои будут днями ужаса, ночи твои будут полны страшных сновидений, и не по моей вине, заметь! Не по моей вине. С каждым днем твоей жизни будет усиливаться твое недоверие ко мне, твой страх, и этим ты будешь проявлять ко мне самую низкую несправедливость. Клянусь тебе моей верой как христианин, клянусь тебе моей честью как человек, что, если ты сделаешь еще шаг к открытию истины, ты лишишь себя счастья на всю остальную жизнь. Обдумай хорошенько все, что я сказал тебе, у тебя будет время на это. Я пойду сказать моему другу, что мы раздумали воспользоваться его яхтой, и не вернусь раньше вечера.

Он вздохнул и взглянул на меня с невыразимой грустью.

– Я люблю тебя, Валерия, – сказал он. – Бог свидетель, что вопреки всему, что произошло между нами, я люблю тебя больше, чем когда-нибудь.

С этими словами он ушел от меня.

Я должна писать правду о себе, как бы странна она ни казалась. Я не берусь анализировать мои побуждения, я не берусь угадать, как поступили бы на моем месте другие женщины, но я знаю, что ужасное предостережение мужа, ужасное, в особенности, по своей таинственности и

загадочности, не произвело на меня устрашающего действия. Напротив, оно подкрепило мою решимость открыть то, что он скрывал от меня. Не прошло двух минут после его ухода, как я позвонила и приказала подать карету для того, чтобы отправиться к майору Фитц-Дэвиду.

Ходя в ожидании взад и вперед по комнате – в моем лихорадочном возбуждении я не способна была сидеть на месте, – я случайно увидела себя в зеркале.

Мое лицо поразило меня, так оно было дико, так страшно. Могла ли я представиться в таком виде незнакомому человеку, могла ли я надеяться произвести на него благоприятное впечатление? Я позвонила опять и приказала послать в мою комнату одну из горничных.

У меня не было собственной горничной. Жена управляющего яхтой стала бы прислуживать мне, если бы мы отправились в море. Теперь же мне необходима была помощь женщины. Горничная явилась. Можете судить, в каком ненормальном, беспорядочном состоянии духа была я в то время: я не шутя обратилась за советом насчет своей наружности к незнакомой служанке. Она была женщина средних лет, с лицом и манерами, ясно выражавшими обширное знакомство со светом и его слабостями. Я сунула ей в руку денег столько, что удивила ее. Перетолковав по своему причину, побудившую меня подкупить ее, она поблагодарила меня с цинической улыбкой.

– Что могу я сделать для вас, сударыня? – спросила она фамильярным шепотом. – Говорите тише, в соседней комнате кто-то есть.

– Я хочу казаться как можно лучше и позвала вас, чтобы вы помогли мне, – ответила я.

– Понимаю, сударыня.

– Что вы понимаете?

Она многозначительно покачала головой и продолжала шепотом:

– Будьте покойны. Я опытна в этих делах. Вам предстоит свидание с каким-нибудь джентльменом. Не сердитесь на меня, сударыня. Я всегда говорю прямо, но без всякого худого умысла. Такова моя манера. – Она замолчала и окинула меня критическим взглядом. – На вашем месте я не меняла бы платья. Цвет идет вам.

Не время было сердиться на дерзкую женщину. Я не могла обойтись без ее помощи. Притом она была права насчет платья. На мне было платье нежного маисового цвета, красиво отделанное шелком, и оно шло мне. Но прическа моя была в большом беспорядке. Горничная поправила ее с быстротой и ловкостью, показывавшими, что парикмахерское искусство не было для нее новостью. Отложив в сторону гребни и щетки и взглянув на меня, она начала осматривать туалетный стол, как будто искала чего-то.

– Где они у вас? – спросила она.

– Что вам надо?

– Взгляните на цвет вашего лица, сударыня. Вы испугаете его, если покажетесь ему в таком виде. Вам необходимо нарумяниться хоть немного. Где они у вас? Как! У вас нет румян? Вы никогда не употребляете румян? Возможно ли?

С минуту она была вне себя от изумления, потом попросила у меня позволения сходить в свою комнату. Я отпустила ее, зная, зачем она шла. Она вернулась с коробкой румян и белил, и я не сказала ничего, чтобы помешать ей. Я видела в зеркале, как кожа моя получила искусственную нежность, щеки искусственный румянец, глаза искусственный блеск, и я не сказала ничего, чтобы помешать этому. Нет! Я смотрела на отвратительную операцию спокойно, я даже восхищалась удивительным искусством, с которым она была сделана. «Я покорюсь, – говорила я себе в безумии того несчастного времени, – я покорюсь всему, что только может помочь мне овладеть доверием майора и открыть значение ужасных слов моего мужа».

Гримировка моего лица была окончена. Горничная показала мне пальцем на зеркало.

– Припомните, сударыня, – сказала она, – какой вы были, когда послали за мной, и взгляните на себя теперь. В своем роде вы теперь красивейшая женщина в Лондоне. О, эта жемчужная пудра делает чудеса, когда умеешь употреблять ее.

Глава VIII ДРУГ ЖЕНЩИН

я не в состоянии описать, что я чувствовала на пути к майору. Я даже сомневаюсь, чувствовала ли я и думала ли я в обыкновенном значении этих слов.

С той минуты, как я отдалась в руки горничной, я как будто лишилась своей индивидуальности, утратила свой характер. От природы нервная и беспокойная, я склонна была преувеличивать опасности, которые предвидела на своем пути. В другое время, имея в виду критическое свидание с незнакомым человеком, я обдумала бы заранее, что полезно будет сказать и о чем полезно будет умолчать. Теперь же я ни на минуту не задумалась о свидании с майором. Я чувствовала безотчетную уверенность в себе и слепое доверие к нему. Ни прошлое, ни будущее не беспокоили меня нимало, я беззаботно жила настоящим. Я глядела на магазины, на встречные экипажи. Я замечала – да, я замечала! – восхищенные взгляды, которыми меня провожали пешеходы, и радовалась. Я говорила себе: это предвещает мне успех у майора. Когда экипаж остановился у двери дома номер шестнадцать на Вивьен-Плейс, у меня, без преувеличения, было только одно опасение – не застать майора дома.

Дверь была отворена старым слугой, с виду похожим на отставного солдата. Он оглядел меня с пристальным вниманием, мало-помалу перешедшим в лукавое одобрение. Я спросила, дома ли майор Фитц-Дэвид. Ответ был не совсем удовлетворительный: слуга не знал наверное, дома ли его господин.

Я дала ему свою карточку. На моих карточках, напечатанных к моей свадьбе, стояло, конечно, ложное имя. Слуга ввел меня в переднюю комнату в нижнем этаже и исчез с моей карточкой в руке.

Оглядевшись, я заметила в стене, противоположной окнам, дверь, выходящую в какую-то внутреннюю комнату. Дверь была не простая, ее дверцы не растворялись но вдвигались в стену. Подойдя ближе, я заметила, что дверное отверстие было задвинуто не совсем плотно. Осталась небольшая щель, но благодаря этой щели все происходившее достигло моих ушей.

– Что вы сказали обо мне, Оливер? – спросил чей-то голос, осторожно пониженным тоном.

– Я сказал, что не знаю наверное, дома ли вы, сударь, – отвечал голос встретившего меня слуги.

Последовала пауза. Легко было догадаться, что первый из говоривших был майор Фитц-Дэвид. Я ждала, что будет дальше.

– Мне кажется, что лучше не принимать ее, Оливер.

– Как прикажете, сударь.

– Скажите, что меня нет дома и что вы не знаете, когда я вернусь. Попросите ее написать, если у нее есть какое-нибудь дело ко мне.

– Хорошо, сударь.

– Подождите, Оливер.

Оливер остановился. Последовала другая, и на этот раз более долгая, пауза. Затем господин начал расспрашивать слугу.

– Молода она, Оливер?

– Молода, сударь.

– И хорошенькая?

– Более чем хорошенькая, на мой взгляд, сударь.

– А! То, что называется красавица, Оливер?

– Красавица, сударь.

– Высока она?

– Почти с меня, майор.

– А! И стройна?

– Тонка, как молодое дерево, пряма, как стрела.

– Я раздумал и решил быть дома, Оливер. Введите ее, введите ее.

До сих пор одно, по-видимому, было ясно: я поступила благоразумно, прибегнув к помощи горничной. Какой отчет дал бы обо мне Оливер, если б я явилась с моими бесцветными щеками и растрепанными волосами?

Слуга вернулся и пригласил меня в соседнюю комнату. Майор Фитц-Дэвид вышел мне навстречу. Каков был майор? Майор был хорошо сохранившийся старик лет шестидесяти, невысокий, худощавый и замечательный, особенно длиной своего носа. После носа я заметила прекрасный темный парик, маленькие блестящие серые глаза, румяный цвет лица, короткие военные бакенбарды, окрашенные под цвет парика, белые зубы, вкрадчивую улыбку, щегольской синий сюртук с камелией в петлице и великолепный перстень с рубином,

сверкнувший на его мизинце, когда он с поклоном предложил мне стул.

– Любезнейшая миссис Вудвил, как это великодушно с вашей стороны, – начал он. – Я жаждал познакомиться с вами. Юстас – мой старый друг. Я поздравил его, когда узнал о его женитьбе. Теперь, позвольте ли мне сознаться, – увидев вас, я завидую ему.

Все мое будущее было, может быть, в руках этого человека. Я изучала его внимательно, я старалась прочесть его характер в его лице.

Блестящие маленькие глаза майора принимали самое нежное выражение, когда глядели на меня, сильный и грубый голос майора доходил до самых мягких нот, когда он говорил со мной, манеры выражали счастливую смесь восхищения и уважения. Он подвинул свой стул ближе к моему, как будто сидеть рядом со мной было завидным преимуществом. Он взял мою руку и приложил к губам мою перчатку, как будто эта перчатка была прелестнейшей вещью в мире.

– Любезнейшая миссис Вудвил, – сказал он, бережно отпуская мою руку, – будьте снисходительны к другу, обожающему ваш прекрасный пол. Вы осветили этот скучный дом. Какое счастье видеть вас здесь!

В этом признании не было надобности. Женщины, дети и собаки инстинктивно узнают людей, их любящих. Женщины имели нежного друга, в былое время, может быть, опасного нежного друга, в майоре Фитц-Дэвиде. Я угадала это прежде, чем села на стул и открыла рот, чтобы ответить ему.

– Благодарю вас, майор, за ваш добрый прием и за ваши любезные комплименты, – сказала я, поддельваясь под развязный тон моего хозяина, насколько это было прилично с моей стороны. – Вы высказали свое признание, могу я высказать мое?

Майор Фитц-Дэвид взял опять мою руку и подвинул свой стул так близко к моему, как только было возможно. Я бросила на него строгий взгляд и попробовала освободить руку. Он не выпустил ее и объяснил мне причину.

– Я сейчас услышал в первый раз ваш голос, – сказал он. – Я нахожусь теперь под обаянием прелести вашего голоса. Дорогая миссис Вудвил, будьте снисходительны к старику, находящемуся под обаянием вашего голоса. Не лишайте меня моих невинных наслаждений. Дайте мне подержать – я желал бы иметь право сказать: отдайте мне – эту прелестную руку. Я такой поклонник красивых рук! Я могу слушать гораздо внимательнее, держа в руке красивую руку. Другие женщины снисходительны к моим слабостям. Будьте снисходительны и вы. Будете? Так что же вы хотели сказать?

– Я хотела сказать, майор, что меня очень обрадовал ваш добрый прием, потому что я приехала к вам с большой просьбой.

Говоря это, я сознавала, что подхожу к цели своего посещения слишком поспешно. Но восхищение майора возрастало с такой ужасающей быстротой, что я чувствовала необходимость положить ему практическую преграду. Я рассчитывала, что злое слово «просьба» произведет охлаждающее действие, и не ошиблась. Мой престарелый друг выпустил мою руку с величайшей учтивостью и поспешил переменить разговор.

– Само собой разумеется, что ваша просьба будет исполнена. Но скажите же мне, как поживает наш милый Юстас.

– Он встревожен и не в духе, – ответила я.

– Встревожен и не в духе! – повторил майор. – Счастливцев, женатый на вас, встревожен и не в духе! Чудовище! Я теряю к нему всякое уважение. Я вычеркну его из списка моих друзей.

– Если так, то вычеркните и меня с ним, майор. Я тоже не в духе. Вы старый друг моего мужа. Я могу сознаться вам, что наша брачная жизнь в настоящее время не совсем счастлива.

Майор Фитц-Дэвид поднял брови, окрашенные под цвет парика, в учтивом изумлении:

– Уже! – воскликнул он. – Что за странный человек Юстас! Неужели он не способен ценить красоту и грацию? Неужели он самый бесчувственный из земных существ?!

– Он лучший и добрейший из людей, но в его прошлом есть какая-то странная тайна...

Я не могла продолжать. Майор Фитц-Дэвид прервал меня. Это было сделано с безупречной учтивостью, но взгляд его блестящих маленьких глаз сказал мне ясно: «Если вы намерены вступить на эту деликатную почву, сударыня, я отказываюсь следовать за вами».

– Мой обворожительный друг, – воскликнул он. – Могу я называть вас моим обворожительным другом? В числе множества других прелестных качеств, которые я уже заметил, вы обладаете живым воображением. Но не давайте ему воли. Примите совет старого

друга, не давайте ему воли. Что могу я предложить вам, дорогая миссис Вудвил? Чашку чая?

– Называйте меня моим настоящим именем, – отвечала я смело. – Я уже открыла, что мое настоящее имя – Макаллан.

Майор вздрогнул и устремил на меня пристальный взгляд. Его тон и манеры изменились совершенно, когда он заговорил опять.

– Позвольте спросить, сообщили ли вы об этом открытии вашему мужу?

– Конечно. Я полагаю, что муж обязан дать мне объяснение. Я просила его сказать мне, что побудило его жениться на мне под чужим именем, но он отказался ответить мне и объяснил свой отказ такими причинами, что напугал меня. Я обращалась к его матери, но и от нее получила отказ в выражениях, оскорбительных для меня. Любезнейший майор Фитц-Дэвид! У меня нет друзей, которые могли бы принять мою сторону. Окажите мне величайшую милость, скажите мне, почему друг ваш Юстас женился на мне под чужим именем.

– Я, со своей стороны, попрошу вас оказать мне величайшую милость, – возразил майор. – Позвольте мне не отвечать вам.

Вопреки своему отрицательному ответу, он смотрел на меня так, как будто жалел меня. Я решила не отступать.

– Войдите в мое положение, майор. Могу ли я не расспрашивать вас? Могу ли я жить, зная то, что я знаю, но не зная ничего более? Я готова услышать худшее, что вы можете сказать мне, но я не в силах выносить долее пытку непрерывных подозрений и опасений. Я люблю моего мужа всем сердцем, но я не могу жить с ним при таких условиях. Я сойду с ума от такой жизни. Я женщина, майор. Я могу рассчитывать только на вашу доброту. Не оставляйте меня, умоляю вас, не оставляйте меня в неизвестности!

Я не могла сказать ничего более. Под влиянием безотчетного минутного побуждения я схватила его руку и поднесла ее к губам. Учтивый старый джентльмен вздрогнул от моего поцелуя, как от электрического толчка.

– О, бедная моя, бедная! – воскликнул он. – Я не могу выразить, как я сочувствую вам. Вы обворожили меня, вы покорили меня, вы растрогали меня до глубины души. Что могу я сказать? Что могу я сделать? Я могу только последовать примеру, который вы подали мне своей удивительной откровенностью, своим безбоязненным чистосердечием. Вы описали мне свое положение. Позвольте и мне объяснить вам положение, в какое поставлен я. Успокойтесь, постарайтесь успокоиться. У меня есть флакон с нюхательным спиртом для дам. Позвольте мне предложить его вам.

Он принес мне флакон, поставил мне под ноги скамеечку, он умолял меня подождать и успокоиться.

– Дурак! – пробормотал он, когда отошел от меня, чтобы дать мне успокоиться. – Если бы я был ее мужем, будь что будет, я открыл бы ей истину.

Относилось ли это к Юстасу? Не намеревался ли майор сделать то, что он сделал бы на месте моего мужа, не намеревался ли он открыть мне истину?

Едва эта мысль мелькнула у меня в уме, как раздался громкий и настойчивый стук в наружную дверь. Майор остановился и начал прислушиваться с большим вниманием. Минуту спустя дверь была открыта, и в соседней комнате послышался шум женского платья. Майор бросился к двери с юношеской быстротой. Но было уже поздно. Не успел он добежать до нее, как дверь распахнулась от сильного толчка с противоположной стороны и особа в шумящем платье ворвалась в комнату.

Глава IX МАЙОР ПОБЕЖДЕН

Посетительница майора Фитц-Дэвида была разряженная полная девушка с румяными щеками, с круглыми глазами и с волосами соломенного цвета. Поглядев на меня с минуту с нескрываемым изумлением, она обратилась к майору с извинением, что помешала. Она, очевидно, принимала меня за новый предмет обожания старика и не старалась скрыть свою ревность и досаду. Майор уладил дело с помощью своей неотразимой любезности. Он поцеловал руку разряженной девушки с такой же преданностью, как целовал мою, он сказал ей, что она прелестна. Затем он проводил ее почтительно к двери, выходящей в залу.

– Никаких извинений не нужно, душа моя, – сказал он. – Эта дама у меня по делу. Ваш учитель пения ждет вас наверху. Начинайте урок, а я приду к вам немного погодя. Au revoir,¹ моя обворожительная ученица, au revoir.

На эту любезную речь молодая особа отвечала что-то шепотом и устремив свои круглые глаза на меня. Наконец дверь за ней затворилась. Майор Фитц-Дэвид получил возможность успокоить и меня.

– Я называю эту молодую особу одним из моих счастливых открытий, – сказал он весело. – Она обладает лучшим сопрано в Европе. Поверите ли, я нашел ее на станции железной дороги. Она стояла за прилавком в буфете, бедняжка, и полоскала винные стаканы, распевая над своей работой. Что это было за пение! Праведное небо, что это было за пение! Ее ноты электризовали меня. Я сказал себе: «Вот природная примадонна. Я выведу ее в свет!» Это уже третья, которую я вывожу в свет. Когда она будет достаточно подвинута, я повезу ее в Италию и усовершенствую ее в Милане. В этой простодушной девушке, сударыня, вы видели будущую царицу пения. Слушайте! Она начинает свои гаммы. Что за голос! Bravo! Bravo! Брависсимо!

Высокие сопрановые ноты будущей царицы пения прозвучали по дому. Громкость голоса молодой особы была неоспорима, но его нежность и чистота, по моему мнению, были весьма сомнительны.

Сказав из учтивости несколько приличных случаю слов, я решила напомнить майору о нашем прерванном разговоре. Ему, очевидно, очень не хотелось возвращаться к опасному пункту, на котором мы остановились, когда произошел перерыв. Он начал бить пальцем в такт пению, продолжавшемуся наверху, он спросил, пою ли я и какой у меня голос, он заметил, что для него жизнь была бы нестерпима без любви и искусства. Мужчина на моем месте потерял бы терпение и с отвращением отказался бы от попыток что-то узнать. Будучи женщиной и не теряя из виду свою цель, я была непоколебима. Я бодро вынесла сопротивление майора и заставила его сдаться. Решившись наконец высказаться, он высказался, надо отдать ему справедливость, откровенно и дельно.

– Я знал вашего мужа, когда он был еще мальчиком, – начал он. – В один из периодов его прошлой жизни с ним случилось ужасное несчастье. Тайна этого несчастья известна его друзьям и свято сохраняется ими. Эту-то тайну он и скрывает от вас. Он не откроет ее вам никогда. Что же касается меня, я тоже связан обещанием не открывать ее никому. Теперь вы знаете мое положение относительно Юстаса, любезнейшая миссис Вудвил.

– Вы продолжаете называть меня миссис Вудвил, – сказала я.

– Ваш муж желает, чтобы я называл вас так. Он принял имя Вудвила, не решаясь сказать свое собственное, когда вошел в первый раз в дом вашего дядюшки, и теперь не хочет признавать никакого другого. Спорить с ним бесполезно. Вы должны сделать то, что делаем мы, вы должны уступить безрассудному человеку. Лучший из людей во всех Других отношениях, в этом единственном случае он упрям и капризен до крайности. Если вы желаете знать, что я думаю о его поступках, я скажу вам, что, по моему мнению, он был неправ, женившись на вас под чужим именем. Сделав вас своей женой, он доверил вам свое счастье и свою честь. Почему было ему не доверить вам и историю своих несчастий? Его мать вполне разделяет мое мнение на этот счет. Вы не должны ставить ей в вину, что она не открыла вам истины после вашей свадьбы. Теперь уже поздно. До свадьбы она всеми силами старалась заставить сына поступить с вами справедливо и сделала для этого все, что могла сделать, не выдавая тайны, которую, как добрая мать, она должна была уважать. Я могу теперь сказать вам, не компрометируя никого, что она отказалась дать согласие на ваш брак единственно потому, что Юстас не хотел последовать ее совету и открыть вам свое настоящее положение. Я, со своей стороны, содействовал ей, сколько мог. Когда Юстас написал мне, что сделал предложение племяннице моего доброго друга доктора Старкуэзера и что сослался на мою рекомендацию, я ответил ему, что не приму никакого участия в этом деле, если он не откроет своей невесте всей истины о себе. Он отказался послушаться меня, как отказался послушаться своей матери, и напомнил мне о моем обещании хранить его тайну. Когда Старкуэзер обратился ко мне с расспросами о нем, мне оставалось только или принять участие в обмане, который был противен моим убеждениям, или ответить

¹ До свидания (фр.).

так кратко и сдержанно, чтобы сразу прервать переписку. Я выбрал последнее и боюсь, что я оскорбил моего доброго старого друга. Вы теперь понимаете мое положение. К довершению его затруднительности, Юстас пришел сегодня ко мне и предупредил меня, чтобы я был настороже на случай, если вы обратитесь ко мне с тем самым вопросом, который вы мне задали. Он рассказал мне, что, вследствие несчастного стечения обстоятельств, вы случайно встретились с его матерью. Он объявил, что приехал в Лондон только для того, чтобы переговорить со мной об этом важном деле. «Я знаю, как вы слабы в тех случаях, где замешаны женщины, – сказал он. – Валерия слышала, что вы мой старый друг. Она не преминет написать вам. Она, может быть, даже решится посетить вас. Возобновите ваше обещание сохранить в тайне великое несчастье моей жизни, подкрепите его вашим честным словом и клятвой». Таковы его собственные слова, насколько я запомнил их. Я попробовал обратить дело в шутку. Я посмеялся над театральностью, с которой он требовал возобновления моего обещания. Напрасно! Он не хотел отстать от меня. Он напомнил мне, бедный малый, о своих прошлых незаслуженных страданиях. Кончилось тем, что он расплакался. Вы любите его, я тоже люблю его. Вы не удивитесь, что я уступил ему. Вследствие этого я теперь связан самым торжественным обещанием, какое только может дать человек, не говорить вам ничего. Дорогая моя, я искренне сочувствую вам в этом случае, я был бы очень рад, если бы мог избавить вас от вашего беспокойства, но что я могу сделать?

Он остановился и с серьезным вниманием ждал моего ответа.

Я выслушала его с начала до конца, не прервав его ни одним словом. Странная перемена в его обращении и в его манере выражаться, когда он говорил о Юстасе, встревожила меня сильнее, чем что-либо другое. Как ужасна, подумала я, должна быть скрываемая история, если даже легкомысленный майор Фитц-Дэвид, говоря о ней, делается серьезным и грустным, не улыбается, не говорит мне комплиментов, не слушает пения наверху. Сердце мое замерло при этом ужасном заключении. В первый раз с тех пор, как я пришла к майору, я почувствовала, что истощила все свои ресурсы. Я не знала, что сказать или что сделать.

Однако я продолжала сидеть. Никогда моя решимость открыть то, что муж скрывал от меня, не была так сильна, как в эту минуту. Я не могу объяснить причину такой странной непоследовательности, я могу только передавать факты.

Пение наверху продолжалось. Майор Фитц-Дэвид молча ждал моего ответа.

Прежде чем я решила, что сказать или что сделать, случилось другое событие в доме. Стук в дверь возвестил о другом посещении. На этот раз в зале не слышно было шума женского платья. На этот раз вошел только старый слуга с великолепным букетом в руке. «Леди Кларинда приказала кланяться и напомнить майору о его обещании». Еще женщина! И притом титулованная! Знатная дама, посылающая цветы и не считающая даже нужным скрыть свое имя! Майор, извинившись передо мной, написал несколько строк и приказал отдать их посланному. Когда дверь затворилась опять, он выбрал один из лучших цветков в букете.

– Могу я спросить, – сказал он, любезно предлагая мне цветок, – понимаете ли вы теперь щекотливое положение, в которое я поставлен относительно вашего мужа и относительно вас?

Небольшой перерыв, происшедший вследствие появления букета, дал мне возможность собраться с мыслями и овладеть собой. Я была теперь в состоянии сказать майору, что его благоразумное и учтивое объяснение не пропало даром.

– Благодарю вас от души, майор, – сказала я. – Вы убедили меня, что я не должна просить вас нарушить ради меня обещание, данное вами моему мужу, священное обещание, которое и я обязана уважать. Я вполне понимаю это.

Майор испустил глубокий вздох облегчения и потрепал меня по плечу с радостным одобрением.

– Удивительно сказано! – воскликнул он, мгновенно перейдя опять к своему прежнему обращению со мной. – Вы обладаете даром симпатии, друг мой, вы вполне поняли мое положение. Знаете ли, вы напоминаете мне мою обворожительную леди Кларинду. Она также обладает даром симпатии, она также вполне понимает мое положение. Как бы мне хотелось представить вас друг другу, – прибавил он восторженно, погрузив свой длинный кос в цветы леди Кларинды.

Я еще не достигла своей цели, и, будучи, как вы вероятно уже заметили, самой настойчивой женщиной в мире, я не хотела отказаться от надежды на успех.

– Я буду очень рада познакомиться с леди Клариндой, – сказала я. – До тех же пор...

– Я устрою маленький обед! – воскликнул восторженно майор. – Вы, я и леди Кларинда. Наша примадонна придет вечером и будет петь нам. Не составить ли нам теперь же меню обеда. Какой осенний суп предпочитаете вы, мой милый друг?

– Но сейчас, – настойчиво сказала я, – мы вернемся к тому, что я только что хотела сказать.

Улыбка майора исчезла, рука майора выпустила перо, которое должно было увековечить название моего любимого осеннего супа.

– Разве это необходимо? – спросил он жалобно.

– Только на одну минуту.

– Вы напоминаете мне, – сказал он грустно, – другого моего обворожительного друга. Французенку, мадам Мирлифлор. Вы особа необычайно настойчивая. Мадам Мирлифлор тоже особа необычайно настойчивая. Она теперь в Лондоне. Не пригласить ли нам и ее на наш маленький обед? – Майор просветлел при этой мысли и взялся опять за перо. – Скажите же мне, какой ваш любимый осенний суп?

– Извините меня, – возразила я, – мы говорили сейчас...

– О, Боже мой, Боже мой! – воскликнул майор с отчаянием. – Вы настаиваете, чтобы мы вернулись к нашему прежнему разговору?

– Да.

Майор положил опять перо на стол и с сожалением оставил мысль о мадам Мирлифлор и об осеннем супе.

– Итак, – произнес он с поклоном и с покорной улыбкой, – вы намеревались сказать...

– Я намеревалась сказать, что ваше обещание обязывает вас только не рассказывать тайны, которую муж скрывает от меня. Но вы не обещали не отвечать мне, если я задам вам несколько вопросов.

Майор поднял руку в знак предостережения и бросил на меня лукавый взгляд.

– Остановитесь! Милый друг мой, остановитесь! Я знаю, к чему будут клониться ваши вопросы и каков будет результат, если я начну отвечать на них. Ваш муж напомнил мне сегодня, что я мягок, как воск, в руках красивой женщины. Это правда. Я действительно не способен отказать в чем-нибудь красивой женщине. Милый, очаровательный друг, не злоупотребляйте властью надо мной. Не заставляйте старого солдата изменить честному слову.

Я попробовала сказать что-то в защиту своих побуждений. Майор сложил руки и взглянул на меня с таким простодушно-умоляющим видом, что я была удивлена.

– Для чего настаивать? Я не способен к сопротивлению. Я бессилен, как агнец, – для чего приносить меня в жертву? Я признаю вашу власть, я рассчитываю только на ваше снисхождение. Женщины были причиной всех моих несчастий в юности и в зрелом возрасте. Я не стал лучше под старость. Стоя одной ногой в могиле, я люблю женщин по-прежнему и по-прежнему готов пожертвовать для них всем. Поразительно, не правда ли? Однако справедливо. Взгляните на этот знак. – Он приподнял локон своего прекрасного парика и показал мне глубокий рубец на голове. – Это след огнестрельной раны, признанной в то время смертельной, раны, полученной не на службе отечеству, о нет! – но на дуэли за жестоко оскорбленную женщину, от руки ее негодяя мужа. Но эта женщина стоила моей преданности. Он поцеловал свои пальцы в память об усопшем или отсутствующем друге и указал на акварельный ландшафт, висевший на противоположной стене. – Это прекрасное поместье принадлежало некогда мне. Оно продано много лет тому назад. А к кому перешли деньги? К женщинам – да благословит их Бог! – к женщинам. Я не жалею об этом. Если бы у меня было другое поместье, оно, без сомнения, ушло бы на то же. Ваш очаровательный пол присвоил себе и мою жизнь, и мое время, и мои деньги. И я рад. Одно, что я сохранил за собой, это моя честь. А теперь и она в опасности. Да. Если вы начнете задавать Мне свои умные вопросы этим милым голосом, с этим милым взглядом, я знаю, что случится. Вы лишите меня моего последнего и лучшего достояния. Заслужил ли я это, мой бесценный друг? От вас в особенности?

Он остановился и взглянул на меня с прежней безыскусственной мольбой в глазах и обратился опять к моей снисходительности.

– Требуйте от меня все, что вам угодно, – сказал он, – но не требуйте, чтобы я изменил моему другу. Избавьте меня только от этого, и я сделаю для вас все что угодно. Я говорю совершенно искренне, – продолжал он, наклоняясь ближе ко мне и глядя серьезнее, чем когда-

либо. – По моему мнению, с вами поступили очень нехорошо. Чудовишно ожидать, что женщина в вашем положении согласится остаться в неведении на всю жизнь. Это невозможно. Если бы я увидел в эту минуту, что вы готовы открыть сами то, что Юстас скрывает от вас, я вспомнил бы, что мое обязательство, как и всякое другое, имеет пределы. Я считаю себя обязанным не открывать вам истины, но я не пошевелил бы пальцем, чтобы помешать вам открыть ее самой.

Он сделал сильное ударение на последних словах. Я невольно вскочила со стула. Побуждение встать на ноги было неудержимо. Майор Фитц-Дэвид дал мне новую мысль.

– Теперь мы понимаем друг друга, майор, – сказала я. – Я принимаю ваши условия. Я не буду просить у вас ничего, кроме того, что вы предложили мне сами.

– Что я предложил? – спросил он несколько испуганным тоном.

– Ничего такого, в чем вам следовало бы раскаиваться. Ничего такого, что трудно было бы исполнить. Могу я задать вам смелый вопрос? Что, если бы этот дом был мой, а не ваш?

– Считайте его своим, – воскликнул любезный старик. – Считайте его своим с чердака до кухни!

– Очень вам благодарна, майор. Я буду считать его своим на некоторое время. Вы знаете – кто этого не знает? – что любопытство есть одна из отличительных слабостей женского пола. Что, если бы любопытство побудило меня осмотреть все, что есть в моем новом доме?

– Так что же?

– Что, если бы я начала ходить из комнаты в комнату и осматривать все, что нашла бы в них? Как вы полагаете, могла ли бы я...

Проницательный майор угадал мой вопрос и в свою очередь вскочил со стула, пораженный новой идеей.

– Могла ли бы я открыть сама по себе в этом доме тайну моего мужа? Одно слово в ответ, майор Фитц-Дэвид, одно только слово. Да или нет?

– Не волнуйтесь так.

– Да или нет? – повторила я с большим жаром, чем прежде.

– Да, – ответил он после минутного колебания.

Это было ответом. Но я тотчас же поняла, что такой ответ был слишком неясен. Я решила попробовать, не удастся ли выпытать какие-нибудь подробности.

– Означает ли ваше «да», что в этом доме есть какое-нибудь указание на истину? – спросила я. – Нечто такое, что я могу увидеть, что я могу осязать?

Он подумал. Я видела, что мне удалось каким-то неведомым для меня образом заинтересовать его, и я терпеливо ждала его ответа.

– То, о чем вы говорите, указание, как вы это называете, вы могли бы увидеть и могли бы осязать, если бы только нашли.

– Оно в этом доме?

Майор приблизился ко мне и прошептал:

– В этой комнате.

Голова моя закружилась, сердце застучало. Я попробовала сказать что-то. Тщетно. Усилие едва не задушило меня. В тишине, царствовавшей в доме, ясно слышалось пение, продолжавшееся наверху. Будущая примадонна кончила свое упражнение в гаммах и пробовала голос в отрывках из итальянских опер. В эту минуту она пела прелестную арию из «Сомнамбулы». Я до сих пор не могу слышать эту арию без того, чтобы не перенестись мгновенно в кабинет майора Фитц-Дэвида.

Майор, тоже сильно взволнованный, прервал молчание первый.

– Сядьте, – сказал он, – сядьте в кресло. Вы ужасно взволнованы, вам необходимо отдохнуть.

Он был прав. Я не могла стоять, я упала на стул.

Майор позвонил и, отойдя к двери, сказал несколько слов вошедшему слуге.

– Я провела у вас уже немало времени, – сказала я слабым голосом. – Не мешаю ли я вам?

– Мешаете? – возразил он со своей неотразимой улыбкой. – Вы забыли, что вы в своем собственном доме.

Слуга возвратился с маленькой бутылочкой шампанского и с полной тарелкой изящного сахарного печенья.

– Я заказывал закупорить шампанское в эти бутылочки нарочно для дам, – сказал майор. – Бисквиты я получаю прямо из Парижа. Если хотите сделать мне одолжение, закусите у меня. Затем... – он остановился и посмотрел на меня внимательно. – Затем, – повторил он, – я уйду наверх к моей юной примадонне и оставлю вас здесь одну.

Я горячо пожала его руку.

– Дело идет о счастье всей моей будущей жизни, – сказала я. – Будете ли вы так великодушны, чтобы разрешить мне осмотреть все, что есть в этой комнате, когда я останусь одна?

Он указал мне на шампанское и бисквиты.

– Вам предстоит дело нешуточное, – сказал он. – Я хочу, чтобы вы владели собой вполне. Подкрепитесь, и затем я поговорю с вами.

Я послушалась, выпила шампанского и тотчас же почувствовала оживление.

– Вы непременно желаете быть одна, пока будете обыскивать комнату? – спросил он.

– Да, я непременно желаю быть одна.

– Я беру на себя тяжелую ответственность, соглашаясь исполнить ваше желание. Тем не менее я соглашусь, потому что уверен, как и вы уверены, что счастье вашей будущей жизни зависит от открытия истины. – Он вынул из кармана два ключа. – Всякая запертая мебель в этой комнате, естественно, возбудит в вас подозрение. Здесь заперт только шкафчик под книжными полками и итальянское бюро. Маленьким ключом отпирается шкаф, большим – бюро.

С этими словами он положил передо мной два ключа.

– До сих пор, – сказал он, – я строго хранил обещание, данное мною вашему мужу, и я сохраню его до конца, каков бы ни был результат ваших поисков. Я связан честным словом не помогать вам ни словом, ни делом. Я даже не вправе сделать вам какой бы то ни было намек. Понимаете вы меня?

– Конечно.

– Хорошо. Мне осталось сделать вам последнее предостережение, и затем мое дело будет кончено. Если ваши поиски увенчаются успехом, знайте, что открытие будет ужасным. Если вы не вполне уверены, что будете в силах вынести удар, который поразит вас в самое сердце, ради всего святого, откажитесь раз и навсегда от своего намерения.

– Благодарю вас за предостережение, майор. Я готова к последствиям моего открытия, каковы бы они ни были.

– Вы решились окончательно?

– Окончательно.

– Хорошо. Пользуйтесь временем как вам угодно. Дом и все находящееся в нем в вашем распоряжении. Позвоните раз, если вам понадобится слуга, позвоните два раза, если вам понадобится служанка. Время от времени я буду заглядывать к вам сам. Я отвечаю за ваше спокойствие и за вашу безопасность, пока вы делаете мне честь своим пребыванием в моем доме.

Он поцеловал мою руку и поглядел на меня в последний раз наблюдательным взглядом.

– Надеюсь, что риск не слишком велик, – сказал он более про себя, чем мне. – В течение моей жизни женщины часто вводили меня в неблагоприятные поступки. Не ввели ли вы меня, желал бы я знать, в самый неблагоприятный из всех?

После этих зловещих слов он поклонился мне и вышел из комнаты.

Глава X ПОИСК

Огонь в камине горел слабо, а внешний воздух (как я заметила на пути в Вивьен-Плейс) был резок, как зимой.

Тем не менее, когда я осталась одна, моим первым ощущением было ощущение жара и изнеможения с их естественным последствием – затруднительным дыханием. Я сняла шляпку, мантилью, перчатки и открыла окно. Оно выходило на мощный двор и на стену конюшни майора. Постояв несколько минут у открытого окна, я освежилась и успокоилась. Я затворила окно и сделала первый шаг к открытию, иными словами – приступила к осмотру комнаты.

Я сама удивлялась своему спокойствию. Свидание с майором Фитц-Дэвидом истощило, на

время по крайней мере, мою способность к сильным ощущениям. Я была довольна, что осталась одна, я была довольна, что имела наконец возможность приступить к поискам, но это было все, что я чувствовала в ту минуту.

Комната была продолговатая. В одной из двух узких стен находилась выдвижная дверь, о которой я уже говорила, другая была почти вся занята большим окном.

Я обратилась сначала к стене с дверью. Что нашла я у этой стены? Два карточные стола по обе стороны двери и над столами, на вызолоченных бра, прибитых к стене, две великолепные китайские вазы.

Я открыла карточные столы. В ящиках под ними не было ничего, кроме карт и обыкновенных игральных марок. За исключением одной колоды все остальные были еще запечатаны в обыкновенных карточных обертках. Я рассмотрела распечатанную колоду карта за картой и не нашла ничего особенного, никакой надписи, никакой отметки. С помощью лестницы, стоявшей у книжного шкафа, я заглянула в китайские вазы. Они были пусты. Осталось ли еще что-нибудь неосмотренное на этой стороне комнаты? В обоих углах стояло по маленькому стулу с красными шелковыми подушками. Когда я перевернула подушки и убедилась, что и под ними не было ничего, мой осмотр этой стороны комнаты был окончен. Я не нашла решительно ничего особенного.

Я перешла к противоположной стене, к стене с окном.

Окно, занимавшее, как я уже сказала, почти всю стену, разделялось на три рамы и было украшено великолепными темно-красными бархатными занавесками. В углах, за тяжелыми складками бархата, оставались места, едва достаточные для двух небольших бюро с множеством ящиков. На бюро стояли две прекрасные бронзовые копии Венеры Милосской в уменьшенном виде. Майор разрешил мне делать все, что мне вздумается. Я не колеблясь решилась выдвинуть все шесть ящиков в каждом из бюро и осмотреть все, что заключалось в них.

Я начала с правого бюро и покончила с ним очень скоро. Все шесть ящиков были заняты коллекцией минералов, собранных, судя по любопытным ярлыкам, наклеенным на некоторых из них, в тот период жизни майора, когда он занимался горным промыслом. Убедившись, что в ящиках не было ничего, кроме минералов и ярлыков к ним, я перешла к бюро в левом углу.

Здесь я нашла множество разнообразных предметов, и на осмотр их потребовалось довольно много времени.

Верхний ящик заключал полную коллекцию плотничьих инструментов в миниатюрном виде, сохраненных, вероятно, на память о том времени, когда майор был еще мальчиком и родные или друзья дарили ему игрушки. Во втором ящике оказались игрушки другого рода – подарки, полученные майором от его очаровательных подруг. Вышитые помочи, табачные кисеты, изящные подушечки для булавок, роскошные туфли, блестящие кошельки – все это свидетельствовало о популярности круга женщин. Третий ящик был менее интересен, в нем не было ничего, кроме счетных книг за несколько лет. Рассмотрев каждую книгу порознь и встряхнув их, чтобы убедиться, что в них не было никаких посторонних бумаг, я перешла к четвертому ящику и нашла в нем новые воспоминания о прошлом в виде уплаченных счетов, аккуратно связанных вместе и перемеченных. Между счетами я нашла с десяток посторонних бумаг, немало не интересных для меня. В пятом ящике был страшный беспорядок. Я вынула сначала растрепанную связку разукрашенных обеденных карточек, сохраненных на память о банкетах, которые давал майор или на которых он присутствовал как гость в Лондоне и в Париже. Затем коробку красиво раскрашенных перьев – вероятно, подарок женщины. Затем кучу старых пригласительных билетов. Затем несколько растрепанных французских комедий и оперных либретто. Затем карманный штопор, связку сигареток и связку заржавленных ключей. Наконец, паспорт, несколько багажных ярлыков, сломанную серебряную табакерку, два портсигара и разорванную карту Рима. Ничего интересного для меня, подумала я, закрывая пятый ящик и готовясь открыть шестой и последний.

Шестой ящик был для меня и сюрпризом и разочарованием. В нем не было ничего, кроме осколков разбитой вазы.

Я сидела в это время на маленьком стуле. В минутной досаде на пустоту шестого ящика я только что подняла ногу, чтобы закрыть его, как вдруг дверь из залы отворилась и я увидела перед собой майора Фитц-Дэвида.

Его взгляд, встретясь сначала с моим, перешел к моим ногам. Когда он увидел открытый

ящик, лицо его изменилось только на одно мгновение, но в это мгновение он взглянул на меня с внезапным подозрением и удивлением, взглянул так, как будто я была близка к открытию.

– Я не буду беспокоить вас, – сказал он. – Я пришел только для того, чтобы задать вам вопрос.

– Какой вопрос, майор?

– Не встречались ли вам в продолжение ваших поисков какие-нибудь мои письма?

– До сих пор я не видела ни одного. Если мне попадутся письма, я, конечно, не сочту себя вправе прочесть их.

– Об этом-то я и хочу поговорить с вами. Мне только сейчас, наверху, пришло в голову, что мои письма могут поставить вас в затруднительное положение. Я на вашем месте смотрел бы с недоверием на все, чего не мог бы освидетельствовать. Мне кажется, что это затруднение легко устранить. Я не нарушу своего обещания и не выдам ничьей тайны, если скажу вам, что в моих письмах вы не найдете указания, которое вам нужно. Вы можете пропускать их как предметы, не стоящие внимания с вашей точки зрения. Надеюсь, что вы понимаете меня.

– Я очень благодарна вам, майор. Я вполне понимаю вас.

– Не устали ли вы?

– Нисколько, благодарю вас.

– И вы еще не потеряли надежды на успех? Вы еще не упали духом?

– Нет. Пользуясь вашим великодушным разрешением, я намерена продолжать свои поиски.

Нижний ящик бюро был еще открыт, и, отвечая майору, я рассеянно взглянула на осколки вазы. Он уже успел овладеть собой. Он тоже взглянул на осколки вазы умышленно равнодушным взглядом. Я помнила, как подозрительно и удивленно взглянул он на них и на меня, когда вошел в комнату, и его теперешнее равнодушие показалось мне несколько утрированным.

– В этом мало ободрительного, – сказал он, указывая с улыбкой на куски фарфора.

– Нельзя судить по внешности. В моем положении следует подозревать все, даже осколки разбитой вазы.

Говоря это, я глядела на него пылливо. Он переменял разговор.

– Не беспокоит ли вас музыка?

– Нисколько, майор.

– Она скоро кончится. Учитель пения уходит. Его сменит учитель итальянского языка. Я делаю все возможное для усовершенствования моей молодой примадонны. Учась пению, она должна также учиться языку, который есть, по преимуществу, язык музыки. Я усовершенствую ее выговор, когда повезу ее в Италию. Высшая цель моего честолюбия – чтобы ее принимали за итальянку, когда она будет на сцене. Могу я сделать что-нибудь для вас, прежде чем уйду? Не прислать ли вам еще шампанского? Скажите «да».

– Благодарю вас, майор. Я не хочу шампанского.

Он поклонился мне и, повернувшись к двери, украдкой взглянул на книжный шкаф. Взгляд был мгновенный, и я едва заметила его, как майор уже вышел из комнаты.

Оставшись одна, я взглянула на книжный шкаф, в первый раз взглянула на него со вниманием.

Это был красивый дубовый шкаф со старинной резьбой. Он стоял у стены, отделявшей кабинет от залы. За исключением пространства, занятого во внутреннем углу дверью, он занимал всю стену, почти вплоть до окна. Наверху стояли вазы, канделябры, статуэтки, всего по две штуки, расставленные в симметричный ряд. Оглядывая этот ряд, я заметила, что на краю, со стороны окна, не доставало чего-то. На другом краю, со стороны двери, стояла красивая разрисованная ваза оригинальной формы. Где была другая соответствующая ваза, которой следовало бы стоять на соответствующем месте на другом краю шкафа? Я вернулась к все еще открытому шестому ящику левого бюро и заглянула в него опять. Рассмотрев осколки разбитой вазы, я убедилась, что это была та самая ваза, которой не доставало на шкафу.

Сделав это открытие, я вынула все осколки до последнего и рассмотрела их внимательно каждый порознь.

Я была слишком несведуща на этот счет, чтобы оценить достоинство вазы или ее древность. Я не могла даже узнать, английского она была происхождения или иностранного, фон был нежного сливочного цвета. Два медальона на двух противоположных сторонах вазы были

окружены гирляндами и купидонами. В одном из медальонов была нарисована замечательно отчетливо женская головка, может быть, голова нимфы, или какой-нибудь богини, или какой-нибудь знаменитости – я не могла определить это верно. Другой медальон был занят мужской головой, изображенной также в классическом стиле. Пастухи и пастушки, в костюмах Ватто, с собаками и с овцами, составляли украшение пьедестала. Такова была ваза в дни своей целости, когда стояла на шкафу. По какому случаю она разбилась? И почему лицо майора Фитц-Дэвида изменилось, когда он увидел, что я отыскиала осколки этой вазы?

Осколки не разрешили моих вопросов, осколки не сказали мне решительно ничего. Однако, судя по подмеченному мной взгляду майора, путь к открытию пролегал прямо или косвенно через разбитую вазу.

До сих пор я полагала, что указание, которое я надеялась найти, заключалось в какой-нибудь писаной бумаге. Теперь, после подозрительного взгляда майора на книжный шкаф, мне пришло в голову, что оно могло заключаться в книге.

Я оглядела ряды нижних полок, стоя на таком расстоянии от книг, чтобы быть в состоянии читать их названия. Я увидела Вольтера в красном сафьяне, Шекспира в голубом, Вальтер Скотта в зеленом, «Историю Англии» в коричневом. Я остановилась, утомленная и обескураженная Длинными рядами книг. Возможно ли, подумала я, осмотреть такое множество книг. И если бы я даже осмотрела их все, что могла бы я найти в них? Майор говорил, что жизнь моего мужа омрачена каким-то страшным несчастьем. Каким образом следы этого несчастья или какое-нибудь указание на него могут оказаться на страницах Шекспира или Вольтера? Одна мысль об этом казалась дикой, а попытка осмотреть книги с этой целью – бесполезной тратой времени.

Однако майор, несомненно, бросил украдкой пытливый взгляд на шкаф. К тому же разбитая ваза стояла некогда на шкафу. Давали ли мне эти обстоятельства право смотреть на вазу и на книжный шкаф как на два указателя на пути к открытию? Трудно было в ту минуту решить этот вопрос.

Я взглянула на верхние полки. Там коллекция книг была разнообразнее. Тома были мельче и расставлены не так аккуратно, как на нижних полках. Некоторые были в переплетах, некоторые в бумажных обертках. Один или два упали и лежали на боку. Были и пустые места от книг, вынутых и не положенных обратно. Словом, в верхней части шкафа не было обескураживающего однообразия. Неопрятные полки подавали надежду, что какой-нибудь счастливый случай наведет на открытие. Я решила, что если буду осматривать книжный шкаф, то начну с верхних полок.

Где была лестница?

Я оставила ее у стены с выдвижной дверью. Взглянув в эту сторону, я, естественно, взглянула и на выдвижную дверь, на неплотно притворенную дверь, через которую я слышала разговор майора со слугой, когда только что вошла в дом. С тех пор никто не отворял эту дверь. Все входили и выходили в дверь залы.

В ту минуту, когда я оглянулась, что-то пошевелилось в передней комнате, и от этого движения в щели неплотно притворенной двери мелькнул свет. Не следил ли кто-нибудь за мной через щель? Я тихо подошла к двери и быстро отодвинула доску. За дверью стоял майор! Я поняла по его лицу, что он следил за мной, пока я была у книжного шкафа.

Он держал в руках шляпу – очевидно, собирался уйти и теперь воспользовался этим обстоятельством, чтобы объяснить свою близость к двери.

– Надеюсь, что я не испугал вас, – сказал он.

– Вы только удивили меня, майор.

– Извините, мне так совестно! Я только что намеревался отворить дверь, чтобы сказать вам, что мне необходимо уйти. Я получил спешное поручение от одной дамы. Прелестная особа. Как жаль, что вы ее не знаете. Она в очень неприятном положении, бедняжка. Небольшие счетцы, знаете ли, и несносные торговцы, требующие уплаты, и при этом муж – о Боже мой! – муж, совершенно недостойный ее. Чрезвычайно интересное создание! Вы напоминаете мне ее немного, у вас одинаковая манера держать голову. Я уйду не более как на полчаса. Могу я сделать что-нибудь для вас? Какой у вас утомленный вид. Позвольте мне прислать вам еще шампанского. Нет? Обещайте позвонить, если вам захочется шампанского. И прекрасно. Au revoir, мой обворожительный друг, au revoir!

Лишь только он отвернулся, я задвинула опять дверь и села, чтобы отдохнуть немного.

Так он наблюдал за мной, когда я осматривала книжный шкаф! Человек, знавший тайну моего мужа, знавший, где находится указание на эту тайну, наблюдал за мной, когда я была у книжного шкафа! Теперь я не сомневалась более. Майор Фитц-Дэвид ненамеренно указал мне, куда я должна была направить мои поиски.

Я взглянула равнодушно на четвертую стену, которой я еще не осматривала, и на все, что находилось возле нее, на все изящные безделушки, расставленные на столе и камине, каждая из коих при других обстоятельствах могла бы возбудить мое подозрение. Даже акварельные рисунки несколько не заинтересовали меня. Я рассеянно заметила, что все они были женские портреты, вероятно, портреты идиолов майора Фитц-Дэвида, и мне не хотелось знать ничего более.

На пути к лестнице я прошла мимо одного из столов и заметила два ключа, которые майор оставил мне.

Маленький ключ тотчас же напомнил мне о шкафчиках под книжными полками. Странно, что я до сих пор не обратила на них внимания! Теперь у меня явилось внезапное предположение, что именно в них-то, за их запертыми дверцами, и скрывалось то, что мне было нужно. Я поставила лестницу на место и решила осмотреть запертые шкафы. Их было три. Когда я открыла первый из них, пение наверху прекратилось. Внезапный переход от музыки к мертвой тишине произвел на меня какое-то подавляющее действие. Причиной этого были, вероятно, мои расстроенные нервы. Следующий звук в доме, простой скрип сапог на лестнице, заставил меня содрогнуться. Мужчина, сходящий с лестницы, был, вероятно, учитель пения, кончивший Урок. Я услышала, как затворилась за ним наружная дверь, и вздрогнула опять, как будто в этом знакомом звуке было что-нибудь ужасное. Однако я постаралась овладеть собой и приступила к осмотру первого шкафа.

Он был разделен полкой на два отделения. В верхнем не было ничего, кроме ящиков с сигарами, расставленных рядами один под другим. Нижнее было занято коллекцией раковин, сваленных в беспорядочную кучу. Майор, очевидно, дорожил больше сигарами, чем раковинами. Я тщательно осмотрела нижнее отделение в надежде найти что-нибудь интересное, но, кроме раковин, в нем не было ничего.

Открыв второй шкаф, я внезапно заметила, что в комнате стемнело. Я взглянула в окно. Было еще не поздно. Темнота произошла от набежавших туч. Дождевые капли стучали о стекла, осенний ветер мрачно свистел в углах двора. Я поправила огонь в камине. Нервы мои расходились опять, руки дрожали, я сама не понимала, что делалось со мной.

Во втором шкафу, в верхнем отделении, я нашла несколько прекрасных камней, не оправленных, но лежавших на красивых картонных подносах. В углу, полускрытые одним из подносов, виднелись белые листы небольшой рукописи. Я поспешно вынула ее, но, к моему разочарованию она оказалась только каталогом камней.

Перейдя к нижнему отделению шкафа, я нашла новые редкости в виде точеных вещей из Японии и образчиков редких шелков из Китая. Редкости майора утомили меня. Чем дальше я искала, тем дальше, по-видимому, удалялась от единственного предмета, который был мне нужен. Затворив второй шкаф, я даже усомнилась, стоит ли отворять третий. Подумав немного, я решила довести осмотр нижних шкафов до конца и отворила дверцы третьего.

На верхней полке, в одиноком величии, лежал только один предмет – великолепно переплетенная книга.

Она была больше всех книг, какие я когда-либо видела. Переплет был голубого бархата, с серебряными застежками в форме красивых арабесков и с замком из того же металла для предохранения книги от любопытных глаз. Взяв ее в руки, я заметила, что замок не был заперт. Имела ли я право воспользоваться этим обстоятельством и открыть книгу?

Я открыла книгу, не задумавшись ни на минуту.

Страницы были из лучшей веленовой бумаги, красиво разрисованные по краям. Но что нашла я на этих великолепных страницах? К моему невыразимому изумлению и отвращению, я нашла локоны волос, аккуратно прикрепленные к центру каждой страницы, и под ними надписи, свидетельствовавшие, что эти локоны были подарками на память от особ, владевших разное время податливым сердцем майора. Надписи были на английском и на иностранных языках, но все, по-видимому, имели одну цель – напоминать майору о днях преждевременного конца его

многочисленных привязанностей. Так, первая страница была украшена локоном светлейших пепельных волос и следующей надписью: «Моя обожаемая Маделин. Вечное постоянство. Увы, июля 22-го 1839!». Далее следовал локон рыжих волос с латинской надписью и с примечанием, прибавленным ко дню разрыва дружбы и объяснявшим, что эта особа происходила от древних римлян и что поэтому Фитц-Дэвид оплакал ее по-латыни. Далее следовали локоны других цветов и другие надписи. Наконец мне надоело рассматривать их. Я положила книгу на место в негодовании на женщин, помогавших наполнять ее. Но, подумав, я взяла ее опять. До сих пор я тщательно осматривала все, что попадалось мне под руку. Приятно мне это было или нет, но я должна была осмотреть так же тщательно и книгу.

Я пересмотрела все страницы, пока не дошла до первой пустой. Все остальные были, очевидно, пустые. В виде последней предосторожности я подняла книгу так, чтобы венская посторонняя бумага, если таковая была между ее страницами, могла выпасть.

На этот раз терпение мое было вознаграждено находкой, которая взволновала и смутила меня невыразимо.

Из книги выпал небольшой фотографический портрет, наклеенный на картон. Я увидела, что это был портрет двух лиц. В одном из них я узнала моего мужа. Другим лицом была женщина. Ее наружность была совершенно незнакома мне. Женщина была немолода. Портрет представлял ее сидящей на стуле, с моим мужем позади нее, ее рука была в его руке. Лицо женщины было жесткое и некрасивое, с явным отпечатком сильных страстей и непреклонной силы воли. Но, как ни была она некрасива, сердце мое сжалось от ревности, когда я заметила фамильярность позы, в которой они снялись. Юстас сказал мне однажды в первое время нашей любви, что он несколько раз воображал себя влюбленным, прежде чем встретился со мной. Неужели эта непривлекательная женщина была предметом его поклонения? Она была настолько близка, настолько дорога ему, что снялась с рукой в его руке! Я глядела и глядела на портрет, пока наконец не вышла из терпения. Женщины – странные создания, загадки даже для самих себя. Я швырнула портрет в угол шкафа, я была до безумия зла на мужа, я ненавидела всем сердцем и всей душой женщину, державшую его руку, незнакомую женщину с жестким, упрямым лицом.

Нижнее отделение шкафа не было еще осмотрено.

Я стала на колени, чтобы осмотреть его. Я жаждала заглушить каким-нибудь занятием унижительное чувство ревности, овладевшее мной.

К несчастью, в нижнем отделении не было ничего, кроме памятников военной жизни майора, его шпаги, пистолетов, эполет, пояса и других принадлежностей амуниции. Ни один из этих предметов не имел для меня ни малейшего интереса. Глаза мои невольно перешли опять на верхнюю полку, и как безумная (это самое мягкое слово для определения моего состояния в то время) я схватила портрет и опять взглянула на него. В этот раз я заметила, что на оборотной стороне была надпись, сделанная женским почерком. Надпись была следующая:

«Майору Фитц-Дэвиду с двумя вазами от его друзей С. и Ю. М.»

Не была ли разбитая ваза одной из этих vaz? И не была ли перемена, которую я заметила в лице майора Фитц-Дэвида, когда он увидел, что я нашла разбитую вазу, следствием какого-нибудь воспоминания, связанного с ней и касавшегося также и меня? Но я не остановилась на этих предположениях. Передо мной был несравненно более важный вопрос о начальных буквах надписи.

«С. и Ю. М.»? Последние две буквы могли означать имя моего мужа, его настоящее имя Юстас Макаллан. В таком случае первая буква, «С», по всей вероятности, означает ее имя. Какое право имела она соединять себя с ним таким образом? Я подумала, я напрягла память и внезапно вспомнила, что у Юстаса были сестры. До нашей свадьбы он говорил со мной о них не раз. Неужели я была так безумна, что мучилась ревностью к сестре моего мужа? Это казалось весьма вероятным. «С» могло означать ее имя. Мне стало очень совестно, когда я взглянула на вопрос с этой точки зрения. Как я оскорбила в душе их обоих! Я перевернула портрет с грустью и раскаянием, чтобы взглянуть на него без предубеждения.

Мне, естественно, пришел в голову вопрос о фамильном сходстве. Ни малейшего фамильного сходства не было в этих лицах. Напротив, они были так непохожи, как только

возможно. Да правда ли, что она его сестра? Я взглянула на ее руки. Ее правая рука была в руке Юстаса, левая лежала на ее коленях, и на третьем пальце было ясно видно обручальное кольцо. Были ли у моего мужа замужние сестры?! Я однажды спросила его об этом, и он ответил, что ни одна из его сестер не была замужем.

Возможно ли, что моя первая догадка была справедлива? Иначе что значит соединение начальных букв? Что значит обручальное кольцо? Боже мой! Неужели я видела перед собой портрет моей соперницы? И неужели эта соперница – его жена?

Я отбросила портрет с криком ужаса. Прошла минута, страшная минута, когда мне казалось, что рассудок покидает меня. Я не знаю, что случилось бы, что я сделала бы, если бы моя любовь к Юстасу не взяла верх над терзавшими меня чувствами. Любовь подкрепила меня, любовь пробудила лучшие стороны моей души. Способен ли он к такой низости, в какой я заподозрила его? Нет, низость была с моей стороны, – в том, что я хоть на минуту заподозрила его в этом.

Я подняла с пола противный портрет, положила его обратно в книгу, поспешно заперла шкаф и взялась опять за лестницу. Моим единственным стремлением теперь было искать убежище от своих мыслей в каком-нибудь занятии. Как я ни старалась заглушить отвратительное, унизившее меня подозрение, я чувствовала, что готова была поддаться ему опять. Книжки, книжки! Моей единственной надеждой теперь было погрузиться душой и телом в книжки.

Я поставила уже одну ногу на лестницу, как вдруг услышала, что дверь из залы отворилась.

Я оглянулась, ожидая увидеть майора. Вместо майора я увидела будущую примадонну, остановившуюся в дверях и твердо устремившую на меня свои круглые глаза.

– Я могу вынести многое, – начала она холодно, – но выносить дольше это я не могу.

– Чего вы не можете выносить дольше?

– Вы провели здесь добрых два часа, одна-одинехонька в кабинете майора. Я ревнива, было бы вам известно, и я хочу знать, что это значит. – Она приблизилась ко мне на несколько шагов с угрожающим взглядом и с ярким румянцем на лице. – Не намерен ли он вывести и вас на сцену? – спросила она резко.

– Конечно, нет.

– Влюблен он в вас?

При других обстоятельствах я попросила бы ее выйти из комнаты. Но в ту минуту присутствие живого существа было для меня облегчением. Даже эта девушка с ее бесцеремонными вопросами и грубыми манерами была приятной нарушительницей моего уединения: она дала мне передышку от мучивших меня мыслей.

– Ваш вопрос не совсем учтив, но я извиняю его, – ответила я. – Вы, вероятно, не знаете, что я замужем.

– Так что же, что замужем, – возразила она. – Майору все равно, замужем вы или нет. Черномазая шутиха, величающая себя леди Клариндой, тоже замужем, однако она присылает ему букеты три раза в неделю. Не подумайте, что я влюблена в старого дурака. Но я потеряла место на железной дороге и теперь должна заботиться о себе, и я не знаю, безопасно ли допускать других женщин становиться между ним и мною. Понимаете теперь, в чем дело? Я не могу быть спокойной, когда вижу, что он оставил вас здесь хозяйничать одну. Я хочу знать, что вы тут делаете. Как вы познакомились с майором? Я никогда не слыхала, чтобы он говорил о вас.

Сквозь внешний эгоизм и грубость этой девушки проглядывали простосердечие и свобода, свидетельствовавшие в ее пользу. По крайней мере, такое впечатление произвела она на меня. Я, со своей стороны, отвечала откровенно и свободно.

– Майор Фитц-Дэвид – старый друг моего мужа, и ради моего мужа он добр и со мной. Он позволил мне осмотреть эту комнату...

Я остановилась, не зная, как объяснить ей мою задачу так, чтобы не открыть ей ничего и вместе с тем успокоить ее.

– Осмотреть эту комнату? Для чего? – спросила она. Глаза ее остановились на лестнице, возле которой я стояла. – Вам нужна книга? – прибавила она.

– Да, – ответила я, воспользовавшись ее предположением, – мне нужна книга.

– Вы еще не нашли ее?

– Нет.

Она посмотрела на меня пытливо. Она, очевидно, соображала, можно ли мне доверять.

– Вам, по-видимому, можно верить, – вынесла наконец она свой приговор мне. – Я помогу вам. Я не раз пересматривала эти книги и знаю о них больше, чем вы. Какую книгу вам нужно?

Предложив мне этот затруднительный вопрос, она впервые заметила букет леди Кларинды, который майор оставил на боковом столе. Мгновенно забыв и меня и мою книгу, девушка набросилась, как фурия, на цветы и буквально растоптала их ногами.

– Вот! – воскликнула она. – Если бы я увидела здесь леди Кларинду, я сделала бы с ней то же самое.

– Что скажет майор? – заметила я.

– А мне какое дело? Неужели вы думаете, что я боюсь его? На прошлой неделе я разбила одну из его драгоценных игрушек, вон оттуда, и все из-за цветов леди Кларинды.

Она указала на шкаф, на пустое место возле окна. Сердце мое сжалось от предчувствия. Это она разбила вазу. Не найду ли я путь к тайне с помощью этой девушки? Я не произнесла ни слова, я могла только смотреть на нее.

– Да, – продолжала она. – Ваза стояла там. Он знает, как я ненавижу ее цветы, и он поставил их в вазу, подальше от меня. На вазе было нарисовано женское лицо, и он сказал мне, что оно похоже как две капли воды на ее лицо. Оно было так же похоже на нее, как мое. Это так взбесило меня, что я схватила книгу, которую читала, и швырнула ее в нарисованное лицо. Ваза свалилась на пол и разбилась вдребезги. Постойте! Не эта ли книга нужна вам? Вы любите читать судебные процессы?

Судебные процессы? Так ли я расслышала? Да, она действительно сказала «судебные процессы»!

Я ответила утвердительным наклоном головы. Я все еще не была в состоянии сказать что-нибудь. Девушка отошла к камину, взяла каминные щипцы и возвратилась с ними к шкафу.

– Вот куда завалилась книга, в пространство между шкафом и стеной, – сказала она. – Я сейчас достану ее.

Я не пошевелилась, не произнесла ни слова.

Она возвратилась ко мне со щипцами в одной руке, с переплетенной книгой в другой.

– Эта книга нужна вам? Посмотрите.

Я взяла у нее книгу.

– Это ужасно интересно, – продолжала она. – Я прочла ее два раза с начала до конца. И знаете, я думаю, что он это сделал.

Что сделал? Кто? Я хотела задать ей эти вопросы, но язык не повиновался мне.

Она потеряла всякое терпение, вырвала у меня книгу и раскрыла ее на столе, возле которого мы стояли.

– Вы беспомощны, как младенец, – сказала она. – Вот! Смотрите. Эта книга нужна вам?

Я прочла на заглавном листе:

Полный отчет

о судебном процессе Юстаса Макаллана, обвинявшегося в отравлении своей жены

Тут милосердный Господь послал мне облегчение: я потеряла сознание.

Глава XI

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Моим первым ощущением, когда я начала приходить в себя, было ощущение страдания, нестерпимого страдания. Все существо мое противилось попыткам вернуть меня к жизни. Долго ли продолжалась эта безмолвная агония, я не знаю, но мало-помалу я почувствовала облегчение. Я услышала свое затрудненное дыхание, почувствовала, что руки мои движутся, слабо и машинально, как у младенца. Я открыла глаза и посмотрела вокруг, как будто прошла через пытку смерти и пробудилась к новой жизни в новом мире.

Первым, кого я увидела, был незнакомый мужчина. Он кивнул кому-то другому и скрылся.

Другой подошел медленно и неохотно к дивану, на котором я лежала. У меня вырвался

крик радости, я попыталась поднять свои слабые руки – я увидела мужа.

Он даже не взглянул на меня. С опущенными глазами, со странной тревогой и смущением на лице он отошел от меня. Незнакомый человек, которого я увидела первым, проводил его в другую комнату. Я позвала слабым голосом: «Юстас!» Он не ответил, он не вернулся. Я с трудом повернула голову на подушке. Передо мной, как во сне, появилось другое знакомое лицо. Мой добрый старый Бенджамен сидел подле меня с полными слез глазами.

Он встал и молча взял мою руку.

– Где Юстас? – спросила я. – Почему он ушел от меня?

Я была все еще слаба. Мой взгляд бродил машинально по комнате. Я увидела майора Фитц-Дэвида. Я увидела стол, на котором певица открыла книгу, чтобы показать ее мне. Я увидела и певицу, сидевшую в углу. Она плакала, закрыв глаза платком. В одно мгновение память моя ожила, я вспомнила все. Единственным моим чувством теперь было страстное желание увидеть мужа, броситься к нему на грудь и сказать ему, как твердо я убеждена в его невиновности, как преданно и горячо я люблю его. Я схватила руку Бенджамена своими слабыми, дрожащими руками.

– Приведите его ко мне! – воскликнула я. – Где он? Помогите мне встать!

Незнакомый голос ответил мне твердо и ласково:

– Не волнуйтесь, сударыня. Мистер Вудвил ждет в соседней комнате, чтобы вы успокоились.

Я взглянула на говорившего и узнала человека, проводившего моего мужа из комнаты. Почему он вернулся без него? Почему Юстас не со мной? Я попробовала встать. Незнакомец тихо опустил меня опять на подушку. Я попробовала воспротивиться. Напрасно. Он крепко держал меня руками.

– Вы должны подождать немного, – сказал он. – Вы должны выпить вина. Если вы будете волноваться, с вами опять сделается обморок.

Старый Бенджамен нагнулся надо мной и шепнул мне:

– Это доктор, душа моя. Вы должны слушаться его.

Доктор! Они призвали на помощь доктора. Я смутно догадалась, что мой обморок сопровождался более серьезными симптомами, чем обыкновенные обмороки. Я обратилась к доктору и бессильно-сердитым тоном попросила его объяснить мне странное отсутствие моего мужа.

– Почему вы позволили ему уйти из комнаты? – спросила я. – Если мне нельзя пойти к нему, почему вы не приведете его ко мне?

Доктор, по-видимому, не знал, что ответить. Он обратился к Бенджамену:

– Не поговорите ли вы с миссис Вудвил?

Бенджамен, в свою очередь, обратился к майору:

– Не поговорите ли вы?

Майор сделал им обоим знак оставить нас одних. Они встали, вышли в дверь и закрыли ее за собой. Девушка, так странно выдавшая мне тайну моего мужа, встала тоже и подошла ко мне.

– Мне кажется, что и мне не мешает уйти, – сказала она, обратившись к майору Фитц-Дэвиду.

– Сделайте одолжение, – ответил он.

Тон его, как мне показалось, был холоден и сух. Девушка встряхнула головой и отвернулась от него в сильнейшем негодовании.

– Я должна сказать несколько слов в свою защиту. Я должна сказать что-нибудь, иначе я разревусь!

И она обратилась ко мне с целым потоком слов:

– Слышали вы, как майор говорит со мной? Он винит меня во всем, что случилось. А разве я виновата? Я хотела услужить вам. Я думала, что книга вам нужна. Я до сих пор не знаю, почему вы упали в обморок. А майор осуждает меня! Как будто я в чем-нибудь виновата! Я дочь почтенных родителей. Да! Мое имя Гойти, мисс Гойти. У меня тоже есть самолюбие. И оно оскорблено! Меня осуждают напрасно. Я ни в чем не виновата. Если кто виноват, так вы сами. Разве вы не сказали мне, что ищите книгу? Я дала вам ее с самыми лучшими намерениями. Теперь, когда док» тор привел вас в чувство, вы можете подтвердить это. Вы могли бы замолвить слово за бедную девушку, которую заморили до полусмерти пением, языками и еще

Бог знает чем, заступиться за бедную девушку, у которой нет защитников. Я ничем не хуже вас, если на то пошло. Мое имя Гойти. Родители мои купцы, и моя мама знала лучшие дни и вращалась когда-то в самом лучшем обществе.

Тут мисс Гойти залилась опять слезами.

Конечно, жестоко было винить ее. Я ответила ей так ласково, как только могла, и попробовала оправдать ее перед майором. Он взял на себя успокоить молодую примадонну. Что сказал он ей, я не слыхала – он говорил шепотом. Кончилось тем, что он поцеловал ей руку и вывел ее из комнаты так почтительно, как вывел бы герцогиню.

– Надеюсь, что эта безрассудная девушка не расстроила вас своим объяснением, – сказал он с жаром, когда возвратился ко мне. – Я не могу высказать вам, как я огорчен тем, что случилось. Вы, может быть, помните, что я предупредил вас. Но если б я предвидел...

Я не дала ему продолжать. Никто не мог предвидеть того, что случилось. Притом, как ни ужасно было открытие, я предпочитала страдать так, как я страдала теперь, чем вернуться к прежней неизвестности. Высказав это майору, я перешла к единственному разговору, который интересовал меня теперь, к разговору о моем несчастном муже.

– Как он попал сюда?

– Он пришел с мистером Бенджаменом вскоре после моего возвращения.

– Спустя много времени после того, как я заболела?

– Нет. Я только что послал за доктором. Я очень боялся за вас.

– Что привело его сюда? Он вернулся в гостиницу и не нашел меня?

– Да, он вернулся раньше, чем предполагал, и, не найдя вас дома, встревожился.

– Он догадался, что я у вас? Он пришел сюда прямо из гостиницы?

– Нет. Он, вероятно, зашел сначала к мистеру Бенджамену. Что узнал он от вашего старого друга, я не знаю, но они пришли сюда вместе.

Этого краткого объяснения было достаточно для меня. Я поняла, как муж мой отыскал меня. Ему нетрудно было Я напугать моим отсутствием старого Бенджамена, а напугав его, нетрудно было заставить его проговориться о том, что было сказано между нами о майоре Фитц-Дэвиде. Присутствие моего мужа в доме майора было объяснено. Но его странное поведение, его странный уход из комнаты, когда я только начала приходить в себя, было все еще загадкой. Майор Фитц-Дэвид, видимо, смутился, когда я попросила его объяснить мне это.

– Я, право, не знаю, как объяснить, Юстас удивил и огорчил меня.

Он говорил чрезвычайно серьезно, но его взгляд сказал мне более, чем его слова, его взгляд испугал меня.

– Не поссорился ли Юстас с вами?

– О нет.

– Он понимает, что вы не изменили своему обещанию?

– Конечно. Моя певица рассказала доктору, как все случилось, а доктор повторил это вашему мужу.

– Доктор видел книгу?

– Ни доктор, ни мистер Бенджамен не видели книги. Я запер ее и постарался скрыть ваше знакомство с ней. Бенджамен, очевидно, подозревает что-то, но доктор и мисс Гойти не имеют ни малейшего понятия о настоящей причине вашего обморока. Они оба полагают, что вы подвержены сильным нервным припадкам и что имя вашего мужа действительно Вудвил. Все, что можно было сделать для Юстаса, я сделал. Несмотря на это, он сердится на меня за то, что я принял вас. Он утверждает, что нынешнее событие оттолкнуло вас от него навсегда. «Мы не можем жить вместе, – сказал он мне, – после того, как она узнала, что я – тот самый человек, которого судили в Эдинбурге за отравление жены».

Я вскочила в ужасе.

– Боже милостивый! Неужели Юстас думает, что я сомневаюсь в его невиновности?!

– Он считает, что никто не может верить в его невиновность.

– Помогите мне дойти до двери. Где он? Я должна повидаться с ним.

С этими словами я упала в изнеможении на диван. Майор отошел к столу, налил стакан вина и заставил меня выпить его.

– Вы увидите с ним. Я обещаю это вам. Доктор запретил ему уходить из дома, пока вы не повидаетесь с ним. Подождите хоть несколько минут. Соберитесь с силами.

Я поневоле должна была покориться. О, эти ужасные минуты, когда я лежала бессильная на диване! Я до сих пор не могу вспомнить о них без содрогания.

– Приведите его сюда, – сказала я. – Умоляю вас, приведите его сюда.

– Можно ли привести его? – возразил майор грустно. – Можно ли переломить упрямство человека, сумасшедшего человека, готов я сказать, который способен был покинуть вас, когда вы только что открыли глаза? Я виделся с ним наедине в соседней комнате, пока с вами был доктор. Я старался поколебать его упорное недоверие к тому, что вы считаете его невиновным и что я уверен в этом. Напрасно. У него было только одно возражение. Сколько я ни убеждал его, сколько ни упрасивал его, он в ответ только напоминал мне о шотландском вердикте.

– О шотландском вердикте? Что это такое?

Мой вопрос удивил майора.

– Неужели вы действительно никогда не слыхали о его деле?

– Никогда.

– Когда вы сказали мне, что узнали свое настоящее имя, мне показалось странным, что это открытие не пробудило в вас никакого тяжелого воспоминания. Не прошло трех лет с тех пор, как вся Англия говорила о вашем муже. Немудрено, что он, бедный, воспользовался чужим именем. Где же вы были в то время?

– Вы сказали, три года тому назад?

– Да.

– Мне кажется, я могу объяснить, почему я не знаю того, что известно всем. Три года назад мой отец был еще жив, и мы жили в Италии, в горах близ Сиены. Мы жили очень уединенно и по целым месяцам не видали ни английских газет, ни английских путешественников. Очень может быть, что в письмах, которые отец мой получал из Англии, ему рассказывали об этом деле. Но отец не говорил о нем со мной, а если и говорил, то оно заинтересовало меня так мало, что я тотчас же забыла о нем. Скажите, что общего имеет вердикт со странным недоверием моего мужа к нам я обоим? Юстас на свободе. Следовательно, вердикт был: «невиновен»?

Майор Фитц-Дэвид грустно покачал головой.

– Юстас судился в Шотландии, – сказал он. – Шотландский закон допускает вердикт, не допускаемый, как мне известно, ни в какой другой цивилизованной стране. Когда в Шотландии присяжные не уверены ни в виновности, ни в невиновности подсудимого, они имеют право выразить свою неуверенность неопределенным вердиктом. Если они находят доказательства недостаточными ни для обвинения, ни для оправдания подсудимого, они выносят вердикт: «не доказано».

– И таким вердиктом кончилось дело Юстаса?

– Да.

– Присяжные не были вполне уверены ни в невиновности, ни в виновности моего мужа? Это означает шотландский вердикт?

– Да. И вот уже три года, как сомнение присяжных тяготеет над вашим мужем в глазах общества.

Бедный мой невинный страдалец! Теперь я поняла все. Женитьба под ложным именем, страшные слова, которыми он предупреждал меня уважать его тайну, его ужасное сомнение во мне, – все теперь было мне ясно. Я встала с дивана, сильная смелой решимостью.

– Проводите меня к Юстасу, – сказала я. – Я теперь в силах вынести что угодно.

Посмотрев на меня пытливо, майор молча предложил мне руку и вывел меня из комнаты.

Глава XII ШОТЛАНДСКИЙ ВЕРДИКТ

Мы прошли в дальний конец залы. Майор Фитц-Дэвид отворил дверь в длинную узкую комнату, пристроенную к задней стороне дома и простиравшуюся вдоль одной стороны двора вплоть до стены конюшни. Это была курительная комната.

Мой муж сидел один в отдаленном углу перед камином. Увидев меня, он вскочил с места. Майор тихо затворил дверь и оставил нас вдвоем. Юстас не сделал ни шагу навстречу мне. Я подбежала к нему, обняла его и поцеловала. Он остался неподвижен, покорился моей ласке и только.

– Юстас, – сказала я, – я никогда не любила тебя сильнее, чем в эту минуту, я никогда не сочувствовала тебе так, как сочувствую тебе теперь.

Он решительно освободился из моих объятий и с машинальной учтивостью постороннего указал мне на стул.

– Благодарю тебя, Валерия, – сказал он холодным, рассчитанным тоном. – После случившегося ты не могла сказать мне менее того, что сказала, и не могла сказать ничего более. Благодарю тебя.

Мы стояли перед камином. Он отошел от меня и медленно направился к двери, очевидно, намереваясь выйти из комнаты. Я последовала за ним, я перегнала его и стала между ним и дверью.

– Почему ты уходишь? – спросила я. – Почему ты говоришь со мной таким жестоким тоном? Ты сердишься на меня, Юстас? Если ты сердишься, я прошу у тебя прощения.

– Мне, а не тебе следует просить прощения, – возразил он. – Прости мне, Валерия, что я сделал тебя своей женой.

Он сказал это так уныло, с таким безнадежным смирением в голосе, что мне стало страшно за него. Я положила руку на его грудь, я сказала:

– Юстас, взгляни на меня.

Он медленно поднял глаза на мое лицо, глаза холодные, ясные, без слез, смотревшие на меня с твердой покорностью, с непоколебимым отчаянием. В эту ужасную минуту я была так же спокойна и холодна, как мой муж.

– Ты считаешь меня способной сомневаться в твоей невинности?

Он не ответил на мой вопрос. Он горько вздохнул.

– Бедная женщина, – сказал он таким тоном, как сказал бы посторонний. – Бедная женщина!

Сердце мое замерло.

– Я не прошу тебя жалеть меня, Юстас. Я прошу у тебя только справедливости. Ты несправедлив ко мне. Если бы ты доверился мне в те дни, когда мы только что узнали, что любим друг друга, если бы ты сказал мне тогда все, что я знаю теперь, и более того, что я знаю, Бог свидетель, что это не помешало бы мне сделаться твоей женой. Веришь ты мне, что я считаю тебя невинным?

– Я не сомневаюсь в этом, Валерия, – ответил он. – Все твои побуждения великодушны. Ты говоришь великодушно и чувствуешь великодушно. Но не осуждай меня, я бедное дитя мое, если я гляжу дальше, чем ты, если я вижу все, что ожидает нас, наверняка ожидает нас в жестоком будущем.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты веришь в мою невинность. Присяжные, судившие меня, сомневались в ней и не оправдали меня. Какое основание имеешь ты считать меня невинным?

– Мне не нужно никакого основания! Я уверена в твоей невинности вопреки присяжным, вопреки вердикту.

– Согласятся ли с тобой твои друзья? Когда твой дядя и тетка узнают то, что узнала ты, – а рано или поздно они узнают непременно, – что скажут они? Они скажут: он начал дурно. Он скрыл от нашей племянницы свой первый брак, он женился на нашей племяннице под чужим именем, он может уверять в своей невинности, но, кроме его слов, мы не имеем никакого основания, чтобы верить ему. Когда его судили, вердикт был: «не доказано». Такой вердикт, как «не доказано», не удовлетворяет нас. Если присяжные были несправедливы к нему, если он невиновен, пусть докажет это. Вот что думает и что говорит обо мне свет. Вот что подумают и что скажут обо мне твои друзья. Придет время, когда ты, даже ты, начнешь думать, что мнение твоих друзей имеет основание.

– Это время не придет никогда, – возразила я горячо. – Ты несправедлив ко мне, ты оскорбляешь меня, считая это возможным.

Он снял с плеча мою руку и отодвинулся от меня с горькой улыбкой.

– Мы женаты только несколько дней, Валерия. Твоя любовь ко мне молода и свежа. Подожди, пока время не охладит первого пыла этой любви.

– Никогда, никогда!

Он отодвинулся от меня еще немного дальше.

– Взгляни на окружающих, – сказал он. – Между счастливейшими женами и мужьями бывают случайные недоразумения, в самой счастливой супружеской жизни бывают мимолетные тучи. Когда эти дни настанут для нас, у тебя появятся сомнения и опасения, которых ты не чувствуешь теперь. Когда над нашей супружеской жизнью соберутся тучи, когда я скажу тебе мое первое жесткое слово, когда ты дашь мне свой первый жесткий ответ, тогда, в уединении своей комнаты, в тишине бессонной ночи, ты вспомнишь об ужасной смерти моей первой жены. Ты вспомнишь, что я был обвинен в убийстве и не был оправдан. Ты спросишь себя: не начались ли и ее несчастья жестким словом его, резким ее ответом? Не кончится ли и моя жизнь так, как, по подозрению присяжных, кончилась ее жизнь? Вопросы ужасные! Ты постарайся заглушить их, но, когда мы встретимся утром, ты будешь настороже, и я замечу это и пойму, что это значит. Под влиянием этой обиды мое следующее резкое слово будет еще резче. Ты вспомнишь яснее и смелее, что муж твой обвинялся в отравлении своей первой жены и что вопрос о ее смерти еще не разъяснен. Понимаешь теперь, сколько в нашей семейной жизни будет поводов для домашнего ада? Не прав ли я был, предупреждая тебя, торжественно предупреждая тебя, чтобы ты не старалась открыть истину? Могу ли я теперь быть у твоей постели, когда ты заболеешь, не напоминая тебе моими самыми невинными поступками того, что случилось у другой постели? Если я налью тебе лекарства, это будет подозрительным поступком – говорят, что я поднес ей яд в лекарстве. Я подам тебе чашку чая – это опять оживит страшное воспоминание, – говорят, что я всыпал ей мышьяк в чай. Если я поцелую тебя, уходя из комнаты, это напомнит тебе, что суд обвинял меня, будто я поцеловал ее для того, чтобы отвлечь от себя подозрение и чтобы произвести впечатление на сиделку. Можем мы жить вместе при таких условиях? Какое живое существо в состоянии вынести такую жизнь? Я сказал тебе сегодня, что если ты сделаешь еще шаг к открытию истины, то лишишь счастья нас обоих на всю нашу жизнь. Ты сделала этот шаг, и наше счастье погибло. Несчастье будет твоим и моим уделом до конца нашей жизни.

До сих пор я принуждала себя слушать его. Но при последних словах картина будущего, которую он рисовал передо мной, стала так ужасна, что я не дала ему продолжать.

– Как страшно то, что ты говоришь, – сказала я. – Разве мы расстались с любовью и надеждой? А любя и надеясь, грешно говорить так, как ты говоришь.

– Подожди, пока не прочтешь отчет о судопроизводстве, – ответил он. – Ты, без сомнения, намерена прочесть его?

– От первого до последнего слова! Я прочту его с целью, которую ты сейчас узнаешь.

– Никакая цель, никакая любовь не могут изменить беспощадных фактов. Моя первая жена умерла отравленная, и присяжные не сняли с меня подозрения, что я был ее убийцей. Пока ты этого не знала, счастье было возможно для нас. Теперь ты это знаешь, и наша супружеская жизнь кончилась.

– Нет, супружеская жизнь началась для нас снова, началась с новой целью, с новым основанием для любви.

– Что ты хочешь сказать?

Я подошла к нему и взяла его руку.

– Я говорю: вердикт «не доказано» не удовлетворяет меня. Почему ты прожил три года, не сделав ничего? Я догадываюсь, почему. Ты ждал, чтобы тебе помогла твоя жена. Я готова помогать тебе, я хочу доказать всему свету и шотландским присяжным, что муж мой невиновен.

Я разгорячилась, сердце мое стучало, голос звучал сильно. Удалось ли мне ободрить его? Каков был его ответ?

– Прочти отчет.

Вот каков был его ответ.

Я схватила его руку и в негодовании и отчаянии дернула ее изо всех сил. Я готова была ударить его за тон его ответа и за взгляд, который он бросил на меня.

– Я уже сказала тебе, что намерена прочесть отчет. Я намерена прочесть его с начала до конца вместе с тобой. Я уверена, что всему причиной какая-нибудь непростительная ошибка. Доказательства в твою пользу, которые можно было бы найти, не были найдены, подозрительные обстоятельства не были исследованы. Да, Юстас! Я уверена, что ты или друзья твои сделали какую-нибудь страшную оплошность. Когда я впервые услышала о позорном вердикте, моим первым чувством была решимость исправить его во что бы то ни стало. Мы

исправим его. Мы должны исправить его ради тебя, ради меня, ради наших детей, если Господь благословит нас детьми. О, милый мой, не гляди на меня таким холодным взглядом, не отвечай мне таким жестоким тоном! Не обращай со мной так, будто я задумала что-то неисполнимое.

Опять мне не удалось ободрить его. Следующие слова его были произнесены скорее сострадательно, чем холодно, но и только.

– Меня защищали лучшие юристы страны, – сказал он. – Если все их усилия оказались тщетными, что можешь сделать ты, моя бедная Валерия, что могу сделать я? Мы можем только покориться.

– Никогда! – воскликнула я. – Величайшие юристы – люди смертные, величайшие юристы могут ошибаться, как другие люди. Ты должен согласиться с этим.

– Прочти отчет. – В третий раз повторил он эти жесткие слова и не сказал ничего более.

Отчаявшись в успехе, горько чувствуя его беспощадное презрение ко всему, что я сказала ему в пылу моей любви и преданности, я вспомнила о майоре и возложила последнюю надежду на его помощь. Я была так расстроена, что не приняла в соображение, что майор уже пытался переубедить его и потерпел неудачу. Я слепо верила во влияние его старого друга.

– Подожди меня здесь одну минуту, – сказала я. – Я хочу, чтобы ты услышал мнение другого человека.

Я оставила его одного и вернулась в кабинет. Майора там не было. Я постучала в выдвижную дверь. Она была тотчас же отодвинута самим майором. Доктор ушел, но Бенджамен все еще сидел в комнате.

– Прошу вас, пойдите со мной, чтобы поговорить с Юстасом, – начала я. – Если вы только скажете то, что мне нужно...

Прежде чем я успела прибавить еще хоть слово, я услышала стук наружной двери. Майор Фитц-Дэвид и Бенджамен слышали его также и молча переглянулись.

Я бросилась назад в комнату, где оставила Юстаса. Она была пуста. Мой муж ушел из дома.

Глава XIII РЕШЕНИЕ МУЖЧИНЫ

Первым моим побуждением было бежать за Юстасом на улицу.

Майор и Бенджамен восстали против моего опрометчивого намерения. Они обратились сначала к моему чувству собственного достоинства, но безуспешно. Затем они начали уговаривать меня потерпеть хоть ради Юстаса, обещая, что если он не вернется через полчаса, то мы отправимся все вместе в гостиницу, чтобы узнать, нет ли его там.

Я согласилась подождать. Что я выстрадала от насильственного бездействия в эти критические минуты моей жизни, не передать никакими словами. Я ограничусь передачей фактов. Бенджамен спросил меня, что произошло между мной и мужем.

– Вы можете говорить свободно, душа моя, – сказал он. – Я знаю, что случилось с тех пор, как вы вошли в дом майора Фитц-Дэвида. Не подумайте, что кто-нибудь сказал мне это, – я угадал сам. Вы, может быть, помните, что я был поражен настоящим именем вашего мужа, когда вы впервые произнесли его у меня. Тогда я не мог припомнить, почему это имя мне знакомо. Теперь я припомнил.

После этого признания я повторила им обоим откровенно все, что говорила мужу и все, что он отвечал мне. К моему невыразимому разочарованию, они оба приняли сторону Юстаса и отнеслись к моему взгляду на его дело как к пустой мечте. Они сказали мне, как и он: вы еще не читали отчет.

– Для меня достаточно и того, что я знаю. Мы все уверены, что он невиновен. Почему же его невиновность не доказана? Она должна быть доказана и будет доказана. Если отчет о процессе скажет мне, что этого нельзя сделать, я откажусь верить отчету. Где книга, майор? Дайте мне посмотреть самой, сделали ли юристы для него все, что следовало сделать, все, что может сделать его жена. Разве они любили его так, как я его люблю? Дайте мне книгу.

Майор Фитц-Дэвид взглянул на Бенджамена.

– Книга расстроит ее еще больше, – сказал он. – Как вы полагаете?

Я вмешалась прежде, чем Бенджамен успел ответить.

– Если вы не дадите мне книгу, я отправлюсь к ближайшему книгопродавцу и попрошу его достать ее для меня. Я решила прочесть ее.

На этот раз Бенджамен принял мою сторону.

– Положение дел так худо, что ничто не может улучшить его, сэр, – сказал он. – Если позволите мне дать совет, уступите ей.

Майор встал и вынул книгу из итальянского бюро.

– Моя певица сообщила мне, что она рассказала вам о прискорбной вспышке, случившейся с ней несколько дней тому назад. Я не знал, какая книга была у нее в руках, когда она забылась до того, что разбила одну из моих ваз. Оставив вас одну в кабинете, я полагал, что книга лежит на своем обычном месте на верхней полке, и, признаюсь, мне любопытно было знать, придет ли вам в голову осмотреть эту полку. Разбитая ваза – теперь не к чему скрывать это от вас – была одной из пары ваз, подаренных мне вашим мужем и его первой женой за неделю до ужасной смерти бедной женщины. Когда я увидел, что вы смотрите на осколки этой вазы, у меня почему-то явилось предчувствие, что вы откроете истину, и я не сумел скрыть, что это встревожило меня. По крайней мере, вы взглянули на меня так, будто заметили это.

– Да, майор, я заметила это, и у меня самой явилось подозрение, что я напала на путь к открытию. Взгляните, пожалуйста, на свои часы. Не прошло еще полчаса?

Мое нетерпение обмануло меня. Получасовой срок еще не прошел.

Все медленнее и медленнее тянулись тяжелые минуты ожидания. Муж мой не возвращался. Ничто, кроме обыкновенного уличного шума, не нарушало ужасной тишины. По мере того как проходил срок ожидания, страшное предчувствие, что наша брачная жизнь кончилась, что муж покинул меня, усиливалось во мне, как я ни старалась заглушить его.

Майор первый заметил, что самообладание начало изменять мне.

– Довольно ждать, – сказал он. – Едем в гостиницу.

Я взглядом поблагодарила майора. Говорить я не могла. Мы все трое молча сели в экипаж и молча доехали до гостиницы.

В зале нас встретила хозяйка. Она ничего не знала о Юстасе, но сказала мне, что наверху, в нашей комнате, лежит письмо ко мне, принесенное в гостиницу только за несколько минут до нашего приезда.

Я бросилась наверх, дрожа и задыхаясь. Мужчины последовали за мной. Адрес на конверте был написан рукой мужа. Сердце мое упало, когда я увидела это. Что могло побудить его написать мне? Только решение не видеться со мной больше. Я села на стул и опустила письмо на колени, не решаясь распечатать его.

Добрый Бенджамен попробовал утешить и ободрить меня. Майор, знавший женщин лучше, посоветовал старику оставить меня.

– Подождите, – шепнул он ему. – Дайте ей успокоиться.

Когда он сказал это, у меня явилось внезапное побуждение отдать ему письмо. Каждое мгновение могло быть дорогим, если Юстас задумал покинуть меня. Медля, мы могли утратить возможность вернуть его.

– Вы его старый друг, – сказала я. – Прочтите мне письмо.

Майор Фитц-Дэвид распечатал письмо, но прочел его про себя. Кончив, он бросил его на стол с жестом, выражавшим презрение.

– У него может быть только одно оправдание, – сказал майор. – Он сумасшедший.

Эти слова объяснили мне все, и, узнав худшее, я могла прочесть письмо. Вот оно:

«Моя возлюбленная Валерия! Прочитав эти строки, ты прочтешь мои прощальные слова. Я возвращаюсь к моей одинокой безутешной жизни, к жизни, которую я вел, пока не знал тебя.

Милая моя, с тобой обошлись жестоко. Не зная того, ты вступила в брак с человеком, который некогда был публично заподозрен в убийстве своей жены и до сих пор не оправдан вполне. И ты это знаешь. Можешь ли ты жить на условиях взаимного доверия и взаимного уважения с человеком, обманувшим тебя? Мы могли бы жить счастливо, если бы ты не знала истины. Теперь, когда ты ее знаешь, это невозможно. Одним только могу я искупить хоть отчасти мою вину перед тобой – возвращением тебе полной свободы. Для того, чтобы ты могла быть счастлива, твоя

жизнь должна быть отделена немедленно и навсегда от моей обещанной жизни. Я люблю тебя, Валерия, люблю преданно, страстно, но между нами стоит тень отравленной женщины. Что пользы в том, что я невиновен, что у меня и в мыслях никогда не было сделать какое-нибудь зло моей первой жене. Моя невиновность не доказана и не может быть доказана в этом мире. Ты молода и великодушна, полна любви и надежды. Осчастливь другого своими редкими достоинствами. Для меня они бесполезны. Между нами стоит отравленная женщина. Живя со мной, ты видела бы ее, как я ее вижу. Ты должна быть избавлена от этой пытки. Я люблю тебя и покидаю тебя.

Ты считаешь меня жестоким? Подожди, время заставит тебя думать иначе. Когда пройдет несколько лет, ты скажешь себе: он низко обманул меня, но в нем было и великодушие, он освободил меня добровольно. Да, Валерия, я освобождаю тебя вполне и добровольно. Если возможно расторгнуть формально наш брак, сделай это. Употребь для этого все средства, какие тебе посоветуют, и будь заранее уверена в моей полной и безусловной покорности. Мои поверенные получают необходимые инструкции. Пусть дядя твой обратится к ним. Я уверен, что доктор Старкуэзер одобрит мою решимость покинуть тебя. Твое спокойствие и твое счастье – вот все, что занимает меня теперь в жизни. Спокойствие и счастье невозможны для тебя в союзе со мной.

Я не могу писать больше. Это письмо будет ждать тебя в гостинице. Преследовать меня бесполезно. Я знаю свою слабость. Мое сердце принадлежит тебе, и я мог бы уступить, если бы увиделся с тобой опять.

Покажи это письмо своему дяде и всем друзьям, мнение которых ты уважаешь. Мне стоит только назвать мое обещанное имя, и всякий поймет и одобрит мое решение. Прости и забудь меня. Прощай.

Юстас Макаллан».

В таких словах он простился со мной. Это было на шестой день после нашей свадьбы.

Глава XIV ОТВЕТ ЖЕНЩИНЫ

Старый друг моего отца, Бенджамен, перевез меня из гостиницы к себе. В его маленькой вилле была приготовлена для меня спальня. В ней я провела мою первую ночь после разлуки с мужем. Под утро, утомленная, я позабылась сном.

Во время завтрака заехал майор Фитц-Дэвид, чтобы узнать обо мне. Накануне он был так добр, что предложил побывать у поверенных моего мужа и поговорить с ними вместо меня. Они сказали, что знают, куда отправился Юстас, но что им запрещено сообщать его адрес кому бы то ни было. В других пунктах инструкции относительно жены их клиента, как они выразились, были великодушны до излишества. Мне стоило только написать им, чтобы получить от них копию этих инструкций.

Таковы были известия, привезенные майором. Он воздержался с отличавшим его тактом от всяких расспросов, кроме вопроса о состоянии моего здоровья. Получив ответ, он простился со мной. Но с Бенджаменом у него был продолжительный разговор в саду виллы.

Я ушла в свою комнату и написала дяде Старкуэзеру. Я рассказала ему все, что случилось, и приложила к своему письму копию прощального письма мужа. Затем я вышла погулять, чтобы подышать свежим воздухом и подумать, но скоро утомилась и вернулась опять в свою комнату. Мой добрый старый Бенджамен не стеснял меня ни в чем. После полудня я начала приходить в себя. Я хочу этим сказать, что я могла уже думать о Юстасе без слез и могла говорить с Бенджаменом, не смущая и не пугая доброго старика.

В следующую ночь я спала больше. Наутро я почувствовала, что в силах ответить на письмо мужа. Я написала ему следующее:

«Я все еще так слаба и утомлена, Юстас, что не могу написать тебе много. Но мой ум ясен. Я составила свое мнение о тебе и о твоём письме и знаю, что я намерена

делать теперь, когда ты покинул меня. Сообщи тебе коротко мои мысли и намерения.

Ты говоришь, что любишь меня, – и покидаешь меня. Я не понимаю, как можно, любя женщину, покинуть ее. Что касается меня, вопреки всем жестоким словам, которые ты сказал и написал мне, и вопреки твоему жестокому отказу от меня, я люблю тебя и не отказываюсь от тебя. Я намерена быть твоей женой до конца моей жизни.

Не удивляет это тебя? Если бы другая женщина написала это мужчине, который поступил бы с ней так, как ты поступил со мной, я не могла бы объяснить себе ее поведение. Мне следовало бы ненавидеть тебя, а я не могу не любить тебя. Я стыжусь этого, но это правда.

Ты можешь не опасаться, я не буду стараться отыскать тебя и вернуть к себе. Я знаю, что в таком состоянии духа, в каком ты находишься теперь, тебе не для чего возвращаться ко мне. Ты кругом виноват. Но я так надеюсь, что когда ты оправдаешься, то вернешься ко мне добровольно. Буду ли я так малодушна, что прощу тебя? Да, я, наверное, тебя прощу.

Но как тебе оправдаться? Над этим вопросом я ломала голову дни и ночи и решила, что тебе никогда не оправдаться без моей помощи.

Как мне помочь тебе? На этот вопрос ответить нетрудно. Чего не сделал для тебя закон, должна сделать твоя жена. Помнишь, что я сказала тебе в доме майора Фитц-Дэвида? Я сказала, что моим первым чувством, когда я узнала о вердикте шотландских присяжных, была решимость исправить этот позорный вердикт. Твое письмо укрепило во мне это намерение. Я не вижу другого средства вернуть тебя к себе в качестве кающегося и любящего мужа, как только изменить двусмысленный шотландский вердикт «не доказано» на честный вердикт «не виновен».

Тебя удивляет такое знакомство с законом со стороны несведующей женщины? Я училась, друг мой: закон и женщина начали понимать друг друга. Иными словами, я заглянула в лексикон Огилви, и Огилви сказал мне: «Вердикт «не доказано» выражает, что, по мнению присяжных, доказательства недостаточны для обвинения подсудимого. Вердикт «не виновен» выражает убеждение присяжных, что подсудимый невиновен». Юстас! Таково будет убеждение о тебе всего света вообще, и шотландских присяжных в особенности. Этой единственной цели я посвящаю свое будущее, если Господь дарует мне его.

Кто поможет мне, когда мне нужна будет помощь, я еще не знаю. Было время, когда я надеялась, что мы будем действовать в этом добром деле рука об руку. Эта надежда оказалась тщетной. Теперь я не ожидаю помощи от тебя и не прошу ее у тебя. Человек, думающий так, как ты думаешь, не может оказать никакой помощи. Его горькая участь – жить без надежды. Пусть будет так! Я буду надеяться за двоих, и, будь уверен, я найду кого-нибудь, кто поможет мне, если я достойна этого.

Я не скажу ничего о моих планах, я еще не читала твоего процесса. Но для меня достаточно знать, что ты невиновен. Когда человек невиновен, должно быть средство доказать его невиновность. Надо только найти это средство. Рано или поздно, с помощью или без помощи, я найду его. Да! Не зная ни одной подробности дела, я говорю решительно, что я найду средство доказать твою невиновность.

Ты, может быть, посмеешься над этой слепой уверенностью, может быть, и поплачешь. Я не знаю, жалка я или смешна. Я знаю только одно. Я верну тебя к себе человеком с безукоризненной репутацией и с честным именем, человеком, оправданным перед светом и обязанным этим своей жене.

Пиши мне иногда и считай меня твоей неизменно преданной и любящей женой.

Валерия».

Вот мой ответ. Жалкий в литературном отношении (теперь я могу написать письмо гораздо лучше), он отличался одним только достоинством – он был верным выражением моих чувств и намерений.

Я прочла его Бенджамену. Милый старик поднял руку, что всегда выражало с его стороны сильнейшее смущение и изумление.

– По-моему, это самое опрометчивое письмо, какое когда-либо было написано, – сказал он. – Я никогда не слыхал, Валерия, чтобы женщина сделала то, что вы намереваетесь сделать. Помилуй нас Бог! Я совсем не понимаю нового поколения. Желал бы я, чтобы ваш дядя был здесь. Что сказал бы он? О Боже мой, видано ли когда, чтобы жена написала мужу такое письмо? Неужели вы действительно намерены послать его?

Он удивился еще больше, когда узнал, что я отказалась воспользоваться почтой. Мне хотелось увидеть «инструкции», оставленные мужем, и я повезла письмо к его поверенным сама.

Фирма состояла из двух партнеров. Они приняли меня оба. Один был худой человек с кислой улыбкой. Другой был грубый толстяк с нахмуренными бровями. Я невзлюбила их с первого взгляда. Они, со своей стороны, отнеслись ко мне, по-видимому, с большим недоверием. Мы начали с несогласия. Они показали мне инструкции моего мужа, в которых, между прочим, уступалась мне половина его годового дохода до конца моей жизни. Я положительно отказалась взять хоть фартинг из его денег.

Юристы были непритворно поражены моим решением. Ничего подобного не случалось до сих пор в их практике. Они возражали мне, они уговаривали меня. Партнер с нахмуренными бровями пожелал узнать причину моего отказа. Партнер с кислой улыбкой напомнил своему собрату, что я женщина и что мои действия безотчетны. Я сказала только: «Будьте так добры, джентльмены, перешлите это письмо моему мужу», – и ушла от них.

Я не желаю приписывать себе таких достоинств, какими не обладаю. Причиной моего отказа была гордость. Гордость не позволяла мне пользоваться вспомоществованием от мужа после того, как он покинул меня. Доход с моего собственного небольшого состояния (восемьсот фунтов в год), укрепленный за мной брачным контрактом, был достаточен для меня до замужества. Я решила довольствоваться им и теперь. Бенджамен настаивал, чтобы я считала его дом своим домом. При таких условиях расходы, которые могли представиться мне по делу моего мужа, были единственными расходами, которые я предвидела. Я могла жить независимо и решила жить независимо.

К этому признанию я должна прибавить еще следующее. Как ни горячо я любила моего несчастного заблуждавшегося мужа, было кое-что, что мне трудно было простить ему.

Прощая все остальное, я не могла примириться только с тем, что он скрыл от меня свой первый брак. Я сама не понимаю, почему я по временам думала об этом с такой горечью. Причиной была, вероятно, ревность, хотя и не помню, чтобы я когда-нибудь думала с ревностью о несчастной женщине, умершей такой ужасной смертью. Но Юстас не должен был хранить в тайне от меня свой первый брак, думала я в минуты недовольства и упадка духа. Что сказал бы он, если бы я была вдовой и вышла за него, не открыв ему это?

Время близилось к вечеру, когда я вернулась на виллу. Бенджамен, по-видимому, поджидал меня. Не успела я позвонить, как он уже отпер мне калитку сада.

– Приготовьтесь к сюрпризу, друг мой, – сказал он. – Ваш дядюшка, преподобный доктор Старкуэзер, ждет вас у меня. Он получил ваше письмо сегодня утром и с первым же поездом приехал в Лондон.

Через минуту я была в крепких объятиях дяди. В моем одиноком положении меня очень тронуло его внимание ко мне. Благодарность вызвала слезы на мои глаза, слезы, в которых не было горечи, которые облегчили меня.

– Я приехал сюда, милое дитя мое, чтобы взять тебя в твой старый дом, – сказал он. – Никакими словами не передать, как горячо желал бы я, чтобы ты никогда не покидала его. Хорошо, хорошо! Я не буду говорить об этом. Ошибка сделана, и теперь остается только загладить ее, насколько это возможно. Если бы мне удалось встретиться с твоим мужем, Валерия! Да простит меня Бог, я забыл, что я священник... Тетка поручила передать тебе ее нежнейшую любовь. Она теперь суевернее, чем когда-либо. Несчастный случай с тобой не удивил ее нимало. Она говорит, что все началось с того, что ты сделала ошибку, записывая свое имя в церковной книге. Помнишь? Не смешно ли это? О, она безрассуднейшая женщина, моя жена. Но что за добрейшая душа! Она приехала бы сюда со мной, если бы я согласился взять ее. Но я сказал: «Нет, ты останешься и будешь смотреть за домом и за приходом, а я поеду и привезу сюда племянницу». Ты займешь свою прежнюю спальню, Валерия. Помнишь свою спальню с белыми занавесками, подобранными голубыми бантами? Если ты успеешь собраться, мы отправимся завтра утром с поездом, который отходит в девять часов сорок минут.

Вернуться в дом викария? Могла ли я согласиться на это? Если бы я зарылась в далеком северном приходе, могла ли бы я сделать то, что было теперь единственной целью моего существования? Нет, я должна была отказаться от предложения доктора Старкуэзера.

– Я очень благодарна вам, дядя, – сказала я, – но боюсь, что в настоящее время мне нельзя уехать из Лондона.

– Нельзя уехать из Лондона? Что это значит, мистер Бенджамен?

Бенджамен уклонился от прямого ответа.

– Я буду очень рад, доктор Старкуэзер, если она останется у меня.

– Это не ответ, – возразил дядя со своей грубой прямоотой.

Затем он обратился опять ко мне.

– Что удерживает тебя в Лондоне? – спросил он. – Ты когда-то не терпела Лондона.

Мой добрый покровитель и друг имел полное право на мою откровенность. Я обязана была сообщить ему свои планы. Викарий выслушал меня, затаив дух от изумления, и, когда я кончила, обратился с тревогой на лице к Бенджамену.

– Да спасет ее Господь! – воскликнул он. – Ее несчастье отуманило ее рассудок!

– Я предвидел, что вы не одобрите ее замыслов, – сказал Бенджамен со свойственной ему мягкостью и умеренностью. – Признаюсь, я и сам не одобряю их.

– Не одобряю их! – воскликнул викарий. – Не смягчайте дела, сэр, пожалуйста, не смягчайте дела. Ее замыслы – безумие, если она говорит серьезно.

Он повернулся опять ко мне и взглянул на меня так, как смотрел обыкновенно, когда экзаменовал упрямого ребенка за вечерней службой.

– Но ведь ты шутила, не правда ли? – спросил он.

– Мне жаль лишать себя вашего доброго мнения обо мне, но я должна сознаться, что говорю серьезно, – ответила я.

– Иными словами, – возразил викарий, – ты так самонадеянна, что считаешь себя способной сделать то, чего не могли сделать лучшие шотландские юристы. Они все вместе не могли доказать его невиновность, а ты намерена сделать это одна. Честное слово, ты удивительная женщина! – воскликнул дядя, внезапно переходя от негодования к иронии. – Позволительно ли простому сельскому священнику, не привыкшему к юристам в юбках, спросить, как намерена ты это сделать?

– Я намерена прежде всего прочесть отчет о деле, дядя.

– Прекрасное чтение для молодой женщины. После этого тебе понадобится коллекция французских романов. А что сделаешь ты после того, как прочтешь отчет? Думала ты об этом?

– Да, дядя, я думала и об этом. Прочитав отчет, я постараюсь сначала угадать, кто действительно мог совершить преступление. Затем я составлю список свидетелей, показывавших в пользу моего мужа. Я отправлюсь к этим свидетелям и скажу им, кто я и что мне нужно. Я буду задавать им такие вопросы, до каких не снисходят великие юристы. Таковы мои планы, дядя, насколько они известны мне теперь.

Викарий и Бенджамен переглянулись с таким видом, как будто не верили своим ушам. Викарий заговорил первый.

– Так ты намерена скитаться по стране и обращаться к снисходительности незнакомых людей, рискуя испытать всевозможные грубости? Прекрасно! Молодая женщина! Покинутая мужем! Беззащитная! Слышали вы это, мистер Бенджамен? И верите ли вы своим ушам? Что касается меня, я говорю перед Богом, что я не знаю, во сне я это слышу или наяву. Взгляните на нее, взгляните только на нее! Она сидит, равнодушная и спокойная, как будто не сказала ничего особенного и не замышляет ничего особенного. Что мне делать с ней – вот в чем задача, – что мне делать с ней?

– Дайте мне предпринять опыт, дядя, хотя он и кажется вам безрассудным. Ничто, кроме этого, не может утешить и поддержать меня, а одному Богу известно, как я нуждаюсь в утешении и поддержке. Не считайте меня безрассудной. Я согласна, что на моем пути есть серьезные препятствия.

– О? Так ты с этим согласна? – воскликнул дядя ироническим тоном. – По крайней мере, хоть что-нибудь выиграно.

– Многие женщины, – продолжала я, – боролись с серьезными затруднениями и преодолевали их ради любимого человека.

Доктор Старкуэзер медленно поднялся на ноги с видом человека, терпение которого доведено до последних пределов.

– Должен ли я заключить из твоих слов, что ты все еще влюблена в мистера Юстаса Макаллана? – спросил он.

– Да.

– В героя знаменитого процесса об отравлении? – продолжал дядя. – В человека, обманувшего и бросившего тебя? Ты любишь его?

– Более, чем когда-либо.

– Мистер Бенджамен, – сказал дядя, – если она до девяти часов следующего утра придет в себя, пришлите ее с багажом в гостиницу Локсли, где я остановился. Прощай» Валерия. Я посоветуюсь насчет тебя с твоей теткой. Теперь мне больше нечего сказать тебе.

– Поцелуйте меня на прощанье, дядя.

– О, хорошо! Я готов поцеловать тебя. Все, что тебе угодно, Валерия. Мне будет шестьдесят пять лет в следующий день моего рождения, и я думал, что в мои годы я должен сколько-нибудь знать женщин. Оказывается, что я не знаю ничего. Не забудьте мой адрес, мистер Бенджамен, Гостиница Локсли. Прощайте.

Проводив доктора Старкуэзера до калитки сада, Бенджамен вернулся ко мне с необычайно торжественным видом.

– Послушайтесь добрых советов, душа моя, – сказал он. – Я не прошу вас считать мой взгляд на дело стоящим внимания, но о мнении вашего дяди стоит подумать.

Я не ответила. Продолжать разговор было бы бесполезно. Меня не понимали и обескураживали, и я решила покориться этому. «Доброй ночи, мой милый старый друг», – было все, что я сказала Бенджамену, и, отвернувшись от него со слезами на глазах, ушла в свою спальню.

Оконная штора была поднята, и осенняя луна ярко освещала комнату.

Стоя перед окном, я вспомнила другую лунную ночь, ту ночь, когда мы ходили с Юстасом по саду викария, когда к нашему браку были препятствия и он предлагал освободить меня. Я вспомнила его милое лицо, глядевшее на меня при лунном свете, вспомнила его слова и свои. «Прости мне, – сказал он, мою любовь к тебе, мою страстную, преданную любовь. Прости меня и позволь мне удалиться!»

А я ответила: «О Юстас, я только женщина, не своди меня с ума! Я не могу жить без тебя, я должна быть и буду твоей женой». А теперь, соединенные браком, мы были разлучены. И из-за чего? Из-за того, что он был обвинен в преступлении, которого никогда не совершал, из-за того, что шотландские присяжные не сумели убедиться в его невиновности.

Эти мысли и воспоминания при чудном лунном свете зажгли во мне новую энергию. Нет, сказала я себе, ни родные, ни друзья не заставят меня поколебаться в деле моего мужа. Доказать его невиновность будет задачей моей жизни. Я примусь за нее немедленно.

Я опустила штору и зажгла свечи. В тишине ночи, одна и без всякой помощи, я сделала первый шаг на моем тяжелом пути. С заглавного листа до конца, не останавливаясь для отдыха и не пропуская ничего, я прочла отчет о процессе моего мужа, обвинявшегося в убийстве своей жены.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава XV СУДОПРОИЗВОДСТВО

Я не могу заставить себя переписать вторично ужасную заглавную страницу, подвергающую публичному позору имя моего мужа. На второй странице книги составитель ее заверял читателей в безукоризненной точности отчета. Он сообщил, что председатель сам просматривал отчет о своем обращении к присяжным. Представители обвинения и защиты сами просматривали свои речи. Наконец, составитель употребил все старания, чтобы достать буквальное воспроизведение свидетельских показаний. Мне важно было узнать, что я имела в

руках полную и верную историю дела.

Следующая страница была еще интереснее для меня. На ней был перечень лиц, действовавших в юридической драме, лиц, державших в своей власти честь моего мужа и жизнь моего мужа. Вот этот список:

Лорд-судья, председатель судьи Лорд Друмфенник Лорд Ноблкерк

Лорд-адвокат (Дэвид Минто) коронные обвинители Доналд Дрю, эсквайр (товарищ адвоката)

Мистер Джеймс Эрлис, агент обвинительной власти

Декан факультета² (Фармикл) защитники подсудимого Александр Крокет, эсквайр, адвокат

Мистер Торнибанк агенты защиты Мистер Плеймор

Далее следовал обвинительный акт. Этот ужасный документ, с его неуклюжим языком, полный ненужных повторений, не будет полностью приведен здесь. В нем говорилось, что Юстас Макаллан «был предан суду и обвинялся по требованию Дэвида Минто, эсквайра, адвоката ее величества, в интересах ее величества», в умерщвлении своей жены ядом в своем имении Гленинге, в графстве Мидлотиан. Яд, по мнению обвинителя, был дан подсудимым его жене Саре в виде мышьяка, положенного в чай или в лекарство, «или в какой-нибудь другой род пищи или питья, или каким-нибудь другим способом, неизвестным обвинителю». Далее объявлялось, что жена подсудимого умерла от яда, данного ей ее мужем в чае, в лекарстве или в том и другом. В следующем параграфе говорилось, что подсудимый Юстас Макаллан, приведенный к Джону Девиоту, эсквайру, адвокату, исправляющему должность шерифа Мидлотиана, дал показания, в которых уверял в своей невиновности, и что эти показания представлены в суд вместе с другими бумагами, документами и вещественными доказательствами, которые все поименованы в описи улик против подсудимого. Обвинительный акт заканчивался объявлением, что в случае, если виновность подсудимого будет подтверждена вердиктом присяжных, он «должен быть подвергнут установленному законом наказанию, дабы его пример мог удержать других на все грядущие времена от подобных преступлений».

Довольно об обвинительном акте! Я покончила с ним, и слава Богу, что покончила.

На трех следующих страницах находилась подробная опись бумаг, документов и вещественных доказательств. Далее следовал список свидетелей и имена пятнадцати присяжных и, наконец, начинался отчет о судопроизводстве. Дело подразделялось на три главных вопроса. В таком виде я передам его и здесь.

Глава XVI

ПЕРВЫЙ ВОПРОС: ОТ ОТРАВЫ ЛИ УМЕРЛА ЖЕНА ПОДСУДИМОГО?

Заседание началось в десять часов. Подсудимый, введенный в палату Верховного суда в Эдинбурге, почтительно поклонился судьям и на вопрос, признает ли он себя виновным, тихим голосом отвечал отрицательно.

Все присутствовавшие заметили, что лицо подсудимого обнаруживало сильное душевное страдание. Он был смертельно бледен. Глаза его ни разу не поднялись на публику. При появлении каждого нового свидетеля, показывавшего против него, он взглядывал на него с пристальным вниманием, в остальное время стоял с опущенной головой. Когда показания коснулись болезни и смерти его жены, он был глубоко взволнован и закрыл глаза руками. Вообще было замечено с удивлением, что подсудимый, хотя и мужчина, обнаружил несравненно менее самообладания, чем судившаяся перед ним женщина, обвиненная в убийстве на основании множества неопровержимых улик. Некоторые из присутствовавших (незначительное

² Dean of Faculty (англ.) — старшина корпорации адвокатов в Эдинбурге.

меньшинство) признали этот недостаток самообладания в подсудимом свидетельством в его пользу. Спокойствие в его положении означало бы, по их мнению, закоренелую бесчувственность бессердечного и бессовестного преступника и было бы само по себе доказательством виновности.

Первым из вызванных свидетелей был Джон Девиот, эсквайр, исправляющий должность шерифа в Мидлотиане, На вопрос лорда-адвоката, представителя обвинения, он рассказал следующее:

«Подсудимый был приведен ко мне двадцать девятого октября. Он написал и подписал свое показание. Это было сделано добровольно и без принуждения, причем подсудимому были сделаны необходимые предостережения.

Подсудимый обвинялся в убийстве. Это было сообщено ему прежде, чем он подписал свое показание. Вопросы подсудимому были предложены отчасти мною, отчасти другим чиновником судебного ведомства. Ответы были ясные и, как мне кажется, чистосердечные».

Появление вызванной затем свидетельницы произвело заметное волнение в публике. То была сиделка, ухаживавшая за миссис Макаллан во время ее последней болезни, Кристин Ормзон.

Ответив на первые формальные вопросы, сиделка, допрашиваемая лордом-адвокатом, рассказала следующее:

«Я поступила к миссис Макаллан седьмого октября. Она страдала тогда от сильной простуды, сопровождавшейся ревматическим воспалением левой коленки. Я слышала, что до этого времени здоровье ее было удовлетворительно. Ухаживать за ней было очень нетрудно, стоило только привыкнуть к ее характеру. Она была не зла, но упряма и вспыльчива, легко раздражалась и во время своих вспышек не отдавала себе отчета в своих действиях. Мне кажется, что ее характер испортился вследствие ее несчастного замужества. Она не была скрытной особой. Мне даже кажется, что она была слишком откровенна со своими слугами, как со мной, например, насчет себя и своих неприятностей. Она не стеснясь говорила мне, когда мы привыкли друг к другу, что она очень несчастна. Она часто жаловалась на мужа. Однажды ночью, когда она не могла спать и была в тревожном состоянии, она сказала мне...»

Показание свидетельницы было прервано деканом факультета. В интересах подсудимого он обратился к судьям и спросил, может ли суд принимать такие сбивчивые и не идущие к делу показания?

Лорд-адвокат в интересах обвинения объявил себя вправе представить это показание. В высшей степени важно в этом деле выяснить на основании показаний непредубежденных свидетелей, в каких отношениях жили муж и жена, сказал он. Свидетельница – весьма почтенная особа, она сумела снискать доверие несчастной женщины, за которой ходила, когда та была на смертном одре.

После краткого совещания судьи решили единогласно, что показание не может быть принято. Свидетельница должна показывать только то, что она сама видела и заметила в отношениях мужа и жены.

Лорд-адвокат возобновил допрос свидетельницы, и Кристин Ормзон рассказала следующее:

«Мое положение сиделки давало мне возможность видеть миссис Макаллан почти постоянно, и я в состоянии рассказать многое, что неизвестно другим.

Так, например, я не раз имела возможность заметить, что мистер и миссис Макаллан жили друг с другом не совсем счастливо. Я могу представить вам пример этого, пример не из того, что я слышала от других, но из того, что видела сама.

В начале второй половины моего пребывания у миссис Макаллан, в Гленинг приехала погостить некто миссис Болл, молодая вдова и родственница мистера Макаллана. Миссис Макаллан ревновала мужа к этой особе и выказала это в моем присутствии накануне своей смерти, когда мистер Макаллан пришел в ее комнату, чтобы узнать, как она провела ночь.

«Какое тебе дело, как я провела ночь, – сказала она. – Не все ли тебе равно, спала я или нет? Как провела ночь миссис Болл? Все так же ли она прекрасна, как всегда? Иди к ней, не теряй времени со мной». Начав так, она довела себя до одного из своих припадков бешенства! Я причисывала ее в это время. Думая, что мое присутствие при такой сцене неуместно, я хотела уйти из комнаты. Она остановила меня. Мистер Макаллан был также того мнения, что мне следовало уйти, и высказал это прямо. Миссис Макаллан потребовала, чтобы я осталась, и употребила при этом выражения, крайне оскорбительные для мужа. Он сказал: «Если ты не в состоянии сдержаться – кто-нибудь из нас, я или сиделка, уйдем из комнаты». Она сказала: «Это хороший предлог, чтоб уйти к миссис Болл. Иди!» Он вышел из комнаты. Лишь только дверь за ним затворилась, как миссис Макаллан начала говорить мне о нем самые оскорбительные для него вещи. Между прочим, она сказала, что ничто не обрадовало бы его так, как ее смерть. Я начала возражать ей. Она схватила головную щетку, швырнула ее в меня и выгнала меня из комнаты. Я ушла и ждала внизу, пока не успокоилась. Затем я вернулась к ней, и некоторое время все шло как обычно.

Не лишнее, может быть, сказать несколько слов в объяснение ревности миссис Макаллан к миссис Болл. Миссис Макаллан была некрасивая женщина. У нее было бельмо на одном глазу, а цвет лица ее был самый грубый и нечистый, какой я когда-либо видела. Миссис Болл, напротив, была весьма привлекательная особа. Глаза ее приводили всех в восхищение, а цвет лица у нее был самый нежный и чистый. Бедная миссис Макаллан уверяла, что она белится и румянится, но это было несправедливо.

Нет, дурной цвет лица не был следствием ее болезни. Мне кажется, что это был природный недостаток.

Ее болезнь, если вы желаете, чтобы я описала ее, была только несносна. До последнего дня в состоянии ее здоровья не было никаких сколько-нибудь опасных симптомов. Ревматизм в коленке был мучителен при движении, даже очень мучителен, и невозможность встать с постели была, конечно, тяжела. Но вообще ее здоровье до рокового припадка не внушало никому никаких серьезных опасений. У нее были книги и письменные принадлежности, лежавшие всегда возле нее на больничном столе, который можно было ставить во всякое удобное для нее положение. Иногда она читала или писала, иногда лежала неподвижно, думая или разговаривая со мной и с двумя соседками, часто навещавшими ее.

Ее письменные произведения, как мне известно, были почти исключительно в поэтическом роде. Она была большая мастерица писать стихи. Я не судья в таких вещах. Я знаю только, что поэзия ее была в грустном роде: жалобы на свою участь, недоумение, зачем она родилась, и тому подобный вздор. Были также намеки на жестокость сердца ее мужа и на его неспособность понять и оценить достоинства жены. Словом, ее перо, как и ее язык, служило ей только для выражения ее неудовольствия. Бывали дни, когда даже ангел с небес не мог бы угодить миссис Макаллан.

Во время своей болезни покойная леди занимала большую спальню в первом этаже.

Да, показанный мне план комнаты вполне верен. Одна дверь выходила в большой коридор, в который выходили двери и всех других комнат. Другая дверь, на боковой стороне, означенная на плане буквой В, вела в спальню мистера Макаллана. Третья дверь, на противоположной стороне, означенная на плане буквой С, выходила в небольшой кабинет, или библиотеку. Эту комнату, как я слышала, занимала обыкновенно мать мистера Макаллана, когда приезжала погостить в Гленинг, в остальное же время она стояла незанятая. Во время моего пребывания в доме мать мистера Макаллана не приезжала. Дверь между кабинетом и спальней была постоянно заперта, и ключ вынут. Я не знаю, у кого был этот ключ и был ли один ключ или несколько. При мне никто не отворял эту дверь. Я была в кабинете только раз, вместе с экономкой. Мы входили в дверь из коридора.

Прошу заметить, что я могу ручаться за точность моих показаний о болезни миссис Макаллан и о внезапной перемене, кончившейся ее смертью. По совету доктора я в то время писала заметки с обозначением числа и часов. Перед тем как идти сюда, я просмотрела эти заметки. С седьмого октября, когда я начала ухаживать за ней, до двадцатого она поправлялась, хотя медленно, но постоянно. Ее коленка все еще болела, конечно, но воспаленный вид ее проходил. Что касается ее здоровья вообще, кроме слабости от лежания в постели и раздражительности, не было никаких дурных симптомов. Она спала плохо, это правда, но против

этого у нее было наркотическое лекарство, прописанное доктором.

Утром двадцать первого, в начале седьмого часа, я впервые заметила в состоянии больной перемену к худшему.

Я проснулась от звона колокольчика, стоявшего на ее спальном столе. Я заснула на диване в ее спальне в половине третьего ночи. Миссис Макаллан тогда еще не спала. Она сердилась на меня за то, что я старалась уговорить ее позволить мне убрать с ее стола туалетную шкатулку. Шкатулка занимала очень много места, и мне казалось, что она не будет нужна ей ночью. Но миссис Макаллан настаивала, чтобы я оставила ее. В шкатулке было зеркало, и миссис Макаллан, как ни была она некрасива, никогда не могла наглядеться на себя вдоволь. Я заметила, что она сердится, и уступила ей. Зная, что в таком расположении духа она не будет говорить со мной и не примет из моих рук успокоительное лекарство, я легла на диван и от усталости заснула.

Но лишь только она позвонила, я проснулась и подошла к ней. Я спросила, как она себя чувствует. Она пожаловалась на слабость и на тошноту. Я спросила, не приняла ли она какого-нибудь лекарства или не съела ли она что-нибудь, пока я спала. Она ответила, что муж ее входил около часа тому назад и, увидев, что она все еще не спит, дал ей успокоительное лекарство. В эту минуту присоединился к нам и сам мистер Макаллан, ночевавший в соседней комнате. Он тоже проснулся от звонка. Он слышал, что сказала мне миссис Макаллан о лекарстве и не сделал никакого замечания. Мне показалось, что он был встревожен состоянием жены. Я посоветовала ей выпить немного вина или водки с водой. Она ответила, что не согласится проглотить ничего горячительного, так как и без того чувствует жгучую боль в желудке. Я положила руку на ее желудок, но, как ни осторожно я это сделала, она вскрикнула от боли.

Этот симптом испугал меня. Мы послали в деревню за доктором, лечившим миссис Макаллан.

Мистер Голл, доктор, знал, по-видимому, не более нас о причине перемены к худшему в состоянии здоровья пациентки. Услыхав, что она жалуется на жажду, он дал ей молока. Немного спустя ее стошнило. Это, по-видимому, принесло ей облегчение. Она заснула. Мистер Голл ушел от нас, строго наказав нам послать за ним немедленно, если ей сделается опять хуже.

В продолжение трех следующих часов не заметно было никакой перемены. Она проснулась около половины десятого и спросила о муже. Я сказала, что он ушел в свою комнату, и спросила, не прикажет ли она послать за ним. Она ответила «нет». Я спросила затем, не желает ли она съесть или выпить чего-нибудь. Она ответила опять «нет» и каким-то странным, растерянным тоном послала меня вниз завтракать. На пути в людскую, где я обыкновенно завтракала, я встретила с экономкой. Она пригласила меня завтракать в свою комнату. Я пробыла у нее недолго, никак не более получаса. Возвращаясь наверх, я встретила с помощницей горничной, подметавшей лестницу. Она сообщила мне, что миссис Макаллан выпила во время моего отсутствия чашку чая. За чаем приходил слуга мистера Макаллана, по приказанию барина. Девушка сделала чай и снесла чашку наверх. Барин, сказала она, отворил дверь и сам взял чашку из ее рук. Дверь была отворена настолько, что девушка могла заметить, что в комнате не было никого, кроме миссис Макаллан и ее мужа.

Поговорив с девушкой, я вернулась в спальню. Миссис Макаллан была одна. Она лежала совершенно спокойно, повернувшись лицом к стене. Подходя к постели, я наткнулась ногой на осколки разбитой чашки. «Кто это разбил чашку, сударыня?» – спросила я. «Я», – ответила она, не повернувшись ко мне и каким-то странным, глухим голосом. «Прежде чем выпили чай?» – спросила я. «Нет, выпив чай и возвращая чашку мистеру Макаллану». Я задала ей этот вопрос, чтобы узнать, пила ли она чай и не надо ли принести ей еще, если она не пила. Я вполне уверена, что помню хорошо свои вопросы и ее ответы. Затем я спросила, давно ли она одна. Она ответила: «Да, я старалась заснуть». – «Хорошо ли вы себя чувствуете?» – спросила я. Она ответила опять «да». Все это время она лежала, отвернувшись от меня. Подойдя к ней, чтобы поправить простыни, я взглянула на стол. Письменные принадлежности, всегда лежавшие на нем, были теперь разбросаны, и на одном из перьев я заметила невысохшие чернила. Я спросила: «Неужто вы писали, сударыня?» – «Почему же нет? – сказала она. – Я не могла спать». – «Новую поэму?» – спросила я. Она засмеялась горьким, отрывистым смехом. «Да, новую поэму», – сказала она. «Это хороший знак, – продолжала я. – Это показывает, что вы поправляетесь. Нам не понадобится сегодня доктор». Вместо ответа она только нетерпеливо махнула рукой. Я не

поняла этого знака. Заметив это, она сказала мне сердито: «Уйдите от меня, я хочу быть одна».

Я принуждена была исполнить ее желание. По-видимому, она не чувствовала ничего особенного и могла обойтись без меня. Я повесила шнурок от звонка так, чтобы она могла достать его, и сошла опять вниз.

Прошло, как мне кажется, около получаса. Я сидела вблизи от звонка, но миссис Макаллан не звонила. Я чувствовала себя не совсем спокойно, сама не зная почему. Глухой голос, которым она говорила со мной в последний раз, не выходил у меня из головы. Я боялась оставить ее надолго одну и боялась рассердить ее, войдя к ней без звонка. Я решилась сойти в нижний этаж, в так называемую утреннюю комнату, где мистер Макаллан обыкновенно проводил утренние часы, и посоветоваться с ним. Однако в этот раз я не нашла его в утренней комнате, но услышала его голос на террасе. Я вошла и застала его разговаривающим с мистером Декстером, его старым другом, гостившим у него. Мистер Декстер сидел у окна своей комнаты наверху (он не владел ногами и возил себя сам в кресле на колесах), а мистер Макаллан говорил с ним, стоя на террасе внизу, «Декстер, – сказал он, – где миссис Болл? Не видали ли вы ее?» Мистер Декстер ответил, что не видал и не знает, где она.

Я выступила вперед и, извинившись, рассказала мистеру Макаллану о своем затруднении и спросила у него, следует ли мне войти без звонка или нет. Не успел он дать мне совет, как вошел слуга и объявил, что миссис Макаллан звонит, и звонит очень сильно.

Было около одиннадцати часов. Я опрометью бросилась наверх.

В коридоре я услышала, что миссис Макаллан стонет. Она страдала ужасно. Она чувствовала жгучую боль в желудке и в горле и опять тошноту. Я не доктор, но по лицу ее я поняла, что этот второй припадок был гораздо серьезнее первого. Я позвонила, чтобы вызвать кого-нибудь и послать к мистеру Макаллану, потом выглянула в дверь, надеясь найти кого-нибудь в коридоре.

Я увидела только миссис Болл. Она, по ее словам, только что вышла из своей комнаты, чтобы узнать о здоровье миссис Макаллан. Я сказала ей: «Миссис Макаллан чувствует себя очень дурно. Будьте так добры, сообщите это мистеру Макаллану и попросите его послать за доктором». Она тотчас же побежала вниз, чтобы исполнить мою просьбу.

Несколько минут спустя в спальню вошли мистер Макаллан и миссис Болл. Больная взглянула на них каким-то странным взглядом, таким взглядом, что я и описать его не могу, и попросила их уйти. Миссис Болл, по-видимому сильно испуганная, удалилась немедленно. Мистер Макаллан приблизился к постели. Жена взглянула на него опять тем же странным взглядом и воскликнула полуугрожающим, полуумоляющим тоном: «Оставь меня с сиделкой! Уйди». Он ушел, шепнув мне мимоходом: «За доктором послано».

До прихода мистера Голла больную стошнило. Рвота была мутная, пенистая и слегка подернутая кровью. Когда мистер Голл увидел это, он, видимо, смутился, и я слышала, как он сказал про себя: «Что это значит?» Он сделал все что мог, чтобы помочь больной, но, по-видимому, безо всякого успеха. Некоторое время ей было полегче, потом началась опять рвота, после рвоты стало опять легче. Но руки и ноги ее были постоянно холодны. Отзыв доктора о ее пульсе был также постоянно один и тот же: очень слаб. Я спросила мистера Голла: «Как же нам быть, сэр?» Он ответил: «Я не могу оставить ответственность на одном себе. Я прошу пригласить доктора из Эдинбурга».

Немедленно запряжена была в кабриолет быстрейшая лошадь из гленингской конюшни, и кучер отправился в Эдинбург за знаменитым доктором Джеромом.

В ожидании доктора мистер Макаллан вошел опять в комнату жены. Как ни была она слаба, но, увидев его, тотчас же подняла руку и сделала ему знак, чтобы он ушел. Он начал упрашивать ее позволить ему остаться. Нет, она настаивала, чтобы он ушел. Такое обращение с ним в присутствии доктора и в такое время сильно огорчило его. Он подошел к жене и, прежде чем она успела заметить его, поцеловал ее в лоб. Она вскрикнула и отшатнулась от него. Мистер Голл решил вмешаться и попросил его выйти из комнаты.

После полудня приехал доктор Джером.

Знаменитый врач вошел в спальню в то самое время, когда с больной сделался новый припадок рвоты. Он глядел на нее долго и молча, потом обратился ко мне и сказал, что желает остаться наедине с мистером Голлом. «Мы позвоним, когда вы будете нужны нам», – прибавил он.

Прошло долгое время, прежде чем они позвонили мне. Пока я ждала, они послали кучера в Эдинбург с запиской к слуге доктора Джерома, предупреждавшего, что он не вернется к своим городским пациентам еще несколько часов. Некоторые из нас сочли это дурным знаком для миссис Макаллан. Другие же думали, что это значит, что доктора надеются спасти ее, но полагают, что должны будут провести с ней для этого долгое время.

Наконец позвали меня. Когда я вошла в спальню, доктор Джером ушел поговорить с мистером Макалланом, оставив со мной мистера Голла. С этих пор до конца жизни бедной миссис Макаллан я не оставалась с ней ни на минуту одна. Тот или другой из докторов был постоянно в ее комнате. Обедать они ходили также поочередно. Это не удивило бы меня, если бы они давали больной лекарства. Но они не давали ей больше никаких лекарств. Их единственным делом возле нее было, по-видимому, стеречь ее. Я считала это своим делом, и поведение докторов очень удивило меня.

Когда в спальне зажгли лампу, я увидела, что конец близок. За исключением судорог в ногах, тревоживших ее время от времени, страдания больной, по-видимому, уменьшились. Но глаза ее ввалились, тело было холодно и влажно, губы посинели. Ничто теперь не возбуждало ее внимания, кроме, впрочем, последней попытки мужа повидаться с ней. Он вошел вслед за доктором Джеромом с видом человека, пораженного ужасом. Она не могла уже говорить, но, увидев его, тотчас дала понять слабыми знаками и звуками, что желает, чтобы он ушел. Он был так огорчен, что мистер Голл должен был помочь ему выйти из комнаты. Никому другому не позволяли входить к больной. Мистер Декстер и миссис Болл спрашивали о ней за дверью, но их не приглашали войти. Доктора сидели по обе стороны постели; молча глядя на больную, молча ожидая ее кончины.

Около восьми часов у нее отнялись руки и ноги, немного позже она впала в забытие. Ее тяжелое дыхание мало-помалу становилось все слабее и слабее. Около половины десятого доктор Джером приказал мне поднести к постели лампу. Он взглянул на нее, приложил руку к ее сердцу и сказал мне: «Вы можете уйти. Она скончалась». Затем он обратился к мистеру Голлу: «Потрудитесь спросить, может ли мистер Макаллан принять нас». Я отворила дверь перед мистером Голлом и вышла вслед за ним. Доктор Джером кликнул меня и приказал мне подать ему ключ от двери. Я, конечно, исполнила его приказание, хотя оно очень удивило меня. Сойдя вниз в людскую, я заметила, что и там все чувствовали, что в доме что-то неладно. Мы все были в тревоге, сами не зная почему.

Немного позже оба доктора ушли. Мистер Макаллан объявил, что он не в силах принять их выслушать то, что они хотели сказать ему. Вследствие этого они имели тайный разговор с мистером Декстером, как с его старым другом и единственным джентльменом, гостившим в доме.

Прежде чем лечь в постель, я пошла наверх, чтобы убрать тело покойницы. Дверь из ее спальни в коридор была заперта, так же как и дверь из спальни мистера Макаллана. Ключи, как мне сказали, были взяты мистером Голлом. У дверей стояли на страже двое слуг.

Не зная, как мне поступить, я решила постучаться в дверь к мистеру Декстеру. Из его уст я впервые услышала поразительное известие. Оба доктора отказались дать обыкновенное свидетельство о смерти. На следующее утро предстояло медицинское вскрытие тела».

Этим кончилось показание Кристины Ормзон, сиделки.

Как ни мало была я знакома с судопроизводством, но я поняла, с какой целью до сих пор велся допрос свидетельницы. Показав сначала, что муж мой имел два случая дать яд – в первый раз в лекарстве, во второй раз в чае, – обвинитель старался внушить присяжным, что подсудимый воспользовался этими случаями, чтобы освободиться от безобразной и ревнивой жены, выведившей его из терпения своим несносным характером.

Задавшись этой целью, лорд-адвокат выпытал у свидетельницы все, что ему было нужно. После него встал декан факультета и попытался повторным допросом свидетельницы выказать лучшую сторону характера покойной, чтобы показать присяжным, что она вовсе не была женщиной, которая могла довести своего мужа до отчаяния. Если бы эта попытка удалась защитнику, какой побудительной причиной можно было бы объяснить преступление, в котором обвиняли подсудимого?

Вопросы этого искусного юриста заставили сиделку представить покойную жену моего

мужа в совершенно другом виде. Вот сущность того, что декан факультета выпытал у Кристины Ормзон.

«Я настаиваю на том, что у миссис Макаллан был ужасный характер. Но она имела обыкновение искупать оскорбления, которые наносила во время своих вспышек. Успокоившись, она всегда учтиво извинялась передо мной. Ее обращение в такие минуты было доброжелательно, она говорила и поступала как благовоспитанная леди. Что касается ее наружности, она была некрасива лицом, но очень стройна. Ее руки и ноги, как я слышала, служили однажды моделью для скульптора. У нее был приятный голос, и, говорят, она пела очень хорошо, когда была здорова. Кроме того, по словам ее горничной, она была образцом в умении одеваться для других леди по соседству. Что касается ее чувств к миссис Болл, она, действительно, ревновала мужа к красивой молодой вдове, но в то же время умела сдерживать это чувство. Миссис Болл гостила в доме по желанию самой миссис Макаллан. Миссис Болл, узнав о ее болезни, хотела отложить свое посещение, но миссис Макаллан сама, а не муж ее, решила просить ее приехать в назначенное время, не стесняясь ее болезнью. Миссис Макаллан, несмотря на свой характер, была любима своими друзьями и слугами. Все домашние без исключения плакали, узнав, что она умирает. Что же касается поведения мистера Макаллана во время семейных неприятностей, при которых мне случилось присутствовать, он никогда не выходил из себя и никогда не употреблял грубых выражений: вспышки жены, по-видимому, более огорчали, чем сердили его».

Мораль присяжным: такая ли это была женщина, чтобы довести своего мужа до решения отравить ее? И такой ли это был мужчина, чтобы считать его способным отравить свою жену?

Добившись этого благодетельного впечатления, декан факультета сел, и суд вызвал свидетелей-медиков.

Доктор Джером и мистер Голл утверждали, что симптомы болезни были симптомами отравления мышьяком. После них был вызван медик, производивший вскрытие тела. Он объявил, что вид внутренних органов подтверждал мнение доктора Джерома и доктора Голла, что их пациентка умерла вследствие отравления. Наконец, к довершению этих неотразимых свидетельств, два химика представили мышьяк, найденный в теле в количестве, достаточном для отравления двоих. Ввиду всего этого перекрестный допрос был пустой формальностью. Первый вопрос, возбужденный судом: от отравы ли умерла жена подсудимого? – был решен положительно и несомненно.

Следующие свидетели были вызваны для разъяснения темного и ужасного вопроса: кто отравил ее?

Глава XVII ВТОРОЙ ВОПРОС: КТО ОТРАВИЛ ЕЕ?

Показаниями докторов и химиков закончилось заседание первого дня.

Свидетельства, которые имела представить обвинительная власть на второй день, ожидалась с общим интересом и любопытством. В этот день суду предстояло выслушать отчет о том, что было сделано лицами, официально обязанными исследовать такие случаи подозреваемых преступлений, как случай в Гленинге. Начальник сыскной конторы, лицо, официально назначенное для производства предварительных следствий, был первым из свидетелей, вызванных на второй день.

Этот чиновник, допрашиваемый лордом-адвокатом, дал следующее показание:

«Двадцать шестого октября я получил сообщение от доктора Джерома из Эдинбурга и от мистера Александра Голла, врача-практика, живущего в деревне под Эдинбургом. В сообщении говорилось о подозрительной смерти миссис Макаллан, скончавшейся в сельском доме ее мужа под Эдинбургом. К вышеупомянутому документу были приложены два рапорта. В одном сообщались результаты вскрытия тела покойной, в другом – результаты химического анализа некоторых внутренних органов. И те и другие обнаруживали, что миссис Макаллан умерла от

отравления мышьяком.

На основании этих сообщений я назначил следствие и розыск в Гленинге и в некоторых других местах, для того чтобы разяснить обстоятельства, сопровождавшие смерть покойной.

Никакого обвинения по поводу этой смерти не было представлено в мою канцелярию ни в сообщении докторов, ни в какой-либо другой форме. Следствие в Гленинге и в некоторых других местах, начатое двадцать шестого октября, было окончено только двадцать восьмого. В этот день, основываясь на некоторых сообщенных мне данных и на личном исследовании писем и других документов, найденных в Гленинге, я возбудил уголовное обвинение против подсудимого и получил приказ арестовать его. Он был допрошен у шерифа двадцать девятого октября и был отдан под суд».

Перекрестный допрос этого чиновника касался только технических подробностей. После него были вызваны лица, служившие в его канцелярии. Показания этих свидетелей были особенно важны. Ими были сделаны роковые открытия, давшие повод обвинить моего мужа в убийстве. Первым из них был чиновник шерифа. Имя его было Айзая Скулкрафт.

Допрашиваемый лордом Дрю, товарищем адвоката и коронным обвинителем, а также лордом-адвокатом, Айзая Скулкрафт рассказал следующее:

«Двадцать шестого октября я получил предписание отправиться в Гленинг, сельский дом под Эдинбургом. Я взял с собой Роберта Лорри, помощника сыщика. Мы начали наш осмотр с комнаты, в которой умерла жена подсудимого. На постели и на столе, стоявшем возле нее, мы нашли книги, письменные принадлежности и лист бумаги с неоконченными стихами, написанными, как оказалось впоследствии, рукой покойной. Мы завернули все эти вещи в бумагу и запечатали.

Затем мы открыли индийское бюро, стоявшее в спальне. Тут мы нашли еще множество стихов и разных бумаг, исписанных той же рукой, несколько писем и клочок скомканной бумаги, брошенный в угол одной из полок. Бумажка эта после внимательного рассмотрения оказалась печатным ярлыком химического магазина. В складках ее мы заметили несколько крупинок какого-то белого порошка. Эту бумажку, как и все остальные, мы завернули и запечатали.

Дальнейший осмотр комнаты не привел нас ни к какому сколько-нибудь важному для нас открытию. Мы осмотрели платья, драгоценности и книги покойной и все это заперли. Мы нашли также ее туалетную шкатулку, опечатали ее и унесли с собой в канцелярию с другими вещами, найденными в спальне.

На следующий день мы получили новые инструкции и приступили к дальнейшему осмотру дома. Мы начали в этот раз со спальни, смежной с комнатой, в которой умерла жена подсудимого. Эта спальня была заперта со дня ее смерти. Мы не нашли в ней ничего важного для нас и перешли в другую комнату в том же этаже, в которой подсудимый лежал больной в постели.

Его болезнь, сказали нам, была расстройством нервов вследствие смерти его жены и последовавших затем событий. Говорили, что он не в силах встать с постели и не может видаться с посторонними. Мы настояли, однако, основываясь на наших инструкциях, чтобы нас впустили в его комнату. Войдя, мы обратились к нему с вопросом, не перенес ли он чего-нибудь из своей прежней спальни в ту, где лежал теперь. Он не ответил ничего. Он только закрыл глаза и был, по-видимому, так слаб, что не мог говорить и даже не замечал нас. Не беспокоя его более, мы приступили к осмотру комнаты.

Несколько минут спустя в коридоре послышался какой-то странный стук, затем дверь отворилась и в комнате появился калека-джентльмен, передвигавшийся самостоятельно в кресле на колесах. Он подъехал прямо к небольшому столу, стоявшему возле постели, и сказал что-то подсудимому таким тихим шепотом, что мы не расслышали ни слова. Подсудимый открыл глаза и поспешно ответил знаком. Мы почтительно объявили калеке-джентльмену, что не можем допустить его присутствия в комнате в такое время. Он не придал никакого значения нашим словам. Он только сказал: «Мое имя Декстер. Я один из старейших друзей мистера Макаллана. Вы здесь лишние, а не я». Мы опять попросили его оставить нас одних и заметили ему, что он доставил свое кресло в такое положение, что мы не можем осмотреть стол. Он засмеялся. «Да

разве вы не видите, что это стол и ничего более?» В ответ на это мы заметили ему, что мы действуем на основании законного предписания и что он ответит, если будет мешать нам исполнять наши обязанности. Видя, что учтивые средства не действуют, я откатил в сторону его кресло, а Роберт Лорри между тем овладел столом и перенес его на другую сторону комнаты. Джентльмен страшно рассердился на меня за то, что я осмелился прикоснуться к его креслу. «Мое кресло – это я, – сказал он. – Как бы смеете налагать на меня руки?» Я отворил дверь, потом, чтобы не прикасаться к креслу руками, дал ему хороший толчок палкой и таким образом выпроводил его из комнаты.

Заперев дверь для предупреждения дальнейших вмешательств, я присоединился к Роберту Лорри, чтобы осмотреть вместе прикроватный стол. В столе был только один ящик, и тот оказался запертым. Мы спросили у подсудимого ключ. Он решительно отказался дать его и сказал, что мы не имеем права отпирать его ящички. «Счастье ваше, что я так слаб, что не могу встать с постели», – сказал он нам, вне себя от негодования. Я ответил ему учтиво, что мы обязаны осмотреть ящик и что если он не даст нам ключ, мы принуждены будем послать за слесарем.

Пока мы спорили, раздался стук в дверь. Я осторожно приотворил ее, ожидая увидеть опять калеку-джентльмена. Но за дверью стоял другой джентльмен. Подсудимый приветствовал его как друга и соседа и с жаром попросил у него защиты от нас. С этим джентльменом мыладили скоро. Он сознался, что пришел по приглашению мистера Декстера, потом сказал нам, что он сам юрист и попросил нас показать ему наше предписание. Прочитав его, он тотчас объявил подсудимому (очевидно, к большому удивлению последнего), что он должен покориться осмотру ящичка, но может подать протест, если желает. Затем, без дальнейших объяснений, он достал ключ и сам отпер нам ящик.

Мы нашли в ящике несколько писем и большую книгу с замком и с надписью золотыми буквами: «Мой дневник». Мы, конечно, овладели и письмами и дневником и запечатали их, чтобы передать в канцелярию. Джентльмен между тем написал протест от имени подсудимого и отдал нам его со своей карточкой. По карточке мы узнали, что имели дело с мистером Плеймором. Теперь он один из агентов защиты. Протест и карточка, как и все прочие документы, были переданы в канцелярию. Мы не сделали в Гленинге никаких других сколько-нибудь замечательных открытий.

Наши дальнейшие исследования привели нас в Эдинбург к москательщику, ярлык которого был найден в бюро, и к другим москательщикам. Двадцать восьмого октября начальник сыскной конторы имел уже в своем распоряжении все сведения, какие мы могли доставить ему».

Этим закончились показания Скулкрафта и Лорри. Они, очевидно, послужили во вред подсудимому.

Следующие свидетели поставили моего бедного мужа в еще более критическое положение. Эндрю Кинли, москательщик из Эдинбурга, показал следующее:

«Я держу книгу для записи случаев продажи ядовитых веществ в моей лавке. В день, записанный в этой книге, мистер Юстас Макаллан пришел в мою лавку и сказал, что желает купить мышьяку. Я спросил его, для чего ему нужен мышьяк. Он ответил, что мышьяк нужен его садовнику для истребления вредных насекомых в оранжерее. Он назвал свое имя: мистер Макаллан из Гленинга. Я тотчас же велел своему помощнику отпустить две унции мышьяку и записал этот случай в книге. Мистер Макаллан подписался под моей заметкой, а вслед за ним подписался и я как свидетель. Он заплатил за мышьяк и унес его с собой в двух обертках. На внутренней обертке был наклеен мой ярлык с моим именем и адресом и со словом «яд», напечатанным крупными буквами. Точно такой ярлык, как тот, который был найден в Гленинге».

Следующий свидетель, Питер Стокдел, также москательщик из Эдинбурга, показал:

«Подсудимый приходил в мою лавку в день, записанный в моей книге, несколькими днями позже числа, записанного в книге мистера Кинли. Он выразил желание купить мышьяку на шесть пенсов. Мой помощник, к которому он обратился, позвал меня, так как в моей лавке

принято, чтобы никто не продавал яды, кроме меня. Я спросил подсудимого, зачем ему нужен мышьяк. Он ответил, что мышьяк нужен ему для истребления крыс в Гленинге. Я спросил: не имею ли я честь говорить с мистером Макалланом из Гленинга? Он ответил: да, это мое имя. Я продал ему мышьяку, полторы унции или около того, и наклеил на пузырек, в который положил его, ярлык со словом «яд», написанный моей собственной рукой. Он подписал мою запись в книге и унес свою покупку».

Перекрестный допрос этих лиц выяснил некоторые технические неточности в их показаниях, но факт, что муж мой покупал мышьяк, остался несомненным.

Следующие свидетели, садовник и кухарка, опутали подсудимого еще крепче цепью гибельных показаний.

Садовник показал:

«Я никогда не получал мышьяка ни от подсудимого, ни от кого-либо другого. Я никогда не употреблял мышьяка и не позволял употреблять его моим помощникам в Гленинге. Я не одобряю его как средство для истребления вредных насекомых на растениях и цветах».

Кухарка отвечала так же решительно, как и садовник:

«Ни господин мой, ни кто-либо другой никогда не давали мне мышьяк. Он не был мне нужен. Я клятвенно утверждаю, что никогда не видела крыс в Гленинге и никогда не слыхала, чтобы там водились крысы».

Другие слуги из Гленинга подтвердили эти показания. Результатом перекрестного допроса было только то, что они согласились допустить, что крысы могли быть в доме, хотя они никогда не видели их. Факт, что муж мой покупал мышьяк, был доказан. Попытка доказать, что он передал его кому-нибудь другому, осталась безуспешной: свидетельские показания подтверждали только одно предположение – что он сохранил его у себя.

Следующие свидетели сделали все что могли, чтобы усилить подозрение, тяготевшее над подсудимым. Имея у себя мышьяк, что сделал он с ним? Свидетельские показания подтверждали только одно заключение.

Лакей подсудимого показал, что господин его утром в день кончины миссис Макаллан вызвал его в двадцать минут десятого и приказал подать чашку чая. Слуга получил приказание перед отворенной дверью комнаты миссис Макаллан и мог сказать с полной уверенностью, что в комнате не было никого, кроме миссис Макаллан и ее мужа.

Помощница горничной показала, что она сделала чай в десятом часу и сама снесла чашку наверх. Хозяин взял у нее чашку перед отворенной дверью. Она видела комнату и успела заметить, что, кроме мистера Макаллана, у больной не было никого.

Сиделка, Кристин Ормзон, вызванная вторично, повторила то, что сказала ей больная, когда почувствовала в шесть часов утра первый приступ болезни. Она сказала: «Мистер Макаллан входил сюда час тому назад и, видя, что я не сплю, сам дал мне успокоительное лекарство». Он входил в пять часов утра, когда сиделка спала на диване в спальне. Сиделка уверяла клятвенно, что она тотчас же взглянула на пузырек с лекарством и по заметкам убедилась, что порция лекарства была действительно вылита из него после того, как она видела его в последний раз.

В этот раз перекрестный допрос возбуждал особый интерес. Заключительные вопросы, предложенные служанке и сиделке, впервые намекнули на план защиты.

Допрашивая дополнительно служанку, декан факультета сказал:

«Не замечали ли вы иногда, убирая комнату миссис Макаллан, что вода, оставшаяся в тазу после умывания, имела темный или синеватый оттенок?» Свидетельница ответила: «Нет, не замечала».

Декан факультета продолжал:

«Не находили ли вы когда-нибудь под подушкой миссис Макаллан или в каком-нибудь другом потаенном месте ее комнаты книг или брошюр о средствах для исправления дурного цвета лица?» Свидетельница ответила: «Нет, не находила».

Декан факультета продолжал настаивать:

«Не слышали ли вы когда-нибудь от миссис Макаллан, что мышьяк, употребляемый для умыванья или как лекарство, поправляет цвет лица?» Свидетельница ответила: «Никогда».

Подобные же вопросы были предложены сиделке, и она тоже ответила на них отрицательно.

Эти вопросы, как я уже сказала, впервые обнаружили, на чем будет основана защита. Но для предупреждения какого-нибудь недоразумения в таком важном деле председатель, по удалении свидетелей, предложил главному представителю защиты следующий вопрос.

«Суд и присяжные, – сказал он, – желают знать цель вашего дополнительного допроса служанки и сиделки. Не намерены ли вы доказывать, что миссис Макаллан употребляла мышьяк для улучшения цвета лица?»

Декан факультета ответил:

«Это именно то, что мы думаем, милорд, и что намерены доказать. Мы не можем опровергать медицинские свидетельства, что миссис Макаллан умерла от отравы. Но мы, со своей стороны, утверждаем, что она умерла от излишней дозы мышьяка, принятого ею самой в уединении ее комнаты для улучшения ее дурного цвета лица. В показании, данном подсудимым у шерифа, говорится прямо, что он покупал мышьяк по поручению своей жены».

Выслушав это объяснение, лорд-судья спросил, не имеют ли его ученые товарищи каких-нибудь возражений против немедленного прочтения показаний подсудимого?

Декан факультета ответил, что он был бы очень доволен, если бы показания были прочитаны немедленно. Это приготвило бы присяжных к защите, которую он имеет в виду представить им.

И показания, данные подсудимым, когда он впервые узнал, что его обвиняют в убийстве жены, были прочитаны немедленно. Вот они:

«Я купил оба пакета с мышьяком по просьбе моей жены. В первый раз она сказала мне, что яд нужен садовнику для истребления вредных насекомых в оранжерее. Во второй раз, что он нужен кухарке для истребления крыс в нижнем этаже дома. Оба раза я отдал мышьяк жене немедленно по возвращении домой. Мое дело было только купить его, он не был нужен мне. Садовник и кухарка получали приказания от моей жены, а не от меня. Я никогда не имел никаких сношений с ними. Я не спрашивал жену о действии мышьяка, меня это не интересовало. Я не входил в оранжерею по нескольку месяцев, потому что не особенно люблю цветы. Что касается крыс, я представил истребление их кухарке и другим слугам, как предоставлял им все другие хозяйственные дела.

Я никогда не слышал от жены, чтобы она употребляла мышьяк для улучшения цвета лица. Я был бы, конечно, последним из людей, которых она посвятила бы в такую тайну своего туалета. Я поверил вполне тому, что она сказала мне, то есть что мышьяк нужен садовнику и кухарке.

Я утверждаю, что, за исключением случайных недоразумений и неприятностей, мы жили с женой дружно. Если я и не был вполне счастлив в своей супружеской жизни, то, как муж и джентльмен, я считал своим долгом скрывать это от жены. Ее преждевременная смерть не только поразила и огорчила меня, но пробудила во мне мучительное подозрение, что, при всем моем старании, я не был с ней так добр, как бы следовало.

Я объявляю торжественно, что мне неизвестно, как она приняла мышьяк, оказавшийся в ее теле. Я не виновен даже в помышлении причинить какое-нибудь зло этой несчастной женщине. Я дал ей успокоительное лекарство в таком виде, как оно было в склянке. После того подал ей

чай в чашке в таком виде, как принял его от служанки. Я не видал мышьяка после того, как отдал его жене. Я не знаю, что она сделала с ним и где она хранила его. Бог свидетель, что я невинен в ужасном преступлении, в котором меня подозревают».

Чтением этих искренних и трогательных слов закончилось заседание второго дня.

Признаюсь, то, что я прочла до сих пор, произвело на меня подавляющее впечатление. Энергия моя ослабела, надежды померкли. Все показания в конце второго дня свидетельствовали против моего несчастного мужа. Хотя я женщина, хотя я была пристрастна, я ясно видела это.

Безжалостный лорд-адвокат (признаюсь, я ненавидела его), доказал: 1) что муж мой покупал мышьяк; 2) что цель покупки, объявленная им москательщикам, не была настоящей целью; 3) что он имел два случая дать тайно яд жене.

С другой стороны, что было доказано деканом факультета? До сих пор ничего. Объяснения, данные подсудимым в его показании, были ничем не доказанными объяснениями, как справедливо заметил лорд-адвокат. Предположение защиты, что жена подсудимого употребляла мышьяк для улучшения цвета лица, было также предположением, не подтвержденным ни малейшим доказательством.

Чтение отчета принесло мне только то утешение, что познакомило меня с двумя друзьями моего мужа, на симпатию которых я могла рассчитывать. Безногий мистер Декстер в особенности показал себя преданным союзником моего мужа, меня глубоко тронула его попытка отстоять бумаги мужа от злодеев, овладевших ими, и я решила, что первым человеком, кому я поверю свои надежды и стремления, будет мистер Декстер. Если же он затруднится дать мне совет, я обращусь к мистеру Плеймору, другому доброму другу моего мужа, к человеку, официально протестовавшему против захвата его бумаг.

Подкрепленная этим решением, я перевернула страницу и начала читать о третьем дне судопроизводства.

Глава XVIII ТРЕТИЙ ВОПРОС: ЧТО ПОБУДИЛО ЕГО К ТОМУ?

Первый вопрос (от отравы ли умерла жена подсудимого?) был решен положительно. Второй вопрос (кто отравил ее?), по-видимому, был также решен. Осталось решить только третий, и последний, вопрос: что побудило его к тому? Первые свидетели, вызванные по поводу этого вопроса, были родные и друзья покойной.

Леди Брайдуэн, вдова контр-адмирала сэра Джорджа Брайдуэна, опрошенная лордом Дрю (коронным обвинителем, также как и лорд-адвокатом), показала следующее:

«Покойная миссис Макаллан была моя племянница, единственная дочь моей покойной сестры. После смерти матери она жила у меня. Я противилась ее браку, имея на то причины, в которых другие ее друзья видели одно воображение и сентиментальность. Мне очень тяжело говорить об этом публично, но, если это нужно для целей правосудия, я готова покориться.

Подсудимый в то время, о котором я говорю, гостил в моем доме. Однажды во время верховой езды он случайно повредил себе ногу, и так как эта нога была уже ранена прежде во время его службы в индийской армии, то ушиб имел серьезные последствия. Он принужден был провести несколько недель в полулежачем положении на диване. Дамы, гостившие в моем доме, решили ходить к нему поочередно, чтобы чтением и разговорами сокращать для него тяжелое время болезни. Моя племянница была самой усердной из этих добровольных сиделок. Она играла очень хорошо на фортепьяно, а больной, к несчастью, был любителем музыки.

Последствия этих невинных свиданий были прискорбны для моей племянницы. Она страстно влюбилась в мистера Юстаса Макаллана, не пробудив в нем взаимной любви.

Я всеми силами старалась вмешаться, пока вмешательство еще могло быть полезно, но племянница, к несчастью, не хотела довериться мне. Она упорно отрицала, что ее чувство к мистеру Макаллану было сильнее простого дружеского участия. Вследствие этого я не могла удалить ее от него, не рискуя повредить ее репутации. Мой муж был еще жив в то время, и

единственное, что я могла сделать, было то, что я сделала. Я поручила ему объясниться тайно с мистером Макалланом и попросить его, обратившись к его чести, вывести нас из затруднения, не компрометируя нашу племянницу.

Мистер Макаллан поступил превосходно. Он все еще не мог ходить, но через два дня после беседы с моим мужем он покинул нас и объяснил свой отъезд таким предлогом, что не возбудил никаких подозрений. Но это не принесло пользы. Беда была уже непоправима. Моя племянница начала хворать, и ни медицинская помощь, ни перемена климата и обстановки не помогали ей. Некоторое время спустя, когда мистер Макаллан уже выздоровел, я случайно открыла, что она вела с ним при содействии своей горничной тайную переписку. Его письма, надо отдать ему справедливость, были очень осторожны и сдержанны. Тем не менее я сочла своей обязанностью прекратить переписку.

Мое вмешательство – могла ли я не вмешаться? – довело положение дел до кризиса. Однажды во время завтрака оказалось, что племянница моя исчезла из дома. На следующий день мы узнали, что несчастная отправилась на лондонскую квартиру мистера Макаллана и что несколько человек из его холостых друзей видели ее спрятанной в его спальне.

Мистер Макаллан был совершенно неповинен в этом несчастье. Услышав шаги и желая спасти ее репутацию, он успел только довести ее до соседней комнаты, которая была его спальней. Этот случай дал, конечно, повод к разным сплетням и был перетолкован в самую дурную сторону. Мой муж имел опять секретное объяснение с мистером Макалланом, и мистер Макаллан поступил как истинный джентльмен. Он объявил, что моя племянница была у него как его невеста. Две недели спустя он положил конец сплетням единственным способом, которым можно было это сделать, – он женился на ней.

Я одна противилась этому браку, считая его роковой ошибкой, чем он и оказался впоследствии.

Мистер Макаллан не только не чувствовал к моей племяннице ни малейшей любви, он сам в то время был жертвой несчастной привязанности к женщине, помолвленной с другим. Я знаю, что он из сожаления к своей невесте отвергал это и что из сожаления же он притворялся влюбленным в мою племянницу, когда был ее женихом, но его безнадежная привязанность к другой была фактом, известным его друзьям. Следует прибавить, что ее брак предшествовал его браку. Он женился, когда женщина, которую он действительно любил, была потеряна для него безвозвратно, когда у него не осталось в жизни никаких надежд и стремлений.

В заключение я могу прибавить, что для моей племянницы этот брак был величайшим несчастьем, какое только могло случиться с ней в жизни. Я уверена, что никогда два более несходных существа, чем подсудимый и его покойная жена, не соединялись узами брака».

Показания этой свидетельницы произвели сильное впечатление на публику и имели заметное влияние на мнение присяжных. Перекрестный допрос заставил леди Брайдуэн смягчить некоторые из ее показаний и сознаться, что безнадежная привязанность подсудимого к другой женщине была известна ей только по слухам. Но рассказанные ею факты остались непровергнутыми, и вследствие этих фактов преступление, в котором обвинялся подсудимый, стало казаться вероятным, чего до сих пор не было.

Затем были вызваны две знакомые миссис Макаллан. Они не были согласны с мнением леди Брайдуэн о том, что брак подсудимого с ее племянницей был сам по себе несчастьем, но во всех внешних обстоятельствах они подтвердили ее показания и подкрепили впечатление, произведенное ими на всех присутствовавших в суде.

Следующим свидетельством, выставленным обвинительной властью, было предъявление писем и дневника, найденных в Гленинге.

В ответ на вопросы судей лорд-адвокат объяснил, что письма писаны друзьями подсудимого и друзьями его покойной жены и что некоторые места в них касаются прямо отношений, в которых жили муж и жена, что дневник еще важнее как свидетельство, что в нем находится ежедневный отчет подсудимого о домашних событиях и о мыслях и чувствах, которые они пробуждали в нем.

За этим объяснением последовала самая тяжелая сцена.

Много времени прошло после описываемых мною событий, но я все еще не в силах передать подробно все, что сказал и сделал мой несчастный муж в эту ужасную минуту. Он был

глубоко потрясен показаниями леди Брайдуэн и с трудом удержался от возражений. Теперь же он потерял всякую власть над собой. Он протестовал с ожесточением против предполагавшегося разглашения его священных тайн и священных тайн его жены. «Повесьте меня невиновного, но избавьте меня от этого испытания!» – воскликнул он. Впечатление, произведенное на публику этой вспышкой, по свидетельству составителя отчета, непередаваемо. С некоторыми из присутствовавших женщин сделалась истерика. Судьи вмешались, но без всякой пользы. Тишина была восстановлена деканом факультета, которому удалось успокоить подсудимого и который вслед за тем обратился к судьям с трогательной и красноречивой просьбой о снисхождении к его клиенту. Его речь, прекрасный образец неподготовленного красноречия, заключилась уचितым, но сильным протестом против чтения документов, найденных в Гленинге.

Трое судей удалились для решения этого вопроса. Заседание было прервано более чем на полчаса.

Как обыкновенно бывает в таких случаях, волнение в суде сообщилось толпе, собравшейся на улице. Общее мнение толпы, направляемое, по-видимому, одним из незначительных лиц, участвовавших в судопроизводстве, высказывалось решительно против того, чтобы подсудимый мог надеяться на избавление от смертного приговора.

«Если письма и дневник будут прочитаны, – говорил грубый вождь толпы, – письма и дневник заставят повесить его».

По возвращении судей в зал заседания было объявлено, что они решили большинством двух голосов против одного допустить чтение документов. Заседание возобновилось. Началось чтение отрывков из писем и из дневника.

Первыми из прочтенных писем были письма, найденные в индийском бюро в спальне миссис Макаллан. Они были написаны тремя ее близкими подругами. Суд выбрал три отдельные отрывка из писем трех корреспонденток.

Первая корреспондентка:

«Я не в силах выразить Вам, милая моя Сара, как Ваше последнее письмо встревожило меня. Мне кажется, что Ваша слишком чувствительная натура преувеличивает или перетолковывает в ложную сторону, бессознательно для Вас самих, пренебрежение, которое Вы испытываете со стороны своего мужа. Я не скажу ничего об особенностях его характера, я не настолько знакома с ним, чтобы судить о них. Но, милая моя, я гораздо старше Вас и имею гораздо более Вас опыта супружеской жизни и, основываясь на этой опытности, сообщу Вам мои наблюдения. Молодые замужние женщины, беспредельно преданные своим мужьям, склонны впадать в очень серьезную ошибку. Они обыкновенно ожидают от своих мужей слишком многого. Мужчины, бедная моя Сара, не похожи на нас, и их любовь, даже вполне искренняя, не похожа на нашу любовь. Как бы мы горячо ни любили и ни уважали их, мы должны мириться с этой разницей между мужской и женской природой. Я нисколько не извиняю холодность Вашего мужа. Он не прав в том, например, что никогда не смотрит на Вас, когда говорит с Вами, и никогда не замечает Вашего старания угодить ему. Он более чем не прав, он жесток, если хотите, в том, что никогда не целует Вас, когда Вы целуете его. Но, друг мой, уверены ли Вы, что он холоден и жесток с Вами умышленно? Не бывает ли иногда его обращение следствием забот и тревог, которых Вы не можете разделить? Если Вы попытаете смотреть на его поведение с этой точки зрения, Вы поймете многое из того, что теперь удивляет и огорчает Вас. Будьте снисходительны к нему, дитя мое. Не жалуйтесь и никогда не приближайтесь к нему со своими ласками, когда ум его занят другим или когда он не в духе. Этот совет, может быть, трудно исполнить при Вашей страстной любви к нему. Но поверьте мне, что для нас, женщин, счастье часто возможно только при соблюдении такой сдержанности и такого самоотвержения, какие советует Вам Ваш старый друг. Подумайте, друг мой, над тем, что я высказала Вам, и напишите мне опять».

Вторая корреспондентка:

«Как можно быть такой безумной, Сара, чтобы тратить свою любовь на такое бесчувственное животное, каков Ваш муж по Вашему описанию? Вы скажете, что я сужу так потому, что сама еще не замужем, но я выйду замуж на этих днях, и, если муж мой будет обращаться со мной так, как обращается с Вами мистер Макаллан, я потребую развод. Мне кажется, что мне было бы легче, если бы муж бил меня, как мужья бьют жен в низшем сословии, чем если бы он обращался со мной так учтиво-пренебрежительно, как обращается Ваш муж с Вами. Я прихожу в сильнейшее негодование, когда думаю об этом. Это должно быть решительно нестерпимо. Не выносите этого долее, бедная моя. Бросьте его и приезжайте погостить ко мне. Мой брат – юрист, как Вам известно. Я читаю ему отрывки из Ваших писем, и он полагает, что Вы можете получить то, что он называет гражданским разводом. Приезжайте посоветоваться с ним».

Третья корреспондентка:

«Вы знаете, дорогая моя миссис Макаллан, что испытала я сама от мужчин. Ваше письмо несколько не удивило меня. Поведение Вашего мужа приводит только к одному заключению: он влюблен в другую женщину. Есть кто-нибудь, кому он отдает все то, в чем отказывает Вам. Я знаю все это по собственному опыту. Не уступайте. Поставьте себе целью жизни узнать, кто эта тварь. Может быть, их даже несколько. Все равно. Одна или несколько, но если Вы отыщете их, Вы будете в состоянии сделать его жизнь такой же нестерпимой, какой он делает Вашу. Если Вы желаете, чтоб я помогла Вам своей опытностью, скажите только слово, и я буду готова к Вашим услугам. После четырнадцатого числа будущего месяца я могу приехать погостить к Вам в Гленинг, если Вы желаете».

Этими отвратительными строками заключилось чтение отрывков из писем, адресованных к жене. Первый из них произвел сильное впечатление в суде. Автором его была, очевидно, почтенная и умная женщина. Но все три отрывка, как ни различны они были по тону, приводили к одному и тому же заключению: положение жены в Гленинге, если верить ее рассказам, было тяжелым.

Далее прочтены были письма к подсудимому, найденные вместе с его дневником в запертом ящике стола. Все они, за исключением одного, были писаны мужчинами. Хотя» тон их был сама умеренность в сравнении с тоном второго и третьего отрывков из женских писем, но они приводили к такому же заключению: жизнь мужа в Гленинге была, по-видимому, так же тяжела, как и жизнь жены. Один из друзей подсудимого приглашал его предпринять кругосветное путешествие на яхте, другой советовал уехать на полгода на континент, третий советовал искать развлечений в охоте и в рыбной ловле. Словом, все намекали на более или менее продолжительную разлуку с женой.

Автором последнего из прочтенных писем была женщина. Она подписалась только своим именем.

«О мой бедный Юстас, как тяжела Ваша участь! – писала она. – Когда я думаю о Вашей жизни, принесенной в жертву этой негодной женщине, сердце мое обливается кровью за Вас. Если бы мы были мужем и женой, если бы я имела невыразимое счастье жить с лучшим из людей, в каком раю жили бы мы, какие восхитительные часы испытали бы мы! Но сожаление напрасно! Мы разлучены в этой жизни, разлучены узами, которые оба оплакиваем, но которые оба должны уважать. Но, милый мой Юстас, за пределами этой жизни есть другой мир. Туда наши души улетят навстречу одна другой, там они сольются в небесном объятии, в блаженстве, запрещенном для нас на земле. Ваше ужасное положение, описанное в Вашем письме, – о, зачем, зачем Вы женились на ней? – вырвало у меня это признание. Пусть оно послужит Вам утешением. Но не показывайте никому мое письмо. Сожгите эти неосторожные строки и надейтесь, как надеюсь я, на лучшую жизнь, которую разделит с Вами Ваша Хелена».

Чтение этого жестокого письма вызвало вопрос со стороны одного из судей. Он спросил, не помечено ли письмо каким-нибудь числом и не прибавила ли писавшая его своего адреса.

Лорд-адвокат ответил, что в письме нет ни числа, ни адреса, по конверту же видно, что оно было отправлено из Лондона. «Но мы намереваемся, – прибавил он, – прочесть несколько отрывков из дневника, в которых имя, подписанное в конце письма, повторяется не раз, и мы, может быть, найдем средство отождествить личность писавшей и разрешить интересующий вас вопрос, милорд».

Затем приступили к чтению отрывков из дневника моего мужа. Первый отрывок написан был приблизительно за год до смерти миссис Макаллан. Вот он:

«С нынешней утренней почтой получил известие, сильно поразившее меня. Муж Хелены два дня тому назад внезапно умер от болезни сердца. Она свободна, моя возлюбленная Хелена, свободна! А я? Я связан с женщиной, с которой у меня нет общего чувства. Я сам сделал так, что Хелена теперь недоступна для меня. Теперь я понимаю (до сих пор я этого не понимал), как необходимо бывает иногда искушение и как легко решиться на преступление. Не лучше ли закрыть эту книгу на нынешний вечер? Я теряю рассудок, когда думаю или пишу о своем положении».

В следующем отрывке, помеченном несколькими днями позже, говорилось о том же.

«Величайшая глупость, какую только может сделать человек, это поддаться внезапному побуждению. Я поддался внезапному побуждению, когда решил жениться на женщине, которая теперь моя жена. Я был тогда уверен, что Хелена утрачена для меня навсегда. Она вышла замуж за человека, которому неосторожно дала слово прежде, чем встретилась со мной. Он был моложе и, по-видимому, сильнее меня. Мне казалось, что судьба моя решена. Хелена написала мне письмо, в котором простилась со мной на всю жизнь. Все мои надежды погибли, у меня не осталось в жизни никакой цели, я был лишен оживляющего стимула, который другие находят в необходимости трудиться. Какой-нибудь подвиг рыцарского самопожертвования – это, по-видимому, все, на что я был годен. Обстоятельства этого времени сложились как нарочно так, что я мог привести в исполнение эту роковую идею. Несчастная женщина, влюбившись в меня (Бог свидетель, что без всякого поощрения с моей стороны), в это самое время опрометчиво скомпрометировала свою репутацию. Я один мог заставить замолчать злые языки. Потеряв Хелену, я потерял всякую надежду на счастье в этой жизни. Все другие женщины казались мне одинаково непривлекательными. Великодушным поступком я мог спасти эту женщину. Почему было не сделать этого? Я поддался внезапному побуждению и женился на ней, женился так же необдуманно, как прыгнул бы в воду, чтобы спасти ее, если б она тонула, как прибил бы человека, который оскорбил бы ее при мне на улице.

А теперь женщина, для которой я принес эту жертву, стоит между мной и моей Хеленой, моей Хеленой, свободной излить все сокровища своей любви на человека, обожающего землю, к которой она прикасается ногами!

Безумный! Сумасшедший! Почему я не разобью себе голову о стену, которую вижу перед собой, когда пишу эти строки?

Мое ружье стоит в углу. Мне стоит только приложить дуло ко рту... Нет! Мать моя жива, любовь моей матери священна. Я не вправе прекращать самовольно жизнь, которую она дала мне. Я должен страдать и покоряться. О Хелена, Хелена!»

Третий отрывок, один из многих подобных, был написан за два месяца до смерти жены подсудимого.

«Новые упреки! Удивительная способность у этой женщины постоянно жаловаться...

Моих провинностей две: я теперь никогда не прошу ее играть мне и, когда она надевает новое платье единственно» для того, чтобы понравиться мне, я не замечаю этого. Не замечаю этого! Главное усилие моей жизни не замечать ее и того, что она делает. Мог ли бы я сохранить самообладание, если бы не старался быть как можно меньше наедине с ней? Я никогда не обращаюсь с ней грубо, никогда не употребляю в разговоре с ней резких выражений. Она имеет двойное право на мою снисходительность: она женщина и по закону моя жена. Я помню это, но я человек. Чем меньше я вижу ее, когда у нас нет гостей, тем больше шансов, что я сохраню самообладание.

Странно, почему она так противна мне? Она некрасива, это правда, однако я видел женщин еще более некрасивых, ласки которых я мог бы вынести без отвращения, какое возбуждают во мне ее ласки. Я скрываю это от нее. Она любит меня, бедная, и я жалею ее. Я желал бы быть способным к большему, я желал бы чувствовать к ней хоть небольшую долю такой любви, с какой она относится ко мне. Но нет, я могу только жалеть ее. Если б она согласилась жить со мной в дружеских отношениях и не требовать нежности, мы могли бы поладить. Но ей нужна любовь, ей нужна любовь!

О моя Хелена, у меня нет любви для нее, сердце мое принадлежит тебе! В прошлую ночь я видел во сне, что моя несчастная жена умерла. Сновидение было так живо, что я встал с постели, отворил ее дверь и прислушался. Ее спокойное правильное дыхание ясно слышалось в тишине ночи. Она спала крепким сном. Я затворил дверь, зажег свечу и начал читать. Хелена поглощала все мои мысли, мне стоило большого труда сосредоточивать внимание на книге. Но я боялся лечь в постель и увидеть опять во сне, что я свободен. Как ужасна моя жизнь! Как ужасна жизнь моей жены! Если бы дом загорелся, я не знаю, сделал ли бы я попытку спасти себя или ее».

Два последние из прочтенных отрывков были написаны еще позже.

«Луч счастья озарил наконец мое горькое существование.

Хелена уже покончила с трауром. После смерти ее мужа прошло достаточно времени, чтобы она могла появиться опять в обществе. Она делает теперь визиты друзьям в нашей части Шотландии, и так как мы родня, то весь свет считает несомненным, что она должна погостить несколько дней и в моем доме. Она пишет мне, что как бы ни был этот визит затруднителен для нас обоих, он должен быть сделан из приличия. Да будет благословенно приличие! Я увижу этого ангела в моем доме – и только потому, что общество Мидлотиана сочло бы странным, что она была в моей стороне и не заехала ко мне.

Но мы должны быть очень осторожны. Хелена пишет прямо: «Я приеду повидаться с Вами, Юстас, как сестра, а Вы должны принять меня как брат или не принимать. Я напишу Вашей жене и предложу свое посещение. Я не забуду – не забываете и Вы – что я войду в Ваш дом с позволения Вашей жены».

Только бы мне увидеть ее! Для этого невыразимого счастья я готов покориться всему!»

Последний отрывок состоял только из нескольких строк:

«Новое несчастье! Жена моя заболела. Она слегла в постель от сильной ревматической простуды. Я боялся, что это помешает приезду Хелены в Гленинг, но в этом случае – я с удовольствием сознаюсь в этом – жена моя поступила превосходно. Она написала Хелене, что болезнь ее не настолько серьезна, чтобы надо было отложить посещение, и просила ее приехать в назначенное время. Это большая жертва со стороны моей жены. Ревнуя меня к каждой женщине моложе сорока, с которой мне случается встречаться, она ревнует меня, конечно, и к Хелене. Но она сдерживает это чувство и показывает, что доверяет мне. Я обязан выразить ей

мою благодарность, и я сделаю это. Я даю себе слово быть впредь внимательнее к моей жене. Я сегодня нежно обнял ее и надеюсь, что она, бедная, не заметила, чего мне это стоило».

Этим закончилось чтение отрывков из дневника.

Самыми неприятными для меня страницами во всем отчете были страницы, занятые дневником моего мужа. В них местами встречались выражения, которые не только глубоко огорчили меня, но едва не поколебали моих чувств к Юстасу. Мне кажется, что я отдала бы все в мире, чтобы только уничтожить некоторые строки в дневнике. Что же касается его страстных выражений любви к миссис Болл, каждое из них вонзалось в меня как стрела. Такие же страстные слова шептал он и мне, когда ухаживал за мной. Я не имела причин сомневаться в искренности его любви ко мне. Но вопрос был в том, так же ли искренне и горячо любил он до меня миссис Болл? Кто из нас, она или я, была первой женщиной, которой он отдал свое сердце? Он уверял меня не раз, что до встречи со мной он только воображал себя влюбленным. Я верила ему тогда. Я решила верить ему и теперь. Но я возненавидела миссис Болл.

Что касается тяжелого впечатления, произведенного в суде чтением писем и дневника, казалось, что уже ничто не может усилить его. Однако оно было заметно усилено. Иными словами, оно сделалось еще более неблагоприятным для подсудимого вследствие показаний последнего из свидетелей, выставленных обвинением.

Уильям Энзи, помощник садовника в Гленинге, был приведен к присяге и показал следующее:

«Двадцатого октября в одиннадцать часов утра я был послан на работу в питомник, примыкающий одной стороной к голландскому саду. В этом саду стоит беседка, обращенная задней стороной к питомнику. День был необыкновенно хорошим и теплым. Отправляясь на работу, я прошел позади беседки. Я услышал в ней два голоса, мужской и женский. В мужском голосе я узнал голос барина. Женский голос был незнаком мне. Почва в питомнике мягкая, мое любопытство было сильно возбуждено. Я подошел неслышно к задней стене беседки и начал прислушиваться. Первые слова, которые я расслышал, были сказаны барином. Он сказал: «Если бы я предвидел, что вы будете когда-нибудь свободны, каким счастливец мог бы я быть теперь!» Женский голос отвечал: «Тише, вы не должны говорить этого». Барин возразил: «Я должен высказать то, что у меня постоянно на душе». Он замолчал на минуту, потом продолжал порывисто: «Сделайте мне одно одолжение, ангел мой. Обещайте мне не выходить замуж». Женский голос спросил резко: «Что вы хотите этим сказать?» Барин отвечал: «Я не желаю зла несчастному созданию, омрачающему мою жизнь, но предположите...» – «Я не хочу делать никаких предположений, – отвечала женщина, – пойдемте домой».

Она вышла в сад первая и обернулась, приглашая барина следовать за ней. В эту минуту я увидел ее лицо и узнал в ней молодую вдову, гостившую в доме. Мне показывал ее главный садовник, когда она приехала, чтобы предупредить меня, что я не должен мешать ей рвать цветы. Гленинские сады показывались в известные дни туристам, и мы, конечно, должны были делать разницу между посторонними и гостями. Я вполне уверен, что особа, говорившая с барином, была миссис Болл. Она такая красивая женщина, что, увидев ее раз, нельзя не узнать ее. Она и барин ушли вместе по направлению к дому, и я не слышал ничего более из их разговора».

Свидетель был подвергнут строгому перекрестному допросу насчет точности его показаний о разговоре в беседке и его уверенности в том, что он узнал обоих говоривших. В некоторых незначительных пунктах он сбился, но твердо стоял на том, что хорошо запомнил последние слова, которыми обменялись его барин и миссис Болл. Он описал наружность последней так точно, что не осталось сомнения, что он узнал ее.

Этим закончился ответ на третий вопрос, возбужденный судом, на вопрос: что побудило подсудимого отравить свою жену?

Обвинительная сторона сказала теперь все, что имела сказать, и преданнейшие друзья подсудимого принуждены были сознаться, что все раскрытые до сих пор факты свидетельствовали прямо и неопровержимо против него. Он, очевидно, сознавал это и сам.

Выходя из зала по окончании заседания в третий день, он был так измучен, что принужден был опереться на руку тюремщика.

Глава XIX СВИДЕТЕЛЬСТВА В ПОЛЬЗУ ЗАЩИТЫ

Интерес, возбужденный процессом, значительно усилился на четвертый день, когда предстояло выслушать свидетелей, выставленных защитой. Первым и главным лицом между ними была мать подсудимого. Подняв вуаль, чтобы дать присягу, она взглянула на сына. Он залился слезами. В эту минуту участие к матери распространилось и на ее несчастного сына.

Миссис Макаллан, допрашиваемая деканом факультета, отвечала с замечательным достоинством и самообладанием.

Говоря о некоторых доверительных разговорах между ней и ее невесткой, свидетельница показала, что покойная миссис Макаллан была очень занята своей наружностью. Она горячо любила мужа и всеми силами старалась нравиться ему. Недостатки ее наружности очень огорчали ее. Она не раз говорила свидетельнице, что не отступила бы ни перед каким риском, ни перед какой опасностью, чтобы улучшить свой цвет лица. «В глазах мужчин, – говорила она, – наружность имеет большое значение. Муж, может быть, любил бы меня больше, если бы цвет лица у меня был лучше».

Когда свидетель защиты задал вопрос миссис Макаллан, можно ли смотреть на прочитанные отрывки из дневника ее сына как на свидетельство, верно выражающее свойства его характера и его чувства к жене, миссис Макаллан отвечала на это самым решительным протестом.

«Прочитанные отрывки из дневника моего сына, – сказала она, – хотя они и написаны им самим, суть клевета на его характер. Я ручаюсь на основании моего материнского опыта, что эти места написаны им в минуты сильнейшего упадка духа и отчаяния. Ни один справедливый человек не судит о другом по безрассудным словам, высказанным в такие минуты. Неужели о моем сыне будут судить по его безрассудным словам только потому, что они написаны, а не высказаны? Перо его в этом случае было его злейшим врагом, оно представило его с худшей стороны. Он не был счастлив своей женитьбой, с этим я согласна, но я утверждаю, что он был неизменно добр и внимателен к своей жене. Я пользовалась полным доверием их обоих, и я объявляю, вопреки тому, что она писала своим друзьям, что сын мой никогда не давал ей повода жаловаться на жестокость или даже пренебрежение с его стороны».

Эти слова, высказанные твердо и ясно, произвели сильное впечатление в суде. Лорд-адвокат, понимая, вероятно, что всякая попытка ослабить это впечатление будет бесполезна, ограничился двумя следующими вопросами:

«Когда ваша невестка говорила с вами о своем цвете лица, упоминала ли она о мышьяке как о средстве исправить его?»

Ответом на это было «нет».

Лорд-адвокат продолжал:

«Не сообщили ли вы ей как-нибудь случайно об этом средстве?»

Ответ был опять «нет».

Лорд-адвокат сел. Миссис Макаллан была отпущена.

Появление следующей свидетельницы возбудило интерес нового рода. То была миссис Болл. В отчете она описана как особа замечательно привлекательная, со скромными и благовоспитанными манерами и, по-видимому, сильно смущенная положением, в которое она была поставлена.

Первая половина ее показаний была почти повторением показаний матери подсудимого, с той разницей, что на вопрос, не спрашивала ли ее покойная миссис Макаллан о средствах для улучшения цвета лица, она ответила утвердительно. Миссис Макаллан похвалила однажды цвет ее лица и спросила, какие искусственные средства употребляет она для его сохранения. Не употребляя никаких искусственных средств, миссис Болл оскорбилась этим вопросом, и следствием этого была временная холодность между гостьей и хозяйкой.

На вопрос о ее отношениях с подсудимым миссис Болл объявила с негодованием, что ни она, ни мистер Макаллан никогда не давали покойной миссис Макаллан ни малейшего повода к ревности. Навещая в Шотландии соседей своего родственника, миссис Болл не могла не побывать и в его доме. Поступив иначе, она возбудила бы толки. Она не отвергает, что мистер Макаллан ухаживал за ней, когда они оба были еще свободны, но он никогда не выражал своих чувств к ней после того, как она вышла замуж за другого и он женился на другой. С этих пор отношения их были невинными отношениями брата и сестры. Мистер Макаллан был джентльмен. Он знал, как он должен был держать себя относительно своей жены и относительно миссис Болл. Свидетельница не вошла бы в его дом, если бы не была вполне уверена в этом. Что касается показания помощника садовника, оно не что иное, как выдумка. Большая часть рассказанного им разговора сочинена им самым. Немного, что было действительно сказано, было шуткой, и свидетельница тотчас же прервала разговор, как показал и помощник садовника. Мистер Макаллан обращался со своей женой ласково и внимательно. Он постоянно придумывал средства облегчить ее страдания от ревматической простуды, от которой она слегла в постель. Он говорил о ней не раз с самым искренним участием. В день ее смерти, когда она выгнала сто и свидетельницу из своей комнаты, он сказал свидетельнице: «Мы должны смотреть снисходительно на ревность этой бедной женщины, мы знаем, что мы ни в чем не виноваты против нее». С такой же покорностью он выносил с начала до конца все недостатки ее характера.

Весь интерес перекрестного допроса миссис Болл обвинительной властью был сосредоточен на последнем из предложенных ей вопросов. Напомнив ей, что, давая присягу, она назвала себя Хеленой Болл, лорд-адвокат сказал:

«На суде было прочитано письмо с подписью «Хелена». Потрудитесь взглянуть на это письмо. Не вами ли оно написано?»

Прежде чем свидетельница успела ответить, декан факультета опротестовал вопрос. Судьи приняли протест. Миссис Болл удалилась. Она обнаружила сильное смущение, когда увидела письмо. Этот признак был истолкован различно, но в целом показания миссис Болл усилили впечатление в пользу подсудимого, произведенное показаниями его матери.

Следующие свидетельницы, обе школьные подруги миссис Макаллан, дали показания, возбудившие новый интерес. Они представили недостававшее звено в цепи доказательств в пользу подсудимого.

Первая из свидетельниц объявила, что она говорила миссис Макаллан о мышьяке как о средстве для улучшения цвета лица. Сама она никогда не употребляла мышьяк, но она читала, что штирийские поселяне употребляют его для очищения лица и для того, чтобы придать себе общий вид полноты и здоровья. Она утверждала клятвенно, что однажды сообщила об этом миссис Макаллан.

Вторая свидетельница, присутствовавшая при вышеупомянутом разговоре, подтвердила показания первой и прибавила от себя, что по просьбе миссис Макаллан она достала книгу, в которой говорилось об употреблении мышьяка штирийскими крестьянками, и сама отправила ее по почте в Гленинг на имя миссис Макаллан.

В этом во всех других отношениях решительном показании был один слабый пункт. Перекрестный допрос обнаружил его. Каждой из дам поочередно был задан вопрос, выразила ли им миссис Макаллан прямо или косвенно намерение принимать мышьяк для улучшения цвета лица, и обе отвечали на этот важный вопрос отрицательно. Миссис Макаллан слышала о лекарстве и получила книгу, но о своих намерениях не сказала ничего. Она только попросила обеих подруг сохранить этот разговор в тайне.

Не нужно было быть юристом, чтобы увидеть роковой пробел в доказательствах защиты. Всякий разумный человек из присутствовавших в суде понимал, что для оправдания подсудимого необходимо было доказать, что мышьяк был передан им жене или, по крайней мере, что она старалась приобрести его. В таком случае подозрения, выраженные в показаниях подсудимого, получили бы подтверждение хотя и косвенное, но настолько сильное, чтобы убедить всякого непредубежденного и здравомыслящего человека. Могла ли защита доказать это? Не истощила ли она уже все свои ресурсы?

Толпа ждала с напряженным вниманием появления следующего свидетеля. Между людьми, хорошо знавшими ход дела, прошел шепот, что суд готовится выслушать старого друга подсудимого, человека, о котором уже не раз было упомянуто, мистера Декстера.

После краткого промежутка между присутствовавшими произошло внезапное движение, сопровождавшееся сдерживаемыми восклицаниями любопытства и удивления. В ту же минуту вызван был новый свидетель, названный странным именем:

«Мизериус Декстер».

Глава XX КОНЕЦ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Вызов нового свидетеля возбудил взрыв хохота. Причиной этого было отчасти странное имя, отчасти инстинктивное стремление всякой толпы, когда интерес ее возбужден до болезненного напряжения, хвататься за первое попавшееся развлечение, в какой бы форме оно ни представилось. Строгий выговор со стороны судей и угроза председателя «очистить зал суда» водворили порядок.

В зале царствовала глубокая тишина, когда появился новый свидетель. Это было странное существо, получеловек в буквальном смысле слова. Пока он катился в кресле по проходу, очищенному для него в толпе, покрывало, накинутое на кресло, скатилось, и удивленным глазам публики предстало человеческое туловище с головой и руками, но без всяких следов нижних конечностей. Уродство это было тем поразительно и ужасно, что по голове и туловищу это был человек необычайно красивый и стройный. Его длинные шелковистые волосы прекрасного каштанового цвета падали на сильные и стройные плечи. Лицо его дышало живостью и умом. Его большие ясные голубые глаза и длинные нежные руки были глазами и руками красивой женщины. Он имел бы слишком женственный вид, если бы не мужественные пропорции его шеи и груди и не длинная борода и усы более светлого каштанового оттенка, чем его волосы. Никогда более красивая голова и туловище не были так обижены природой, как в этом случае. Никогда природа не делала более прискорбного промаха, как при создании этого человека.

Он принял присягу (сидя, конечно, в кресле), объявил свое имя и, поклонившись судьям, попросил позволения сказать несколько слов публике перед началом своего показания.

«Люди обыкновенно смеются, слыша впервые мое странное имя, – сказал он чистым, звучным голосом, достигшим до самых дальних углов залы. – Я могу сказать добрым людям, присутствующим здесь, что многие имена, обыкновенные у нас, имеют свое собственное значение. К числу их принадлежит и мое имя. Александр, например, по-гречески значит «помощник людей», Давид по-еврейски значит «возлюбленный», Франциск по-немецки значит «свободный». Мое имя по-латыни значит «несчастнейший». Оно было дано мне моим отцом вследствие уродства, которое вы все видите и с которым я родился. Вы не будете более смеяться над несчастнейшим, не правда ли?»

После этого объяснения он обратился к декану факультета:

«Господин декан, я к вашим услугам. Я прошу извинения, что задержал на минуту ход дела».

Все это было сказано с величайшей любезностью и добродушием, Допрашиваемый деканом факультета, он давал свои показания отчетливо и без малейшего признака смущения или колебания.

«Я гостил в Гленинге во время смерти миссис Макаллан, – начал он. – Доктор Джером и мистер Голл выразили желание повидаться со мной, так как подсудимый был слишком поражен смертью жены, чтобы исполнять свои обязанности хозяина дома. Доктора сообщили мне ужасное известие, что миссис Макаллан умерла от отравления, и поручили мне передать это ее мужу и предупредить его, что тело будет подвергнуто судебномедицинскому вскрытию.

Если бы сыщик видел моего старого друга, когда я передал ему поручение докторов, у него не хватило бы духу обвинить его в убийстве. По моему мнению, это обвинение было не чем

иным, как оскорблением. Под влиянием этого убеждения я противился до последней возможности захвату писем и дневника моего друга. Теперь же, когда письма и дневник известны, я подтверждаю мнение матери подсудимого, что они не могут служить свидетельством против него. Всякий дневник, если только он не ограничен записыванием чисел и голых фактов, есть выражение худших сторон того, кто ведет его. В девяти случаях из десяти он есть не что иное, как более или менее пошлое обнаружение тщеславия и самомнения, которых человек не решится обнаружить ни перед кем, кроме самого себя. Как старейший Друг подсудимого, я торжественно объявляю, что я не считал его способным писать пошлый вздор, пока не услышал выдержек из его дневника.

Чтобы он был способен убить свою жену! Чтобы он был способен обращаться со своей женой пренебрежительно и жестоко! Я знаю его двадцать лет, и я ручаюсь, что во всем этом собрании нет человека, который был бы менее его способен к преступлению и к жестокости. Я скажу более, Я сомневаюсь, чтобы даже человек, способный к преступлению и к жестокости, мог решиться причинить зло женщине, преждевременная смерть которой возбудила это дело. Я слышал, что говорила здесь невежественная и предубежденная сиделка Кристин Ормзон. Я опровергаю все, что она сказала. Миссис Макаллан, вопреки недостаткам ее наружности, была прелестнейшим существом, какое я когда-либо знал. Это была женщина благовоспитанная в лучшем значении этого слова. Я не встречал ни в ком другом такой приятной улыбки или такой грации и красоты во всяком движении. Она пела прекрасно, и редкий артист по профессии обладает таким туше на фортепьяно, какое было у нее. Говорила она так, что я не встречал ни одного мужчины и даже ни одной женщины, которые не были бы очарованы ее разговором. Сказать, что такая женщина терпела сначала пренебрежение, потом была варварски умерщвлена человеком, нет, мучеником, стоящим здесь, – все равно что сказать, что солнце не светит в полдень или что над нами нет неба.

О да, я знаю, что письма ее друзей свидетельствуют, что она горько жаловалась им на мужа. Но вспомните, что пишет в ответ одна из ее корреспонденток, умнейшая и лучшая. «Я полагаю, – пишет она, – что Ваша слишком чувствительная натура преувеличивает или перетолковывает в ложную сторону пренебрежение, которое Вы испытываете со стороны своего мужа». В этих немногих словах заключается вся истина. Природа миссис Макаллан была мечтательной, самоистязающей природой поэта. Никакая земная любовь не могла казаться ей достаточно благородной. Мелочи, на которые женщина с более грубой натурой не обратила бы никакого внимания, причиняли ей величайшее страдание. Бывают люди, рожденные с тем, чтобы быть несчастными. Бедная миссис Макаллан была из их числа. Сказав это, я сказал все.

Нет, осталось прибавить еще нечто. Нелишне, может быть, напомнить обвинительной власти, что в материальном отношении смерть миссис Макаллан была большой утратой для ее мужа. Он настоял перед свадьбой, чтобы все ее состояние было укреплено за ней и за ее родными после нее. Доход с ее состояния давал средства содержать великолепный дом и сады в Гленинге. Собственный доход подсудимого с присоединением пособия от его матери так ничтожен, что не дает ему даже возможности жить в его поместье. Зная все его дела, я утверждаю, что смерть жены лишила подсудимого двух третей его годового дохода. А обвинительная власть, представляя его самым низким и жестоким из людей, говорит, что он убил ее с заранее обдуманном намерением, тогда как все его материальные расчеты были связаны с жизнью жены.

Бесполезно спрашивать меня, замечал ли я в поведении подсудимого и миссис Болл что-нибудь такое, что оправдывало бы ревность жены. Я никогда не обращал внимание на миссис Болл и никогда не поощрял подсудимого говорить со мной о ней. Он был поклонником красивых женщин, но, сколько мне известно, в самом невинном смысле. Чтобы он мог предпочесть миссис Болл своей жене, для меня решительно непостижимо, если только он не был безумным. Но я никогда не имел оснований считать его безумным.

Что касается вопроса о мышьяке, то есть вопроса о том, был ли мышьяк у миссис Макаллан, я могу дать показания, которые могут быть достойны внимания суда. Я присутствовал в канцелярии сыщика при осмотре бумаг и других вещей, найденных в Гленинге. Мне была показана туалетная шкатулка покойной после того, как все содержавшееся в ней было уже официально осмотрено сыщиком. У меня очень чувствительное осязание. Ощупывая крышку с внутренней стороны, я заметил нечто, что побудило меня исследовать ее устройство.

Результатом этого было открытие секретного отделения между верхней деревянной доской и внутренней обивкой. В секретном отделении я нашел вот этот пузырек».

Допрос свидетеля был приостановлен для осмотра пузырька и для сравнения его с пузырьком, составлявшим принадлежность туалетной шкатулки.

Последние были из лучшего стекла и очень изящны по форме. Пузырек же, найденный в секретном отделении, был самый простой, такой, какие обыкновенно употребляются в аптеках. К несчастью, в нем не осталось ни малейшей частицы какого-нибудь твердого вещества, никакого запаха, и, что хуже всего, на нем не было ярлыка.

Москательщик, продавший вторую дозу мышьяка, был вызван вторично. Он объявил, что пузырек, найденный в шкатулке, был точь-в-точь такой, в каком он продал мышьяк, но что, не видя на нем своего ярлыка, на котором он своей рукой написал «яд», он не может поручиться, что это его пузырек, потому что таких пузырьков много. Защита должна была признаться, что ярлык, несмотря на самые тщательные поиски в шкатулке и в спальне покойной, не был отыскан. Пузырек был, может быть, действительно тем самым, в котором был продан мышьяк, но это осталось недоказанным.

Таков был результат последней попытки защиты доказать, что мышьяк был передан подсудимым его жене. Затем представлена была книга, в которой говорилось об употреблении мышьяка штирийскими крестьянами, но могла ли книга доказать, что миссис Макаллан просила мужа купить для нее мышьяк? Представлен был также и клочок скомканной бумаги с крупинками белого порошка, найденный в бюро миссис Макаллан и признанный первым из москательщиков за его ярлык. Но где были доказательства, что бумажка была спрятана в бюро самой миссис Макаллан и что остальной порошок был также у нее? Никаких прямых доказательств! Ничего, кроме предположений!

Дальнейший допрос Мизериуса Декстера касался предметов, не имеющих общего интереса. Перекрестный же допрос был, в сущности, умственным состязанием между свидетелем и лордом-адвокатом, состязанием, кончившимся, по общему мнению, торжеством свидетеля. Один вопрос и ответ на него я считаю, однако, нужным повторить здесь. Они показали мне чрезвычайно важными для меня.

«Мне кажется, мистер Декстер, – заметил лорд-адвокат с явной иронией, – что у вас есть своя собственная теория, на основании которой смерть миссис Макаллан для вас не тайна?»

«Я могу иметь на этот счет, как и на счет всего другого, свои собственные мнения, – возразил свидетель. – Но позвольте спросить господ судей, для того ли я здесь, чтобы излагать теории, или для того, чтобы рассказывать факты?»

Я записала этот ответ. Мысли мистера Декстера были мыслями искреннего друга моего мужа и человека умного. Они могли принести мне неоценимую пользу в будущем, если бы мне только удалось убедить его сообщить их мне.

Скажу здесь, кстати, что к этой выписке я прибавила свое собственное замечание. Говоря о миссис Болл, мистер Декстер отозвался о ней так презрительно, пожалуй, даже так грубо, что нельзя было не предположить, что он имел причину не любить, может быть, даже подозревать эту особу. По этому поводу также мне было крайне необходимо повидаться с мистером Декстером и разъяснить то, что суд счел не достойным внимания.

Допрос последнего свидетеля был окончен. Кресло на колесах с помещавшимся на нем получеловеком скрылось в самом отдаленном углу зала. Лорд-адвокат встал и начал свою обвинительную речь.

Я говорю совершенно искренне, что я никогда не читала ничего возмутительнее речи этого знаменитого законоведа. Он не постыдился объявить с самого начала, что он твердо уверен в виновности подсудимого. Какое право имел он говорить это? Разве его дело было решать, виновен ли подсудимый? Разве он соединял в своем лице и судей и присяжных? Обвинив подсудимого, лорд-адвокат начал перетолковывать в ложную сторону самые невинные поступки этого несчастного человека. Так, например, подсудимый поцеловал в лоб свою умирающую жену для того, чтобы произвести благоприятное впечатление на доктора и сиделку. Его горе после смерти жены было притворством, втайне он торжествовал. Если бы вы заглянули в это

время в его сердце, вы прочли бы в нем ненависть к жене и безумную страсть к миссис Болл. Все, что он говорил, было ложью. Все, что он делал, было поступком бессердечного и закоренелого злодея. Вот как говорил о подсудимом главный представитель обвинительной власти! На месте мужа, если б я не могла сделать ничего больше, я швырнула бы чем-нибудь в голову этого клеветника. Я вырвала из отчета страницы, содержавшие его речь, и растоптала их ногами, и это принесло мне большое облегчение. Теперь мне, конечно, несколько совестно, что я выместила свою досаду на неповинных листах печатной бумаги.

Пятый день судопроизводства начался речью защитника. О, каким контрастом с гнусной речью лорда-адвоката была красноречивая речь декана факультета, говорившего в защиту моего мужа.

Этот знаменитый юрист попал в нужный тон с самого начала.

«Жалея жену не менее кого-либо другого, – начал он, – я утверждаю, однако, что жертвой в этом случае с начала до конца был муж. Как бы ни были велики страдания, вынесенные бедной женщиной, но этот несчастный человек, которого вы видите на скамье подсудимых, выстрадал еще больше. Если бы он не был добрейшим из людей, самым внимательным и преданным из мужей, он никогда не попал бы в свое теперешнее ужасное положение. Человек с более мелкой и грубой натурой заподозрил бы намерения жены, когда она попросила его купить мышьяк, догадался бы, что ничтожные причины, для которых она требовала его, были выдумкой, и отказал бы ей. Подсудимый не такой человек. Он слишком добр к жене, слишком далек от всякой дурной мысли о ней и о ком бы то ни было, чтобы предугадать, какие неприятности и опасности может навлечь на него его уступчивость. И вот результат! Он стоит перед вами, подозреваемый в убийстве, потому что он был слишком благороден, чтобы подозревать свою жену».

Так же красноречив и неопровержим был декан, когда заговорил о жене.

«Лорд-адвокат, – сказал он, – спросил с горькой иронией, которой он славится в шотландском судебном мире, почему мы не могли доказать, что подсудимый отдал купленный им мышьяк своей жене. Я отвечаю, что мы доказали: во-первых, что жена любила страстно мужа, во-вторых, она сокрушалась о недостатках в своей наружности, в особенности в цвете лица, в-третьих, что она знала, что мышьяк, принимаемый внутрь, считается средством для улучшения цвета лица. Для людей, знакомых с человеческой природой, все это взятое вместе есть доказательство достаточно убедительное. Неужели мой ученый друг полагает, что женщины имеют обыкновение говорить об искусственных средствах, которые они употребляют, чтобы казаться лучше? Что женщина, всеми силами старающаяся нравиться мужчине, скажет этому мужчине или кому-нибудь, кто может передать ему, что прелесть, которой она надеется привлечь его сердце, прелесть хорошего цвета лица, например, приобретена употреблением смертельного яда? Нет, это было бы не в порядке вещей. Никто, конечно, не слышал никогда от миссис Макаллан ни слова о мышьяке, никто, конечно, никогда не видал, как она принимала его. Доказано, что она не сказала о своем намерении принимать мышьяк даже своим подругам, которые сообщили ей об этом средстве и доставили книгу. Она сохранила свою тайну от начала до конца, бедное создание, как сохранила бы в тайне фальшивые волосы или фальшивые зубы. И вот, вследствие того, что женщина поступала как женщина, так, как поступили бы в подобном положении и ваши жены относительно вас, господа присяжные, муж ее обвиняется в преступлении и жизни его грозит опасность».

После этой великолепной речи (жаль, что недостаток места лишает меня возможности передать ее подробнее), следующая и последняя речь, то есть обращение к присяжным, была тяжелым чтением.

Председатель начал с того, что объявил присяжным, чтобы они не ожидали прямых доказательств отравления, что в случаях отравления прямые доказательства редкость, что они должны довольствоваться косвенными уликами. Но оратор тотчас же опроверг самого себя, посоветовав им не полагаться на такие улики. «Вы должны основать свое решение на доказательствах, которые считаете не предположениями только, но правильными и

неопровержимыми заключениями». Кто мог решить, какое заключение правильно? И не есть ли косвенная улика не что иное, как предположение?

Присяжные, сильно смущенные, конечно, прибегнули к компромиссу. Употребив целый час на совещания и прения, они вернулись в залу заседания и объявили свой робкий, нерешительный шотландский вердикт: «Не доказано».

В публике раздалась слабые рукоплескания, тотчас же остановленные. Подсудимый был выпущен на свободу. Он вышел из залы медленно, как человек, глубоко огорченный, опустив голову на грудь, не отвечая друзьям, заговаривавшим с ним. Он сознавал, бедный, каким позором был для него вердикт. «Мы не говорим, что ты не виновен в преступлении, в котором тебя обвиняют, мы говорим только, что не имеем достаточных доказательств, чтобы обвинить тебя». Вот каким решением кончилось дело.

Глава XXI Я ВИЖУ МОЙ ПУТЬ

В туманном свете нового утра я закрыла отчет о процессе моего мужа.

После долгих часов чтения и размышлений я не чувствовала никакой усталости, никакой охоты лечь в постель и заснуть. Мне казалось, что я уже спала и только что проснулась новой женщиной, с обновленным духом.

Я поняла наконец, что побудило Юстаса покинуть меня. Для человека с его деликатностью было бы пыткой встретиться с женой после того, как она прочла все, что было напечатано о нем в отчете. Я чувствовала это так же живо, как он. В то же время я думала, что он мог бы быть уверен, что я постараюсь вознаградить его за эту пытку, и мог бы вернуться ко мне. Я еще не теряла надежды, что он вернется, и в ожидании его возвращения жалела и прощала его всем сердцем.

Одно только обстоятельство, вопреки моей философии смущало меня. Неужели Юстас все еще втайне любит миссис Болл, думала я.

Окно моей комнаты выходило на восток. Я подняла штору и увидела величественный восход солнца на ясном небе. Побуждение выйти из дома и подышать чистым воздухом было непреодолимо. Я надела шляпку и шаль и взяла подмышку отчет. Отворив без труда заднюю дверь дома, я вышла в хорошенький садик Бенджамена.

Успокоенная и подкрепленная уединением и утренней свежестью, я почувствовала себя достаточно сильной, чтобы взглянуть прямо на страшный вопрос, стоявший теперь передо мной, – на вопрос о будущем.

Я прочла отчет о процессе. Я дала себе обещание посвятить жизнь свою священной цели доказать невиновность мужа. Одинокая, незащищенная, я обязана была довести свое отчаянное предприятие до конца. С чего должна я была начать?

В моем положении смелое начало было, конечно, большим делом. Я имела серьезные причины считать Мизериуса Декстера способным дать мне совет и помощь. Он мог обмануть мои ожидания, он мог отказаться помогать мне или, как мой дядя Старкуэзер, принять меня за сумасшедшую. Все это было возможно, но я должна была попытаться. Мой первый шаг в деле моего мужа, решила я, приведет меня к калеке со странным именем.

Но если он примет меня, поймет меня, почувствует ко мне участие – что скажет он? Сиделка в своих показаниях представила его человеком резким на словах. Он скажет: как намерены вы действовать? Как могу я помочь вам?

Были ли у меня готовы ответы на эти два вопроса? Да! Я могла бы ответить на эти вопросы, если бы только решилась высказать незнакомому человеку ужасное подозрение, в котором я до сих пор не решалась сознаться даже на этих страницах. Однако теперь я должна наконец высказать всю правду.

Начну с признания, что я закрыла отчет, вполне соглашаясь относительно одной подробности дела с моим врагом и с врагом моего мужа, с лордом-адвокатом. Он назвал объяснение смерти миссис Макаллан, высказанное защитой, «грубой натяжкой, в которой ни один разумный человек не найдет ни малейшего правдоподобия». Я тоже не обнаружила в свидетельских показаниях подтверждения того факта, что миссис Макаллан умерла от слишком большой дозы мышьяка, принятой ею самой по ошибке. Я верила, что она имела у себя мышьяк

и что она принимала или намеревалась принимать его для улучшения цвета лица, но дальше этого я не шла. Чем больше я думала, тем сильнее убеждалась, что обвинительная власть была права, утверждая, что миссис Макаллан умерла, отравленная чужой рукой, хотя, конечно, не рукой моего мужа.

Так как муж мой был безусловно невиновен, то кто-нибудь другой был виновен. Кто из лиц, гостивших в то время в доме, мог отравить миссис Макаллан? Мое подозрение пало на женщину. Имя этой женщины – миссис Болл.

Да. Вот к какому поразительному заключению пришла я, изучая судебный отчет.

Обратитесь на минуту к письму с подписью «Хелена». Нет сомнения, хотя судьи и освободили ее от ответа на вопрос об этом, что письмо написала именно миссис Болл. Письмо точно выражает то состояние духа, в каком миссис Болл приехала в Гленинг.

Будучи женой другого человека, которому она дала слово прежде, чем встретила мистера Макаллана, что пишет она последнему? Она пишет: «Когда я думаю о Вашей жизни, принесенной в жертву этой негодной женщине, сердце мое обливается кровью за Вас». И еще: «Если бы я имела невыразимое счастье жить с лучшим из людей, в каком раю жили бы мы, какие блаженные часы испытали бы мы».

Если это не есть выражение бесстыдной, безумной любви женщины к мужчине – не к мужу, – так что же это? В таком состоянии духа и с такой нравственностью она неожиданно, со смертью своего мужа, почувствовала себя и объятия свои свободными. По прошествии некоторого времени она отправляется делать визиты и наконец приезжает в дом обожаемого человека. Жена его лежит больная в постели. Единственный гость в Гленинге – безногий калека, передвигающийся с места на место не иначе как в кресле на колесах. Никто не мешает миссис Болл пользоваться обществом любимого человека. Ничто не стоит между ней и невыразимым счастьем быть женой лучшего из людей, кроме некрасивой больной женщины, у которой мистер Макаллан никогда не чувствовал и не мог чувствовать ни малейшей любви.

Не естественно ли предположить, что такая женщина под влиянием таких побуждений и в таком положении способна решиться на преступление, если представляется возможность совершить его, не рискуя своей безопасностью?

Что показывает она сама?

Она сознается, что покойная миссис Макаллан спрашивала ее однажды о средствах для сохранения цвета лица. О чем еще говорилось во время этого свидания? Не узнала ли миссис Болл, какое опасное средство употребляет ее хозяйка для улучшения цвета лица, и не воспользовалась ли она впоследствии своим открытием для достижения своей преступной цели? Мы знаем только, что миссис Болл не сказала об этом ни слова.

Что показал помощник садовника?

Он слышал разговор между мистером Макалланом и миссис Болл, разговор, показывающий, что мысль о возможности сделаться женой мистера Макаллана, без сомнения, приходила в голову миссис Болл, и что она считала разговор об этом опасным. Невинный мистер Макаллан продолжал бы говорить, предупредительная миссис Болл остановила его.

А что рассказала Кристин Ормзон, сиделка?

Утром, в день смерти миссис Макаллан, сиделка была отпущена вниз. Она оставила больную, которая оправилась от первого приступа и была способна писать. Сиделка ждала около получаса, потом встревожилась, не слыша звонка, и отправилась в утреннюю комнату, чтобы посоветоваться с мистером Макалланом. Там она услышала об отсутствии миссис Болл. Мистер Макаллан не видал ее и спрашивал о ней мистера Декстера. Мистер Декстер тоже не видал ее. В какое время замечено было отсутствие миссис Болл? В то самое время, когда миссис Макаллан осталась в своей комнате одна.

Больная наконец позвонила. Сиделка вернулась в спальню около одиннадцати часов и нашла, что опасные симптомы, обнаружившиеся утром, повторились опять в значительно усиленной степени. Вторая доза яда, более значительная, чем первая, была дана больной во время отсутствия сиделки и (заметьте!) в то время, когда миссис Болл была неизвестно где. Выглянув в коридор, сиделка увидела, как она выходит с самым невинным видом из своей спальни (неужели она только что встала, в одиннадцать часов утра!), чтобы спросить о здоровье хозяйки дома.

Немного позже миссис Болл вошла вместе с мистером Макалланом в комнату миссис

Макаллан. Умиравшая женщина бросила на них обоих какой-то странный взгляд и приказала им выйти из комнаты. Мистер Макаллан принял это за проявление болезненной раздражительности и помедлил в комнате лишнюю минуту, чтобы сказать сиделке, что за доктором послано. Как поступила миссис Болл? Она убежала в паническом страхе. Даже у миссис Болл, по-видимому, есть совесть.

Разве все эти обстоятельства, рассказанные свидетелями под присягой, не подтверждают моего подозрения? Да, вторая доза мышьяка была дана рукой миссис Болл. Можно не сомневаться, что и первая доза была дана ею же. Как могла она это сделать? Сиделка сознается, что спала от половины третьего до шести. Она говорит также о запертой двери между спальней и кабинетом, ключ от которой был неизвестно где. Кто взял этот ключ? Почему не миссис Болл?

Мизериус Декстер сознался косвенным образом, что у него был свой особый взгляд на смерть миссис Макаллан. Вместе с тем, без сомнения, миссис Болл не пользовалась его расположением. Не подозревал ли он ее? Мне важно было выяснить это, дальнейший мой образ действий зависел от этого. Следующий шаг привел бы меня к миссис Болл. Теперь же было необходимо найти кого-нибудь, кто мог представить меня мистеру Декстеру.

Но успокоительное действие свежего воздуха и прогулки располагали меня более к отдыху, чем к размышлению о предстоящих мне затруднениях. Мало-помалу я почувствовала себя слишком сонной, чтобы думать, потом слишком утомленной, чтобы ходить. Моя постель показалась мне необыкновенно привлекательной, когда я прошла мимо отворенного окна моей комнаты. Пять минут спустя я поддалась соблазну, легла в постель и забыла свои заботы и огорчения. Еще через пять минут я заснула крепким сном.

Осторожный стук в дверь моей комнаты разбудил меня. Я услышала голос моего доброго старого Бенджамена.

– Друг мой, я боюсь, что вы умрете с голоду, если оставить вас спать. Теперь половина второго, и один ваш друг приехал завтракать с нами.

Мой друг? Какие друзья остались у меня? Мой муж далеко, а дядя Старкуэзер отказался от меня.

– Какой друг? – крикнула я.

– Майор Фитц-Дэвид, – отвечал Бенджамен из-за двери.

Я вскочила с постели. Тот самый человек, который был мне нужен, ждал меня. Майор Фитц-Дэвид был знаком, как говорится, со всем светом. Зная хорошо моего мужа, он знал, конечно, и его старого друга Мизериуса Декстера.

Сознаться ли мне, что я в этот день занялась особенно тщательно своим туалетом? Какая женщина пренебрегла бы этим, имея в виду обратиться с важной просьбой к майору Фитц-Дэвиду?

Глава XXII МАЙОР НЕ ОПРАВДЫВАЕТ МОИХ ОЖИДАНИЙ

Когда я отворила дверь столовой, майор бросился мне навстречу. В синем сюртуке, с любезной улыбкой, с рубиновым перстнем на руке, со своими бесконечными комплиментами, он казался самым молодым и беззаботным из пожилых джентльменов. Мне приятно было встретиться опять с современным донжуаном.

– Я не спрашиваю о вашем здоровье, – начал он. – Глаза ваши ответили мне прежде, чем я успел задать вопрос. В ваши годы долгий сон есть лучший эликсир для сохранения красоты. Побольше сна – вот простое и верное средство сохранить красоту и прожить до глубокой старости. Побольше сна.

– Я спала не так долго, как вы полагаете, майор. Я читала всю ночь.

Майор в учтивом изумлении поднял свои выкрашенные брови.

– Какая счастливая книга заинтересовала вас так сильно?

– Отчет о деле моего мужа по обвинению в убийстве жены.

Улыбка майора исчезла. Он отступил от меня со встревоженным взглядом.

– Не говорите об этой ужасной книге, – сказал он. – Не возвращайтесь к этому тяжелому предмету. Что общего между красотой и грацией, с одной стороны, и процессами, отравлениями, ужасами – с другой? Для чего оскорблять ваши уста разговором о таких предметах? Пожалейте

старика! Завтрак готов. Будем веселы. Будем смеяться и завтракать.

Он подвел меня к столу и наполнил мою тарелку и стакан с видом человека, занятого важнейшим делом в жизни. Бенджамен между тем начал новый разговор.

– Майор Фитц-Дэвид привез вам новость, друг мой, – сказал он. – Ваша свекровь придет сегодня повидаться с вами.

Моя свекровь придет повидаться со мной! Я с нетерпением обратилась к майору за объяснением.

– Не узнала ли миссис Макаллан что-нибудь о моем муже? Не хочет ли она сообщить мне какую-нибудь новость о нем?

– Да, она узнала что-то о вашем муже, – отвечал майор, – и, кроме того, она получила письмо от вашего дяди. Наш добрый друг Старкуэзер писал ей. Получив его письмо, она решила побывать у вас. Я встретился с ней вчера на одном вечере. Я всеми силами старался выпытать, придет она к вам в качестве друга или врага, но все мои усилия была напрасны. Дело в том, – прибавил он тоном двадцатипятилетнего юноши, делающего скромное признание, – дело в том, что я не умею ладить со старухами. Примите намерение за исполнение, прекрасный друг мой. Я старался оказать вам услугу, но неудачно.

Эти слова дали мне повод, которого я ждала. Я решила воспользоваться им.

– Вы можете оказать мне величайшую услугу, если позволите мне рассчитывать на вашу доброту, майор, – сказала я. – Мне нужно задать вам вопрос, и, когда вы ответите мне, я, может быть, обращусь к вам с просьбой.

Майор Фитц-Дэвид поставил на стол свой стакан и взглянул на меня с величайшим интересом.

– Приказывайте мне, дорогой друг мой. Я ваш и только ваш, – сказал любезный старик. – Какой же это вопрос?

– Я хочу спросить, знакомы ли вы с Мизериусом Декстером?

– Знаком ли я с Мизериусом Декстером! – воскликнул майор. – Вот неожиданный вопрос! Я знаком с ним столько лет, что и счет потерял. Но с какой целью спросили вы...

– Я могу объяснить вам мою цель в двух словах, майор. Я хочу просить вас представить меня мистеру Декстеру.

Мне показалось, что майор побледнел под румянами. Его блестящие маленькие глаза устремились на меня с нескрываемым испугом и смущением.

– Вы хотите познакомиться с Мизериусом Декстером, – сказал он с видом человека, не верящего своим ушам. – Мистер Бенджамен! Не слишком ли много выпил я вашего превосходного вина? Не обманул ли меня мой слух? Правда ли, что наша собеседница действительно попросила меня представить ее Мизериусу Декстеру?

– Почему вас так удивляет моя просьба?

– Но знаете ли вы, что Декстер сумасшедший? – воскликнул майор. – Во всей Англии вы не могли бы выбрать человека, менее его годного для знакомства с женщиной, в особенности с молодой женщиной. Знаете вы о его ужасном уродстве?

– Знаю, но это несколько не страшит меня.

– Не страшит вас! Друг мой, ум его так же уродлив, как его тело. То, что Вольтер сказал саркастически о характере своих соотечественников вообще, приложимо к Декстеру буквально. Он есть смесь тигра и обезьяны. В одну минуту он испугает вас, в другую – заставит вас хохотать до упаду. Я не отрицаю, что он бывает иногда умен, блистательно умен, и я знаю, что он не способен причинить кому-нибудь зла умышленно. Тем не менее он безумный. Простите мне, если я задам вам нескромный вопрос: с какой целью желаете вы познакомиться с Декстером?

– Я хочу посоветоваться с ним.

– Могу я спросить, по поводу чего?

– По поводу процесса моего мужа.

Майор Фитц-Дэвид простонал и обратился за утешением к кларету Бенджамена.

– Опять этот процесс! – воскликнул он. – Мистер Бенджамен, почему ей так хочется говорить на эту ужасную тему?

– Я не могу не говорить о том, что сейчас составляет главный интерес моей жизни. Я имею основание думать, что мистер Декстер может помочь мне снять с моего мужа пятно, оставленное

на нем шотландским вердиктом. Хотя он, по вашим словам, тигр и обезьяна, я не боюсь знакомства с ним и прошу вас опять, рискуя показаться слишком самонадеянной и упрямой, дать мне рекомендацию к нему. Я не подвергну вас никаким неприятностям, я не буду просить вас сопровождать меня. Рекомендательное письмо – вот все, что мне нужно.

Майор взглянул жалобно на Бенджамена и покачал головой.

– Я не могу решиться, мистер Бенджамен, отпустить ее к Декстеру одну.

– Не отправиться ли мне с ней, сэр?

Майор подумал. Бенджамен в качестве покровителя, по-видимому, не внушал доверия нашему военному другу. Майор подумал с минуту и обратился ко мне.

– Мой обворожительный друг, сказал он, – что вы скажете о маленьком обеде?

– О маленьком обеде? – повторила я, не понимая его.

– Да, о маленьком обеде в моем доме. Вы настаиваете, чтобы я представил вас Декстеру, а я не могу решиться отпустить вас одну к этому полоумному человеку. При таких обстоятельствах у меня остается только один исход – пригласить его для свидания с вами в мой дом. Кого пригласим мы еще? – (Майор просиял, увидев возможность удовлетворить свое гостеприимство.) – Мы должны собрать вокруг стола целый цветник красавиц для искупления уродства Декстера. Мадам Мирлифлор все еще в Лондоне. Я уверен, что вы сойдетесь с ней. Она прелестная особа, она обладает вашей твердостью, вашей необыкновенной настойчивостью в достижении цели. Да, мы пригласим мадам Мирлифлор. Кого еще? Не пригласить ли леди Кларинду? Другая прелестная особа, мистер Бенджамен. Я уверен, что вы будете в восторге от нее, она так симпатична, она во многом похожа на нашего прелестного друга, присутствующего здесь. Да, леди Кларинда будет обедать с нами, и я посажу вас, мистер Бенджамен, рядом с ней, в знак моего искреннего уважения к вам. Не пригласить ли и мою молодую примадонну, чтобы она спела нам что-нибудь вечером? Она хорошенькая и поможет забыть уродство Декстера. Прекрасно, вот и все наше общество. Сегодня вечером у меня будет совещание с моим поваром. Какой день мы назначим? Ровно через неделю в восемь часов. Вы согласны? – спросил майор, вынимая свою записную книжку.

Я дала согласие, но неохотно. С рекомендательным письмом я могла бы отправиться к Декстеру немедленно. В ожидании маленького обеда я должна была провести целую неделю в бездействии. Однако волей или неволей я должна была покориться. Майор Фитц-Дэвид при всей своей любезности мог быть так же настойчив, как я. Он, очевидно, решил не уступать, и дальнейшие домогательства с моей стороны были бы бесполезны.

– Ровно в восемь часов, мистер Бенджамен, – повторил он. – Запишите это в своей книжке.

Бенджамен повиновался, бросив на меня взгляд, который мне нетрудно было понять. Мой добрый старый друг был не совсем доволен перспективой встречи с полутигром и полуобезьяной, а честь сидеть рядом с леди Клариндой скорее пугала, чем радовала его. Все это было моим делом, ему не оставалось другого выбора, как только покориться.

– Ровно в восемь, сэр, – сказал бедный старик, записывая приглашение в свою книжку. – Выпейте еще стакан вина, сэр.

Майор взглянул на часы и, поспешно встав, рассыпался в извинениях.

– Теперь позже, чем я думал, – сказал он. – Я обещал быть у одной дамы. Необыкновенно привлекательная особа. Вы напоминаете мне ее немного, милый друг мой, вы похожи на нее цветом лица. Та же молочная бледность. Я обожаю молочную бледность. Она желает посоветоваться со мной насчет замечательного образца старинных кружев. Я изучал старинные кружева. Я изучаю все, что может сделать меня полезным и приятным для вашего восхитительного пола. Вы не забудете о нашем маленьком обеде? Я пошлю приглашение Декстеру лишь только вернусь домой.

Он взял мою руку и поглядел на нее критически.

– Прелестная рука, – сказал он. – Вы не сердитесь, что я смотрю на нее? Вы не рассердитесь, если я поцелую ее? Красивые руки – одна из моих слабостей. Будьте снисходительны к моей слабости. Я обещаю раскаяться и исправиться со временем.

– Благоразумно ли откладывать покаяние в ваши годы, майор? – раздался голос позади нас.

Мы все обернулись. В дверях стояла, саркастически улыбаясь, мать моего мужа и возле нее застенчивая маленькая служанка Бенджамена, готовившаяся доложить о ней.

– Годы, любезнейшая миссис Макаллан, выражение чисто относительное, – возразил

майор. – Некоторые люди никогда не бывают молоды, другие никогда не бывают стары. Я принадлежу к числу последних. Au revoir.

С этим ответом неисправимый майор поцеловал концы своих пальцев и вышел из комнаты. Бенджамен поклонился со своей старомодной учтивостью, пригласил меня и миссис Макаллан-старшую войти в библиотеку и оставил нас вдвоем.

Глава XXIII МОЯ СВЕКРОВЬ ИЗУМЛЯЕТ МЕНЯ

Я села на стул в почтительном отдалении от дивана, на котором уселась миссис Макаллан. Старушка улыбнулась и сделала мне знак сесть рядом с ней. По-видимому, она приехала ко мне не с враждебными чувствами.

– Я получила письмо от вашего дяди викария, – начала она. – Он просил меня навестить вас, и я исполнила его просьбу очень охотно, потому что без этого предлога я едва ли решилась бы явиться к вам. Мой сын поступил с вами так предосудительно, что мне, его матери, совестно глядеть вам в глаза.

Серьезно ли она говорила? Я слушала ее и глядела на нее в изумлении.

– Ваш дядя, – продолжала миссис Макаллан, – рассказал мне в своем письме, как вы переносите свое тяжелое испытание и что вы намереваетесь сделать. Бедный доктор Старкуэзер глубоко потрясен тем, что вы сказали ему, когда он был в Лондоне. Он просит меня попробовать уговорить вас отказаться от ваших планов и вернуться в его дом. Я далеко не согласна с вашим дядей, друг мой. Хотя я тоже считаю ваши планы сумасбродными и не имеющими ни малейшего шанса на успех, но я восхищаюсь вашим мужеством, вашей непоколебимой преданностью моему несчастному сыну после его непростительных поступков. Вы славная женщина, Валерия, и я приехала сюда, чтобы сказать это вам. Поцелуйте меня, дитя мое. Вы достойны быть женой героя, а вместо того судьба свела вас с самым малодушным из людей. Да простит мне Бог, что я говорю так о моем сыне. Но все это лежит у меня на душе, и я должна высказаться.

Слышать такие отзывы о Юстасе, хотя бы и от его матери, я не могла. Я овладела собой и решилась защищать мужа.

– Я горжусь вашим добрым мнением обо мне, миссис Макаллан, – сказал я, – но вы поражаете меня, извините, что я сознаюсь в этом прямо, говоря так презрительно о Юстасе. Я не могу согласиться с вами, что мой муж малодушнейший из людей.

– Конечно, нет, – возразила она. – Всякая хорошая женщина считает героем человека, которого любит, заслуживает он этого или нет. У вашего мужа множество прекрасных качеств, и я знаю их, может быть, лучше, чем вы. Но все его поведение относительно вас с той минуты, как он вошел в дом вашего дяди и до настоящего времени, было поведением в высшей степени малодушного человека. Как вы думаете, что сделал он теперь в виде искупления своей вины? Он вступил в благотворительное братство и отправился с красным крестом на плече на Испанскую войну, когда ему следовало бы быть здесь и на коленях вымаливать прощение у жены. Я называю это поведением малодушного человека. Некоторые назвали бы это более жестким словом.

Известие о муже поразило и встревожило меня. Я старалась покориться тому, что он покинул меня, я считала нашу разлуку временной, но все мои женские инстинкты возмутились против того, что вдали от меня он поставил себя в опасное положение. Он сознательно усилил мое беспокойство. Я сочла это жестоким с его стороны, но мне не хотелось сознаться в этом его матери. Я старалась казаться спокойной и опровергала ее заключение так твердо, как только могла. Миссис Макаллан продолжала осуждать его все с большим и большим жаром.

– Хуже всего то, что он не сумел понять вас, – сказала она. – Если бы он женился на женщине глупой, поведение его было бы еще понятно. Он поступил бы даже благоразумно, скрыв от глупой женщины свой первый брак и то, что он был героем ужасного процесса. Он был бы также прав, если бы для спокойствия обеих сторон покинул глупую жену после того, как она открыла истину. Но вы умны. При всей краткости моего знакомства с вами я поняла это, а он не понял. Почему он не открыл вам свою тайну с самого начала и овладел вашим сердцем под чужим именем? Почему он намеревался (как он сознался после сам) увезти вас в Средиземное море и потом поселиться за границей из опасения, чтобы на родине какой-нибудь нескромный

друг не выдал вам его тайну? Как вы ответите на эти вопросы? Есть только один прямой ответ и одно объяснение его необъяснимого поведения. Мой бедный сын – он весь в отца, он нимало не похож на меня, – мой бедный сын малодушен, малодушен в своих суждениях, малодушен в своих действиях и, как все малодушные люди, упрям и безрассуден. Вот истина. Нечего краснеть и сердиться. Я люблю его не меньше вас. Я, как и вы, вижу его достоинства и считаю заслугой с его стороны то, что он выбрал себе жену умную и решительную и до того преданную ему, что она не позволяет говорить о его недостатках даже его матери. Милое дитя мое! Я люблю вас еще более за то, что вы ненавидите меня!

– Разве я сказала, что ненавижу вас? – воскликнула я, чувствуя, однако, нечто близкое к ненависти. – Я думаю только, что вы смешиваете малодушие с деликатностью. Наш несчастный Юстас...

– Человек деликатный, – dokonчила мою фразу непроницаемая миссис Макаллан. – Мы остановимся на этом, друг мой, и перейдем к разговору о другом. Желала бы я знать, согласимся ли мы хоть в этом.

– О чем вы желаете говорить, сударыня?

– Я не скажу ничего, если вы будете называть меня «сударыней». Скажите: «О чем вы хотите говорить, матушка?»

– О чем вы хотите говорить, матушка?

– О вашем намерении обратиться в кассационный суд и добиться справедливого вердикта для Юстаса. Неужели вы действительно думаете сделать это?

– Да.

Миссис Макаллан подумала с минуту.

– Вы знаете, как я восхищаюсь вашим мужеством и вашей преданностью моему несчастному сыну, – сказала она. – Вы знаете, что я не лицемерю. Но я не могу позволить вам добиваться невозможного и рисковать своим счастьем, своей репутацией, не постаравшись образумить вас, пока не поздно. Дитя мое, то, что вы забрали себе в голову, не может быть сделано. Откажитесь от своих планов.

– Я очень благодарна вам, миссис Макаллан...

– Матушка?

– Я очень благодарна вам, матушка, за ваше участие ко мне, но я не могу отказаться от моего намерения. Права я или нет, рискую я или нет, но я должна попробовать и попробую.

Миссис Макаллан посмотрела на меня внимательно и вздохнула.

– О, молодость, молодость! – сказала она грустно. – Блажен, кто молод! – Она овладела собой и обратилась ко мне почти сердито: – Но скажите, ради Бога, как вы намерены действовать?

В ту самую минуту, как она задала этот вопрос, мне пришло в голову, что она могла бы дать мне рекомендацию к Декстеру. Она должна была знать его как старого друга своего сына.

– Прежде всего я намереваюсь посоветоваться с Мизериусом Декстером, – сказала я смело.

Миссис Макаллан отшатнулась от меня с громким возгласом удивления.

– С ума вы сошли? – спросила она.

Я сказала ей, как и майору Фитц-Дэвиду, что я имела причины полагать, что Мизериус Декстер может помочь мне.

– А я, – возразила миссис Макаллан, – имею причины полагать, что весь ваш замысел – безумие и что, попросив совета у Декстера, вы попросите его у безумного. Не пугайтесь, дитя мое. Декстер безвреден. Я не хочу сказать, что он способен оскорбить вас или причинить вам какой-нибудь вред. Я говорю только, что молодой женщине в вашем печальном и щекотливом положении никак не следует делать своим союзником Мизериуса Декстера.

Странно! Миссис Макаллан почти дословно повторила предостережение майора. Тем не менее оно произвело такое же действие, как большая часть предостережений, оно только усилило мое упорство.

– Вы очень удивляете меня, – сказала я. – Все, что говорил мистер Декстер в суде, показалось мне вполне разумным.

– Конечно, – отвечала миссис Макаллан. – Стенографы и репортеры, прежде чем напечатать его показания, позаботились придать им приличную форму. Но если бы вы слышали то, что он действительно говорил, вы или почувствовали бы к нему отвращение, или посмеялись

бы над ним, смотря по тому, как вы смотрите на вещи. Он начал скромным и довольно пристойным объяснением значения своего имени и сразу отнял у слушателей охоту смеяться над ним. Но в дальнейших показаниях его странности обнаружились. Он смешивал самым странным образом серьезное с бессмыслицами, был несколько раз призываем к порядку и едва не подвергся штрафу и аресту за неуважение к суду. Словом, он показал себя самим собой, то есть соединением самых странных и противоречивых качеств: то был ясен и разумен, то впадал в бред самого возмутительного свойства, как в припадке безумия. Я повторяю вам, что он вовсе не способен давать советы. Не ожидаете ли вы, что я представлю вас Декстеру?

– У меня была эта надежда, – ответила я. – Но после того, что вы сказали, я, конечно, отказываюсь от нее. Это не составляет большого лишения для меня, мне придется подождать только неделю. Ровно через неделю у майора Фитц-Дэвида будет обед, на который он обещал пригласить Мизериуса Декстера, чтобы познакомить его со мной.

– Я узнаю в этом майора, – воскликнула миссис Макаллан. – Если вы доверяете этому человеку, мне жаль вас. Он увертлив, как угорь. Вы, вероятно, просили его представить вас Декстеру?

– Да.

– Декстер презирает его, душа моя. Майор знает так же хорошо, как и я, что Декстер не поедет на его обед, и пользуется этим косвенным средством помешать вам прямо, как сделал бы честный человек.

Это было очень неприятной новостью для меня, но мое упрямство не допустило меня признать себя побежденной.

– Если мистер Декстер не приедет к майору, я напишу ему сама и попрошу его принять меня.

– И отправитесь к нему одна, если он согласится принять вас? – спросила миссис Макаллан.

– Одна.

– Вы говорите серьезно?

– Совершенно серьезно.

– Я не пущу вас одну.

– Позвольте спросить, как вы намереваетесь помешать мне ехать одной?

– Конечно, не иначе как отправившись с вами, упрямица. Я могу быть такой же настойчивой, как вы, когда нужно. Но заметьте, что я не хочу знать ваши планы, не хочу иметь ничего общего с ними. Мой сын покорился шотландскому вердикту, я тоже покорилась. Вы одна не хотите покориться и оставить дело в том положении, в каком оно теперь. Вы тщеславное и сумасбродное создание, но я тем не менее люблю вас и не пущу вас к Декстеру одну. Надевайте шляпку.

– Сейчас? – спросила я.

– Да, сейчас. Моя карета у подъезда, и чем скорее мы отделаемся, тем лучше для моего спокойствия. Одевайтесь и не мешкайте.

Я не заставила ее повторить приглашение, и спустя десять минут мы были на пути к Мизериусу Декстеру.

Таков был результат моего свидания с свекровью.

Глава XXIV

МИЗЕРИУС ДЕКСТЕР. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Мы просидели за завтраком довольно долгое время, прежде чем миссис Макаллан приехала в коттедж Бенджамена. Разговор между мной и моей свекровью, приведенный здесь только вкратце, продолжался почти до вечера, так что когда мы сели в экипаж, солнце уже заходило в тяжелых тучах и осенние сумерки застали нас еще в дороге.

Мы ехали, сколько я могла судить, по направлению к северной окраине Лондона.

Более часа карета наша катилась по мрачному кирпичному лабиринту улиц, становившихся все уже и уже, грязнее и грязнее, по мере того как мы подвигались вперед. Из этого лабиринта мы выехали, как я разглядела в темноте, на какой-то безобразный пустырь. Далее мы проехали мимо нескольких беспорядочных групп домов и лавочек, казавшихся небольшими деревьями.

Все темнее и темнее, мрачнее и мрачнее становились окрестности, но наконец карета остановилась и миссис Макаллан объявила, что мы достигли цели нашей поездки.

– Дворец принца Декстера, душа моя, – сказала она саркастическим тоном. – Как он вам нравится?

Я посмотрела вокруг себя и не знала, что подумать.

Мы вышли из кареты и стояли на засыпанной щебнем дороге. Направо и налево от нас возвышались недостроенные здания новых домов. Вокруг нас валялись доски и кирпичи. Местами возвышались высокие подмости, казавшиеся безлиственными деревьями этой кирпичной пустыни. Позади нас простирался еще не застроенный пустырь. Прямо перед нами, на расстоянии двухсот ярдов или около того, виднелась темная масса, в которой я мало-помалу разглядела в темноте длинный низкий старинный дом с живой изгородью и частоколом перед фасадом. Мы направились под предводительством слуги к забору, прокладывая себе путь мимо досок и кирпичей, устричных раковин и битой посуды.

В заборе была калитка и ручка звонка, отысканная после долгих поисков. Дернув ручку, слуга привел в движение, судя по звуку, колокол значительной величины, пригодный Солее для церкви, чем для дома.

Пока мы ждали, чтобы нас впустили, миссис Макаллан указала мне на старый дом.

– Вот одна из его сумасбродных причуд, – сказала она. – Дельцы, застраивающие эту местность, давали ему большие деньги за его землю и дом. Это место было некогда феодальным замком. Много лет тому назад Декстер купил его, сам не зная зачем. Никакие фамильные воспоминания не связывают его с этим домом, а деньги могли бы пригодиться ему. Как бы то ни было, но он отказался продать дом и написал дельцам такое письмо: «Мой дом есть памятник живописного и прекрасного среди пошлых, низких, пресмыкающихся строений пошлого, низкого пресмыкающегося века. Я сохраню мой дом, джентльмены, как полезный урок для вас. Смотрите на него и краснейте, если можете, за свои собственные постройки». Можно ли написать что-нибудь нелепее этого? Ш-ш! Я слышу шаги из сада. Это идет его родственница. Она женщина. Я предупреждаю вас об этом, потому что ее легко принять за мужчину.

За забором послышался грубый густой голос, который я, понятно, не приняла бы за женский.

– Кто там?

– Миссис Макаллан, – отвечала моя свекровь.

– Что вам нужно?

– Нам нужно видеть Декстера.

– Его нельзя видеть.

– Почему нельзя?

– Как вы назвали себя?

– Макаллан. Миссис Макаллан. Мать Юстаса Макаллана. Теперь поняли?

Голос проворчал что-то, в замке щелкнул ключ, и мы были впущены в сад.

В темноте, усиленной густыми кустами, я разглядела в женщине с грубым голосом только то, что она была в мужской шляпе. Она заперла за нами калитку и, не сказав нам ни слова в приветствие или в объяснение, повела нас по направлению к дому. Моя свекровь, зная дорогу, следовала за ней свободно, я же следовала за миссис Макаллан, стараясь не отстать от нее ни на шаг.

– Прелестное семейство, – прошептала мне моя свекровь, – Родственница Декстера – единственная женщина в доме, и эта единственная женщина – идиотка.

Мы вошли в большую низкую прихожую, слабо освещенную масляной лампой, висевшей в отдаленном углу комнаты. При этом слабом свете я разглядела, что стены были украшены картинами, но содержание картин не могла разглядеть.

Миссис Макаллан обратилась к безмолвной родственнице в мужской шляпе.

– Скажите нам, где мы можем увидеть Декстера?

Родственница взяла со стола листок бумаги и подала его миссис Макаллан.

– Это написал хозяин, – сказала эта странная женщина глухим шепотом и таким тоном, как будто одна мысль о хозяине приводила ее в трепет. – Прочтите это и решите сами, остаться вам или уйти.

Она отворила незаметную дверь, замаскированную одной из картин, и исчезла как призрак.

Миссис Макаллан подошла к масляной лампе и взглянула на поданный ей листок. Я последовала за ней, без церемоний перегнулась через ее плечо и прочла записку вместе с ней. Записка была написана замечательно крупным и твердым почерком. Если я не заразилась безумием в воздухе дома, я действительно прочла следующее:

«Уведомление. Мое громадное воображение работает. Видения героев проходят предо мной. Я оживляю в себе дух отошедших великих людей. Мой мозг кипит в моей голове. Всякий, кто потревожит меня в таких обстоятельствах, сделает это с опасностью для своей жизни. Декстер».

Миссис Макаллан обернулась ко мне со своей саркастической улыбкой.

– Вы и теперь настаиваете, чтобы я представила вас Декстеру?

Насмешка в тоне ее вопроса затронула мою гордость. Я решила, что не уступлю первая.

– Нет, сударыня, я не настаиваю, если это подвергает вашу жизнь опасности, – ответила я не совсем учтиво.

Моя свекровь, не удостоив меня ответом, положила бумагу на стол и направилась к двери направо, за которой виднелись ступени широкой дубовой лестницы.

– Следуйте за мной, – сказала она, поднимаясь по темной лестнице. – Я знаю, где найти его.

Мы поднялись ощупью до первой площадки. Далее лестница поворачивала в противоположную сторону и была слабо освещена светом масляной лампы, горевшей где-то наверху.

Поднявшись до второй площадки, мы повернули в небольшой коридор и, пройдя его, вошли в красивую круглую комнату, освещенную масляной лампой, стоявшей на камине. На стене, противоположной двери, в которую мы вошли, висел длинный ковер, спускавшийся с потолка до полу.

Миссис Макаллан откинула его в сторону и сделала мне знак следовать за ней.

– Слушайте, – прошептала она.

Я прошла за ковер и очутилась в небольшом коридоре, в конце которого я разглядела затворенную дверь. Я начала прислушиваться и услышала за дверью громкий человеческий голос и какой-то странный свистящий звук, производимый, как казалось, чем-то, катавшимся взад и вперед по большому пространству. Этот странный звук то усиливался и заглушал голос, то затихал, и тогда голос слышался яснее. Дверь была, вероятно, очень толстая, потому что, как я ни прислушивалась, я не могла ни расслышать голоса, ни понять причину гремящих и свистящих звуков.

– Что происходит по ту сторону двери? – спросила я шепотом.

– Идите за мной, – ответила миссис Макаллан.

Она опустила ковер и, повернув беззвучно ручку, открыла тяжелую дверь.

Мы остались в темном коридоре и заглянули в отворенную дверь.

Я увидела длинную и низкую комнату. Красноватый свет углей, догоравших в камине, единственный свет, при котором я могла судить о предметах и расстояниях, освещал только центральную часть комнаты, находившуюся прямо против нас, но не достигал до краев, остававшихся во мраке. Едва я успела заметить это, как услышала, что гремящие и свистящие звуки направляются в мою сторону. В следующее мгновение в освещенном пространстве появилось высокое кресло на колесах. В нем смутно обрисовывалась фигура человека с развевающимися волосами. Он неистово размахивал руками, приводя в движение механизм, посредством которого двигалось кресло. «Я Наполеон в утро Аустерлица! – воскликнул человек в кресле, промелькнув мимо меня. – Мне стоит сказать одно слово, и троны рушатся, короли низвергаются, нации трепещут, десятки тысяч людей сражаются, истекают кровью, умирают! – Кресло исчезло в темноте и человек в нем сделался другим героем. – Я Нельсон, – воскликнул он громким голосом. – Я предводительствую флотом в Трафальгаре. Я издаю приказания, пророчески предвижу победу и свою смерть. Я вижу мой апофеоз, слезы моей нации, мое погребение в славной церкви. Потомство вспоминает обо мне, поэты воспевают меня в бессмертных стихах! – Кресло докатилось до края комнаты, повернуло назад, и странный, фантастический кентавр, получеловек-полукресло, показался опять в темном пространстве

комнаты. – Я Шекспир, – воскликнул он. – Я пишу «Лира», эту трагедию из трагедий. Я выше всех древних и всех новых поэтов. Строки извергаются, как лава, из моего умственного кратера. Дайте свет, чтобы бессмертный поэт мог написать свои бессмертные слова!» Он с шумом подъехал к камину и наклонился над ним. Последний уголь вспыхнул на миг, и свет достиг отворенной двери, возле которой мы стояли. В эту минуту странное создание повернулось и увидело нас. Кресло остановилось так быстро, что потрясло старый пол дома, переменяло направление и бросилось на нас с быстротой дикого животного. Едва успели мы отступить и прислониться к стене коридора, как оно вылетело из двери и откинуло висевший ковер. Свет лампы из соседней комнаты осветил наше убежище. Неистовые колеса остановились опять, и странное создание в кресле взглянуло на нас со свирепым любопытством, способным привести в трепет.

– Раздавил я их? Превратил я их в порошок за дерзкую попытку помешать мне? – пробормотал он. Потом опять вспомнил о Шекспире и Короле Лире. – Гонерилья и Регана! – воскликнул он. – Мои две бесчеловечные дочери, две ведьмы пришли насмеяться надо мной!

– Все нет, – отвечала моя свекровь так спокойно, как будто обращалась к разумному существу. – Я ваш старый друг, миссис Макаллан. А это вторая жена Юстаса Макаллана, приехавшая повидаться с вами.

Лишь только она произнесла: «вторая жена Юстаса Макаллана» – странное существо издало такой пронзительный крик, как будто она прострелила его. Человек без ног выпрыгнул из кресла, мелькнул в воздухе, опустился на пол с легкостью обезьяны и, к довершению безобразной сцены, убежал на руках в длинную комнату, скорчился у камина и, весь дрожа, начал стонать, повторяя множество раз: «О, сжальтесь надо мной, сжальтесь надо мной!»

Таков был человек, к которому я приехала за советом, на помощь которого я так рассчитывала!

Глава XXV МИЗЕРИУС ДЕКСТЕР. ВТОРОЕ ЗНАКОМСТВО

Полный упадок духа, отвращение и, чтобы сказать всю правду, сильный страх заставили меня признать себя побежденной. Я обратилась к миссис Макаллан и сказала шепотом:

– Вы были правы, я обманулась в своих ожиданиях. Уйдем отсюда.

Слух Мизериуса Декстера был, вероятно, так же чуток, как слух собаки. Он расслышал, что я сказала «уйдем отсюда».

– Нет, – крикнул он. – Приведите сюда вторую жену Юстаса Макаллана! Я обязан извиниться перед ней, я хочу видеть ее.

Он был теперь совсем другим человеком. Он произнес последние слова самым мягким голосом и вздохнул истерическим вздохом, как женщина после долгих слез. Пробудилось ли во мне мужество, или меня подстрекало любопытство, но когда миссис Макаллан сказала мне: «Припадок прошел. Вы остаетесь при своем намерении уйти?» – я ответила: «Нет, я войду к нему».

– Вы уже поверили в него снова? – спросила миссис Макаллан со своей беспощадной насмешливостью.

– Я преодолела мой испуг.

– Мне жаль, что я испугал вас, – сказал мягкий голос у камина. – Некоторые люди говорят, что я бываю иногда не в своем уме. Вы пришли в один из часов моего безумия, если некоторые люди правы. Я сам сознаю, что я ясновидец. Когда мое воображение разыгрывается, я говорю и делаю странные вещи. Если же мне напомнят в такое время об ужасном процессе, я возвращаюсь к прошлому и испытываю невыразимые нервные страдания. Я самый мягкосердечный человек и, как неизбежное следствие этого, самый несчастный человек. Примите мои извинения. Войдите обе и пожалейте меня.

Любой человек в такую минуту, даже ребенок, забыл бы о страхе, вошел бы к нему и пожалел его. В комнате становилось все темнее и темнее. Мы не видели ничего, кроме скорченной фигуры у камина.

– Не прикажете ли осветить комнату? – спросила миссис Макаллан. – И хорошо ли будет, если эта молодая особа увидит вас при свете вне вашего кресла?

Он приложил к губам что-то блестящее, металлическое, и издал ряд резких, дрожащих, птичьих нот. Спустя несколько минут где-то в отдаленной части нижнего этажа раздались точно такие же звуки.

– Ариэль идет, – сказал Декстер. – Успокойтесь, мамаша Макаллан. Ариэль сделает меня приличным для женских глаз.

Он удалился на руках в темный угол комнаты.

– Подождите, – сказала миссис Макаллан. – Вам готовится новый сюрприз. Вы увидите Ариэль.

В соседней круглой комнате послышались тяжелые шаги.

– Ариэль! – позвал Мизериус Декстер в темноте.

– Здесь, – отвечал, к моему невыразимому удивлению, грубый голос родственницы в мужской шляпе.

– Мое кресло, Ариэль.

Особа с этим неподходящим именем откинула ковер, чтобы осветить комнату, и вошла, двигая перед собой кресло. Она нагнулась и подняла Декстера с пола как ребенка. Прежде чем она успела посадить его, он с радостным криком вырвался из ее рук и прыгнул в кресло с легкостью птицы.

– Лампу, – сказал он. – И зеркало. Извините, – обратился он к нам, – что я сижу, повернувшись к вам спиной. Вы не должны видеть меня, пока мои волосы не будут приведены в порядок. Ариэль! Лампу, гребенку и помаду.

Держа в одной руке лампу, в другой зеркало, а в зубах щетку с воткнутой в нее гребенкой, Ариэль, иначе родственница Декстера, предстала передо мной впервые при ясном освещении. Я увидела круглое, мясистое, бессмысленное лицо, бесцветные, мутные глаза, толстый нос и грубый подбородок, полуживое, полуразвитое, неуклюжее создание, одетое в мужской сюртук и в тяжелые мужские сапоги. Только фланелевая юбка и сломанный гребень в жестких светлых волосах были единственными признаками, по которым в ней можно было признать женщину. Такова была негостеприимная особа, принявшая нас в темноте, когда мы вошли в дом.

Странная служанка, собрав туалетные принадлежности, необходимые для приведения в порядок волос ее еще более странного господина, принялась за свое дело.

Она чесала, помадила, приглаживала щеткой, мочила духами длинные, волнистые волосы и шелковистую бороду Мизериуса Декстера и делала это с самой странной смесью тупоумия и ловкости. Дело, сделанное безмолвно, с глупым взглядом, с неуклюжими приемами, было тем не менее сделано как нельзя лучше. Калека в кресле не спускал глаз с зеркала и был слишком заинтересован ходом дела, чтобы обращать внимание на нас. Только когда Ариэль, окончательно отделявая его бороду, стала лицом к нему, он взглянул на нее и обратился к моей свекрови, не поворачивая головы в нашу сторону, чтобы не показаться до окончания своего туалета.

– Мамаша Макаллан, – сказал он, – как зовут вторую жену вашего сына?

– Для чего вам это знать?

– Мне нужно это знать потому, что я не могу называть ее «миссис Макаллан».

– Почему?

– Потому что это имя напоминает мне другую миссис Макаллан, а при воспоминании об ужасных днях в Гленинге я потеряю опять самообладание и начну стонать.

Услышав это, я поспешила вмешаться.

– Меня зовут Валерия.

– Валерия! Римское имя, – заметил Декстер. – Оно мне нравится. Мой ум сформировался в римском духе. Мое телосложение было бы также римским, если бы я родился с ногами. Я буду называть вас миссис Валерия, если только вы не имеете ничего против этого.

Я поспешила успокоить его.

– Вот и прекрасно, – сказал он. – Миссис Валерия, видите вы лицо странного создания, стоящего перед вами?

Он указал зеркалом на свою родственницу так бесцеремонно, как указал бы на собаку. Она обратила так же мало внимания на его неучтивость, как если бы и была собакой. Она все с тем же невозмутимым спокойствием продолжала чесать и помадить его бороду.

– Это лицо идиотки, – продолжал Мизериус Декстер. – Взгляните на нее. В кочне капусты, растущем в саду, столько же жизни и выражения, как в наружности этой девушки в эту минуту.

Поверите ли, что в этом полуразвитом создании таятся ум, любовь, гордость, преданность?

Я не решилась ответить на такой вопрос в присутствии девушки, но моя совестливость была, по-видимому, излишней. Непостижимое создание продолжало свое дело, равнодушное ко всему окружающему.

– Мне удалось добраться до ее затаенной любви, гордости, преданности, – продолжал Мизериус Декстер. – Я обладаю ключом к ее дремлющему уму. Великолепная мысль! Глядите на нее, пока я буду говорить с ней. Я назвал ее Ариэлем в одну из моих иронических минут, и она привыкла к этому имени, как собака привыкает к ошейнику. Ариэль!

Бесмысленное лицо девушки начало проясняться. Рука ее, машинально работавшая гребенкой, остановилась.

– Ариэль, ты выучилась чесать мои волосы и мою бороду, не правда ли?

– Да, да, да, – отвечала она с жаром. – И вы говорите, что теперь я делаю это хорошо.

– Да, я говорю это. Но желаешь ли ты, чтобы кто-нибудь другой делал это за тебя?

В глазах ее появилось осмысленное выражение. Ее странный неженский голос смягчился до самых нежных нот.

– Никто, кроме меня, не будет убирать ваши волосы, никто, кроме меня, не дотронется до вас, пока я жива, – произнесла она с нежностью и гордостью.

– Даже эта молодая особа, что стоит там? – спросил Мизериус Декстер, указывая зеркалом через плечо в мою сторону.

Глаза девушки внезапно сверкнули свирепой ревностью. Она погрозила мне гребенкой.

– Пусть попробует! – воскликнула она своим прежним грубым голосом. – Пусть притронется к вам, если посмеет!

Декстер засмеялся при этой детской вспышке.

– Довольно, Ариэль, – сказал он. – Я отпускаю на покой ваш ум. Вернитесь к своему прежнему состоянию и окончите свое дело.

Она пассивно повиновалась. Осмысленное выражение в ее глазах и лице мало-помалу исчезло, она продолжала свою работу с той же безжизненной ловкостью, которая удивила меня вначале. Декстер был вполне доволен этой переменой.

– Я полагаю, что мой маленький опыт заинтересовал вас, – сказал он. – Дремлющий ум моей родственницы подобен музыкальному инструменту. Я прикасаюсь к нему, и он отвечает на мое прикосновение. Она любит, чтобы я прикасался к ее уму. Ее высшее наслаждение – слушать сказки, и чем сильнее сказка волнует ее, тем больше она ей нравится. Я довожу ее до сильнейшей степени возбуждения. Это очень забавно. Вы должны когда-нибудь посмотреть на это. – Он устремил в зеркало последний взгляд. – А, вот теперь я в порядке, – сказал он довольным тоном. – Исчезни, Ариэль.

Служанка вышла из комнаты с безмолвной покорностью выдрессированного животного. Когда она проходила мимо меня, я сказала ей: «Доброй ночи». Она взглянула на меня и не ответила. Мои слова не произвели на нее никакого впечатления. Только голос Декстера способен был пробуждать ее.

– Валерия, – сказала моя свекровь. – Наш скромный хозяин ждет узнать ваше мнение о нем.

Пока мое внимание было обращено на его родственницу, Мизериус Декстер повернулся лицом к нам. Описывая его как свидетеля в суде, я неумышленно основала мое описание на моем позднейшем знакомстве с ним. Я увидела теперь впервые его открытое умное лицо, его большие ясные голубые глаза, блестящие волнистые волосы светлого каштанового цвета, длинные нежные белые руки, стройную шею и грудь. Уродство, унижавшее и портившее мужественную красоту его головы и туловища, было скрыто пестрым покрывалом в восточном вкусе, накинутом на его кресло. Он был в темно-синем бархатном сюртуке, застегнутом на груди крупными малахитовыми пуговицами, в шелковых манжетах во вкусе прошлого столетия. Может быть, я была недостаточно проницательна, но я не заметила в нем теперь никаких признаков безумия, ничего отталкивающего. Единственный недостаток, который я увидела в его лице, были морщины, появлявшиеся у внешних углов его глаз, когда он смеялся, и в меньшей степени, когда он улыбался, – морщины, вовсе не гармонизировавшие с его моложавой наружностью. Его рот, насколько я могла разглядеть его под усами и бородой, был мал и изящен, его нос, самой правильной греческой формы, был, может быть, слишком тонок в

сравнении с полными щеками и с высоким, массивным лбом. Глядя на него (конечно, с точки зрения женщины, а не физиономиста), я могу только сказать, что это был замечательно красивый человек. Живописец охотно взял бы его моделью для Святого Иоанна, а молодая девушка, увидав его и не зная, что скрывалось под восточным покрывалом, сказала бы про себя: вот герой моих мечтаний.

– Пугаю я вас теперь, миссис Валерия? – спросил он спокойно.

– Нисколько, мистер Декстер.

Его голубые глаза, большие, как глаза женщины, ясные, как глаза ребенка, остановились на мне с выражением какой-то странной борьбы чувств, что заинтересовало и смутило меня. То в них появлялось сомнение, беспокойное, тяжелое сомнение, то опять радостное одобрение, такое откровенное одобрение, что тщеславная женщина подумала бы, что победила его с первого взгляда.

Потом внезапно им овладело новое чувство. Глаза его закрылись, голова опустилась на грудь, он поднял руки с жестом сожаления. Он бормотал что-то про себя, предавшись каким-то тайным и грустным воспоминаниям, которые удаляли его все более и более от действительности. Я прислушивалась к тому, что он говорил, и старалась угадать, что происходило в уме этого странного существа.

– Лицо несравненно красивее, – расслышала я, – но не фигура. Разве можно быть стройнее ее? Грациозна, но далеко не так, как та. В чем же сходство, которое напомнило мне ее? В позе, может быть? В движениях? Бедный замученный ангел! Что за жизнь! И что за смерть, что за смерть?

Не сравнивал ли он меня с жертвой отравления, с первой женой моего мужа? Если так, то покойная, очевидно, пользовалась его расположением. Это было ясно по грустному тону его голоса. Выиграю я или проиграю от сходства, которое он нашел во мне? Каков будет результат, если я открою свои подозрения и свои планы этому странному человеку? Я ждала с нетерпением, не скажет ли он еще что-нибудь о первой жене моего мужа. Нет. В нем произошла новая перемена. Он вздрогнул и начал осматриваться, как человек, внезапно пробужденный от глубокого сна.

– Что я сделал? – спросил он. – Я, кажется, дал опять волю своему воображению. – Он содрогнулся и вздохнул. – О, этот гленингский дом! – пробормотал он грустно. – Неужели я никогда не буду в силах не думать о нем?

К моему невыразимому огорчению, миссис Макаллан остановила его. В его воспоминаниях о сельском доме ее сына было, по-видимому, что-то, что оскорбило ее. Она прервала его резко и решительно.

– Довольно, друг мой, довольно! – сказала она, – Вы, кажется, сами не знаете, что говорите.

Его большие голубые глаза сверкнули свирепым негодованием. Одним поворотом руки он подкатил свое кресло к ней, схватил ее за руку и заставил ее нагнуться к нему так, чтоб он мог говорить с ней шепотом. Он был сильно взволнован, и шепот его был так громок, что достиг до меня.

– Я сам не знаю, что говорю, – повторил он, – устремив пристальный взгляд не на нее, а на меня. – Вы близорукая старуха. Где ваши очки? Разве вы не видите в ней никакого сходства – в фигуре, а не в лице – с первой женой Юстаса?

– Одно воображение, – возразила она. – Я не вижу никакого сходства.

Он прервал ее с нетерпением.

– Не так громко, – прошептал он. – Она услышит.

– Я слышала вас обоих, – сказала я. – Вы можете говорить при мне не стесняясь, мистер Декстер. Я знаю, что мой муж был женат, прежде чем женился на мне, и знаю, как ужасно окончила жизнь его первая жена. Я прочла отчет о процессе.

– Вы прочли описание жизни и смерти мученицы! – воскликнул Мизериус Декстер. Он подкатил свое кресло к моему стулу и наклонился ко мне с полными слез глазами. – Никто, кроме меня, не ценил ее по достоинству, – сказал он. – Никто, кроме меня!

Миссис Макаллан отошла нетерпеливо на другую сторону комнаты.

– Я готова ехать, Валерия, – сказала она. – Нельзя заставлять лошадей и слуг ждать так долго в этом мрачном месте.

Но я была слишком заинтересована словами Декстера, чтобы расстаться с ним в эту

минуту. Я сделала вид, что не слышала замечания миссис Макаллан, и, чтобы удержать Декстера возле себя, опустила как бы случайно руку на его кресло.

– Вы доказали своим свидетельством в суде, как высоко вы ценили эту особу, – сказала я. – Я полагаю, мистер Декстер, что вы имеете свое собственное мнение о тайне ее смерти. Права я или нет?

Он глядел на мою руку, лежавшую на ручке его кресла, но при моих последних словах он внезапно поднял глаза и устремил их на меня с выражением сердитого подозрения.

– Почему вы полагаете, что я имею свое собственное мнение о тайне ее смерти? – спросил он строго.

– Я узнала это из отчета. Судья выразил такое предположение. Я не имела намерения оскорбить вас, мистер Декстер.

Лицо его тотчас же прояснилось, он улыбнулся и положил свою руку на мою. Дрожь пробежала у меня по телу при его прикосновении, и я быстро одернула руку.

– Простите меня, если я перетолковал ваши слова в ложную сторону, – сказал он. – Да, я сознаюсь, что имею свои собственные идеи насчет смерти этой несчастной женщины. – Он замолчал и посмотрел на меня пристально. – Разве вы тоже имеете свои собственные идеи?

Я была глубоко заинтересована. Я сгорала от нетерпения узнать больше. Чистосердечие с моей стороны могло вызвать его на откровенность. Я отвечала:

– Да.

– Идеи, которые вы сообщили кому-нибудь?

– До сих пор еще ни одному живому существу.

– Странно, – сказал он, не спуская с меня своего пронизывающего взгляда. – Какое вам может быть дело до умершей женщины, которой вы никогда не знали? Почему вы задали мне свой вопрос? Разве вы приехали ко мне с какой-нибудь целью?

Я смело созналась в истине. Я сказала:

– Да.

– С целью, имеющей связь с первой женой Юстаса Макаллана?

– Да.

– С чем-нибудь, что случилось во время ее жизни?

– Нет.

– Связанное с ее смертью?

– Да.

Он внезапно всплеснул руками с жестом отчаяния, потом прижал их к голове, как будто почувствовал внезапную боль.

– Я не могу выслушать вас сегодня, – сказал он. – Я отдал бы все в мире, чтобы выслушать вас, но я не смею. Я не в силах возвратиться к ужасу прошлого. Слышали вы меня, когда пришли сюда? У меня безграничное воображение. Я могу вообразить себя величайшим героем, какой когда-либо существовал. Я живу некоторое время жизнью человека, которым воображу себя. Если бы я стал сдерживать себя, когда воображение мое разыгрывается, я сошел бы с ума. Я даю себе волю. Припадок продолжается несколько часов и оставляет меня в упадке духа, с сильно расстроенными нервами. Если в такое время во мне возникнут какие-то тяжелые воспоминания, я способен впасть в истерику. Вы не должны видеть меня в истерике. Нет, миссис Валерия, я ни за что не соглашусь испугать вас. Не хотите ли приехать ко мне завтра днем? У меня есть пони и кабриолет. Ариэль умеет править. Она приедет к мамаше Макаллан и привезет вас сюда. Мы поговорим. Я сгораю от нетерпения выслушать вас. Завтра утром я буду готов принять вас. Довольно об этом. Я должен успокоиться. Музыка – лучшее наркотическое средство для встревоженного ума. Мою арфу, мою арфу!

Он укатил на другую сторону комнаты. Моя свекровь подошла ко мне, чтобы поторопить меня.

– Пойдемте, – сказала она с досадой. – Вы видели его, он показал себя сегодня во всей красе. Довольно, иначе он вас утомит. Пойдемте.

Кресло возвратилось к нам медленно. Мизериус Декстер действовал только одной рукой. В другой он держал арфу, такую арфу, какие я до тех пор видела только на картинах. Она была так мала, что на ней можно было играть, держа ее на коленях. С такими арфами изображаются музы и легендарные барды.

– Прощайте, Декстер, – сказала миссис Макаллан.

Он повелительно поднял руку.

– Подождите. Пусть она услышит мое пение. Он обратился ко мне. – Я не хочу быть обязанным другим поэзией и музыкой. Я сам сочиняю для себя и поэзию и музыку. Я импровизирую. Дайте мне подумать немного, я буду импровизировать для вас.

Он закрыл глаза и задумался, тихо водя пальцами по струнам. Спустя несколько минут он поднял голову, взглянул на меня и заиграл прелюдию. Это была дикая, монотонная музыка, то напоминавшая медленный, плавный восточный танец, то строгие напевы старых армянских песен. Слова, следовавшие за прелюдией, были так же мало подчинены каким бы то ни было правилам, как и музыка. Одним из прекраснейших теноров, какие я когда-либо слышала, мой поэт воспел меня в следующих словах:

Зачем она пришла?
Я в ней утраченную вспомнил,
Мне в ней умершая воскресла:
Такой же стан,
Такая же походка,
Зачем она пришла?

Судьба ли то?
Не вместе ль суждено
Прошедшего ошибки нам исправить?
Не вместе ль суждено
Нам тайну прошлого открыть?
Соединить догадки, мысли, подозренья?
Судьба ли то?

Разгадка в будущем:
Пусть ночь пройдет,
Пусть день придет.
Ее прочту я мысли,
Она в мой ум заглянет.
Разгадка в будущем.

Голос его затихал, пальцы прикасались к струнам все слабее и слабее, по мере того как он подходил к концу песни. Утомленный ум потребовал успокоения. При последних словах глаза его закрылись, голова опустилась на спинку кресла. Он заснул с арфой в руках, как ребенок с новой игрушкой.

Мы вышли из комнаты на цыпочках и оставили Мизериуса Декстера, поэта, композитора и сумасшедшего, погруженным в глубокий сон.

Глава XXVI Я ПРОДОЛЖАЮ УПОРСТВОВАТЬ

В темной прихожей нас встретила полузаснувшая Ариэль. Не взглянув на нас, не сказав нам ни слова, она проводила нас по темному саду и заперла за нами калитку.

– Доброй ночи, Ариэль, – крикнула я ей через забор. Я не услышала ничего, кроме тяжелых шагов, удалявшихся по направлению к дому, и стука запираемой двери.

Лакей позаботился зажечь каретные фонари. Сняв один из них, он осветил наш путь по кирпичной пустыне и вывел нас благополучно на дорогу.

– Что вы скажете теперь? – спросила меня моя свекровь, когда мы уселись в карету. – Вы видели Мизериуса Декстера. Довольны вы теперь? С тех пор как я его знаю, я никогда не видала его в таком безумном состоянии, как сегодня.

– Не смею оспаривать ваше мнение о нем, – возразила я, – но что касается меня, я не убедилась, что он безумный.

– Не убедились после всего, что он выделывал на своем кресле! – воскликнула миссис Макаллан. – Не убедились после его насмешек над его несчастной родственницей! Не убедились после песни, которую он пропел в честь вас и в заключение которой заснул! Валерия, Валерия, правы были наши предки, сказав, что никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть.

– Извините меня, миссис Макаллан! Я видела все, о чем вы говорите, и все это очень удивило и смутило меня. Но теперь, когда я пришла в себя и могу думать спокойно, мне кажется, что этого человека нельзя назвать сумасшедшим в обыкновенном значении этого слова. Пожалуй, его странность состоит в том, что он выражает прямо, и, надо сознаться, довольно дико, чувства и мысли, которые бывают у всех нас, но которые мы скрываем как слабость. Я сама иногда воображаю себя каким-нибудь другим лицом, и, признаюсь, это доставляет мне некоторое удовольствие. Все дети, не лишённые воображения, любят представлять себя кем-нибудь другим – волшебницами, королевами, кем угодно. Мистер Декстер, как и дети, делает это открыто, и если это доказательство сумасшествия, то он, конечно, сумасшедший. Но я заметила, что, когда воображение его успокоилось, он стал считать себя опять самим собою, Мизериусом Декстером, и был далек от мысли, что он Наполеон или Шекспир. Кроме того, надо принять во внимание его уединенную, замкнутую жизнь. Мне кажется, что она была причиной чрезмерно развитого воображения и необычайного самомнения, которое выразилось в его насмешках над несчастной родственницей, в его странной песне. Боюсь, что это поколеблет ваше доброе мнение обо мне, но я должна сознаться, что он заинтересовал меня.

– Не должна ли я заключить из этого, что вы намереваетесь отправиться к нему опять? – спросила миссис Макаллан.

– Не знаю, что я буду думать об этом завтра утром, – ответила я, – но в настоящую минуту я расположена отправиться к нему опять. Пока вы стояли в другой части комнаты, я имела с ним разговор, убедивший меня, что он действительно может быть полезен мне.

– В чем он может быть вам полезен?

– В единственном деле, которое я имею в виду и которого вы, к сожалению, не одобряете.

– И вы намерены довериться ему? Открыть свои мысли такому человеку?

– Да. Я согласна, что такой поступок с моей стороны будет риском, но я должна рисковать. Я знаю, что я неосторожна, но в моем положении осторожность помешала бы мне достигнуть цели.

Миссис Макаллан не возразила словами. Она открыла большой мешок на передней стороне кареты и достала из него коробку спичек и дорожную лампочку.

– Вы вынуждаете меня показать вам, что думает ваш муж о вашей затее. Его последнее письмо из Испании со мной. Судите сами, бедное восторженное молодое создание, достоин ли мой сын безнадежных, бесполезных жертв, которые вы намереваетесь принести ради него. Зажгите лампу.

Я повиновалась. С тех пор как она сказала мне об отъезде Юстаса в Испанию, я жаждала узнать еще хоть что-нибудь о муже, что подкрепило бы мою энергию. Я даже не знала, думал ли мой муж обо мне в своем добровольном изгнании. Надеяться, что он уже раскаивается в своем опрометчивом разрыве со мной, я еще не смела.

Лампа была зажжена и повешена между двумя передними окнами. Миссис Макаллан достала письмо своего сына. Какое безрассудство может сравниться с безрассудством любви? Я должна была сделать большое усилие над собой, чтобы не поцеловать листок бумаги, к которому прикасалась дорогая мне рука.

– Читайте, – сказала мне свекровь. – Начните со второй страницы и прочтите до конца. И, Бога ради, дитя мое, образумьтесь, пока не поздно.

Я начала с указанного места и прочла следующее:

«Я не могу решиться написать Валерии. Но не писать о ней – выше моих сил. Расскажите мне, как она себя чувствует, что она делает. Я думаю о ней непрерывно, и не проходит дня, чтобы я не оплакивал наш разрыв. Зачем, зачем не послушалась она меня? Зачем открыла она ужасную истину?»

Когда я видел ее в последний раз, она говорила, что прочтет отчет. Прочла она его? Мне кажется, я умер бы от стыда и горя, если бы встретился с ней лицом к лицу после того, как она узнала о позоре, вынесенном мной, о гнусном подозрении,

выраженном мне публично. Вообразить, что эти чистые глаза устремлены на человека, который обвинялся и до сих пор не оправдан вполне в самом низком из убийств, – выше моих сил. Неужели она все еще верит в возможность доказать мою невиновность? О матушка, если она еще не отказалась от своих планов, употребите все усилия, чтобы заставить ее отказаться от них. Избавьте ее от унижений, от разочарований, от оскорблений, которым она может подвергнуть себя. Ради меня и ради нее, не оставьте неиспытанным ни одного средства, которое может помочь вам в достижении этой цели.

Я не поручаю, я не смею поручить вам передать ей что-нибудь от меня. Когда увидите с ней, не говорите ничего, что могло бы напомнить ей обо мне. Напротив, помогите ей забыть обо мне поскорее. Единственное, чем я могу искупить хоть как-то мою вину перед ней, это сойти с ее жизненной дороги».

Этими жалкими словами кончалось письмо. Я отдала его свекрови молча. Она тоже не расположена была говорить.

– Если и это не обескуражило вас, то вы непоколебимы, – сказала она, медленно складывая письмо. – Не будем больше говорить об этом.

Я не ответила, я плакала под вуалью. Моя будущность казалась мне такой безотрадной, мой несчастный муж был в таком упорном заблуждении! Единственным шансом на счастье для нас обоих, единственным утешением для меня было держаться моего намерения тверже, чем когда-либо. И письмо Юстаса только укрепило меня в этом решении. Муж не забыл меня, он оплакивал разрыв со мной. Этого было достаточно для меня. Если Ариэль приедет за мной завтра, я отправлюсь к Мизериусу Декстеру.

Миссис Макаллан высадила меня у двери коттеджа Бенджамена. Я сказала ей при прощании – мой страх перед ней был настолько силен, что заставил меня отложить это до последней минуты, – что Мизериус Декстер обещал прислать экипаж за мной на следующий день в ее дом, и спросила, позволит ли она мне прийти к ней или предпочтет отослать экипаж к Бенджамену. В ответ я ожидала вспышки негодования, но моя свекровь, должно быть, действительно полюбила меня. Она ответила мне ласково:

– Если, вопреки всему, вы решитесь ехать к Декстеру, я не допущу, по крайней мере, чтобы вы отправились к нему из моего дома. Но надеюсь, что вы не будете упорствовать, надеюсь, что вы образумитесь до завтра.

Завтра настало. Немного раньше полудня прибыл кабриолет от мистера Декстера с письмом от миссис Макаллан. Она писала:

«Я не имею права препятствовать вам в Ваших действиях. Исполняя Ваше желание, я посылаю к Вам кабриолет. Но я утешаю себя надеждой, что Вы не сядете в него. Хотела бы я убедить Вас, Валерия, как искренне я расположена к Вам. Я много думала о Вас в бессонные часы нынешней ночи, и Вы поймете, как тревожны были мои размышления, если я признаюсь, что горько упрекаю себя, почему я не сделала всего, что следовало сделать, чтобы помешать Вашему браку. Хотя я и сама не знаю, что могла я сделать. Мой сын сознался мне, что сделал Вам предложение под чужим именем, но отказался сказать, под каким, отказался назвать Ваше имя и Ваш адрес. Мне следовало постараться узнать все это, вмешаться и открыть Вам истину, рискуя сделать своим врагом родного сына. Но я была убеждена, что исполнила свой долг, высказав, что не одобряю вашего брака и отказавшись присутствовать на свадьбе. Не слишком ли легко смотрела я на дело? Запоздалый вопрос. Но для чего тревожу я Вас своими старческими сомнениями и сожалениями? Дитя мое, если с Вами случится какая-нибудь неприятность, я буду считать себя повинной в этом. Это тревожное состояние духа и заставляет меня писать Вам. Не ездите к Декстеру! Меня всю ночь мучило опасение, что Ваша поездка к нему кончится дурно. Валерия, я уверена, что Вы пожалеете, если отправитесь к нему».

Как ни прямы были эти предостережения, как ни заботливы были эти советы, они пропали даром.

Доброта моей свекрови сильно тронула меня, однако нимало не поколебала моей решимости. Моим единственным стремлением было отправиться к Мизериусу Декстеру и выпытать у него его мысли о причине смерти миссис Макаллан. Я ответила моей свекрови письмом, в котором выражала ей искреннюю благодарность и раскаяние, потом вышла из дома, чтобы сесть в присланный за мной экипаж.

Глава XXVII МИСТЕР ДЕКСТЕР ДОМА

Все праздные окрестные мальчишки собрались вокруг кабриолета и шумно обсуждали наружность Ариэли в ее мужской шляпе и мужском сюртуке. Пони беспокоился, на него действовал шум толпы. Его погонщица сидела с бичом в руке, величественно равнодушная к шуткам и насмешкам, которыми ее осыпали. Садясь в кабриолет, я пожелала ей доброго утра. Она ответила только: «Влезайте».

Я решила совершить путь на далекую северную окраину города молча. Я знала уже, что пытаться завести разговор с моей спутницей было бесполезно. Не всегда, однако, можно полагаться на опыт. Проехав около получаса молча, Ариэль поразила меня внезапным вопросом.

– Знаете вы, к чему мы подъезжаем? – спросила она, глядя прямо вперед между ушами пони.

– Нет, я не знаю дороги, – отвечала я.

– Мы подъезжаем к каналу.

– Так что же?

– Что же! Мне хочется вывалить вас в канал.

Это грозное признание требовало объяснения. Я осмелилась спросить:

– Почему вам хочется вывалить меня в канал?

– Потому что я ненавижу вас, – было откровенным и хладнокровным ответом.

– Что я сделала вам дурного?

– А какое вам дело до хозяина?

– Вы говорите о мистере Декстере?

– Да.

– Мне нужно поговорить с мистером Декстером.

– Неправда! Вам хочется занять мое место, вам хочется чесать его волосы и помадить его бороду.

Я начала понимать. Мысль, которую Мизериус Декстер шутя внушил ей накануне, медленно зрела в ее уме и спустя много часов, под раздражающим влиянием моего присутствия, нашла выход в словах.

– Я не имею никакого желания касаться его волос и бороды, я предоставляю это вам.

Она взглянула на меня. Ее толстое лицо горело, глаза расширились от непривычного для нее усилия выразить свои мысли словами и понять то, что говорили ей.

– Повторите ваши слова и скажите их медленнее.

Я повторила свой ответ и сказала его медленнее.

– Клянись! – воскликнула она, горячась все больше и больше.

Я, сохраняя серьезность (в отдалении виднелся канал), поклялась.

– Довольны вы теперь? – спросила я.

Ответа не последовало. Ее словесные ресурсы истощились. Она устремила опять взгляд вперед, тяжело перевела дух и не сказала мне больше ни слова во весь остальной путь. Мы проехали по берегу канала, и я осталась жива и невредима, проехали улицы, проехали обширные пустыри, которые при дневном свете казались еще пустынее и безобразнее, чем в темноте, и наконец повернули в узкий переулок и остановились у незнакомых для меня ворот, не у тех, в которые мы входили накануне. Отперев ворота ключом, Ариэль ввела пони во двор старого дома Мизериуса Декстера. Пони отправился один в свою конюшню, таща за собой кабриолет. Я последовала за моей безмолвной спутницей, которая провела меня через темную закопченную кухню и через каменный коридор в заднюю часть той самой прихожей, в которой я была накануне. Тут Ариэль подняла к губам свисток, висевший на ее шее, издала несколько резких, дрожащих нот, которые были уже мне знакомы как сигнал между ней и ее хозяином, и неохотно

пробурчала:

– Ждите здесь, пока не услышите свистка, потом идите наверх.

Вот как! Я должна была, как собака, покоряться свистку! Но я не успела ничего сказать. Ариэль повернулась ко мне своей неуклюжей спиной и исчезла через заднюю дверь.

Подождав минуту или две и не слыша сигнала, я решила посмотреть картины, которые я заметила, но не могла разглядеть накануне. Надпись на карнизе под самым потолком, написанная несколькими красками, уведомила меня, что картины на стенах были произведениями всеобъемлющего гения Мизериуса Декстера. Поэт и композитор, он был также и живописцем. Картины на одной стене были названы изображением страстей, картины на противоположной стене – эпизодами из жизни Вечного Жида³. Случайные зрители, как я например, предуведомлялись, что художник полагается исключительно на свое воображение. Природа противна ему.

Я начала рассматривать картины, изображавшие страсти. Как ни была я несведуща в живописи, я поняла, что Мизериус Декстер знал еще меньше, чем я, об основных правилах этого искусства. Его картины были пачкотней в самом прямом значении этого слова. Необузданная страсть живописца к изображению ужасного была главной особенностью его произведений.

Первая из картин, изображавших страсти, представляла Мечь. На берегу пенящейся реки, под тенью гигантского дерева, лежало мертвое тело в фантастическом костюме. Разъяренный человек, также в фантастическом костюме, стоял над телом и, подняв меч к туманному небу, смотрел на кровь только что убитого им человека, струившуюся крупными красными каплями по широкому клинку его оружия. Следующая картина, разделенная на несколько фрагментов, изображала Жестокость. На одном из них всадник варварски шпорил лошадь, на другом престарелый ученый вскрывал живую кошку, на третьем два язычника любовались на мучения двух святых. Один из святых жарился на железной решетке, с другого, висевшего вверх ногами на дереве и еще живого, сдирали кожу. Потеряв после этих образчиков всякую охоту рассматривать изображения страстей, я перешла к противоположной стене, чтобы познакомиться с приключениями Вечного Жида. Тут другая надпись дала мне знать, что живописец считал Летучего Голландца неким иным, как Вечным Жидом. Кистью Декстера были изображены морские приключения этого загадочного лица. Первая картина представляла гавань у скалистого берега. В гавани стоял корабль с кормчим на палубе. Море было бурным, небо покрыто тяжелыми тучами. При свете молний смутно виднелся в отдалении Корабль-Призрак, приближавшийся к берегу. Как ни плохо была написана эта картина, в ней были действительно признаки сильного воображения и даже поэтической фантазии. Следующая картина представляла Корабль-Призрак, остановившийся (к ужасу и удивлению кормчего) рядом с действительным кораблем. Жид высадился на берег. Лодка его стояла у пристани. Его свита, маленькие бледные люди в черных погребальных костюмах, сидели молча на скамьях лодки с веслами в длинных худых руках. Жид, также в черном, стоял на берегу, подняв с мольбой глаза и руки к бурному небу. Дикая земная и водяная твари – тигр, носорог, крокодил, морская змея, акула – окружали обреченного скитальца мистическим кругом. Сцена была освещена только слабым мерцающим светом факела карающего духа, парившего над Жидом на распростертых крыльях. Как ни странна была эта картина по концепции, я должна сознаться, что она произвела на меня сильное впечатление. Таинственная тишина в доме и мое странное положение имели также влияние на состояние моего духа. Когда я все еще смотрела на картину, раздался резкий свист. Нервы мои были так расстроены, что я вздрогнула и вскрикнула от испуга. В первый момент я готова была убежать. Мысль пойти одной к человеку, сотворившему эти страшные картины, привела меня в ужас. Я села на стул. Прошло несколько минут, прежде чем я начала успокаиваться и чувствовать себя опять самой собою. Свисток прозвучал вторично, в этот раз с заметным нетерпением. Я встала и поднялась по широкой лестнице на второй этаж. Отступив теперь, я уронила бы себя в собственном мнении. Но сердце мое билось сильнее обыкновенного, когда я подходила к двери круглой комнаты. Должна признаться, что в эту минуту я живо

³ Вечный Жид, или Агасфер, — персонаж христианской легенды, вечный скиталец, которому отказано в покое могилы, наказанный за то, что отказал Иисусу Христу в кратком отдыхе во время его страдальческого пути на Голгофу.

сознавала неосторожность своего поступка.

Над камином круглой комнаты висело зеркало. Как ни была я расстроена, я остановилась на минуту, чтобы взглянуть на свое лицо.

Ковер, закрывавший дверь, был приподнят. Как ни тихо я шла, но собачий слух Мизериуса Декстера уловил шелест моего платья. Прекрасный теноровый голос, который я слышала накануне, прозвучал мягко:

– Это вы, миссис Валерия? Не ждите там, входите.

Я вошла в следующую комнату.

Кресло на колесах подвинулось ко мне навстречу медленно и тихо. Мизериус Декстер медленно протянул мне руку. Голова его была задумчиво склонена на сторону, большие голубые глаза смотрели на меня жалобно. Ничто теперь не напоминало в нем беснующегося, кричащего существа, которое накануне было в одну минуту Наполеоном и Шекспиром. Мистер Декстер утром был кротким, задумчивым, грустным существом, походившим на вечернего Декстера только изысканной странностью костюма. Его верхнее платье в этот раз было розовое шелковое, покрывало, скрывавшее его уродство, было бледно-зеленое атласное, на его манжетах были надеты массивные золотые браслеты, скопированные со строго простых образцов, дошедших до нас от древних времен.

– Как вы добры, что пришли развеселить и ободрить меня, – сказал он грустным тоном. – Я оделся для вас в мой лучший костюм. Не удивляйтесь. Прежде мужчины, как и женщины, всегда носили дорогие материи и яркие цвета. Сто лет тому назад джентльмен в розовой шелковой одежде был прилично одетым джентльменом. Пятнадцать столетий тому назад патриции классических времен носили точно такие браслеты, как мои. Я презираю грубое пренебрежение к красоте и низкую скупость, ограничивающие костюм современного джентльмена черным сукном, а украшения современного джентльмена перстнем. Я люблю казаться сияющим и красивым, в особенности когда сама красота приходит навестить меня. Вы не можете себе представить, как я рад вам. Нынешний день – один из моих грустных дней. Слезы выступают у меня на глазах, я вздыхаю и грущу о своей участи, я жажду сочувствия. Подумайте, что я такое? Я одинокое создание, жестоко обиженное природой. Как печально! Как ужасно! Мое любящее сердце бесполезно, мои необычайные таланты пропадают даром. Грустно. Пожалейте меня!

Глаза его действительно наполнились слезами сожаления о себе самом. Он говорил со мной и смотрел на меня с капризной мольбой больного ребенка. Я решительно не знала, что мне делать, я никогда в жизни не была в таком затруднительном положении.

– Пожалейте меня, пожалуйста, – повторил он. – Не будьте жестоки ко мне. Я прошу так мало. Милая миссис Валерия, скажите только, что вы жалеете меня.

Я сказала, что жалею его, и при этих словах почувствовала, что покраснела.

– Благодарю вас, – сказал Мизериус Декстер смиренно. – Ваши слова принесли мне облегчение. Сделайте немного больше. Поласкайте мою руку.

Как ни старалась я владеть собой, но последняя просьба, выраженная совершенно серьезно, показалась мне до такой степени смешной, что я не могла не расхохотаться.

Мизериус Декстер взглянул на меня с непритворным изумлением и этим насмешил меня еще больше. Не оскорбила ли я его? По-видимому, нет. Опомившись от изумления, он опустил голову на спинку кресла с выражением человека, внимательно слушающего. Когда я кончила смеяться, он поднял голову, захлопал своими красивыми белыми руками и воскликнул все тем же детски-капризным тоном:

– Посмейтесь еще! Милая миссис Валерия, у вас музыкальный смех, у меня музыкальный слух. Посмейтесь еще.

Но я совсем не расположена была смеяться.

– Мне стыдно за себя, мистер Декстер, – сказала я. – Простите меня, пожалуйста.

Он не ответил. Я сомневаюсь, что он меня слышал. Он, по-видимому, уже поддался новому впечатлению. Он глядел пристально на мое платье (так мне казалось) и был занят какими-то важными размышлениями.

– Миссис Валерия, – воскликнул он внезапно, – вам неудобно на этом стуле.

– Мне очень удобно.

– Извините меня, – возразил он. – В конце комнаты есть плетеный индийский стул, который будет гораздо удобнее для вас. Простите вы меня, если я попрошу вас принести его? У

меня есть на это причина.

Какую новую эксцентричность замышлял он? Я встала и принесла стул. Возвращаясь к Декстеру, я заметила, что он был занят по-прежнему рассматриванием, как мне казалось, моего платья. И, что еще страннее, мое платье почему-то, очевидно, заинтересовало и смутило его.

Я поставила стул возле него и готова была сесть, когда он дал мне новое поручение.

– Сделайте мне величайшее одолжение. В конце комнаты на стене висит экран, соответствующий стулу. Мы сидим близко от огня. Экран будет полезен вам. Простите меня, что я заставляю вас принести его. Я имею на это причину.

Опять причина, и в этот раз он произнес это слово с особенным ударением. Любопытство сделало меня покорной рабой его капризов. Я принесла экран. Возвращаясь к нему, я заметила, что глаза его были устремлены на мое простое платье все с тем же странным выражением интереса и грусти.

– Благодарю вас тысячу раз, – сказал он. – Вы уязвили мое сердце, сами того не подозревая. Но вместе с тем вы были невыразимо добры ко мне. Обещаете ли вы простить меня, если я скажу вам правду?

Он хотел объясниться. Я никогда в жизни не давала обещания так охотно, как в этот раз.

– Я был невежлив, заставив вас принести стул и экран. Боюсь, что причина, побудившая меня к этому, покажется вам странной. Заметили вы, что я следил за вами очень внимательно, может быть, даже слишком внимательно, когда вы ходили по комнате?

– Да, – ответила я. – Мне показалось, что вы смотрели на мое платье.

Он покачал головой с горьким вздохом.

– Нет, не на платье. И не на лицо. Нет, милая миссис Валерия, я смотрел на вашу походку.

На мою походку? Что хотел он сказать? Куда забрел его блуждающий ум?

– Вы обладаете даром, редким между англичанками, – продолжал он. – Вы ходите хорошо. И она ходила хорошо. Я не мог преодолеть побуждения полюбоваться ею, глядя на вас. Я видел ее походку, ее простую, безыскусственную грацию, когда вы ходили по комнате. Вы воскресили ее, когда принесли стул и экран. Извините меня, что я беспокоил вас: идея была невинна, побуждение было священо. Вы огорчили и восхитили меня. Сердце мое обливается кровью и благодарит вас.

Он замолчал на минуту, опустил голову на грудь, потом внезапно поднял ее опять.

– Ведь вы говорили вчера о ней, не правда ли? – спросил он. – Что вы сказали? У меня беспорядочная память, я половину помню, половину забываю. Напомните мне, что вы сказали. Вы не сердитесь на меня?

Я, может быть, рассердилась бы на другого человека, но не на него. Теперь, когда он добровольно заговорило первой жене Юстаса, я была слишком заинтересована, чтобы сердиться на него.

– Мы говорили о смерти миссис Макаллан, и мы сказали друг другу...

Он порывисто наклонился ко мне.

– Помню, помню, – воскликнул он. – Я был удивлен и спросил вас, почему вас интересует тайна ее смерти. Скажите мне. Доверьтесь мне. Я горю нетерпением узнать это.

– Тайна ее смерти даже вас не может интересовать так, как интересует меня. От раскрытия этой тайны зависит счастье всей моей жизни.

– Боже милостивый! Что это значит? Подождите. Я начинаю волноваться. Этого не должно быть. Я должен сохранить ясность ума, а не должен увлекаться. Дело слишком серьезно. Подождите минуту.

На ручке его кресла висела изящная корзинка. Он открыл ее и вынул неоконченную полоску вышивки со всеми необходимыми для шитья принадлежностями. Мы посмотрели друг на друга. Он заметил мое удивление.

– Женщины, – сказал он, – благоразумно принимаются за шитье, когда хотят успокоиться и подумать на свободе. Почему мужчинам пренебречь этим успокоительным средством, сохраняющим твердость нервов и ясность ума? Я следую благоразумному примеру женщин. Позвольте мне успокоиться, миссис Валерия.

Он серьезно расправил работу и начал вышивать с терпением и сосредоточенностью искусной швеи.

– Теперь я готов слушать вас, – сказал он. – Вы будете говорить, я буду вышивать.

Начинайте, пожалуйста.

Я повиновалась.

Глава XXVIII ВО МРАКЕ

С таким человеком, как Мизериус Декстер, и с такой целью, какую я имела в виду, неполная откровенность была невозможна. Я должна была или доверить ему все свои интересы без всякой утайки, или совсем отказаться под каким-нибудь благовидным предлогом от разговора, для которого я приехала к нему. Между этими двумя крайними путями не было среднего. Я решилась и начала смелым и откровенным разъяснением собственного положения.

– Вы почти ничего не знаете обо мне, мистер Декстер, – сказала я. – Вы, кажется, даже не подозреваете, что я и муж мой не живем больше вместе.

– Нельзя ли не упоминать о вашем муже? – сказал он холодно, не поднимая глаз от вышивания, не прерывая работы.

– Никак нельзя. Я не могу объяснить, не упоминая о муже.

Он наклонил голову с покорным вздохом.

– Итак, муж ваш и вы не живете больше вместе, – повторил он. – Значит ли это, что Юстас покинул вас?

– Да, он покинул меня и уехал за границу.

– Без необходимости?

– Без всякой необходимости.

– И не сказал, когда вернется к вам?

– Если он не переменит своего решения, он никогда не вернется ко мне.

Мой собеседник взглянул на меня с выражением внезапного интереса.

– Так вот как серьезна ваша ссора, – сказал он. – По взаимному соглашению вы оба возвратили себе свободу, прекрасная миссис Валерия?

Тон, которым он задал этот вопрос, не понравился мне. Взгляд, которым он смотрел на меня, напомнил мне, что я одна с ним и что он может воспользоваться этим. Я дала ему понять – более тоном, чем словами, – что он обязан был относиться ко мне почтительно.

– Вы в полнейшем заблуждении, – сказала я. – Между нами нет никакой ссоры, даже никакого недоразумения. Наша разлука причиняет нам обоим сильное страдание, мистер Декстер.

Он принял мой выговор с иронической покорностью.

– Я весь внимание, – сказал он, принявшись опять за вышивание. – Продолжайте, пожалуйста, я не прерву вас больше.

Я приняла его приглашение и рассказала ему всю правду о моем разрыве с мужем, стараясь представить поступок Юстаса с самой лучшей стороны. Мизериус Декстер опустил свою работу на колени и засмеялся тихим, злорадным смехом, возмутившим меня до глубины души.

– Я не вижу в этом ничего смешного, – сказала я резко.

Его прекрасные голубые глаза устремились на меня с невинным изумлением.

– Вы не видите ничего смешного в таком проявлении человеческой глупости! – воскликнул он. Затем лицо его внезапно омрачилось и приняло какое-то странное, суровое выражение. – Я нахожу только одно объяснение тому, что вы относитесь к этому так серьезно. Вы привязаны к своему мужу, миссис Валерия.

– Вы употребили слишком слабое выражение, мистер Декстер. Я люблю мужа.

Мизериус Декстер погладил свою великолепную бороду и повторил презрительным тоном:

– Вы любите мужа. А знаете вы, за что вы его любите?

– Я люблю его потому, что не могу не любить его, – ответила я сердито.

Он улыбнулся саркастически и принялся опять за свое вышивание.

– Любопытное явление, – сказал он как бы про себя. – Первая жена Юстаса тоже любила его. Есть мужчины, которых любят женщины, и есть мужчины, на которых ни одна женщина не хочет обратить внимания. Это странное явление нельзя объяснить никакой видимой причиной. Один мужчина может быть так же хорош, как и другой, один мужчина так же любезен, так же умен. Но для первого женщины готовы пройти огонь и воду, а для второго не хотят даже

повернуть голову, чтобы взглянуть на него. Почему? Женщины сами этого не знают, как созналась сейчас миссис Валерия. Не происходит ли это от какой-нибудь физической причины? Не обладает ли первый какой-нибудь магнетической силой, которой нет у второго? Я исследую это в свободное время.

Удовольствовавшись на время таким решением вопроса, он обратился опять ко мне.

– Я все еще в неведении насчет вас и ваших намерений, – сказал он. – Я все еще не понимаю, что побуждает вас исследовать страшную трагедию, совершившуюся в Гленинге. Умная миссис Валерия, возьмите меня за руку и выведите меня на свет. Ведь вы не сердитесь на меня, не правда ли? Помиримтесь, и я подарю вам эту красивую полоску, когда вышью ее. Вспомните, что я только несчастный, одинокий калека со странным складом ума. Простите меня, побалуйте меня, выведите меня на свет.

Он говорил опять своим детским тоном, он улыбался опять своей невинной улыбкой, вызывавшей складки и морщины у внешних углов его глаз. Мне показалось, что я была слишком сурова с ним, и я решила быть впредь снисходительнее.

– Позвольте мне, мистер Декстер, вернуться на минуту к прежним временам в Гленинг. Вы, как и я, считаете Юстаса невиновным в преступлении, в котором его обвиняли. Я узнала это из вашего показания на суде.

Он оставил свою работу и взглянул на меня с серьезным, строгим вниманием, придавшим его лицу совсем новое выражение.

– Таково наше мнение, – продолжала я. – К несчастью, оно не было мнением присяжных. Их вердикт, как вы помните, был: «не доказано». Это значит, что они не решились высказать положительно и публично, что мой муж невиновен. Права я?

Вместо ответа он внезапно бросил свою работу и придвинул свое кресло к моему так близко, как только было возможно.

– Кто объяснил вам это? – спросил он.

– Я узнала это из судебного отчета.

До сих пор лицо его выражало напряженное внимание и ничего более. Теперь мне показалось, что оно впервые омрачилось возникающим подозрением.

– Женщины не любят утруждать свой ум сухими юридическими вопросами, – сказал он. – Миссис Макаллан-вторая должна иметь очень важное побуждение для изучения законов.

– Да, мистер Декстер, я имею очень важное побуждение. Мой муж, его мать и все его друзья, насколько мне известно, покорились шотландскому вердикту.

– Дальше.

– Я не согласна в этом отношении с моим мужем, с его матерью и с его друзьями. Я не хочу покориться шотландскому вердикту.

Лишь только я произнесла эти слова, как мне пришлось усомниться, была ли я права, отвергая мысль о его безумии. Он внезапно вытянулся на своем кресле, положил руки на мои плечи и, приблизив свое лицо к моему, устремил на меня свирепый, испытующий взгляд.

– Что вы хотите сказать? – крикнул он во всю мощь своего сильного, звучного голоса.

Смертельный страх овладел мной, но я употребила все силы, чтобы скрыть это. Взглядом и словами я показала ему так твердо, как только могла, что его обращение со мной оскорбляло меня.

– Снимите ваши руки, сэр, и отодвиньтесь на приличное расстояние, – сказала я.

Он повиновался машинально. Он извинился машинально. Он был, по-видимому, занят исключительно моим признанием о том, что я не хочу покориться шотландскому вердикту, и старался объяснить смысл этих слов.

– Простите меня, – сказал он. – Я смиренно прошу у вас прощения. Наш разговор волнует меня, страшит меня, сводит с ума. Если бы вы знали, как мне трудно владеть собой! Не обращайтесь на меня. Не обижайтесь, не пугайтесь. Мне так стыдно, так больно, что я оскорбил вас. Накажите меня. Возьмите палку и прибейте меня. Привяжите меня к моему креслу. Позовите Ариэль, она сильна, как лошадь, и прикажите ей держать меня. Милая миссис Валерия, оскорбленная миссис Валерия, я готов вытерпеть какое угодно наказание, чтобы только услышать от вас, что значат ваши слова, что вы не хотите покориться шотландскому вердикту. – Он покорно отодвинул от меня свое кресло. – Достаточно ли далеко я от вас теперь? – спросил он с жалобным взглядом. – Вы все еще боитесь меня? Я спрячусь, если вы желаете. Я опущусь

на подножку кресла.

Он поднял зеленое покрывало и готов был исчезнуть, как кукла в театре марионеток. Я остановила его.

– Не нужно, – сказала я. – Я принимаю ваше извинение. Когда я сказала, что не хочу покориться шотландскому вердикту, я имела в виду именно то, что выражают мои слова. Шотландский вердикт оставил пятно на репутации моего мужа. Он сознает это, никто не знает лучше меня, как горько он сознает это. Мучительное сознание своего унижения заставило его покинуть меня. Ему мало знать, что я считаю его невиновным. Он не вернется ко мне, он не поверит, что я считаю его достойным быть спутником и руководителем моей жизни, он не успокоится до тех пор, пока невиновность его не будет доказана присяжным и публике, которые до сих пор сомневаются в ней. Он, друзья его и адвокаты отчаялись в возможности найти доказательства его невиновности. Но я его жена, и никто не любит его так, как я его люблю. Я одна не теряю надежды, я одна отказываюсь покориться рассудку. Если Господь продлит мою жизнь, я посвящу ее единственной цели – доказать невиновность моего мужа. Вы его старый друг, я пришла просить вас помочь мне.

Теперь, по-видимому, пришел мой черед испугать его. Румянец сошел с его лица, он тревожно провел рукой по лбу, как будто стараясь избавиться от какого-то страшного кошмара.

– Не есть ли это один из моих снов? – сказал он слабым голосом. – Не видение ли вы ночное?

– Я не более как одинокая женщина, которая утратила все, что любила и ценила, и старается вернуть свое счастье, – ответила я.

Он начал опять придвигать свое кресло ко мне. Я подняла руку. Он тотчас же остановился. Прошла минута молчания. Мы смотрели друг на друга. Я заметила, что руки его дрожали, что лицо его становилось все бледнее и бледнее. Какие умершие и похороненные воспоминания воскресила я в нем со всем их прежним ужасом?

Он первый прервал молчание.

– Так это-то и есть причина, пробуждающая вас разъяснить тайну смерти покойной миссис Макаллан? – спросил он.

– Да.

– И вы полагаете, что я могу помочь вам?

– Я рассчитываю на вашу помощь.

Он медленно поднял свой длинный указательный палец.

– Вы подозреваете кого-нибудь?

Эти слова были произнесены тихим, угрожающим голосом, напоминавшим мне, что необходимо быть осторожной с этим человеком. Но, если бы я решилась воздержаться от дальнейших признаний, я должна была бы вместе с тем отказаться от надежды достичь цели, ради которой я уже вынесла столько неприятностей во время этого опасного свидания.

– Вы подозреваете кого-нибудь? – повторил он.

– Может быть.

– Вы имеете доступ к этому лицу?

– Нет еще.

– Вы знаете, где оно находится?

– Нет.

Он устало опустил голову на спинку кресла и вздохнул долгим, прерывистым вздохом. Обманулся ли он в своих ожиданиях, или освободился от тяжелого опасения, или просто устал и нравственно и физически? Могла ли я понять его? Могла ли я ответить себе на эти вопросы?

– Дайте мне отдохнуть минут пять, – сказал он слабым голосом, не поднимая головы. – Вы уже знаете, как всякий намек на прошлые события в Гленинге потрясает меня. Я готов буду слушать вас опять, если вы позволите мне побыть несколько минут одному. В соседней комнате есть книги. Извините меня, пожалуйста.

Я тотчас же удалилась в круглую комнату. Он проводил меня в своем кресле до двери и затворил ее за мной.

Несколько минут уединения были для меня таким же облегчением, как и для Мизериуса Декстера.

Мучительные сомнения преследовали меня, пока я ходила взад и вперед то по круглой комнате, то по коридору. Было ясно, что я совершенно неумышленно растревожила в душе Мизериуса Декстера воспоминания о каких-то ужасных тайнах. Что это были за тайны? Как я ни ломала голову над этим, все мои предположения, как оказалось впоследствии, были далеки от истины. Я была проницательнее, когда пришла к заключению, что, каковы бы ни были тайны Декстера, он никогда не поверял их ни одному живому существу. Мое объяснение не привело бы его в такое волнение, какое я заметила, если бы он рассказал в суде или кому-нибудь из своих друзей все, что ему было известно о драме, совершившейся в спальне гленингского дома. Какая могущественная причина заставила его молчать? Хранил ли он тайну из сожаления к другим или из опасения неприятных последствий для себя? Могу ли я надеяться, что он сообщит мне то, что скрыл и от правосудия, и от друзей? Снабдит ли он меня из своего запаса сведений оружием, которое доставит мне победу в предстоящей мне борьбе? Я сознавала, что все шансы были против меня. Однако цель стоила попытки. С таким странным существом, как Мизериус Декстер, можно было рассчитывать на минутный каприз. Мои планы и намерения были так далеки от обычного круга женских мыслей и действий, что могли возбудить в нем симпатию. «Кто знает, – думала я, – не удастся ли мне захватить его врасплох и вызвать его на откровенность простым объявлением истины?»

По прошествии некоторого времени дверь отворилась настежь и голос моего хозяина пригласил меня вернуться к нему.

– Прошу вас войти, – сказал он. – Я теперь совершенно спокоен. Как чувствуете себя вы, милая миссис Валерия?

Он смотрел и говорил со свободной приветливостью старого друга. За время моего отсутствия, как ни было оно кратковременно, в этом изменчивом человеке произошла новая перемена. Глаза его сияли добродушием, щеки горели под влиянием какого-то нового возбуждения. Даже в костюме его была перемена. На голове его был надет импровизированный колпак из белой бумаги, манжеты были засучены, зеленое покрывало покрыто чистым фартуком. Он встретил меня, кланяясь и улыбаясь, и показал мне на стул с грацией танцевального учителя, принимающего лорда.

– Я собрался стряпать, – объявил он с обворожительным простодушием. – Нам обоим необходимо подкрепиться, прежде чем мы возвратимся к серьезной цели нашего свидания. Вы видите меня в моем поваренном костюме. Я большой формалист. Я без вас выпил немного вина. Выпейте и вы.

С этими словами он наполнил стакан старого венецианского стекла ярко-красным вином.

– Бургундское, – сказал он, – король вин. А этот сорт – король бургундского, кло-вужо. Пью за ваше здоровье и счастье.

Он налил себе другой стакан и выпил его до дна. Я поняла теперь, отчего сверкали его глаза и горели щеки. Ради собственных интересов я не должна была сердить его. Я выпила немного вина и вполне согласилась с ним: вино было восхитительное.

– Чего бы нам поесть? – спросил он. – Чего-нибудь достойного нашего кло-вужо. Ариэль мастерица жарить и варить говядину, но я не оскорблю ваш вкус стряпней Ариэли. Простая говядина! – воскликнул он с выражением деликатного отвращения. – Человек, который ест простую говядину, отличается немногим от людоеда или от мясника. Позвольте мне поискать чего-нибудь более достойного нас. Отправимся в кухню.

Он поворотил свое кресло и учтивым движением руки пригласил меня сопровождать его.

Я последовала за ним в конец комнаты к какому-то задержанному занавесу, которого прежде не замечала. За занавесом оказался альков, где стояла чистая маленькая газовая печь для стряпни. На полках и в шкафах, окружавших стены алькова, стояли тарелки, блюда, соусники и разные кухонные принадлежности, все миниатюрное, все безупречно чистое и блестящее.

– Добро пожаловать в кухню, – сказал Мизериус Декстер. Он выдвинул из стены мраморную доску, заменявшую стол, и задумался, опустив голову на руку. – Нашел! – воскликнул он и, отворив один из шкафов, вынул из него бутылку.

Вооружившись затем вилкой, он достал из бутылки несколько мелких черных предметов

неправильной формы. Женщина, привыкшая к роскошному столу, конечно, узнала бы их с первого взгляда, но для меня, воспитанной в неприхотливом доме сельского священника, они были совершенной новостью. Видя, как мой хозяин вынимает из бутылки загадочные, непривлекательные предметы и кладет их на чистую салфетку, я не могла сдержать своего любопытства.

– Что это такое, мистер Декстер? – решила я спросить. – Неужели мы будем это есть?

Он вздрогнул при этом неожиданном вопросе и взглянул на меня в сильнейшем изумлении.

– Где же наш хваленый прогресс? – воскликнул он. – Где наша цивилизация? Вот образованная особа, не узнающая трюфелей!

– Я слышала о трюфелях, но, признаюсь, до сих пор никогда не видела их, – ответила я скромно. – В доме моего дяди такая иностранная роскошь не употребляется.

Мизериус Декстер бережно взял вилкой один из трюфелей и показал его мне.

– Постарайтесь насладиться вполне одним из немногих первых ощущений, не влекущих за собой разочарования, – сказал он. – Посмотрите на этот трюфель, подумайте о нем. Вы съедите его, миссис Валерия, когда он будет сварен в бургундском.

И он зажег газ с таким видом, как будто готовился осчастливить меня на всю жизнь.

– Простите меня, если я буду безмолвен как рыба с той минуты как вооружусь вот этим, – сказал он, доставая из своей коллекции кухонных принадлежностей блестящую маленькую кастрюлю. – Кулинарное искусство требует сосредоточенного внимания. Вследствие этого женщины никогда не достигали и не достигнут в нем совершенства. Женщина вообще не способна сосредоточить внимание на известное время на одном каком-нибудь занятии. Ум ее неизбежно перейдет на что-нибудь другое, скажем для примера, на ее возлюбленного или на ее новую шляпку. Единственное препятствие, мешающее женщинам соперничать с мужчинами в различных общественных профессиях, заключается не в законах нашего века, как они полагают, а в них самих. Издайте какой угодно закон в их пользу, он не будет в состоянии пересилить влияние возлюбленного и новой шляпки. Некоторое время назад, например, я помог женщинам поступить на службу в здешнюю почтовую контору. На днях я взял на себя труд, тяжелый для меня труд, спуститься вниз и отправиться в контору, чтобы посмотреть, как они действуют там. Я захватил с собой письмо для отправки. Адрес был необычайно длинный. Одна из служащих женщин начала списывать его на квитанцию с таким деловым видом, что утешительно было смотреть на нее. Но не успела она дописать до половины, как в контору вошла маленькая девочка, сестра другой служащей женщины, и прошла за прилавок, чтобы повидаться с сестрой. Женщина, писавшая мне квитанцию, не выдержала. Карандаш ее опустился, глаза обратились на девочку с трогательной нежностью. «Вот и Люси, – сказала она. – Как поживаешь, Люси?» Затем она вспомнила о деле и принялась за списывание адреса, но, когда отдала мне квитанцию, я увидел, что важная строчка в адресе была пропущена в копии, пропущена благодаря Люси. Будь на месте этой женщины мужчина, он не заметил бы Люси, все его внимание было бы поглощено его занятием. Вот разница между умственной организацией мужчин и женщин, и этой разницы не уничтожит никакое законодательство до скончания мира. Но что за беда? Женщины несравненно выше мужчин в нравственных качествах, в качествах, составляющих украшение рода человеческого. Удовольствуйтесь этим, мои заблуждающиеся сестры, удовольствуйтесь этим.

Бесполезно было бы оспаривать его мнение, если бы я и была расположена к этому. Он придвинул свое кресло к печке и сосредоточил все свое внимание на кастрюле.

Я начала осматривать комнату.

Та же ненасытная страсть к ужасам, которую я заметила в картинах внизу, проявлялась на каждом шагу и здесь. На одной стене висели фотографические снимки с различных проявлений сумасшествия. На противоположной стене стояли на полке гипсовые слепки с голов знаменитых убийц. В шкафу со стеклянной дверью висел женский скелет со следующей цинической надписью над черепом: «Вы видите основание, на котором строится красота». У противоположной стены в таком же шкафу с настееж отворенной дверью висело нечто, что я приняла сначала за сорочку из замши. Ощупав ее пальцами и заметив, что она гораздо мягче замши, я расправила складки и нашла приколотую к коже бумажку со следующими ужасными словами: «Кожа французского маркиза, содранная во время революции девяносто третьего года. Как можно говорить, что аристократия не годна ни на что? Она доставляет хорошую кожу».

После этого последнего образчика редкостей моего хозяина я не продолжала моих исследований и села на стул в ожидании трюфелей.

Несколько минут спустя голос поэта-живописца-композитора и повара пригласил меня вернуться в альков.

Газ был погашен. Кастрюля исчезла. На мраморной доске появились две тарелки, две салфетки, два ломтя хлеба и блюдо, покрытое салфеткой, с двумя черными шариками на нем. Мизериус Декстер положил один из шариков на мою тарелку с улыбкой благосклонного интереса, а другой взял себе.

– Соберитесь с духом, миссис Валерия, – сказал он. – Этот час составляет эпоху в вашей жизни. Ваш первый трюфель. Не притрагивайтесь к нему ножом. Действуйте одной вилкой. И – извините меня, пожалуйста, это очень важное условие – кушайте медленно.

Я последовала его инструкциям и выразила восторг, которого, по правде сказать, вовсе не чувствовала. Новое для меня кушанье показалось мне далеко не стоящим чести, которую ему воздавали. Пока Мизериус Декстер наслаждался своими трюфелями, прихлебывая свое удивительное бургундское и воспевал хвалы себе как повару, я сходила с ума от нетерпения вернуться к цели моего посещения. В этом тревожном состоянии духа я наконец решилась возобновить прерванный разговор и начала самым неосторожным вопросом, какой только мог прийти мне в голову.

– Мистер Декстер, не видали ли вы в последнее время миссис Болл?

Довольство, выражавшееся на его лице, исчезло, как внезапно потушенный огонь. В его манерах и голосе появилось опять затаенное недоверие ко мне.

– Разве вы знаете миссис Болл?

– Я знаю ее только по отчету о процессе.

Он не удовольствовался этим ответом.

– Но вы, вероятно, имеете причину интересоваться ею, если спрашиваете о ней. Дружеский это интерес или враждебный?

Как ни была я неосторожна, но я не решилась дать прямой ответ на этот прямой вопрос. Лицо его предостерегало меня.

– Чтобы ответить вам, я должна вернуться к тяжелому для вас разговору о процессе, – сказала я.

– Говорите, – отвечал он с одной из своих мрачных вспышек юмора. – Я предаю себя в ваши руки, я мученик на костре. Зажигайте огонь.

– Я несведущая женщина и могу ошибаться, – начала я, – но в судопроизводстве по делу моего мужа есть часть, которая кажется мне весьма неудовлетворительной. Защита, по моему мнению, была основана на несомненной ошибке.

– На несомненной ошибке! – повторил он. – Странное мнение, миссис Валерия, по меньшей мере странное.

Он старался говорить шутливо, он взял стакан с вином, но я заметила, что слова мои произвели на него сильное впечатление и что рука его дрожала, когда он подносил стакан к губам.

– Я не сомневаюсь, что первая жена Юстаса действительно просила его купить для нее мышьяк, – продолжала я. – Я не сомневаюсь, что она употребляла тайно мышьяк для улучшения цвета лица. Но что она умерла от излишней дозы мышьяка, принятой ею самой, этому я не верю.

Он опустил стакан на стол такой нетвердой рукой, что пролил часть вина. Глаза его встретились с моими и тотчас же опустились.

– Отчего же умерла она, по вашему мнению? – спросил он так тихо, что я едва расслышала.

– От руки убийцы, – ответила я.

Он сделал движение, как будто хотел соскочить с кресла, но, пораженный, по-видимому, внезапной слабостью, остался на своем месте и откинулся на спинку кресла.

– Но, конечно, не от руки моего мужа, – поспешила я прибавить. – Вы знаете, что я вполне уверена в его невиновности.

Я заметила, что он содрогнулся и что руки его сжали конвульсивно ручки кресла.

– Кто же отравил ее? – спросил он.

В эту критическую минуту мое мужество поколебалось.

Я не решилась высказать ему прямо мое подозрение.

– Разве вы не можете угадать?

Он не ответил. Он, по-видимому, размышлял. Спустя минуту он внезапно приподнялся. Его слабость, очевидно, прошла. В глазах его появился прежний дикий блеск, на лице вспыхнул яркий румянец. Угадал ли он, почему меня интересовала миссис Болл? Да.

– Отвечайте мне правду, – воскликнул он. – Не пытайтесь обмануть меня. Вы подозреваете женщину?

– Женщину.

– С какой буквы начинается ее имя? С одной из трех первых букв азбуки?

– Да.

– С Б.?

– Да.

– Болл?

– Болл.

Он всплеснул руками и разразился громким хохотом.

– Наконец-то я дожился до того, что встретил существо, разделяющее мое мнение, – воскликнул он дико. – Жестокая миссис Валерия! Для чего вы мучили меня? Почему не сказали вы мне этого раньше?

– Как! – воскликнула я, заразившись его волнением. – Разве вы согласны со мной? Разве вы тоже подозреваете миссис Болл?

Он дал мне следующий достопамятный ответ.

– Я не подозреваю, я вполне уверен, что миссис Макаллан умерла от рук миссис Болл.

Глава XXX ОБВИНЕНИЕ МИССИС БОЛЛ

Я вскочила и молча устремила глаза на Декстера. Я была слишком взволнована, чтобы сказать что-нибудь.

Самые смелые мои ожидания не могли приготовить меня к тому, что я услышала. Самое большее, на что я надеялась, было узнать, что он разделяет мое подозрение. Каково же мне было услышать твердо выраженную уверенность, что миссис Макаллан умерла от руки миссис Болл!

– Сядьте, – сказал он. – Пугаться нечего. Здесь нас никто не услышит.

Я села и постаралась овладеть собой.

– Вы не говорили никому того, что сейчас сказали мне? – было первым вопросом, который я задала ему.

– Никому. Никто, кроме меня, не подозревает ее.

– Даже юристы?

– Даже юристы. Против нее нет ни малейшей законной улики. Есть только нравственная уверенность.

– Неужели вы не могли бы найти улику, если бы захотели?

Он засмеялся.

– Взгляните на меня, – сказал он. – Возможно ли для человека, привязанного к креслу, разыскивать улики? Кроме этого затруднения были и другие. Я не люблю высказываться без нужды, я человек осторожный, хотя вы, может быть, и не заметили этого. Но моя безграничная ненависть к миссис Болл не могла остаться тайной для нее. Если глаза выдают чувство, она должна была прочесть в моих глазах, что я жажду увидеть ее в руках палача. Миссис Борджиа-Болл с начала до конца была настороже против меня. А она хитра, о, как она хитра! Я употреблю степени сравнения, чтобы дать вам хоть слабое понятие о ее хитрости. Я хитер в положительной степени, дьявол хитер в сравнительной степени, миссис Болл хитра в превосходной степени. Нет! Нет! Если она будет когда-нибудь обличена, то не мужчиной, а женщиной, женщиной, которую она не подозревает, женщиной, которая способна следить за ней с терпением голодной тигрицы.

– Словом, такой женщиной, как я. Я готова попытаться.

Глаза его засверкали, зубы злобно оскалились под усами, кулаки свирепо забарабанили по ручкам кресла.

– Вы говорите серьезно? – спросил он.

– Помогите мне, – ответила я. – Поделитесь со мной вашей нравственной уверенностью, как вы выразились, и вы увидите.

– Хорошо. Расскажите мне сначала, как случилось, что вы, судя со стороны, заподозрили миссис Болл?

Я представила ему все данные, почерпнутые из отчета, на которых было основано мое подозрение, и обратила его внимание в особенности на то, что миссис Болл, как показала под присягой сиделка, была неизвестно где в то самое время, когда миссис Макаллан осталась в комнате одна.

– Вы правы, – воскликнул Мизериус Декстер. – Вы удивительная женщина! Что делала она в утро того дня, когда умерла миссис Макаллан? Где была она в темные часы предшествовавшей ночи? Я могу сказать вам, где она не была. Она не была в своей комнате.

– Не была в своей комнате? – повторила я. – Вполне ли вы уверены в этом?

– Я вполне уверен во всем, что говорю о миссис Болл. Помните же и слушайте. Это настоящая драма, а я имею особенную способность к драматическим рассказам. Судите сами. Я начинаю. Число – двадцатое октября. Сцена – коридор, называемый Коридором гостей в Гленинге. С одной стороны ряд окон, выходящих в сад, с другой – четыре спальни с четырьмя уборными. Первую спальню (со стороны лестницы) занимает миссис Болл, вторая стоит пустая, третья занята Мизериусом Декстером, четвертая стоит пустая. Такова сцена. Время – одиннадцать часов ночи. Декстер сидит и читает в своей спальне. К нему входит Юстас Макаллан. Юстас говорит: постарайтесь, друг мой, быть потише сегодня; не катайтесь по коридору. Декстер спрашивает: почему? Юстас отвечает: миссис Болл обедала у своих друзей в Эдинбурге и вернулась ужасно утомленная – она желает отдохнуть. Декстер задает другой вопрос, сатирический вопрос: какова она в ужасном утомлении – все так же прекрасна, как всегда? Ответ: не знаю, я не видал ее – она ушла наверх, ни с кем не видавшись. Третий вопрос со стороны Декстера, логический вопрос: если она не видалась ни с кем, как вы знаете, что она утомлена? Юстас протягивает ему листок бумаги и говорит: я нашел эту записку в прихожей на столе; помните мою просьбу, не дурачьтесь, будьте спокойны; доброй ночи. Юстас уходит. Декстер смотрит на листок бумаги и читает следующие строки, написанные карандашом: «Я только что вернулась. Прошу извинить меня, что я уйду спать не простясь. Я очень утомлена. Хелена». Декстер по природе подозрителен. Декстер начинает подозревать миссис Болл. Не спрашивайте, что побуждает его к тому. Теперь не время толковать о его побуждениях. Он рассуждает так: чрезмерно утомленная женщина нашла бы менее утомительным постучаться мимоходом в дверь гостиной и извиниться словесно. В поступке миссис Болл есть что-то загадочное. Это надо исследовать. Прекрасно. Декстер приступает к исследованию. Он отворяет свою дверь, выезжает тихо в коридор, запирает двери двух пустых спален и возвращается к себе. Теперь, говорит он, если я услышу, что в коридоре отворится дверь, я буду знать наверное, что это дверь комнаты миссис Болл. Затем он прикрывает свою дверь, оставляет щелку для подсматривания, тушит огонь и усаживается у своей щелки, как кошка у мышиной норки. Ему нужно видеть только коридор, а коридор освещен лампой. Пробило двенадцать, внизу раздался стук запираемых дверей, но ничего особенного не случилось. Пробило половину первого, и все ничего. В доме тихо, как в могиле. Бьет час, бьет два – та же тишина. Бьет половина третьего, и наконец что-то начинается. Декстер слышит скрип осторожно повернутой ручки двери, единственной двери, которую можно было отворить, двери комнаты миссис Болл. Декстер выскакивает неслышно из своего кресла, ложится на пол и слушает. Он слышит, что ручка поворачивается опять и затем видит, что мимо его двери проходит что-то черное. Он высовывает голову за дверь, и кого же он видит? Миссис Болл! Она идет в своем длинном коричневом пальто, которое надевает, когда выезжает. Спустя минуту она поворачивает направо и скрывается в другом коридоре, называемом Южным коридором. Какие комнаты выходят в Южный коридор? Три комнаты: небольшой кабинет, о котором говорила сиделка в своих показаниях, спальня миссис Макаллан и спальня ее мужа. Что понадобилось миссис Болл (по ее словам, сильно утомленной) в этой части дома в третьем часу ночи? Декстер решает подвергнуться риску быть замеченным и отправляется вслед за миссис Болл. Знаете вы, как он передвигается без своего кресла? Видели вы, как этот несчастный калека скачет на руках? Не хотите ли, чтобы он показал это вам, прежде чем продолжит свой рассказ?

Я поспешила отказаться от предложенного представления.

– Я видела, как вы скакали вчера, – сказала я. – Продолжайте, пожалуйста, ваш рассказ.

– Нравится вам драматический склад моего рассказа? – спросил он. – Интересно я рассказываю?

– Необычайно интересно, мистер Декстер. Я горю нетерпением услышать продолжение.

Он улыбнулся самодовольной улыбкой.

– Я так же искусен и в автобиографическом роде, – сказал он. – Не перейти ли мне для разнообразия в автобиографический род?

– В какой угодно, только продолжайте! – воскликнула я, потеряв всякое терпение.

– Часть вторая, автобиографический род, – сказал он, махнув рукой. – Я проскакал по Коридору гостей, повернул в Южный коридор и остановился у маленького кабинета. Дверь открыта, в кабинете никого. Я подполз к другой двери кабинета, к двери, выходящей в спальню миссис Макаллан. Заперта. Я взглянул в замочную скважину. Стояло ли что за дверью или нет, но я не увидел ничего, кроме непроницаемого мрака. Я прислушался. Ничего не слышно. Я подошел к двери, выходящей из спальни в коридор. Тот же непроницаемый мрак, та же могильная тишина. Я перешел к двери спальни мистера Макаллана. Я был самого дурного мнения о миссис Болл и не удивился бы нимало, если бы застал ее в комнате Юстаса. Я взглянул в замочную скважину. Ключ был вынут или повернут так, что не заслонял отверстия. Постель Юстаса стояла прямо против двери. И тут никакого открытия. Юстас был один, он спал невинным сном. Я подумал. В конце коридора была задняя лестница. Я спустился по ней и осмотрел нижний коридор, освещенный ночной лампой. Все двери заперты, и ключи снаружи. Выходная дверь тоже заперта. Двери комнат служителей заперты. Я вернулся в свою спальню и задумался. Куда скрылась миссис Болл? Нет сомнения, что она где-нибудь в доме. Но где именно? Я осмотрел весь дом и убедился, что она не могла быть нигде, кроме единственной комнаты, которая не подвергалась моему исследованию, кроме комнаты миссис Макаллан. Прибавьте к этому, что ключ от двери между кабинетом и спальней был неизвестно где, и вспомните, что заветной мечтой миссис Болл, как свидетельствует ее письмо, прочитанное в суде, было сделаться женой Юстаса Макаллана. Примите все это в соображение, и вы поймете, каковы были мои мысли, когда я сидел перед дверью и ждал, что будет дальше. Около четырех часов усталость, однако, пересилила меня. Я заснул. Но ненадолго. Проснувшись, я взглянул на часы. Было двадцать пять минут пятого. Не вернулась ли она в свою комнату, пока я спал? Я подполз к ее двери и прислушался. Ни малейшего звука. Я тихо отворил дверь. Комната была пуста. Я вернулся к себе и уселся опять на свой сторожевой пост. Глаза мои слипались. Я отворил окно, чтобы освежить себя воздухом, я всеми силами боролся с сонливостью, но она взяла наконец верх надо мной. Я заснул опять. В этот раз я проспал до восьми. У меня необыкновенно тонкий слух, как вы, может быть, заметили. Проснувшись, я услышал под открытым окном моей комнаты женские голоса. Я выглянул: миссис Болл и ее горничная, таинственно совещающиеся! Миссис Болл и ее горничная, робко посматривающие по сторонам из опасения, что кто-нибудь увидит или подслушает их! «Берегитесь, сударыня, – сказала служанка. – Этот ужасный урод хитер, как лисица. Смотрите, чтобы он не увидел вас». Миссис Болл ответила: «Идите сначала вы и глядите вперед, а я пойду за вами и буду смотреть, нет ли кого позади». После этого они скрылись за углом дома. Минут пять спустя я слышал, что дверь комнаты миссис Болл отворилась и тотчас же затворилась опять. Три часа спустя она вышла с невинным видом осведомиться о здоровье больной и встретилась с сиделкой. Что вы думаете обо всех этих обстоятельствах? Что вы думаете о том, что миссис Болл и ее горничная в день смерти миссис Макаллан имели сказать друг другу что-то такое, чего они не смели сказать в доме из опасения, что я подслушаю их? Что вы думаете обо всем, что я рассказал вам? Принесли ли вам какую-нибудь пользу сумасшедший Мизериус Декстер?

Я была слишком взволнована, чтобы ответить ему. Путь к обнаружению невинности моего мужа открылся наконец передо мной!

– Где она? – воскликнула я. – И где служанка, посвященная в ее тайны?

– На это я не могу ответить вам, – сказал он. – Я не знаю, где они.

– Не можете ли вы сказать мне, по крайней мере, где я могу узнать это?

Он подумал немного.

– Есть человек, который должен знать, где она, или может узнать это для вас.

– Кто этот человек? Как его имя?

– Это друг Юстаса, майор Фитц-Дэвид.

– Майор Фитц-Дэвид! Я знаю его. Я буду обедать у него на будущей неделе. Он пригласил и вас.

Мизериус Декстер засмеялся презрительно.

– Майор Фитц-Дэвид может нравиться только женщинам, – сказал он. – Женщины смотрят на него как на старую ручную собачонку, но я не обедаю с ручными собачонками. Я отказался. Но вы должны отправиться. Не знаете ли вы, кто другие приглашенные?

– Какая-то француженка, имя которой я забыла, леди Кларинда...

– Леди Кларинда! Она друг миссис Болл. Ей должно быть известно, где живет теперь миссис Болл. Узнайте это и немедленно сообщите мне. Узнайте также, где служанка. С ней легче будет поладить, чем с самой миссис Болл. Стоит только заставить ее выдать тайну, и миссис Болл будет в наших руках. И мы раздавим ее, как я раздавил эту муху, – сказал он, свирепо прихлопнув рукой слабую осеннюю муху, приютившуюся на ручке его кресла.

– Позвольте. Еще один вопрос, очень важный вопрос. Есть у вас деньги?

– У меня достаточно денег.

Он радостно захлопал в ладоши.

– Служанка в наших руках! – воскликнул он. – Подождите. Еще вопрос. Как вы представитесь миссис Болл? Если вы представитесь ей как жена Юстаса, вы сразу вооружите ее против себя, как женщина, занявшая ее место. Это было бы неблагоприятно.

Моя ревность к миссис Болл, затаенная во все время этого свидания, при последних словах вспыхнула ярким пламенем. Я не выдержала и решила спросить, правда ли, что муж мой любил миссис Болл.

– Скажите мне правду, – начала я. – Действительно ли Юстас...

Он засмеялся, он понял мою ревность и угадал мой вопрос прежде, чем я успела выговорить его.

– Да, – сказал он, – Юстас действительно любил ее, в этом не может быть сомнения. Она имела полное право – до процесса – думать, что смерть жены очистит место для нее. Но процесс сделал Юстаса другим человеком. Миссис Болл была свидетельницей его публичного унижения. Этого было достаточно, чтобы заставить его отказаться от мысли о женитьбе на ней. Он разорвал с ней немедленно и навсегда, как разорвал по той же причине с вами. Он не настолько мужествен, чтобы жить с женщиной, знающей, что его судили как убийцу и что ему угрожала опасность быть повешенным. Вы желали, чтобы я сказал вам правду. Теперь вы ее знаете. Вам следует быть осторожной с миссис Болл, но вам не следует смотреть на нее с ревностью. Примите необходимые предосторожности. Устройте так, чтобы вы были представлены леди Кларинде на обеде у майора под вымышленным именем.

– Я могу назваться миссис Вудвил. Юстас женился на мне под этим именем.

– Вот и прекрасно! – воскликнул он. – Чего бы я не дал, чтобы быть свидетелем вашей встречи с миссис Болл, когда леди Кларинда представит вас друг Другу! Вообразите себе положение! Женщина со страшной тайной, затаенной в глубине ее души, и другая женщина, знающая эту тайну и решившаяся открыть ее во что бы то ни стало. Какая борьба! Какая тема для романа! Я весь дрожу, когда думаю об этом, когда заглядываю в будущее и вижу уличенную Борджиа-Болл. Не пугайтесь! – воскликнул он с диким блеском в глазах. – Мозг начинает опять кипеть в моей голове. Я должен облегчить себя телесным движением. Я должен загасить пламя, иначе я сгорю на месте в моем розовом халате.

Им овладело опять безумие. Я поспешно отошла к двери, чтобы иметь возможность уйти в случае крайности, и оглянулась на него.

Странное создание, получеловек-полукресло, забегало опять по комнате с неистовой скоростью. Но даже таксе движение, по-видимому, показалось ему недостаточным. Спустя минуту он соскочил на пол и принялся скакать, как громадная лягушка, опрокидывая все стулья, встречавшиеся на его пути. Проскакав с одной стороны комнаты на другую, он остановился, посмотрел на опрокинутые стулья и бросился перепрыгивать через них, употребляя руки вместо ног, перекидывая свое безногое тело для сохранения равновесия то назад, то вперед. Поразительное и ужасное зрелище.

– Декстер играет в чехарду! – весело крикнул он, прыгнув с птичьей легкостью на последний из опрокинутых стульев. – Я достаточно подвижен для калеки, миссис Валерия, не

правда ли? Разопьем еще бутылку бургундского за победу над миссис Болл!

Я воспользовалась первым предложением, какой пришел мне в голову, чтобы отделаться от него.

– Вы забыли, – сказала я, – что мне нужно спешить к майору. Если я не предупрежу его немедленно, он может сказать леди Кларинде мое настоящее имя.

Идеи поспешности и движения были теперь идеями, сильно действовавшими на Декстера. Он схватил свисток, висевший на его шее, издал резкий свист и запрыгал на руках в неистовом восторге.

– Ариэль запряжет вам кабриолет, – воскликнул он. – Мчитесь во весь дух к майору. Расставьте сети, не теряя ни минуты. О, что за день! О, какое облегчение – освободиться от моей страшной тайны, разделив ее с вами! Я задыхаюсь от счастья, я подобен духу земли в поэме Шелли. – И он продекламировал величественные строфы из «Освобожденного Прометея». Я вышла из комнаты, не дослушав его. Когда я бросила на него последний взгляд, он стоял на опрокинутом стуле и, подняв глаза к какому-то фантастическому небу, созданному его собственным воображением, извергал свой красноречивый поток слов. Но не успела я выйти из круглой комнаты, как в нем произошла уже новая перемена. Я услышала его громкий крик и шлепанье его ладоней по полу. Он скакал опять через опрокинутые стулья.

В прихожей меня ждала Ариэль.

Подходя к ней, я надевала перчатки. Она остановила меня, взяла мою правую руку и поднесла ее к своему лицу. Не хотела ли она поцеловать ее? Или укусить? Ни того, ни другого. Она обнюхала ее как собака и выпустила с громким смехом.

– Вы не пахнете его духами, – сказала она. – Вы не прикасались к его бороде. Теперь я верю вам. Нужен вам кабриолет?

– Нет, благодарю вас. Я пойду пешком, пока не встречу извозчика.

Уверившись, что я не прикасалась к его бороде, она решила быть учливой со мной.

– Послушайте! – воскликнула она своим грубым голосом.

– Что?

– Я рада, что не опрокинула вас в канал. Вот что!

Она хлопнула меня дружески по плечу с такой силой, что я едва не упала, потом, перейдя мгновенно к своей прежней бесчувственности во взгляде и манерах, выпустила меня из дома через переднюю дверь и проводила до калитки. Заперев ее за мной, она захохотала опять. Звезда моя начала всходить наконец. Я сразу попала в милость к Ариэль и к ее хозяину.

Глава XXXI ЗАЩИТА МИССИС БОЛЛ

Мое продолжительное свидание с Мизериусом Декстером расстроило меня больше, чем я полагала, когда уходила от него. Только спустя несколько часов почувствовала я вполне, как расстроены были мои нервы от всего виденного и слышанного в его доме. Я вздрагивала при всяком шуме, мысли мои были мрачны, я готова была плакать без причины и сердиться без причины. Мне необходимо было полнейшее спокойствие, и благодаря Бенджамену я пользовалась им. Мой добрый старый друг затаил свою тревогу обо мне и воздержался от расспросов. Между нами было безмолвно решено не говорить ничего о моей поездке к Декстеру, которую Бенджамен, конечно, не одобрял, пока спокойствие не восстановит мои силы. В коттедж приезжала миссис Макаллан, приезжал и майор. Первая – чтобы узнать, что произошло между мною и Декстером, второй – чтобы развлечь меня. Бенджамен извинился за меня и избавил меня от труда принимать моих гостей. Мы наняли небольшую коляску и делали длинные прогулки по красивым, все еще зеленым окрестностям города. Дома мы разговаривали о прошлом или играли в триктрак и в домино. Так прошло несколько тихих, спокойных дней, оказавшихся очень полезными для меня. В день обеда майора я чувствовала себя опять самой собою, я была вполне готова к встрече с леди Клариндой и к расспросам о миссис Болл.

Бенджамен глядел с грустью на мое раскрасневшееся лицо на пути к майору Фитц-Дэвиду.

– Я вижу, что вы совсем оправились, друг мой, – сказал он со своей простодушной добротой. – Вам уже надоела наша скучная жизнь.

Мои воспоминания об обеде необычайно смутны. Я помню, что нам было очень весело и

что мы держали себя друг с другом так непринужденно, как будто были старыми друзьями. Я помню, что мадам Мирлифлор затмила другую присутствующую даму изяществом своего туалета и своей готовностью воздать честь роскошному обеду, предложенному нам майором. Я помню, что молодая примадонна майора была разряжена более чем когда-либо, что манеры будущей царицы пения поражали своей резкостью и надменностью. Я помню, что сам майор постоянно целовал наши руки, говорил нам любезности, отмечал сходство между нами, постоянно находился «под обаянием» и ни разу не изменил своей роли престарелого донжуана. Я помню, что милый старый Бенджамен был вне себя от смущения, прятался в углы, краснел, когда его вызывали на разговор, смотрел на мадам Мирлифлор боязливо, на леди Кларинду смиренно, на майора покорно, страдал от музыки и в глубине своего честного сердца стремился домой.

Наружность леди Кларинды сохранилась в моей памяти так живо, как будто я видела ее вчера, а разговор, который я имела с ней в конце вечера, я могу повторить почти слово в слово.

Я вижу ее наряд, я слышу ее голос.

Она была одета с той изысканной простотой, которая всегда производит впечатление обратное от предполагаемого. На ней было белое шелковое платье, покрытое простой белой кисеей без всякой отделки. Ее роскошные черные волосы, вопреки моде, были откинута от лба наверх и свернуты на затылке в простой узел. Узкая белая ленточка на ее шее была заколота небольшой бриллиантовой брошкой, единственной драгоценностью, которую она надела. Она была, бесспорно, красива, но наружность ее принадлежала к тому резкому, угловатому типу, который встречается так часто между англичанками: нос и подбородок слишком выдающиеся и слишком твердо очерченные, красивые серые глаза, полные ума и достоинства, но лишенные нежности и живости. Ее манеры, в высшей степени учтивые и непритворно дружественные, выражали полнейшую, но не шокирующую самоуверенность, которая в Англии есть, по видимому, естественное следствие знатности происхождения. Если бы вы произнесли свое мнение о ней судя по наружности, вы сказали бы: вот знатная женщина, вполне свободная от гордости. Но если бы на основании этого мнения вы позволили себе какую-нибудь вольность с ней, она заставила бы вас помнить это до конца вашей жизни.

Мы поладили как нельзя лучше. Я была представлена ей, по предварительному соглашению с майором, как миссис Вудвил. Прежде чем обед кончился, мы обменялись обещанием посетить друг друга. Оставалось только найти удобный случай, чтобы завязать разговор о миссис Болл. Позже вечером случай представился.

Я скрылась от ужасного бравурного пения примадонны майора в заднюю гостиную. Леди Кларинда, как я и надеялась, заметила мое исчезновение из кружка, собравшегося вокруг рояля, и пришла ко мне. Она уселась возле меня и, к моему невыразимому удовольствию, заговорила сама о Мизериусе Декстере. Что-то сказанное мной, когда кто-то упомянул о нем за обедом, привело нас после естественных переходов к разговору о миссис Болл. Наконец-то я вознагражу себя за обед у майора, подумала я.

Но что это было за вознаграждение! Сердце мое сжимается при воспоминании об этом.

– Неужели Декстер действительно говорил с вами о миссис Болл? – воскликнула леди Кларинда. – Вы не можете представить себе, как это удивляет меня.

– Почему?

– Потому что он ненавидит ее. Когда я виделась с ним в последний раз, он не позволил мне произнести ее имя. Это совершенно необъяснимо. Она самая искренняя особа из всех, кого я знаю. Когда она, бедная, выходит из себя, она говорит и делает сумасбродства, достойные самого Декстера. Хотела бы я знать, понравится ли она вам.

– Вы были так добры, что пригласили меня к себе, леди Кларинда. Не встречу ли я ее у вас? Леди Кларинда засмеялась.

– Надеюсь, что вы не отложите свое посещение до тех пор, когда будете иметь возможность встретиться у меня с Хеленой, – сказала она. – Последним сумасбродством Хелены было то, что она вообразила себя больной подагрой. Она отправилась лечиться на какие-то чудодейственные воды в Венгрии или в Богемии, а что она сделает вслед за этим, известно одному Богу. – Что с вами, миссис Вудвил? Не слишком ли жарко здесь? Как вы побледнели!

Я сама чувствовала, что побледнела. Открытие, что миссис Болл уехала за границу, было для меня совершенно неожиданным ударом.

– Не пойти ли нам в другую комнату? – спросила леди Кларинда.

Пойти в другую комнату значило прекратить начатый разговор. Я решила не допустить такой катастрофы. Мне необходимо было узнать, где находилась служанка миссис Болл. Она могла остаться в Англии. Я отодвинула свой стул подальше от камина и взяла со стола веер, чтобы закрыть им лицо в случае нового разочарования.

– Благодарю вас, леди Кларинда. Я сидела слишком близко к огню. Здесь мне хорошо. Меня удивляет ваш отзыв о миссис Болл. Судя по тому, что сказал мне о ней мистер Декстер, я полагала...

– О, Декстеру нельзя верить, – прервала меня леди Кларинда. – Он любит мистифицировать людей, и я уверена, что он умышленно ввел вас в заблуждение. Если все, что я слышала, правда, ему следовало бы знать об эксцентричности миссис Болл. Он едва не открыл одно ее похождение в Шотландии, напоминающее сюжет прелестной оперы Обера – как ее название? Я скоро забуду свое собственное имя. Помните оперу, в которой две монахини уходят тайно из монастыря и отправляются на бал? Слышите? Как странно! Эта вульгарная девушка запела сейчас арию с кастаньетами из второго акта. Майор! Из какой оперы поет молодая особа?

Майор, смущенный ее громким возгласом, вбежал в комнату и прошептал:

– Тише, тише, миледи, из «Domino Noir»⁴, – и бросился назад к роялю.

– Действительно, – сказала леди Кларинда. – Из «Domino Noir». Как я могла забыть это? Странно, что вы тоже забыли.

Я не забыла, но я не была в силах ответить ей. Если «похождение», о котором она заговорила, имело связь с таинственными поступками миссис Болл в утро двадцать первого октября, я была близка к открытию, которое составляло теперь главный интерес моей жизни. Я закрыла лицо веером и сказала так твердо, как только могла:

– Продолжайте, пожалуйста. Расскажите мне приключение миссис Болл.

Леди Кларинда была польщена моим горячим интересом.

– Надеюсь, что мой рассказ оправдает ваше любезное желание выслушать его, – сказала она. – Если бы вы только знали Хелену, это так похоже на нее. Я узнала эту историю от ее горничной. Хелена взяла с собой в Венгрию женщину, говорящую на иностранных языках, и оставила свою горничную у меня. Эта девушка – истинное сокровище. У нее только один недостаток – имя, которое я терпеть не могу. Ее зовут Тиба. Итак, Тиба и ее госпожа гостили в одном поместье близ Эдинбурга, называемом, как мне помнится, Гленинг. Оно принадлежало тогда мистеру Макаллану, тому самому Макаллану, который судился потом по обвинению в отравлении жены. Ужасное дело, но не пугайтесь, моя история не имеет ничего общего с этим делом, моя история касается только миссис Болл. В то время, когда миссис Болл гостила в Гленинге, она была однажды приглашена на обед одним знакомым ей семейством англичан, приехавших в Эдинбург на короткое время. В тот же вечер в Эдинбурге давался кем-то костюмированный бал – событие почти беспрецедентное в Шотландии и показавшееся обществу не совсем приличным увеселением. Говорили, что там будут всякого рода люди – и женщины сомнительной добродетели, и джентльмены из низших слоев общества. Друзьям Хелены удалось достать билет, и они намеревались отправиться вопреки всем толкам, но сохранив, конечно, строгое инкогнито. Хелене тоже очень хотелось ехать, но с тем, чтобы это осталось тайной для Гленинга. Мистер Макаллан был из числа шепетильных людей, не одобрявших бала. Ни одна порядочная женщина, говорил он, не может показаться на таком балу, не скомпрометировав своей репутации. Вздор, конечно. Хелена в одну из своих сумасбродных минут придумала средство отправиться на бал тайно, средство, которое могло бы послужить сюжетом для остроумной французской комедии. Она приехала на обед в карете из Гленинга, а Тиба была отправлена в Эдинбург раньше. Как вы думаете, что сделала Хелена, когда пришло время ехать назад в Гленинг? Она отправила вместо себя свою горничную. Тиба надела пальто, шляпку и вуаль своей госпожи. Прибыв в Гленинг, она должна была бежать немедленно наверх, оставив в прихожей на столе записку, в которой говорилось, что чрезмерная усталость мешает миссис Болл проститься с ее хозяином. Записка была, конечно, написана самой миссис Болл. Госпожа и служанка были почти одного роста, и слуги не заметили обмана. Тиба добралась до комнаты

⁴ «Черное домино», опера Ф. Обера.

своей госпожи. Тут она должна была ждать, пока все в доме не успокоится, и потом пробраться в свою комнату. Дожидаясь, она заснула и проснулась только в третьем часу. Она решила, однако, пройти в свою комнату. Не успела она выйти из коридора, как позади нее послышался какой-то шум. Она не остановилась, пока не сошла с лестницы, и тогда взглянула через перила наверх. Что же она увидела? Декстер скакал по коридору (видели вы, как он скачет на руках? – самое безобразное зрелище, какое вы только можете себе представить) и заглядывал в замочные щели. Он, вероятно, принял Тибу за ее госпожу, так как она забыла снять пальто Хелены, и искал, куда она скрылась в третьем часу ночи. На следующий день рано утром Хелена вернулась из Эдинбурга в наемной карете, взяв пальто и шляпку у своих английских друзей. Она оставила карету на дороге и вошла в дом через сад, никем не замеченная. Умно и смело, не правда ли? И, как я сказала, повторение истории «DominoNoir». Вас, может быть, удивит, что Декстер не воспользовался тем, что ему удалось подсмотреть ночью, и не наделал ей неприятностей. Дело в том, что в этот день в Гленинге случилось ужасное событие, которое заставило молчать даже Декстера. Милая моя, право, в этой комнате слишком жарко. Возьмите мой флакон со спиртом. Позвольте мне открыть окно.

Я едва была в состоянии ответить:

– Пожалуйста, не поднимайте тревоги. Я выйду на свежий воздух.

Я вышла незамеченная на лестницу и села на ступеньку. Спустя минуту я почувствовала на своем плече чью-то руку и, оглянувшись, увидела доброго Бенджамена. Леди Кларинда переговорила с ним секретно и помогла ему выйти тайком из комнаты, между тем как внимание хозяина было поглощено музыкой.

– Милое дитя мое! Что с вами? – прошептал он тревожно.

– Отвезите меня домой, и я скажу вам, – было все, что я могла ему ответить.

Глава XXXII ОБРАЗЕЦ МОЕГО БЛАГОРАЗУМИЯ

Прошло два дня после обеда у майора Фитц-Дэвида. Я успокоилась от удара, который я вынесла, когда все мои планы на будущее и все надежды, которые я основала на них, были разрушены. Я поняла теперь, что я была тройне виновата: виновата в том, что заподозрила невинную женщину, виновата в том, что сообщила свое подозрение (не сделав предварительно попытки узнать, насколько оно основательно), другому лицу; виновата в том, что приняла поспешные выводы и заключения Мизериуса Декстера за неопровержимую истину. Я так стыдилась своей ошибки, моя самонадеянность была так поколеблена, что я наконец приняла совет моего доброго старого Бенджамена.

– Друг мой, – сказал он мне, когда мы по возвращении с обеда наговорились вдоволь о моей неудаче, – то, что вы рассказали мне о мистере Декстере, не располагает меня в его пользу. Обещайте мне, что вы не поедете к нему, пока не посоветуетесь с кем-нибудь, кто может лучше меня руководить вами в этом трудном деле.

Я дала обещание, но с условием.

– А если я не найду такого человека, – сказала я, – обещаете ли вы, со своей стороны, помогать мне?

Он охотно обещал сделать все, что было в его силах.

На следующее утро, когда я причесывала волосы и думала о своих делах, мне пришло в голову, что я совсем упустила из виду одно из намерений, принятых мной во время чтения отчета. Я говорю о моем намерении обратиться в случае неудачи у Декстера к одному из агентов, подготовлявших защиту моего мужа, к мистеру Плеймору. Нелишне, может быть, напомнить, что этот джентльмен расположил меня к себе дружеским участием, которое он оказал моему мужу во время обыска. Проглядев снова показания Айзая Скулкрафта, я нашла, что мистер Плеймор был призван тогда на помощь моему мужу Мизериусом Декстером. Следовательно, он был не только искренним другом моего мужа, но и человеком, лично знакомым с Декстером. Вот к кому следует мне обратиться за помощью, решила я. Бенджамен на этот раз вполне одобрил мое намерение и немедленно принялся помогать мне. Он узнал через своего адвоката адрес лондонских поверенных мистера Плеймора и взял у них для меня рекомендательное письмо к самому мистеру Плеймору. Мне нечего было скрываться от моего

нового советника, и в рекомендательном письме я была названа, как и следует, второй женой Юстаса Макаллана.

В тот же вечер мы оба отправились в Эдинбург. Бенджамен не согласился отпустить меня одну.

По совету моего друга я предварительно написала Мизериусу Декстеру, что мне придется уехать на несколько дней из Лондона по совершенно неожиданному делу и что я расскажу ему о результате моего свидания с леди Клариндой вскоре по возвращении в Лондон. В ответ он прислал мне с Ариэль следующие строки:

«Миссис Валерия, я человек проницательный. Я прочел недописанную часть Вашего письма и понял, что леди Кларинда поколебала Ваше доверие ко мне. Прекрасно. Я со своей стороны берусь поколебать Ваше доверие к леди Кларинде. Не думайте, что я оскорбился. Я буду ждать с невозмутимым спокойствием чести и счастья увидеть вас опять у себя. Уведомьте меня по телеграфу, чем мне угостить Вас, опять трюфелями или чем-нибудь полегче и попроще. Не приготовить ли мне для Вас несравненное французское блюдо – свиные веки с тамариндами?

Остаюсь Ваш преданный союзник и поклонник, поэт и повар Декстер».

По прибытии в Эдинбург у нас с Бенджаменом произошла маленькая размолвка. Спорным вопросом было, следует ли мне отправиться к мистеру Плеймору одной или с ним. Я настаивала, что отправлюсь одна.

– Я мало знакома со светом, – сказала я Бенджамену, – но я заметила, что в девяти случаях из десяти мужчина делает женщине, когда она приходит к нему одна, такие уступки, о которых он и не подумал бы, если бы с ней был мужчина. Не знаю, чем объяснить это, но это так. Если мое свидание с мистером Плеймором окажется неудачным, я попрошу у него позволения прийти к нему опять, и тогда вы будете сопровождать меня. Не считайте меня упрямой. Дайте мне попытать счастья одной, и посмотрим, что выйдет из этого.

Бенджамен уступил со своей обычной любезностью. Я послала мое рекомендательное письмо в контору мистера Плеймора, так как его дом был за городом, недалеко от Гленинга. Мой посланный принес мне в ответ учтивое приглашение побывать вскоре после полудня. В назначенное время я позвонила у двери конторы.

Глава XXXIII ОБРАЗЕЦ МОЕГО БЕЗРАССУДСТВА

Мистер Плеймор не был ни стар, ни молод, ни красив, ни безобразен и нимало не подходил под общепринятое понятие о юристе. По-английски он говорил совершенно правильно и с самым незначительным шотландским акцентом.

– Я имею честь быть старым другом мистера Макаллана и очень рад случаю познакомиться с женой мистера Макаллана, – сказал он радушно, пожав мне руку. – Где вы сядете? Поближе к свету? Вы еще так молоды, что можете не бояться дневного освещения. Вы в первый раз в Эдинбурге? Позвольте мне постараться сделать его приятным для вас, насколько это в моих силах. Мне было бы очень приятно познакомить вас с миссис Плеймор. Мы переселились на время в Эдинбург. Теперь здесь итальянская опера, и у нас есть ложа на нынешний вечер. Отложите в сторону всякие церемонии, откушайте с нами, и отправимтесь затем в театр.

– Вы очень добры, – отвечала я. – Но я сейчас в таком тревожном состоянии духа, что миссис Плеймор нашла бы меня очень незанимательной собеседницей. Я писала в письме к вам, что мне нужно посоветоваться с вами насчет очень важного для меня дела.

– В самом деле? Я, признаться, не дочитал письма. Я увидел в нем ваше имя и понял из слов вашего посланного, что вы хотите повидать меня. Я ответил вам и занялся другим. Извините, пожалуйста. Надеюсь, что вы приехали не для профессиональной консультации?

– Нет, мистер Плеймор, не для профессиональной консультации. Я нахожусь в очень тяжелом положении и пришла просить у вас совета при весьма необычайных обстоятельствах. Вы будете очень удивлены тем, что я собираюсь сообщить вам, и я боюсь, что мне придется отнять у вас больше времени, чем вы желали бы уделить мне.

– Я и мое время в вашем полном распоряжении, – сказал он. – Объясните мне как умеете, что я могу сделать для вас.

Его обращение было так же ласково, как и его слова. Я рассказала ему свободно и откровенно и без всякой утайки всю мою странную историю.

Он не старался скрыть впечатления, которое произвел на него мой рассказ. Моя разлука с Юстасом поразила и огорчила его. Мое намерение оспаривать шотландский вердикт и мое несправедливое подозрение против миссис Болл сначала показались ему забавными, потом удивили его. Но когда я рассказала ему о моем странном свидании с Декстером и о моем не менее странном разговоре с леди Клариндой, юрист обнаружил признаки сильного волнения. Он изменился в лице, он оживился и пробормотал про себя, как бы забывая обо мне:

– Боже праведный! Возможно ли! Неужели правда скрывается здесь?

Я решила прервать его и заставить поделиться своими мыслями со мной.

– Я, кажется, удивила вас? – спросила я.

Он вздрогнул при звуке моего голоса.

– Тысяча извинений, – воскликнул он. – Вы не только удивили меня, вы дали мне совершенно новую идею, до сих пор никогда не приходившую мне в голову, насчет тайны преступления в Гленинге. Странное положение, – прибавил он шутливо. – Клиентка руководит юристом. Кто из нас нуждается в совете другого, вы в моем или я в вашем?

– Могу я узнать вашу новую идею?

– Не сейчас, если позволите. Будьте снисходительны к моей профессиональной осторожности. Я не хочу быть профессиональным с вами, я всеми силами стараюсь избежать этого, но юрист тем не менее берет верх над человеком. Я не могу решиться высказать то, что у меня на уме, не расспросив вас подробнее. Сделайте мне величайшее одолжение, позвольте мне попросить вас повторить часть вашего рассказа и задать вам несколько вопросов. Имеете вы что-нибудь против этого?

– Конечно, нет, мистер Плеймор. Какую часть моего рассказа должна я повторить?

– Часть, касающуюся вашего первого визита к Декстеру в сопровождении вашей свекрови. Вы сказали, если я верно понял вас, что, когда вы впервые спросили его, не имеет ли он своего собственного воззрения на причину смерти миссис Макаллан, он взглянул на вас подозрительно?

– Очень подозрительно.

– И лицо его прояснилось опять, когда он узнал, что ваш вопрос был основан только на том, что вы прочли в отчете?

– Да.

Он вынул из ящика своего бюро листок бумаги, обмакнул перо в чернила, подумал немного и пригласил меня сесть поближе к нему.

– Юрист исчезает, и человек занимает его место, – сказал он. – Между мной и вами не должно быть профессиональной сдержанности. Как старый друг вашего мужа, я принимаю в вас большое участие. Я вижу серьезную необходимость предупредить вас, пока не поздно, и для этого я должен сделать то, что сделали бы немногие на моем месте. Хотя я шотландец и юрист, но я решаюсь довериться вам лично и профессионально. Сядьте сюда и глядите через мое плечо на заметки, которые я буду писать. Они объяснят вам мои мысли.

Я села возле него и устремила взгляд через его плечо на бумагу.

Он начал так:

«Отравление в Гленинге. Вопросы: в каком положении стоит Мизериус Декстер относительно отравления? И что может он знать об этом деле?

Он имеет идеи, которые держит в тайне. У него является подозрение, что он выдал их или что они открыты каким-то непостижимым для него образом. Он явно радуется, когда находит, что его подозрение ошибочно».

Перо остановилось. Мистер Плеймор обратился опять ко мне.

– Перейдем к вашему второму визиту, – сказал он. – Расскажите мне опять, какие чувства он обнаружил и что он сделал, когда услышал от вас, что вы не хотите покориться шотландскому вердикту.

Я повторила. Перо вернулось к бумаге и написало следующие строки:

«Он поражен, узнав, что особа, заинтересованная в деле, не хочет примириться с вердиктом, которым кончилось дело Макаллана и намеревается возобновить следствие. Как встречает он это известие? Он обнаруживает симптомы панического ужаса. Он видит себя почему-то в опасности. Он приходит сначала в ярость, потом становится униженно покорным, потом без всякого основания обвиняет свою посетительницу в том, что она подозревает кого-нибудь. Вопрос по этому поводу: когда в доме пропадает небольшая сумма денег и об этом объявляется всей прислуге дома вообще, что думаем мы о слуге, который заговаривает первый и спрашивает: не подозреваете ли вы меня?»

Он положил перо.

– Прав я? – спросил он.

Я начала понимать, к какой цели клонились его заметки. Вместо того чтобы ответить ему, я попросила войти в объяснения, которые могли бы убедить и меня.

– Не сейчас, – ответил он. – Я спрашиваю вас опять: прав я до сих пор?

– Совершенно правы.

– Прекрасно. Продолжайте ваш рассказ. Не бойтесь повторений. Говорите все подробности одну за другой.

Я повторила все подробности, сохранившиеся в моей памяти. Мистер Плеймор взялся опять за перо и закончил свои заметки следующими строками:

«Он успокаивается, узнав, что заподозрен не он. Он склоняется на спинку кресла, он выпускает глубокий вздох облегчения, он просит позволения остаться на несколько минут в одиночестве под предлогом, что он слишком взволнован разговором. Посетительница уходит. Вернувшись к нему, она узнает, что он без нее пил вино. Он молчит о прерванном разговоре, посетительница сама возобновляет его. Посетительница убеждена, что миссис Макаллан умерла, отравленная чужой рукой, и говорит это прямо. Декстер опрокидывается на спинку своего кресла как человек, падающий в обморок. Чем объяснить его ужас? Он будет понятен, если мы назовем его преступным ужасом. Иначе он необъясним. В следующую минуту Декстер впадает в другую крайность. Узнав, что подозрение посетительницы обращено всецело на отсутствующую особу, он приходит в неопишуемый восторг. Тогда и только тогда он начинает уверять, что и сам подозревает эту особу. Таковы факты. К какому прямому заключению приводят они?»

Он спрятал свои заметки, устремил внимательный взгляд на мое лицо и ждал, чтобы я заговорила первая.

– Я понимаю вас теперь, мистер Плеймор, – начала я с жаром. – Вы думаете, что мистер Декстер...

Он прервал меня.

– Повторите мне, – сказал он, – как выразился мистер Декстер, когда был так добр, что подтвердил ваше подозрение против бедной миссис Болл?

– Он сказал: я вполне уверен, что миссис Макаллан умерла от руки миссис Болл.

– Я, со своей стороны, повторю его слова с небольшим изменением. Я скажу: я вполне уверен, что миссис Макаллан умерла от руки Декстера.

– Вы шутите, мистер Плеймор?

– Я никогда в жизни не говорил серьезнее, чем теперь. Ваш опрометчивый визит к Декстеру и поразительная неосторожность, с которой вы доверились ему, привели к поразительным результатам. Тайна преступления в Гленинге, которой не мог открыть закон со всеми своими средствами, случайно открыта женщиной, отказавшейся повиноваться рассудку и вознамерившейся действовать по-своему. Невероятно и вместе с тем справедливо.

– Невозможно! – воскликнула я.

– Что невозможно? – спросил он холодно.

– Что Декстер отравил первую жену моего мужа.

– Почему же это невозможно, позвольте спросить?

Я начала выходить из себя.

– Что за вопрос, мистер Плеймор, – сказала я с негодованием. – Разве я не говорила вам, что он отзывается о ней с такой симпатией и с таким почтением, которыми могла бы гордиться всякая женщина? Я обязана его дружеским приемом какому-то сходству, которое он нашел между ней и мною. На глазах его были слезы, голос его дрожал и обрывался, когда он говорил о ней. Нет. Во всех других отношениях он, может быть, самый лживый человек, но о ней он говорил искренне. Когда мужчина говорит с женщиной о том, что действительно близко его сердцу, женщина всегда угадывает по некоторым признакам, что он говорит искренне. Я видела эти признаки, и ваше предположение, что он отравил ее, кажется мне столь же странным, как если бы вы предположили, что я отравила ее. Мне совестно оспаривать ваше мнение, мистер Плеймор, но что же делать, если я не могу согласиться с ним? Я должна сознаться, что я почти сержусь на вас.

Мое смелое объяснение, по-видимому, не только не оскорбило его, но даже понравилось ему.

– Вам не за что сердиться на меня, миссис Макаллан, – сказал он. – В одном отношении я вполне разделяю ваше мнение, с той только разницей, что я иду дальше вас.

– Что вы хотите сказать?

– Сейчас узнаете. Вы уверены, что Декстер относился к покойной миссис Макаллан с искренним расположением и почтением. Я могу сказать, что его чувства к ней были горячее, чем вы полагаете. Я знаю это от самой покойной миссис Макаллан, которая удостаивала меня своей дружбой и своим доверием в лучший период своей жизни. Когда она не была еще замужем за мистером Макалланом – она скрыла это от него и я советую последовать ее примеру, – Мизериус Декстер был влюблен в нее. Мизериус Декстер, несмотря на свое уродство, просил ее, серьезно просил ее сделаться его женой.

– И поэтому вы говорите, что он отравил ее!

– Да. Я не могу вывести другого заключения из всего, что случилось, когда вы были у него. Вы едва не довели его до обморока. Чего он испугался?

Мне очень хотелось найти ответ на этот вопрос. Я даже начала отвечать, сама не зная, что скажу.

– Мистер Декстер – старый и преданный друг моего мужа, – начала я. – Узнав, что я не хочу покориться вердикту, он может быть, испугался...

– Испугался последствий, которые может повлечь за собой возобновление следствия по делу вашего мужа, – сказал мистер Плеймор, иронически закончив мою речь за меня. – Странное рассуждение, миссис Макаллан. И не совсем согласное с вашей уверенностью в невиновности вашего мужа. Освободитесь раз и навсегда от вашего заблуждения, которое может ввести вас в роковые ошибки. Поверьте моему слову, что Мизериус Декстер перестал быть другом вашего мужа в тот день, когда ваш муж женился на своей первой жене. Внешне Декстер сохранил ради приличия дружеские отношения с ним. Его показания на суде оправдали общие ожидания. Тем не менее я твердо убежден, что он – злейший враг мистера Макаллана.

Я похолодела. Я поняла, что последнее, по крайней мере, было справедливо. Мой муж женился на женщине, от которой Мизериус Декстер получил отказ. Был ли Декстер человеком, способным простить это? Мой собственный опыт отвечал мне: нет.

– Запомните то, что я сказал вам, – продолжал мистер Плеймор, – и перейдем к вашему положению в этом деле и к вашим интересам. Попробуйте принять на время мою точку зрения, и посмотрим, какие шансы имеем мы для дальнейших успехов. Быть нравственно уверенным, что Мизериус Декстер виновен в преступлении, – не то же самое, что найти, спустя столько лет, такие ясные доказательства его виновности, чтобы иметь право осудить его публично. Если я не в полнейшем заблуждении, вопрос теперь сводится к следующему: публичное доказательство невиновности вашего мужа зависит единственно от публичного доказательства виновности Декстера. Как вам доказать его виновность? Против него нет ни малейшей улики. Осудить его можно только на основании его собственного признания. Слушаете вы меня?

Я слушала, но очень неохотно. Если он был прав, положение дел было действительно так ужасно, как он говорил. Но при всем моем уважении к превосходству его знаний и опытности я не могла заставить себя думать, что он прав. И я созналась ему в этом с искренним смирением.

Он улыбнулся добродушно.

– Как бы то ни было, – сказал он, – но вы должны согласиться, что Декстер до сих пор не был вполне откровенен с вами. Он таит от вас что-то такое, что вам необходимо знать.

– Да, с этим я согласна.

– Прекрасно. Я утверждаю, что он таит от вас свою виновность. Вы полагаете, что он таит факты, которые могут доказать виновность другого, но несомненно, что он таит нечто. Пусть это послужит нам точкой отправления. Спрашивается, как вам открыть его тайну? Какое влияние употребите вы, когда увидите с ним опять?

– Я могу попробовать убедить его.

– Конечно, можете. Но если ваша попытка убедить его не удастся, что тогда? Не надеетесь ли вы, что сумеете выпытать у него его тайну? Или напугать его так, чтобы он выдал ее сам?

– Если вы взглянете на ваши заметки, мистер Плеймор, вы увидите, что мне уже удалось напугать его, хотя я только женщина.

– Славный ответ. Вы очень находчивы. Так вы думаете, что то, что удалось вам раз, удастся вам и опять? Хорошо. Если вы уже решились на эту попытку, вам не мешает познакомиться получше с характером и темпераментом Декстера. Не обратиться ли нам за справками о нем к лицу, на мнение которого можно положиться?

Я вздрогнула и оглядела комнату. Я заключила из его слов, что лицо, которое может помочь нам, находится невдалеке от нас.

– Не пугайтесь, – сказал он. – Оракул безмолвен и спрятан вот здесь.

С этими словами он отпер один из ящиков своего бюро, достал пачку писем и выбрал одно.

– Подготавливая защиту вашего мужа, – сказал он, – мы затруднились включить в число свидетелей Мизериуса Декстера. Не то чтобы мы имели какие-нибудь подозрения против него – вы знаете, что мы были далеки от этого, – но нас пугала его эксцентричность, и мы опасались, что появление в суде приведет его в такое волнение, что он лишится рассудка. И мы решились посоветоваться с доктором. Мы познакомили его под каким-то предлогом, который я уже забыл, с Мизериусом Декстером, и вот его мнение, которое он выразил после свидания с ним.

Он развернул письмо и, сделав отметку карандашом, передал его мне.

– Достаточно будет, если вы прочтете то, что я отметил, – сказал он.

Я прочла нижеследующие строки:

«Суммируя результаты моих наблюдений, я могу сказать, что, по моему мнению, в этом человеке есть затаенные задатки безумия, но в настоящее время безумия еще нет. Я полагаю, что вы можете вызвать его в суд, не опасаясь за последствия. Если он говорит и делает всевозможные странности, он, тем не менее, в состоянии управлять своим умом, и вы можете быть уверены, что самолюбие побудит его показать себя умным человеком.

О будущем я, конечно, не могу говорить положительно. Я выскажу только мои предположения.

Что он рано или поздно кончит безумием (если не умрет до тех пор), я почти не сомневаюсь. Вопрос, когда именно овладеет им безумие, зависит единственно от состояния его здоровья. Его нервная система очень чувствительна, и есть признаки, что его образ жизни уже сильно расстроил ее. Если он отстанет от дурных привычек, о которых я говорил в начале моего письма, и будет проводить каждый день по несколько часов на свежем воздухе, он может прожить еще много лет в здравом рассудке. Если же он не изменит своего теперешнего образа жизни, иными словами, если он будет усиливать вред, уже причиненный его чувствительной нервной системе, безумие овладеет им, когда этот вред достигнет высшей степени. Без всякого предупреждения для него самого и для других, может быть, в то самое время, когда он будет держать себя совершенно спокойно и говорить совершенно благоразумно, его умственная организация мгновенно выйдет из нормального состояния и он впадет в безумие или в идиотизм. В том и в другом случае друзья его, по моему мнению, не должны будут питать надежды на его выздоровление. Баланс, раз утраченный, будет утрачен навсегда».

Этим кончалось письмо. Мистер Плеймор спрятал его опять в бюро.

– Вы прочли мнение одного из наших величайших авторитетов, – сказал он. – Как вам показалось, в таком ли состоянии Декстер, чтобы рассчитывать на поправление его нервной системы? Не видите ли вы каких-нибудь препятствий и опасностей на своем пути?

Я промолчала.

– Предположим, что вы отправитесь опять к Декстеру, – продолжал он, – и допустим, что доктор преувеличил опасность. Что сделаете вы? В ваши два первые визита вы пользовались громадным преимуществом, вы могли поразить его неожиданностью. Его чувствительные нервы не выдержали, и он не сумел скрыть своего испуга. Но теперь он ожидает вас и будет настороже. Вам придется бороться с его хитростью, если он не выдумает чего-нибудь похуже. Считаете ли вы себя способной к этому? Если бы не леди Кларинда, он ввел бы вас в величайшее заблуждение насчет миссис Болл.

Это было очевидно, но я была настолько неблагоразумна, что попробовала возражать ему.

– Он рассказал мне только то, что знал. Все, что, по его словам, он видел в коридоре, действительно имело место.

– Он рассказал вам правду, потому что понимал: правда поможет ему подкрепить ваше подозрение. Неужели вы думаете, что он действительно подозревает ее?

– Почему же нет? О том, где была в эту ночь миссис Болл, он знал так же мало, как и я до моей встречи с леди Клариндой. Теперь остается посмотреть, будет ли он удивлен так же, как и я, когда узнает, что рассказала мне леди Кларинда.

Этот ответ произвел действие, которого я не ожидала.

К моему удивлению, мистер Плеймор резко прервал свои рассуждения. Он потерял надежду убедить меня и прямо сказал мне об этом.

– Мне кажется, что все мои доводы бессильны переубедить вас.

– Я не обладаю вашей проницательностью и вашей опытностью, – отвечала я. – Но, к сожалению, я не могу думать так, как думаете вы.

– И вы серьезно намереваетесь отправиться опять к Мизериусу Декстеру?

– Да, я обещала побывать у него опять.

Он подумал немного.

– Так как вы сами оказали мне такую честь, что обратились ко мне за советом, я от всей души советую вам, миссис Макаллан, не исполнять вашего обещания. Этого мало. Я умоляю вас не ездить к Декстеру.

Опять то же самое, что я слышала от моей свекрови, то же самое, что я слышала от Бенджамена и от майора Фитц-Дэвида! Они все были против меня. Я устояла, однако. Вспоминая об этом теперь, я сама удивляюсь своей настойчивости. Мне совестно сознаться, что я ничего не ответила мистеру Плеймору на его дружеские слова. Он ждал ответа, не сводя с меня глаз. Этот пристальный взгляд раздражал меня. Я поднялась и остановилась перед ним с опущенными глазами.

Он тоже встал. Он понял, что совещание окончено.

– Хорошо, хорошо, – сказал он с грустным добродушием. – С моей стороны, может быть, неблагоразумно было ожидать, что такая молодая женщина, как вы, разделит мнение такого старого юриста, как я. Позвольте мне только напомнить вам, что наш разговор до поры до времени должен остаться тайной, и затем перейдем к другому предмету. Не могу ли я сделать что-нибудь для вас? Вы одна в Эдинбурге?

– Нет, я приехала со старым другом, который знает меня с детства.

– Пробудете вы здесь завтрашний день?

– По всей вероятности, пробуду.

– Сделайте мне одолжение. Обдумайте хорошенько наш разговор и приезжайте ко мне завтра утром.

– Очень охотно, мистер Плеймор, хотя бы только для того, чтобы поблагодарить вас за вашу доброту.

После этого мы расстались. Отворяя мне дверь, он вздохнул. Женщины – странные создания. Его вздох подействовал на меня сильнее всех его аргументов. Мне было очень совестно за мое упрямство, когда я вышла из его конторы.

Глава XXXIV ГЛЕНИНГ

– Ага! – сказал Бенджамен довольным тоном. – Юрист тоже считает, что вы поступите очень неосторожно, если отправитесь опять к Декстеру. Умный он, должно быть, человек, этот юрист, и вы, надеюсь, послушаетесь его.

Само собой разумеется, что я не изменила доверию, оказанному мне мистером Плеймором. Я не сказала Бенджамену ни слова об его ужасном подозрении относительно Мизериуса Декстера.

– Вы должны простить меня, мой добрый друг, – сказала я Бенджамену. – Но боюсь, что я потеряла способность руководствоваться чьими бы то ни было советами. Я ехала сюда с искренним намерением поступить так, как посоветует мне мистер Плеймор. Я старалась быть уступчивой и сговорчивой. Но во мне есть что-то, что не хочет покориться. Боюсь, что я отправлюсь опять к Декстеру.

В этот раз даже Бенджамен вышел из терпения.

– Каков в колыбельке, таков и в могилке, – сказал он. – Вы и в детстве были такой упрямницей, что не приведи Бог. И для чего было приезжать сюда? Не лучше ли было сидеть спокойно в Лондоне?

– Нет. Сидя в Лондоне, мы не увидели бы одного места, сильно интересующего меня. Поместье моего мужа в нескольких милях отсюда. Завтра мы едем в Гленинг.

– Туда, где была отравлена бедная миссис Макаллан? – спросил Бенджамен с испугом.

– Да, я хочу видеть комнату, в которой она умерла, и осмотреть весь дом.

Бенджамен скрестил покорно руки на коленях.

– Сколько я ни стараюсь понять новое поколение, – сказал он грустно, – новое поколение остается для меня непостижимой загадкой.

Я написала мистеру Плеймору о моем желании съездить в Гленинг. Дом, в котором совершилась трагедия, омрачившая жизнь моего мужа, был теперь для меня самым примечательным местом на земном шаре, и я должна сознаться, что надежда увидеть Гленинг имела большое влияние на мое решение съездить в Эдинбург. Я послала записку мистеру Плеймору с нарочным и получила самый любезный ответ. Если я могу подождать до послеполудня, когда он освободится от своих дел, то он свозит нас в Гленинг в своей коляске.

В некоторых случаях Бенджамен был так же упрям, как и я. Он решил не иметь ничего общего с Гленингом. Не сказав мне об этом ни слова, пока коляска мистера Плеймора не подъехала к двери гостиницы, он в эту самую минуту вспомнил об одном своем старом друге в Эдинбурге.

– Прошу извинить меня, Валерия, – сказал он. – У меня есть здесь друг по имени Сондерс. Он обидится, если я не буду обедать у него сегодня.

Гленинг, помимо значения, которое он имел для меня, не представлял ничего интересного для путешественников.

Окрестности были красивы и хорошо обработаны. Парк в сравнении с английскими парками казался запущенным и диким. Дом был построен лет семьдесят или восемьдесят тому назад. Снаружи он был прост, как фабрика, и мрачен, как тюрьма. Внутри на всем лежал отпечаток гнетущей пустоты и унылости покинутого жилья. Дом стоял запертый со времени процесса. Попечение о нем было поручено одинокой старой чете, мужу и жене. Когда мистер Плеймор приказал открыть ставни и двери, старик покачал головой с безмолвным и грустным протестом против нашего посещения. Когда мы вошли, в библиотеке и в картинной галерее для предохранения от сырости заключавшихся в них сокровищ топились камин. Глядя на веселый огонь, трудно было отделаться от мысли, что вот сейчас войдут обитатели дома, чтобы погреться у камина. Я поднялась на верхний этаж и осмотрела комнаты, которые были уже знакомы мне по отчету. Вот небольшой кабинет со старыми книгами на полках и дверью, ключ от которой все еще не был отыскан. Вот спальня, в которой страдала и умерла бедная хозяйка Гленинга. Кровать осталась на прежнем месте, в ногах стоял диван, на котором отдыхала сиделка в свободные часы. В индийском бюро, в котором был найден ярлык с крупинками мышьяка, все еще хранилась небольшая коллекция редкостей, перед кроватью стоял больничный стол, на котором бедная больная писала свои поэмы. В комнате было пусто и мрачно, тяжелый воздух,

казалось, был пропитан горем и отчаянием. Я поспешила выйти. Заглянув в комнату, которую занимал Юстас, я перешла в Коридор гостей. Тут была спальня, у двери которой Мизериус Декстер подстерегал миссис Болл, тут был дубовый пол, по которому он скакал на руках вслед за служанкой, одетой в пальто миссис Болл. Везде, куда бы я ни оглянулась, меня встречали воспоминания о покойной и об отсутствующих, везде, куда бы я ни пошла, страшная тишина как будто говорила мне: я храню тайну преступления, я храню тайну смерти.

Уныние, нагоняемое домом, стало наконец нестерпимым. Мне захотелось на чистый воздух, под светлое небо. Мой спутник понял меня.

– Пойдемте, – сказал он. – Посмотрим усадьбу.

В тишине вечера мы побродили по саду и по заброшенным питомникам, заглянули и в огород, заросший сорной травой. Только небольшой клочок земли был тщательно обработан сторожем и его женой. В конце сада, за низким частоколом, была пустая поляна, защищенная с трех сторон деревьями. На краю этой поляны я натолкнулась на мусорную кучу. Величина ее и близость к дому возбудили во мне на минуту безотчетное любопытство. Я остановилась и взглянула внимательно на пыль и золу, на черепки разбитой посуды и куски старого железа. Там торчала старая шляпа, там – изношенный сапог. Вокруг валялись разлетевшиеся клочки бумаги и старых тряпок.

– На что вы смотрите? – спросил меня Плеймор.

– На мусорную кучу.

– В опрятной Англии, – сказал он, – весь этот сор был бы, конечно, давно увезен куда-нибудь подальше. В Шотландии не обращают внимания на мусорную кучу, когда запах ее не достигает дома. К тому же часть ее, просеянная, может служить хорошим удобрением для сада. Здесь об этом некому заботиться. В Гленинге, миссис Макаллан, все, не исключая и мусорной кучи, ожидает хозяйку, которая водворила бы во всем порядок. Кто знает, может быть, когда-нибудь вы будете здесь царицей.

– Я никогда не загляну сюда.

– За будущее нельзя ручаться, – возразил мой спутник. – Время готовит сюрпризы для всех нас.

Мы вернулись и дошли молча до калитки парка, где нас ожидала коляска.

На обратном пути мистер Плеймор завязал разговор, не имевший ничего общего с моей поездкой в Гленинг. Он видел, что мой ум нуждался в отдыхе, и старался развлечь меня. Только когда мы уже подъехали к городу, он заговорил о моем возвращении в Лондон.

– Когда намерены вы уехать из Эдинбурга? – спросил он.

– Завтра утром.

– И вы не отказались от намерений, выраженных вами вчера? – спросил он. – Не они ли побуждают вас к такому поспешному отъезду?

– Да, это так, мистер Плеймор. Если бы я была старше, я была бы, может быть, умнее. Теперь же я должна сознаться, рассчитывая на вашу снисходительность, что я намерена действовать по-своему.

Он ласково улыбнулся и потрепал мою руку, потом лицо его вдруг изменилось, и он поглядел на меня с пристальным вниманием.

– Мы не увидимся больше до вашего отъезда. Позвольте вы мне высказаться откровенно?

– Чем откровеннее, тем лучше, мистер Плеймор. Все, что бы вы ни сказали, только усилит мою благодарность вам за вашу доброту.

– Я скажу вам немного, миссис Макаллан, и я начну с предостережения. Вы были в последний раз у Декстера одна. Не делайте этого больше. Возьмите кого-нибудь с собой.

– Вы думаете, что мне угрожает у него какая-нибудь опасность?

– Не в обычном смысле слова. Я думаю, что присутствие какого-нибудь друга может удержать в приличных границах дерзость Декстера. Он самый наглый из людей. Притом спутник может быть полезен как свидетель, если Декстер скажет или сделает что-нибудь такое, что полезно будет запомнить. Будь я на вашем месте, я взял бы кого-нибудь, кто мог бы делать заметки. Впрочем, я юрист и потому, может быть, слишком подозрителен. Я советую вам только не ездить к Декстеру одной, а у него быть настороже, когда разговор коснется миссис Болл.

– Что вы хотите этим сказать?

– Опыт, любезнейшая миссис Макаллан, научил меня замечать маленькие слабости

человеческой природы. Вы относитесь к миссис Болл с естественной ревностью, и поэтому здравый смысл изменяет вам, когда Декстер пользуется вашим чувством к миссис Болл как средством ввести вас в заблуждение. Не слишком ли свободно я говорю?

– Нисколько. Я считаю ревность к миссис Болл очень унижительным для себя чувством. Мое самолюбие страдает ужасно, когда я думаю об этом. Но здравый смысл заставляет меня сознаться, что вы правы.

– Очень рад, что вы согласны хоть в этом, – заметил он сухо. – Я не теряю надежды убедить вас и в том, что гораздо важнее и что все еще остается спорным вопросом между нами. Я даже рассчитываю, что сам Декстер поможет мне в этом, если не будет препятствий с вашей стороны.

Эти слова заинтересовали меня. Как мог Декстер помочь ему?

– Вы намереваетесь повторить Декстеру все, что сказала вам леди Кларинда. И вы ожидаете, что Декстер будет так же поражен, как были поражены вы, когда узнали правду. Я решаюсь сделать предсказание: Декстер обманет ваши ожидания. Он не выкажет никакого удивления, он начнет уверять вас, что вы были введены в заблуждение умышленным искажением фактов, сказкой, которую придумала сама миссис Болл для сокрытия своей вины. Скажите мне откровенно, если он попытается возобновить таким образом ваше несправедливое подозрение против невинной женщины, поколеблет это ваше доверие к нему?

– Не поколеблет, но уничтожит, мистер Плеймор.

– И прекрасно. Во всяком случае, вы потрудитесь написать мне, и я надеюсь, что не пройдет недели, как мы уже будем с вами одного мнения. Храните в тайне все, что я сказал вам вчера о Декстере, не произносите при нем даже моего имени. При моем теперешнем мнении о нем я согласился бы скорее пожать руку палача, чем руку этого чудовища. Прощайте, да благословит вас Бог.

С этими словами он высадил меня у двери гостиницы.

Глава XXXV ПРЕДСКАЗАНИЕ МИСТЕРА ПЛЕЙМОРА

Мы прибыли в Лондон в девятом часу вечера. Строго методичный во всех своих действиях, Бенджамен телеграфировал из Эдинбурга своей экономке, чтобы к десяти часам был готов ужин и чтобы на станцию был выслан его извозчик.

Подъехав к коттеджу, мы принуждены были обождать минуту, пока от калитки не отъехал какой-то кабриолет. В кабриолете сидел незнакомый мне человек грубой наружности с трубкой во рту. Если бы не этот человек, я, может быть, взгляделась бы пристальнее в кабриолет и пони и узнала бы их. Но я не обратила на них внимания.

Калитку открыла почтенная экономка Бенджамена.

– Слава Богу, – воскликнула она, увидев нас. – Я думала, что вы уж никогда не приедете.

– Разве что-нибудь случилось? – спросил Бенджамен со своим непостижимым спокойствием.

Экономка вздрогнула.

– Я совсем обезумела, сударь, я перестала понимать, что у нас творится, – отвечала она. – Несколько часов тому назад пришел какой-то незнакомый человек и спросил... – Она остановилась, посмотрела с минуту на своего хозяина и обратилась ко мне: – И спросил, когда вас ожидают назад, сударыня. Я передала ему, что телеграфировал хозяин, а он вдруг говорит на это: подождите крошечку, я сейчас вернусь. И он вернулся и притащил с собой что-то такое страшное, что у меня застыла кровь в жилах и я затряслась с головы до ног. Я знаю, что мне не следовало пускать его, но я едва держалась на ногах. И без вашего позволения, мистер Бенджамен, он вошел и пронес свою ношу прямо в вашу библиотеку. И там она оставалась все эти часы, и там она теперь. Я обращалась к полиции, но полиция не хотела вмешаться, а я не могла придумать ничего больше. Не входите одна, сударыня. Вы испугаетесь до смерти.

Я, однако, решила войти. Вспомнив о пони и кабриолете, я легко объяснила себе смысл рассказа экономки. Пройдя столовую, где уже был накрыт стол для ужина, я заглянула в полуотворенную дверь библиотеки.

Да, я не ошиблась. Мизериус Декстер в своем розовом сюртуке и без покрывала сидел в

любимом кресле Бенджамена и, по-видимому, спал. Его странный костюм не соответствовал общепринятым понятиям о приличии, и я не удивляюсь, что экономка, говоря о нем, тряслась с головы до ног.

– Валерия, – спросил Бенджамен, указывая на него, – что это такое? Индийский идол или человек?

Я уже говорила, что слух Мизериуса Декстера был чуток, как слух собаки. Теперь он показал, что и сон его был легок, как сон собаки. Незнакомый голос, хотя вопрос был задан очень тихо, разбудил его мгновенно. Он протер глаза и улыбнулся невинной улыбкой пробуждающегося младенца.

– Как поживаете, миссис Валерия? – спросил он. – Я славно соснул здесь без вас. Вы не знаете, как я рад, что вижу вас опять. А это кто?

Он протер опять глаза и взглянул на Бенджамена. Не зная, как поступить иначе, я представила своего гостя хозяину дома.

– Извините, что я не встаю, сэр, – сказал Декстер. – Я не могу встать по той простой причине, что у меня нет ног. Вы как будто сердитесь, что я занял ваше кресло. Если это не нравится вам, столкните меня своим зонтиком. Я упаду на руки и не буду в претензии. Я готов вынести толчки и брань, но не разбивайте моего сердца, не выгоняйте меня отсюда. Эта прелестная женщина может быть иногда очень жестокой, сэр. Она уехала в то самое время, когда мне было крайне необходимо поговорить с ней, и оставила меня в одиночестве и в тревоге. Я жалкий калека с горячим сердцем и, если хотите, с ненасытным любопытством. Ненасытное любопытство – наказание Божие. Я терпел его, пока мозг не начал кипеть в моей голове. Тогда я позвал своего садовника и заставил его привезти меня сюда. Мне нравится здесь. Воздух вашей библиотеки действует на меня успокоительно, вид миссис Валерии врачует мое истерзанное сердце. Она имеет сказать мне нечто, что я жажду услышать. Если она не слишком устала с дороги и если вы позволите ей поговорить со мной, я обещаю убраться отсюда, как только она кончит. Любезнейший мистер Бенджамен, вы кажетесь мне убежищем страждущих. Я страдаю. Пожмите мне руку, как добрый христианин, и примите меня в это убежище.

Он протянул руку. Его мягкие голубые глаза приняли выражение жалобной мольбы. Совершенно сбитый с толку странной речью Декстера, Бенджамен машинально, как сонный, взял протянутую руку.

– Надеюсь, что вы в добром здоровье, сэр, – сказал он и оглянулся на меня, не зная, что делать.

– Я понимаю мистера Декстера, – шепнула я. – Оставьте меня с ним.

Бенджамен бросил последний робкий взгляд на странное существо, сидевшее в его кресле, поклонился ему с никогда не покидавшей его учтивостью и вышел из комнаты, все еще как бы во сне.

Оставшись вдвоем, мы с минуту глядели друг на друга молча.

Не знаю, уступила ли я бессознательно той снисходительности, с которой женщина всегда относится к нуждающемуся в ней мужчине, или ужасное подозрение мистера Плеймора, казавшееся мне несправедливым, располагало меня к жалости, но в эту минуту я жалела Декстера как никогда прежде, и я не решилась сделать ему выговор, от которого не избавила бы никого другого, кто осмелился бы войти без приглашения в дом Бенджамена.

Он заговорил первый.

– Леди Кларинда уничтожила ваше доверие ко мне, – начал он с жаром.

– Все нет, – возразила я. – Леди Кларинда и не думала об этом. Она не пыталась повлиять на мое мнение. Мне действительно нужно было уехать на несколько дней из Лондона, как я вам сообщала.

Он вздохнул с облегчением и закрыл глаза с таким видом, как будто я освободила его от сильной тревоги.

– Будьте милостивы ко мне, – сказал он. – Расскажите мне все. Я так страдал во время вашего отсутствия. – Он внезапно открыл глаза и взглянул на меня с величайшим интересом. – Вы очень устали с дороги? Я жажду узнать, что случилось на обеде у майора. Не слишком ли жестоко с моей стороны расспрашивать вас, когда вы еще не отдохнули? Только один вопрос сегодня. Остальное я оставлю до завтра. Что сказала вам леди Кларинда о миссис Болл? Все, что вы хотели узнать?

– Все, и даже больше.

– Что еще? – воскликнул он с порывистым нетерпением.

Я вспомнила предсказание мистера Плеймора. Он утверждал, что Декстер будет продолжать обманывать меня и не выкажет никакого удивления, когда я повторю ему рассказ леди Кларинды. Я решила подвергнуть предсказание юриста сильнейшему испытанию. Не предупредив Декстера ни одним словом, я сообщила ему мою новость так быстро и неожиданно, как только могла.

– Особа, которую вы видели в коридоре, была не миссис Болл, – объявила я. – Это была ее служанка, одетая в ее одежду. Миссис Болл отсутствовала в это время в доме, она танцевала на костюмированном балу в Эдинбурге. Леди Кларинда узнала это от ее горничной, а я узнала от леди Кларинды.

Я произнесла эти слова так быстро, как только могла. Мизериус Декстер нисколько не оправдал предсказаний юриста. Он задрожал, глаза его расширились от удивления.

– Повторите ваши слова, – воскликнул он. – Я не могу взять их в толк сразу. Вы ошеломили меня.

Я была более чем довольна результатом, я торжествовала. В споре с мистером Плеймором я держалась снисходительной, христианской точки зрения и оказалась права. Я могла сидеть в одной комнате с Мизериусом Декстером в счастливой уверенности, что не дышу одним воздухом с отравителем. Это одно могло вознаградить меня за поездку в Эдинбург.

Повторяя то, что я уже сказала ему, я прибавила и некоторые подробности, делавшие рассказ леди Кларинды убедительным. Он выслушал меня от начала до конца с напряженным вниманием, повторяя про себя некоторые из моих слов, как будто для того, чтобы хорошенько понять и запомнить их.

– Что сказать на это? Что делать теперь? – спросил он тоном безнадежного отчаяния. – Я не могу не верить. Как это ни странно, но вся эта история выглядит достоверно.

Что чувствовал бы мистер Плеймор, если б услышал эти слова? Считая его хорошим человеком, я полагала, что ему было бы очень стыдно за себя.

– На это нечего сказать, кроме того, что миссис Болл невинна и что мы с вами были очень виноваты перед ней, – сказала я. – Согласны вы со мной?

– Я вполне согласен с вами, – ответил он без малейшего колебания. – Миссис Болл невиновна. Стало быть, защитники вашего мужа в суде доказывали правду.

И он скрестил руки, по-видимому, вполне довольный своим заключением.

Я не могла согласиться с ним. К моему смущению, я на этот раз оказалась менее благоразумной, чем он.

Мизериус Декстер сделал больше того, на что я рассчитывала. Он не только опроверг предсказание мистера Плеймора, но пошел дальше, чем я ожидала. Я признавала невинность миссис Болл, но признать, что защитники моего мужа были правы, значило отказаться от надежды доказать его невинность, а эта надежда была так же дорога мне, как моя любовь, как моя жизнь.

– Говорите за себя, – возразила я. – Что касается меня, я не изменила своего мнения о защите.

Он встrepенулся и нахмурил брови, как будто я обманула его ожидания и рассердила его.

– Не хотите ли вы сказать, что вы не отказываетесь от своих планов?

– Да, я не отказываюсь от своих планов.

Он решительно рассердился на меня, и его обычная учтивость изменила ему.

– Нелепо! Невозможно! – воскликнул он презрительно. – Вы сами сказали, что миссис Болл невиновна. Разве можно заподозрить еще кого-нибудь? Об этом смешно и спрашивать! Остается только смириться с фактами. Нельзя оспаривать того, что ясно, как день. Вы должны отказаться от своих планов.

– Вы можете сердиться на меня, если угодно, мистер Декстер. Ни гнев ваш, ни ваши аргументы не заставят меня отказаться от моих планов.

Он овладел собой. Когда он заговорил опять, тон его был спокоен и учтив.

– Извините меня, если я на минуту предамся собственным мыслям, – сказал он. – Мне нужно сделать нечто важное.

– Что именно, мистер Декстер?

– Я хочу поставить себя в положение миссис Болл и думать умом миссис Болл, – сказал он. – Оставьте меня на минуту. Благодарю вас.

Что хотел он сказать? Какая новая перемена происходила в нем на моих глазах? Что это за загадочный человек? Глядя на него теперь, когда он углубился в свои новые идеи, трудно было представить, что это то самое существо, которое только что проснулось с таким невинным видом и поразило Бенджамена своей нескладной ребяческой речью. Говорят, что в каждом человеческом характере много сторон. Многие стороны характера Декстера выказывались одна за другой с такой быстротой, что я потеряла им счет.

Он поднял голову и устремил на меня пытливый взгляд.

– Я вышел из состояния миссис Болл, – объявил он. – И вот что я скажу вам. Мы с вами слишком пылкие люди, и мы несколько поспешили со своим заключением.

Он остановился. Я не сказала ничего. Не явилась ли у меня тень подозрения против него? Я ждала и слушала.

– Я по-прежнему вполне убежден, что леди Кларинда рассказала вам правду, – продолжал он. – Но, подумав, я увидел то, чего не видел прежде. Ее рассказ допускает два объяснения: одно – поверхностное, другое – более глубокое. Ради ваших интересов я заглянул вглубь, и мне кажется возможным, что миссис Болл имела достаточно хитрости, чтобы отклонить от себя подозрение, выставив на вид свое alibi.

Мне совестно сознаться, что я не знала значения последнего слова. Он заметил, что я не поняла его, и высказался яснее.

– Не была ли служанка более, чем пассивной соучастницей своей госпожи? Не была ли она исполнительницей ее замысла? Не шла ли она дать первую дозу мышьяка, когда я видел ее в коридоре? И не провела ли миссис Болл эту ночь в Эдинбурге для того только, чтобы ее отсутствие послужило ей оправданием, если подозрение падет на нее?

Мое смутное подозрение определилось, когда я услышала эти слова. Права ли я была, защищая его? Не пытается ли он возобновить мое подозрение против миссис Болл, как предсказал юрист? В этот раз я не могла не ответить ему.

– Странное предположение, мистер Декстер.

К моему облегчению, он не стал поддерживать свою новую идею.

– Может быть, и странное, – согласился он. – Я сказал только, что это возможно, я не стою за свою идею, я придал ей, может быть, больше значения, чем она стоит. Отбросьте ее как смешную. Но в таком случае что думаете вы делать? Если миссис Болл невиновна в отравлении (своей рукой или рукой служанки), то кто же виновен? Миссис Болл невиновна, Юстас невиновен. Кого еще можете вы заподозрить? Не меня ли? – крикнул он со сверкающими глазами. – Можете ли вы, может ли кто-нибудь подозревать меня? Я любил ее, я обожал ее, я перестал быть самим собой после ее смерти. Слушайте! Я доверю вам тайну. Не говорите вашему мужу, это может расстроить нашу дружбу. Когда она еще не знала Юстаса, я готов был жениться на ней, если бы она согласилась выйти за меня. Когда доктора сказали мне, что она умерла отравленная, спросите доктора Джерома, как я был поражен, – он видел. Я не спал всю ночь, ожидая возможности пробраться в ее комнату. Наконец это удалось мне, и я простился с останками ангела, которого обожал. Я плакал над ней, я поцеловал ее в первый и в последний раз. Я похитил маленький локон ее волос. Я ношу его с тех пор на груди и целую его днем и ночью. О Боже, я вижу опять эту комнату, я вижу опять это мертвое лицо. Взгляните, взгляните!

Он снял с шеи небольшой медальон, бросил его мне и залился слезами.

Мужчина на моем месте, может быть, сохранил бы самообладание. Но я женщина, и я поддалась великодушному порыву. Я встала и подошла к Декстеру. Я отдала ему медальон и безотчетно положила руку на его плечо.

– Я не способна подозревать вас, мистер Декстер, – сказала я. – Я жалею вас всем сердцем.

Он схватил мою руку и покрыв ее поцелуями. Губы его жгли меня, как огонь. Он быстро повернулся в кресле и обнял мою талию. В ужасе и негодовании, тщетно стараясь освободиться от него, я позвала на помощь.

Дверь открылась, и на пороге показался Бенджамен. Декстер оставил меня.

Я подбежала к Бенджамену и помешала ему войти в комнату. Я с детства знала старого друга моего отца, но еще никогда не видела его таким рассерженным. Терпеливый, кроткий старик, он был бледен от ярости. Я должна была употребить всю свою силу, чтобы удержать его

у двери.

– Вы не тронете калеку! – крикнула я. – Пошлите сказать его слуге, чтобы он взял его отсюда.

Я увела Бенджамена из комнаты и заперла дверь библиотеки. Экономка была в столовой. Я послала ее позвать человека, сопровождавшего Декстера. Он пришел. Бенджамен молча отпер ему дверь библиотеки. Я не могла преодолеть недостойного побуждения, я заглянула в дверь. Мизериус Декстер сидел, согнувшись в кресле. Слуга, этот грубый с виду человек, взял своего господина на руки с нежностью, удивившей меня.

– Спрячьте мое лицо, – сказал ему Декстер разбитым голосом.

Слуга распахнул сюртук, закрыл голову своего господина и, прижав его к груди, вынес из дома, как мать, защищающая своего младенца.

Глава XXXVI АРИЭЛЬ

Я провела бессонную ночь.

Нанесенное мне оскорбление само по себе было отвратительно, но связанные с ним последствия могли принести серьезные осложнения. Могла ли я позволить себе, хотя бы ради интересов моего мужа, видеться с человеком, так дерзко оскорбившим меня? Одна мысль о свидании с ним возмущала меня.

Я встала поздно и села к письменному столу, тщетно стараясь собраться с духом и написать мистеру Плеймору.

Около полудня, когда Бенджамен ушел ненадолго из дома, экономка пришла объявить мне, что у калитки сада стоит какая-то странная посетительница, желающая видеть меня.

– Это женщина, сударыня, если я не ошиблась, – сообщила она мне таинственно, – большое, неуклюжее, глупое создание в мужской шляпе и с мужской тростью в руке. Она говорит, что принесла вам письмо и не отдаст его никому, кроме вас. Не лучше ли прогнать ее? Как вы полагаете?

Узнав по описанию, кто была странная посетительница, я удивила экономку, поручив ей ввести ее немедленно.

Ариэль вошла, по обыкновению, молча, но я заметила в ней перемену, поразившую меня. Ее бессмысленные глаза были красны, и мне показалось, что на ее толстых щеках были следы слез. Походка ее не отличалась обычной твердостью, когда она подходила ко мне. Неужели Ариэль способна плакать? Возможное ли дело, чтобы она пришла ко мне в горе или в страхе?

– Я слышала, что вы принесли мне письмо, – сказала я. – Не хотите ли сесть?

Не ответив мне, не приняв моего приглашения сесть, она молча протянула мне конверт. Я разорвала его. Письмо было от Декстера. Вот оно:

«Постарайтесь пожалеть меня, если в Вас осталось хоть сколько-нибудь жалости к несчастному человеку. Я заплатился жестоко за минутное безумие. Если бы Вы могли видеть меня, Вы согласились бы, что я наказан достаточно. Ради Бога, не покидайте меня. Я был вне себя, когда позволил себе обнаружить чувство, которое Вы возбудили во мне. Я никогда не забудусь опять, мое чувство к Вам останется тайной, которая умрет со мной. Могу ли я рассчитывать, что Вы поверите этому? Если Вы когда-нибудь согласитесь повидаться со мной, возьмите с собой кого-нибудь, кто мог бы служить Вам защитником. Я заслужил это, я покорюсь этому, я буду ждать, пока время не успокоит Вашего гнева. Я прошу Вас теперь только об одном – оставьте мне надежду. Скажите Ариэль: «Я прощаю его и когда-нибудь позволю ему повидаться со мной». Она запомнит это из любви ко мне. Если же Вы отпустите ее без этого поручения, знайте, что Вы обречете меня на безумие. Спросите ее, если не верите мне.

Мизериус Декстер».

Прочитав письмо, я взглянула на Ариэль.

Она стояла, опустив глаза в пол и протянув мне трость, которую принесла с собой.

– Возьмите палку, – были первые слова, которые она сказала мне.

– Для чего?

Она сделала усилие над своим слабым умом и медленно облекла свои мысли в слова.

– Вы сердитесь на хозяина. Сорвите злость на мне. Вот палка. Бейте меня.

– Бить вас! – воскликнула я.

– Моя спина широкая, – сказала бедная девушка. – Я не буду кричать. Я вытерплю. Не мучайте только его. Берите палку. Бейте меня.

Она сунула палку мне в руки и в ожидании ударов повернулась ко мне спиной. Страшно и трогательно было смотреть на нее. У меня выступили слезы на глазах. Я начала разубеждать ее кротко и терпеливо. Тщетная попытка. Мысль вытерпеть самой наказание, заслуженное ее господином, крепко засела в ее голове.

– Не мучайте его, – повторила она. – Бейте меня.

– Что значит – не мучить его?

Она хотела ответить, но не сумела и объяснила мне смысл своих слов жестами. Она подошла к камину, скорчилась на ковре, устремила на огонь страшный, сосредоточенный взгляд, сжала голову руками и начала медленно раскачиваться из стороны в сторону.

– Вот как он сидит! – воскликнула она. – Сидит так час за часом, никого не замечает, все плачет о вас.

Представленная ею картина напомнила мне заключение доктора о состоянии здоровья Декстера и прямое предсказание опасности, ожидающей его впереди. Если бы даже я могла устоять против ходатайства Ариэль, я должна была бы уступить овладевшему мной страху, чтобы случившееся не имело дурных последствий для Декстера.

– Перестаньте! – воскликнула я. (Ариэль все еще раскачивалась из стороны в сторону и не отводила глаз от огня.) – Встаньте, пожалуйста, я перестала сердиться на него, я прощаю его.

Она приподнялась, оперлась на руки и на колени и в этой собачьей позе обратилась ко мне со своей обычной просьбой, когда хотела понять хорошенько то, что ей было сказано.

– Повторите ваши слова.

Я исполнила ее просьбу, но она не удовлетворилась.

– Скажите это так, как написано в письме, так, как говорил хозяин, – попросила она.

Я сверилась с письмом и сказала:

– Я прощаю его и когда-нибудь позволю ему повидаться со мной.

Она вскочила. Глаза ее, в первый раз с тех пор как она вошла в комнату, приняли осмысленное, радостное выражение.

– Вот теперь так! – воскликнула она. – Послушайте, верно ли я запомнила.

Я начала учить ее, как ребенка, и мало-помалу, слово за словом, она запомнила мое поручение.

– Теперь отдохните, – сказала я. – Хотите подкрепиться чем-нибудь?

Она не обратила никакого внимания на мои слова. Она подняла с пола свою трость и удовлетворенно пробурчала:

– Я выучила теперь твердо. Это успокоит хозяина.

С этими словами она выскользнула из комнаты, как дикий зверь из клетки. Я последовала за ней, но она уже вышла из калитки и шла таким быстрым шагом, что гнаться за ней было бы бесполезно.

Я вернулась в гостиную и задумалась над вопросом, давно смущавшим меня. Может ли человек вполне порочный внушить такую преданную любовь к себе, какую Декстер внушил этой женщине и садовнику, который обращался с ним так нежно? Бесполезный вопрос. Самый отъявленный негодяй всегда имеет друга в женщине или в собаке.

Я села опять к письменному столу, чтобы написать мистеру Плеймору.

Припоминая все, что сказал мне накануне Декстер, я остановилась с особым интересом на его внезапном признании в любви к покойной миссис Макаллан. Я вообразила себе спальню с мертвым телом и плачущего над ним калеку. Эта страшная картина овладела моим воображением. Я встала и начала ходить по комнате, стараясь обратить мысли на что-нибудь другое. Напрасно: картина была слишком живая, чтобы я могла избавиться от нее. Я видела спальню и кровать, на которой лежала покойница, я видела коридор, по которому Декстер шел проститься с ней в последний раз.

Коридор? Я остановилась. Мысли мои внезапно, без участия моей воли, приняли новое направление.

Какая другая сцена была связана в моей памяти с коридором? Что-то я видела, когда была в Гленинге? Нет. Что-то я знала из отчета? Я схватила книгу. Она открылась на странице, занятой показаниями сиделки. Я перечла их с самого начала, но забытое воспоминание не оживлялось, пока я не дошла до следующих строк в самом конце:

«Прежде чем лечь в постель, я пошла наверх, чтобы убрать тело покойницы. Дверь из спальни в коридор была заперта, также как и дверь из спальни мистера Макаллана. Ключи, как мне сказали, были взяты мистером Голлом. У дверей стояли на страже двое из слуг. Их обещали освободить в четыре часа – это все, что они знали».

Вот мое забытое представление о коридоре! Вот что мне следовало припомнить, когда Мизериус Декстер рассказывал мне о своем прощании с покойницей!

Как попал он в спальню, если двери были заперты и ключи унесены мистером Голлом? Была только одна дверь, ключ от которой не мог взять мистер Голл, дверь между спальней и кабинетом. Ключ от этой двери был неизвестно где. Не был ли он украден, и не украл ли его Декстер? Положим, что слуги могли заснуть или что Декстер пробрался в спальню в ту минуту, когда их сменяли другими. Но двери были заперты, и он не мог попасть в спальню иначе, как через дверь кабинета. А для этого он должен был иметь ключ от этой двери, он должен был завладеть им задолго до смерти миссис Макаллан, потому что седьмого октября, когда сиделка прибыла в Гленинг, ключа уже не было в двери.

К какому заключению приводили эти соображения и открытия? Не выдал ли себя Мизериус Декстер в минуту сильного волнения? Не был ли исчезнувший ключ ключом к открытию тайны отравления в Гленинге?

Я вернулась в третий раз к письменному столу. Единственный человек, от которого я могла ждать ответа на эти вопросы, был мистер Плеймор. Я написала ему подробный и тщательный отчет обо всем случившемся, я попросила его простить и забыть мое прошлое неуважение к его добрым советам и обещала не предпринимать ничего в моем новом затруднении, не узнав наперед его мнения.

День был прекрасный. Прогулка могла принести мне пользу после моих утренних занятий и тревожений, и я снесла письмо на почту сама.

Возвратясь домой, я узнала, что меня ожидает новая посетительница, моя свекровь миссис Макаллан.

Глава XXXVII У ПОСТЕЛИ

Она не успела еще ничего сказать, а я уже поняла по ее лицу, что приехала она с плохими вестями.

– Юстас? – спросила я.

Она опустила глаза.

– Говорите прямо, – воскликнула я. – Я могу вынести все, кроме неизвестности.

Миссис Макаллан подняла руку и показала мне телеграмму, которую до сих пор держала под складкой платья.

– Я полагаюсь на ваше мужество, дитя мое, – сказала она. – Прочтите.

Я взяла телеграмму. Она была послана из небольшого селения на севере Испании главным хирургом походного госпиталя.

«Мистер Юстас серьезно ранен в боевой стычке ружейным выстрелом. Опасности пока нет. Уход тщательный. Ожидайте следующей телеграммы».

Я отвернулась. Что я вытерпела в эту минуту, не передать никакими словами. Я только сейчас поняла всю силу моей любви к мужу.

Миссис Макаллан обняла меня и нежно прижала к себе. Она знала меня достаточно, чтобы не пытаться утешать меня в эту минуту.

– Вы намерены ждать? – спросила я.

– Ни одного дня. Я отправляюсь сейчас в министерство иностранных дел за паспортом. Кроме того, я могу получить там письма и советы. Я уезжаю сегодня с почтовым пароходом в Кале.

– Вы уезжаете? – возразила я. – Неужели вы думаете, что я не поеду с вами? Возьмите паспорт и для меня. В семь часов вечера я буду у вас.

Она попробовала отговорить меня, сказала что-то об опасности поездки. Я прервала ее на первых же словах.

– Разве вы еще не знаете, матушка, как я упряма? Вас могут задержать в министерстве. Зачем терять напрасно драгоценное время?

Она уступила с необычайной для нее кротостью.

– Узнает ли когда-нибудь мой бедный Юстас, какую жену послал ему Бог? – вот все, что она сказала.

Она поцеловала меня и уехала.

Мои воспоминания о нашей поездке чрезвычайно смутны.

Когда я стараюсь припомнить наши приключения в Испании, в моей памяти встают позднейшие и более интересные события, случившиеся после моего возвращения в Англию, и все предшествовавшее им начинает казаться мне делами давно минувших дней. Я смутно припоминаю задержки и опасности, испытывавшие наше терпение и наше мужество. Я помню, что благодаря рекомендательным письмам мы нашли друзей в секретаре посольства и в уполномоченном ее величества, которые защитили нас и оказали нам содействие в самом критическом пункте нашего путешествия. Я припоминаю длинную вереницу людей, помогавших нам во время путешествия. Наконец, яснее всего остального я помню спальню в бедной деревенской гостинице, где наш бедный больной пребывал между жизнью и смертью, безразличный к тому, что происходило в маленьком мире, окружавшем его постель.

В событии, поставившем в опасность жизнь моего мужа, не было ничего романтического. Он подошел слишком близко к месту, где происходила перестрелка, намереваясь спасти одного бедного молодого человека, который лежал раненный, смертельно раненный, как оказалось впоследствии, и был сам настигнут ружейной пулей. Товарищи по госпиталю унесли его на свою квартиру с риском для собственной жизни. Они все очень любили его. Терпеливый, кроткий, мужественный, он был бы самым полезным членом братства, если бы только не его безрассудная смелость.

Рассказав мне все это, доктор прибавил внимательное и деликатное предостережение.

Рана вызвала горячку, сопровождавшуюся, по обыкновению, беспамятством. Ум моего мужа, как можно было заключить из его несвязных речей, был занят исключительно мыслями о жене. Доктор слышал достаточно, чтобы прийти к выводу, что внезапная встреча со мной, когда Юстас придет в себя, может иметь прискорбные последствия. Пока он в беспамятстве, что может продлиться еще несколько недель, я могу ухаживать за ним без всякого риска, но, когда он придет в себя, если только это когда-нибудь случится, я должна буду удалиться и не показываться ему, пока доктор не даст на это своего разрешения.

Дни и ночи моя свекровь и я аккуратно сменяли одна другую у постели больного.

В часы бреда, возвращавшиеся с беспощадной аккуратностью, мое имя было постоянно на воспаленных устах моего милого. Умом его владела прежняя навязчивая идея. Он был убежден, что из-за вердикта, вынесенного шотландскими присяжными, даже жена его не может быть уверена в его невиновности. Все дикие картины, которые рисовало ему его горячее воображение, были внушены этим упорным заблуждением. Он воображал, что я все еще живу с ним и что при всяком его поступке я напоминаю ему об ужасном несчастье, омрачившем его жизнь. Он играл свою роль и мою. Он подавал мне чашку чая, а я говорила ему: «Мы поссорились вчера, Юстас, не яд ли это?» Он целовал меня в знак примирения, а я смеялась и говорила: «Теперь утро, милый мой, не умру ли я сегодня вечером?» Я лежала больная; и он подавал мне лекарство. Я глядела на него с сомнением и говорила: «Ты влюблен в другую женщину. Нет ли в этом лекарстве чего-нибудь, о чем доктор не знает?» Такова была ужасная драма, непрерывно разыгрывавшаяся в его уме. Одни и те же разговоры он повторял бесчисленное

число раз. Иногда мысли его обращались на мое отчаянное намерение оправдать его. Он то смеялся над этим, то придумывал хитрые планы, чтобы остановить меня непредвиденными препятствиями. Он был особенно жесток со мной, когда пытался помешать мне. Он советовал своим воображаемым сообщникам оскорблять и пугать меня без зазрения совести. «Пусть она сердится, пусть она плачет, – говорил он, – все это для ее же пользы. Это спасет ее от худшего. Смотрите! Она обречена на оскорбления, на обманы, на бесчестье, сама того не подозревая. Спасите ее! Спасите ее!» Сознаюсь, что многие часы, проведенные мной у постели моего мужа, были часами раскаяния и упадка духа, единственной и невинной причиной которых был он.

Прошло несколько недель, а он все еще находился между жизнью и смертью.

Я не следила за ходом времени и не могу припомнить точно, какого числа обнаружилась первая перемена к лучшему. Я помню только, что это было в прекрасное зимнее утро на рассвете. Когда больной проснулся, доктор был случайно у его постели. Взглянув на него, доктор поспешил сделать мне знак, чтобы я молчала и не показывалась мужу. Моя свекровь и я, обе поняли, что это значило, и горячо поблагодарили Бога – одна за возвращение сына, другая – мужа.

В тот же вечер, оставшись вдвоем, мы заговорили, впервые с тех пор как уехали из отечества, о будущем.

– Доктор говорит, – сказала миссис Макаллан, – что пройдет еще несколько дней, прежде чем Юстас будет в состоянии вынести что-нибудь неожиданное. Мы еще успеем обдумать, следует ли сказать ему, что он обязан спасением своей жизни столько же вашим заботам, как моим. Неужели у вас хватит духу, Валерия, покинуть его после того, как милосердие Божье возвратило его вам и мне?

– Если бы я могла руководствоваться только зовом своего сердца, я не покинула бы его никогда, – ответила я.

Миссис Макаллан взглянула на меня с изумлением.

– Я должна думать о его будущем и о своем, – продолжала я. – Я могу вынести многое, матушка, но не вынесу, если он покинет меня вторично.

– Вы несправедливы к нему, Валерия, я твердо уверена, что вы несправедливы к нему, считая его способным покинуть вас опять.

– Милая матушка, разве вы забыли, что он говорил обо мне, когда мы с вами сидели у его постели?

– Но ведь это был горячечный бред. Не жестоко ли ставить в вину Юстасу то, что он говорил в бреду?

– Еще более жестоко спорить с его матерью, когда она ходатайствует за него, – возразила я. – Мой милый, мой лучший друг! Я не ставлю ему в вину то, что он говорил в беспамятстве, я только принимаю это в соображение. Его бред был верным отголоском того, что он говорил мне, будучи здоровым. Могу ли я надеяться, что он изменится по отношению ко мне, когда выздоровеет? Ни разлука, ни страдания не поколебали его мнения обо мне. Как в горячечном бреду, так и в полном рассудке он одинаково сомневается во мне. Я вижу только одно средство заставить его вернуться ко мне. Я должна уничтожить причину, побудившую его покинуть меня. Убеждать его, что я уверена в его невинности, бесполезно. Я должна уничтожить необходимость убеждать его в этом, я должна добиться его оправдания.

– Валерия! Вы тратите даром и слова и время. Вы уже пытались доказать его невинность и знаете теперь так же хорошо, как и я, что это невозможно.

Мне нечего было ответить на это. Все, что я могла сказать, было уже сказано.

– Положим, что из сожаления к сумасшедшему, жалкому негодяю, который уже оскорбил вас, вы отправитесь к нему опять. Вы можете съездить к нему со мной или с каким-нибудь другим провожатым, на которого можно положиться. Но к чему это поведет? Вы посидите с ним немного, чтобы успокоить его большое воображение, и уедете без всякой пользы для себя. Если даже Декстер все еще способен помочь вам, можете ли вы воспользоваться его помощью? Для этого вы должны были бы возобновить с ним прежние дружеские, доверчивые отношения. Отвечайте мне прямо: неужели вы можете принудить себя к этому после того, что случилось в доме мистера Бенджамена?

Естественное доверие, которое она внушила мне, побудило меня рассказать ей о моем последнем свидании с Декстером. И вот как она воспользовалась своими сведениями! Но я не

имела права осуждать ее. Мне оставалось или рассердиться или ответить. Я созналась, что никогда не буду в состоянии обращаться с Декстером как с другом.

Миссис Макаллан безжалостно воспользовалась выигранным преимуществом.

– Хорошо, – сказала она. – Так как этот путь уже закрыт для вас, на что вы надеетесь? Куда намерены вы обратиться?

В моем тогдашнем положении у меня не было ответа на эти вопросы. Я промолчала, а миссис Макаллан нанесла новый удар, довершивший ее победу.

– Мой бедный Юстас малодушен и своеволен, но его нельзя упрекнуть в неблагодарности. Вы отплатили ему добром за зло. Вытерпев ради него столько опасностей и лишений, вы доказали, как неизменно и преданно вы любите его. Доверьтесь мне и ему. Он не устоит. Пусть он только увидит милое лицо, полное прежней любви к нему, и он будет ваш на всю жизнь, дитя мое. – Она встала, подошла ко мне и поцеловала меня в лоб. В голосе ее слышалась такая нежность, какой она еще не выказывала мне. – Скажите «да», Валерия, – и вы будете для меня и для него еще милее и ближе.

Мое сердце держало ее сторону. Моя энергия была истощена. От мистера Плеймора не было никаких известий. Некому было ободрить и поддержать меня. Я сопротивлялась так долго и тщетно, я вытерпела столько тяжелых неудач и разочарований! И вдобавок Юстас был в одном доме со мной, он только начинал возвращаться к жизни. Могла ли я устоять? Сказав «да», я должна была проститься с самой заветной мечтой моего честолюбия, с самой благородной надеждой моей жизни. Я знала это и сказала: «да».

Конец благородной борьбе! Я решилась покориться, я решилась признать себя побежденной.

Моя свекровь и я спали в единственном убежище, которое могли найти в гостинице, в маленькой каморке под самой крышей. Ночь, следовавшая за нашим разговором, была очень холодная. Мы зябли, несмотря на теплые блузы и дорожные пледы. Моя свекровь спала, но я не могла заснуть. Я думала о моем изменившемся положении и была слишком взволнована и слишком несчастна, чтобы заснуть.

Прошло несколько часов, и я все еще была погружена в грустные размышления, когда вдруг почувствовала новое и странное ощущение, которое удивило и испугало меня. Я вскочила с постели, едва дыша от волнения. Мое движение разбудило миссис Макаллан.

– Что с вами? – спросила она. – Не больны ли вы?

Я объяснила ей как умела, что я чувствовала. Она поняла меня прежде, чем я договорила. Она нежно обняла меня и прижала к груди.

– Мое бедное, невинное дитя, – сказала она. – Неужели вы не знаете, и я должна сказать вам?

Следующие слова она сказала шепотом. Забуду ли я когда-нибудь борьбу чувств, которые возбудили во мне эти слова, странную смесь радости и страха, удивления и облегчения, гордости и смирения, наполнившие все мое существо и сделавшие меня с этой минуты другой женщиной? Я узнала, что если Господь продлит мою жизнь, через несколько месяцев я получу самую прочную и самую священную из земных радостей – радость быть матерью.

Не знаю, как прошла остальная часть ночи. Я помню только, что, когда настало утро, я вышла подышать свежим холодным воздухом на открытую поляну, расстилавшуюся за гостиницей.

Утро пробудило во мне новую решимость и новое мужество. Я узнала, что теперь мне придется думать не только о муже. Его доброе имя было теперь не его и моим только именем, оно могло сделаться скоро самым священным наследием, какое он мог оставить своему ребенку. Что я сделала, когда еще не знала этого? Я отказалась от надежды освободить его имя от лежавшего на нем пятна, от постыдного пятна, как бы ни было оно незначительно в глазах закона. Со временем наш ребенок может услышать от злых языков: «Твой отец судился за самое гнусное из преступлений и не был оправдан». Как буду я смотреть в глаза своему ребенку? Я должна сделать еще одну попытку воздействовать на совесть Мизериуса Декстера, я должна возобновить борьбу и доказать свету невинность моего мужа и отца моего ребенка.

Я вернулась домой, одушевленная новой решимостью. Я открыла свое сердце моему другу и матери, я сказала ей, какая перемена произошла во мне после нашего последнего разговора.

Она была разочарована, она была почти оскорблена. Новое счастье, ожидавшее нас

впереди, могло, по ее словам, составить новую связь между мной и мужем. Всякие другие соображения казались ей пустыми фантазиями. Если я покину теперь Юстаса, сказала она, я поступлю бессердечно и глупо и буду до конца жизни раскаиваться, что упустила этот случай сойтись опять с мужем.

Я вынесла тяжелую борьбу, я мучилась ужасными сомнениями, но я не уступила на этот раз. Я старалась не забывать ни на минуту, что дело идет о чести отца, о наследии ребенка. Но по временам и эта мысль теряла свою силу, я падала духом и начинала плакать, потом сама стыдилась своего малодушия. Но мое природное упрямство, как выразилась миссис Макаллан, помогло мне выдержать эту борьбу до конца. Время от времени, когда Юстас засыпал, я ходила посмотреть на него, и, хотя сердце мое сжималось от горя при взгляде на него, эти тайные посещения тем не менее служили мне поддержкой. Я не берусь объяснить это противоречие, я привожу его только как факт.

Я сделала свекрови только одну уступку. Я согласилась подождать два дня, прежде чем предпринять что-нибудь для возвращения в Англию.

И я хорошо сделала, что согласилась подождать. На другой день директор походного госпиталя послал на почту в ближайший город за письмами. Посланный принес мне письмо. Почерк показался мне знакомым, и я не ошиблась. Ответ мистера Плеймора дошел наконец до меня. Письмо ободрило меня, укрепило мою решимость продолжать борьбу в тот момент, когда я особенно нуждалась в дружеской поддержке, Он писал:

«...Теперь позвольте мне рассказать Вам, что я сделал для того, чтобы проверить вывод, к которому приводит Ваше письмо.

Я отыскал одного из слуг, стоявших на страже у дверей в ночь смерти первой миссис Макаллан. Этот человек ясно помнит, что Мизериус Декстер внезапно появился перед ним и его товарищем много спустя после того, как дом успокоился на ночь. Декстер сказал им: «Я думаю, что мне можно пойти почитать в кабинет. Я не могу спать после случившегося. Мне нужно развлечься чем-нибудь». Слугам не было приказано охранять кабинет. Они знали, что дверь между кабинетом и спальней заперта и что ключи от других дверей унесены мистером Голлом. Они пустили Декстера в кабинет. Он вошел, запер за собой дверь и пробыл некоторое время – в кабинете, как полагали слуги, – в спальне, как мы с Вами знаем из того, что он рассказал Вам во время своего последнего свидания с Вами. Войти же в спальню, как Вы правильно рассуждаете, он мог не иначе как обладая пропавшим ключом. Как долго он пробыл там, я не знаю, но это неважно. Слуга помнит только, что он вышел из кабинета бледный как смерть и ушел в свою комнату молча.

Вот факты. Вывод, к которому они приводят, имеет чрезвычайно важное значение. Он подтверждает то, что я сказал Вам в моей эдинбургской конторе. Я не скажу ничего более.

Теперь о Вас. Вы, не желая того, пробудили в Мизериусе Декстере чувство. В Вашей фигуре и в некоторых Ваших движениях есть действительно что-то такое, что напоминает покойную миссис Макаллан тем, кто знал ее хорошо. Это сходство, очевидно, имеет влияние на Декстера. Позвольте мне напомнить Вам, что он показал себя неспособным обдумывать свои слова в Вашем присутствии. Возможно, и даже весьма вероятно, что он скомпрометировал бы себя еще более, если бы Вы дали ему случай к этому. Зная Ваши интересы, я считаю себя обязанным высказаться на этот счет откровенно. Я не сомневаюсь, что Вы сделали шаг вперед к Вашей цели с тех пор, как уехали из Эдинбурга. Я заключил из Вашего письма и из моих собственных открытий, что Декстер поддерживал тайные отношения с покойной леди (с ее стороны это было, конечно, совершенно невинно) и что он не только входил в ее комнату после ее смерти, но, может быть, был там не раз в течение последних недель ее жизни; Я не скрываю ни от себя, ни от Вас моего твердого убеждения, что если бы Вы открыли, каковы были эти отношения, то Вы, по всей вероятности, нашли бы возможность доказать невинность вашего мужа. Как честный человек, я обязан сказать это Вам. С другой стороны, как честный человек, я обязан прибавить, что я не могу взять на себя смелость посоветовать Вам повидаться опять с Декстером. Я не

могу и не хочу взять на себя такую ответственность. Окончательное решение должно быть предоставлено Вам. Я прошу Вас только об одном одолжении: сообщите мне Ваше решение, когда примете его».

Затруднения, страшившие моего почтенного корреспондента, для меня не существовали. Мое решение было принято прежде, чем я дочитала его письмо до конца.

Почта во Францию отходила на следующий день. Я могла, если бы захотела, пользуясь протекцией кондуктора, получить место в почтовом экипаже. Не посоветовавшись ни с одним живым существом, решительная, как всегда, опрометчивая, как всегда, я решилась.

Глава XXXVIII НА ОБРАТНОМ ПУТИ

Если бы я уехала из испанской гостиницы в собственном экипаже, остальные главы моего рассказа не были бы написаны. Не прошло бы и часа, как я приказала бы кучеру вернуться назад.

Я была тверда, когда не обратила внимания на сомнения и предостережения мистера Плеймора. Я была тверда, когда устояла против просьб и убеждений моей свекрови. Я была тверда, когда взяла место в дилижансе, отправлявшемся во Францию. Но минут десять спустя после того, как мы отъехали от гостиницы, мое мужество начало колебаться, еще немного позже оно совсем покинуло меня, и я сказала себе: «Несчастливая, ты решилась бросить мужа!» В продолжение нескольких часов после этого я охотно остановила бы экипаж, если бы могла. Я ненавидела кондуктора, добрейшего человека, я ненавидела испанских пони, которые бодро везли меня вперед, позванивая колокольчиками, я ненавидела светлый день, придававший радостный вид всему, что окружало меня, я ненавидела свежий воздух, которым должна была дышать с наслаждением, вопреки моей воле. Ни одно путешествие не было для меня столь неприятным, как мое удобное и безопасное путешествие до границы. Одно только утешение было у меня – прядь волос Юстаса. Я уехала рано утром, когда он еще спал. Я могла перед отъездом войти безопасно в его комнату, поцеловать его, поплакать над ним и отрезать прядь его волос. Я до сих пор не могу понять, как у меня хватило духу покинуть его. Мне кажется, что мне помогла в этом неумышленно моя свекровь. Она вошла в комнату с гордо поднятой головой, с холодным взглядом и сказала мне: «Если вы действительно решились уехать, экипаж готов». Какая женщина, хоть с небольшим самолюбием, не решилась бы при таких обстоятельствах? Я решилась и уехала.

Потом я раскаялась в этом. Жалкое создание!

Время считается самым могущественным утешителем. Мне кажется, что заслуги времени в этом отношении преувеличиваются. Расстояние производит такое же благодетельное действие гораздо быстрее и гораздо прочнее. На железной дороге в Париж я уже была в силах взглянуть на свое положение рассудительнее. Я вспомнила, что муж мой после первого удивления и первой радости мог не оправдать надежд своей матери. Я знала, что поступала неосторожно, отправляясь опять к Декстеру. Но, с другой стороны, разве осторожно было бы вернуться без приглашения к мужу, после того как он объявил мне, что супружеское счастье для нас невозможно, что мы не можем жить вместе? Притом я еще имела надежду, что будущее оправдает меня не только в моем собственном мнении, но и во мнении мужа, что он когда-нибудь скажет: она была слишком любопытна, она открыла тайну, до которой ей не было никакого дела, она упорствовала в своем решении и не хотела слушаться благоразумных людей, но в конце концов она оказалась правой.

Я осталась в Париже на один день и написала три письма.

Одно Бенджамену, чтобы предупредить его, что я приеду на следующий день вечером. Другое мистеру Плеймору, с уведомлением, что я решила сделать последнее усилие для разъяснения тайны преступления в Гленинге. Третье (очень короткое) Юстасу. Я призналась ему, что помогала ухаживать за ним во время опасного периода его болезни, призналась также и в причине, заставившей меня покинуть его, и просила его не осуждать меня, пока время не покажет, что, покидая его, я любила его более, чем когда-либо. Это письмо я адресовала на имя миссис Макаллан, прося ее передать его сыну, когда она сочтет это удобным. Вместе с тем я решительно запрещала ей говорить Юстасу о новой связи между нами. Хотя он покинул меня, но

я хотела, чтобы он узнал это не иначе как от меня самой. Не спрашивайте почему. Есть некоторые обстоятельства, о которых я не хочу говорить.

Отправив письма, я исполнила свой долг и приготовилась сделать последний ход в моей игре.

Глава XXXIX НА ПУТИ К ДЕКСТЕРУ

– Честное слово, Валерия, я думаю, что безумие этого чудовища заразительно и что вы заразились им.

Таково было мнение Бенджамена, когда я рассказала ему по возвращении о моем намерении отправиться опять к Декстеру. Решившись настоять на своем во что бы то ни стало, я заставила себя прибегнуть к помощи кротких увещеваний. Я попросила моего доброго старого друга быть снисходительнее ко мне.

– Мне крайне необходимо повидаться с Декстером.

Эти слова только подлили масла в огонь.

– Крайне необходимо повидаться с человеком, который так дерзко оскорбил вас в этом самом доме, – воскликнул Бенджамен презрительно.

Сознаюсь, что это было дурно с моей стороны, но добродетельное негодование Бенджамена было так добродетельно, что пробудило во мне яростный дух противоречия. Я не могла удержаться от искушения подразнить его.

– Тише, мой добрый друг, тише. Мы должны смотреть снисходительнее на человека, страдающего такими недугами, как Декстер, и живущего такой жизнью, как он. Наша скромность не должна заходить за границы благоразумия. Я начинаю думать, что я сама тогда сгоряча придала его поступку слишком большое значение. Женщина, уважающая себя и отдавшая все свое сердце мужу, может не считать себя жестоко оскорбленной тем, что несчастный, калека обнял ее талию. Добродетельное негодование иногда очень дешевое негодование. Притом я уже простила его. Почему же и вам не простить его? Он не забудется в вашем присутствии. Дом его сам по себе редкость, я уверена, что вы найдете там много интересного для себя. Одни картины могут вознаградить вас за поездку. Я напишу ему сегодня и предупрежу, что мы будем у него завтра. Мы должны нанести этот визит из уважения к самим себе, если не к нему. Оглянитесь вокруг, Бенджамен, и вы увидите, что снисходительность есть отличительная добродетель нашего времени. Бедный Декстер не должен быть лишен ее. Полно, друг мой, идите вровень со своим временем, откройте свой ум для восприятия новых идей.

Вместо того чтобы принять это учтивое приглашение, мой почтенный друг накинулся на новые идеи, как бык на красное сукно.

– Новые идеи! Как не принять новых идей, Валерия! Старая нравственность была ложной нравственностью, старые понятия отжили свой век. Последуем за своим временем. В наше время все нипочем. Жена в Англии, муж в Испании. Обвенчаны они или нет, живут они вместе или нет – по новым понятиям это все равно. Я отправлюсь с вами, Валерия, я буду достоин поколения, с которым живу. Покончив с Декстером, мы не остановимся на половине дороги. Мы начнем ходить на лекции, мы познакомимся с новоиспеченной наукой, мы послушаем новейшего из новых профессоров, того, который был свидетелем мироздания и знает до малейших подробностей, как был сотворен мир и за сколько времени. О, новые идеи, новые идеи! Какие утешительные, возвышающие душу открытия подарены новыми идеями. Мы все были обезьянами, прежде чем сделались людьми, и молекулами, прежде чем сделались обезьянами. Все это нипочем для нового времени. И кто теперь останавливается пред чем бы то ни было? Я последую за вами, Валерия, я готов. Чем скорее, тем лучше. Отправимся к Декстеру!

– Я очень рада, что вы согласны со мной, но зачем же торопиться? Мы отправимся к Декстеру завтра в три часа. Я сейчас напишу ему, чтобы он ждал нас. Куда вы?

– Я иду очистить мысли, – ответил он угрюмо. – Я иду читать в библиотеку.

– Что вы будете читать?

– Прочту «Кота в сапогах» и еще что-нибудь, что не имеет ничего общего с нашим временем.

С этим прощальным выпадом против нового времени мой друг ушел от меня.

Написав и отослав письмо, я задумалась о том, в каком состоянии здоровья найду я Декстера. Не может ли кто из домашних сообщить мне что-нибудь о нем? Обратиться с этим вопросом к Бенджамену значило вызвать новую вспышку. Пока я раздумывала, в комнату вошла экономка по какому-то хозяйственному делу. Я спросила ее наудачу, не слыхала ли она без меня о странном человеке без ног, который однажды так напугал ее.

Экономка покачала головой с таким видом, как будто самый разговор о нем казался ей непристойным.

– Около недели спустя после вашего отъезда, сударыня, – сказала она с необычайной строгостью в голосе и тщательно выбирая слова, – особа, о которой вы говорите, имела дерзость прислать вам письмо. Посланному было сказано, по приказанию мистера Бенджамена, что вы уехали за границу и что он может убираться со своим письмом куда хочет. Несколько дней спустя, когда я пила чай у экономки миссис Макаллан, мне пришлось опять услышать о нем. Он заезжал в дом миссис Макаллан, чтобы узнать о вас. Непостижимое дело, как он держится без ног в своем кабриолете! Но не в этом дело. Без ног он или с ногами, но экономка видела его и говорит, как и я, что не забудет его до смертного часа. Она сказала ему, что мистер Юстас заболел за границей и что вы отправились ухаживать за ним. Он уехал, по словам экономки, со слезами на глазах и с проклятьями на устах. Это все, что я знаю об этой особе, сударыня. И извините, если я осмелюсь прибавить, что этот разговор чрезвычайно неприятен для меня.

Она сделала формальный книксен и вышла из комнаты.

Оставшись одна, я начала думать с большим беспокойством, чем прежде, об испытании, предстоявшем мне на другой день. Судя по тому, что я сейчас услышала, Декстер переносил мое отсутствие не очень терпеливо и мало было надежды, что состояние его нервной системы улучшилось.

На следующее утро я получила ответ мистера Плеймора на мое письмо из Парижа.

Он ответил очень кратко, не одобряя и не порицая моего решения, но настоятельно советуя мне взять с собой компетентного свидетеля. Самая интересная часть письма была в конце.

«Вы должны быть готовы найти в Декстере перемену к худшему. Один из моих друзей виделся с ним несколько дней тому назад по делу и был поражен происшедшей в нем переменой. Ваше присутствие, конечно, повлияет на него так или иначе. Я не могу дать вам никаких инструкций касательно обращения с ним, вы должны будете применяться к обстоятельствам. Ваш собственный такт покажет вам, следует ли поощрять его говорить о покойной миссис Макаллан или нет. Но все шансы, что он как-нибудь выдаст себя, связаны, как мне кажется, с разговором о ней. Постарайтесь завязать его, если будет возможно».

Далее был прибавлен следующий постскрипtum:

«Спросите мистера Бенджамена, не слыхал ли он, как Декстер рассказывал вам о своем прощании с телом миссис Макаллан в ночь ее смерти».

Я задала этот вопрос Бенджамену, когда мы сели завтракать перед поездкой на далекую окраину города, где жил Декстер. Мой старый друг все еще сердился на меня за предстоящую поездку. Отвечая мне, он был необычайно мрачен и необычайно скуп на слова.

– Я не имею обыкновения подслушивать. Но некоторые люди говорят так, что их нельзя не слышать. Мистер Декстер – один из них.

– Так вы слышали?

– Дверь и стена не могли заглушить его голоса. Я слышал, что он говорил. Наглый человек, вот мое мнение.

– Сегодня мне, может быть, понадобится, чтобы вы не только слышали, что он будет говорить, – решила я сказать, – но чтобы вы записывали некоторые из его слов. Вы когда-то писали письма моего отца под его диктовку. Не сохранилось ли у вас одной из ваших записных книжек?

Бенджамен поднял на меня глаза с выражением строгого удивления.

– Писать под диктовку великого коммерсанта, вести обширную корреспонденцию, где от

одного слова тысячи фунтов переходят из рук в руки, – не то же самое, что записывать бред полоумного чудовища, которого следовало бы держать в клетке, – сказал он. – Ваш почтенный батюшка, Валерия, никогда не сделал бы мне такого предложения.

– Простите меня, Бенджамен, я не могу не просить вас об этом. Вы можете принести мне громадную пользу. Уступите на этот раз ради меня, милый друг мой.

Бенджамен опустил глаза в тарелку с видом печальной покорности, показавшей мне, что я достигла своей цели.

– Я всегда жил как привязанный к тесемкам ее передника, – пробормотал он про себя. – Теперь поздно думать об освобождении. – Он взглянул опять на меня. – Я полагал, что уже покончил со службой, но оказывается, что мне приходится превратиться опять в клерка. Что требуется от меня теперь?

В эту минуту нам объявили, что экипаж ждет нас у калитки. Я встала, взяла его руку и с чувством искренней благодарности поцеловала его румяную щеку.

– От вас требуется, чтобы вы сели позади мистера Декстера так, чтобы он не мог видеть вас, но чтобы вы могли видеть меня.

– Чем меньше придется мне видеть Декстера, тем лучше, – проворчал Бенджамен. – Что же мне делать после того, как я усядусь позади него?

– Вы должны ждать, пока я не сделаю вам знака. Когда я сделаю знак, вы начнете записывать то, что будет говорить Декстер, и будете писать, пока я не сделаю вам другого знака, чтобы вы перестали.

– Хорошо. Какой же знак будет означать, чтобы я начал, и какой, чтобы я кончил писать?

Я еще не придумала знаков и попросила Бенджамена помочь мне. Нет, он не хотел принять никакого деятельного участия в деле. Он согласился быть пассивным орудием, но этим ограничивалась его уступка.

Предоставленная собственной изобретательности, я решила придумать такую телеграфную систему, которая была бы удобна для Бенджамена и вместе с тем не возбудила бы сильно развитой подозрительности Декстера. Я взглянула в зеркало и стала искать в своем костюме что-нибудь, что могло бы сослужить мне службу. Мои серьги вывели меня из затруднения.

– Я постараюсь сесть в кресло, – сказала я. – Когда вы увидите, что я облокочусь на ручку кресла и поднесу пальцы к сережке, как будто играю ею, начинайте писать, что он будет говорить, и продолжайте, пока я... пока я не двину кресло. При этом звуке остановитесь. Поняли вы меня?

– Понял.

Мы отправились к Декстеру.

Глава XL НЕМЕЗИДА

В этот раз калитка была отворена садовником. Он, очевидно, получил инструкцию.

– Миссис Валерия? – спросил он.

– Да.

– И друг?

– И друг.

– Пожалуйте наверх. Вы знакомы с домом.

Пройдя переднюю, я остановилась и оглянулась на Бенджамена, который все еще держал в руке свою любимую палку.

– Ваша палка будет мешать вам, – сказала я. – Не лучше ли оставить ее здесь?

– Моя палка может пригодиться мне наверху, – возразил он. – Я не забыл, что случилось в моей библиотеке.

Спорить с ним было не время, и я повернула к лестнице.

Поднимаясь по ступеням, я была поражена криком, страдальческим криком, повторившимся два раза, прежде чем мы дошли до круглой прихожей. Я вошла в соседнюю комнату первая и увидела многогранного Мизериуса Декстера в новом качестве.

Несчастливая Ариэль стояла у стола перед блюдом, наполненным маленькими пирожками. Обе ее руки были обвязаны выше локтей веревками, концы которых были в руках Декстера,

сидевшего в двух шагах от нее.

– Попробуй еще, моя красавица, – сказал он ей, когда я остановилась в дверях. – Возьми пирожок.

Ариэль покорно протянула руку к блюду. Лишь только она притронулась концами пальцев к одному из пирожков, рука ее была отдернута веревкой с такой силой и с такой дьявольской жестокостью, что я готова была схватить палку Бенджамена и изломать ее о спину Декстера. Ариэль вытерпела в этот раз боль со спартанской твердостью. Она стояла лицом к двери и увидела меня первая. Зубы ее были стиснуты, лицо горело от усилий, которые она делала над собой. В моем присутствии она не выдала своего страдания ни малейшим звуком.

– Бросьте веревки! – крикнула я с негодованием. – Освободите ее, мистер Декстер, или я уйду от вас.

Услышав мой голос, он приветствовал меня радостным криком. Глаза его впились в меня с жадным восторгом.

– Войдите, войдите! – воскликнул он. – Взгляните, чем я развлекаюсь, мучительно ожидая вашего прибытия. Взгляните, как я убиваю время в разлуке с вами. Войдите. Сегодня от нетерпения увидеть вас поскорее, миссис Валерия, я в злобном расположении духа, мне нужно дразнить кого-нибудь. Я дразню Ариэль. Взгляните на нее. Она еще ничего не ела сегодня, и ей никак не удастся стащить хоть один пирожок. Вы напрасно жалеете ее. У Ариэль нет нервов. Она не чувствует боли.

– У Ариэль нет нервов, – повторила несчастная девушка, сердясь на меня за мое вмешательство. – Я не чувствую боли.

Я услышала за собой взмах палки Бенджамена.

– Бросьте веревки, – крикнула я решительно. – Бросьте, или я уйду от вас сейчас же.

Деликатные нервы Мизериуса Декстера были потрясены моей резкостью.

– Какой сильный голос, – воскликнул он, бросив веревки. – Возьми пироги, – обратился он повелительно к Ариэль.

Она прошла мимо меня с блюдом в руках, с тянувшимися за ней веревками и бросила на меня вызывающий взгляд.

– У меня нет нервов, – повторила она гордо. – Я не чувствую боли.

– Вы видите, – сказал Декстер, – никакой беды не случилось, я бросил веревки, лишь только вы приказали. Не начинайте ссорой нашу встречу после такого долгого отсутствия.

Он замолчал. Он только теперь увидел Бенджамена, стоявшего молча в дверях.

– Кто это? – спросил он подозрительно и подкатил свое кресло ближе к двери. – А, знаю! Это добродушный джентльмен, помню, я назвал его убежищем страждущих, когда увидел его в первый раз. Вы изменились к худшему с тех пор, сэр. Вы теперь совсем не то, чем были прежде, сэр, теперь вы олицетворяете собой карающее правосудие. Это ваш новый покровитель, миссис Валерия?

Он низко поклонился Бенджамену и продолжал со злобной иронией:

– Ваш покорнейший слуга, карающее правосудие. Я заслужил вас и покоряюсь вам. Я постараюсь, чтобы ваша новая должность была только синекурой. Эта женщина – свет моей жизни. Попробуйте уличить-меня в недостатке почтения к ней.

Он повернулся спиной к Бенджамену, слушавшему его с презрительным молчанием, и подбехал ко мне.

– Вашу руку, свет моей жизни, – прошептал он самым нежным тоном. – Один раз, – попросил он шепотом, – один только раз.

Он почтительно поцеловал мою руку и выпустил ее с тяжелым вздохом.

– Бедный Декстер, – сказал он со всей искренностью своего эгоизма. – Горячее сердце, пропадающее в одиночестве, униженное уродством. Грустно, грустно! Бедный Декстер! Прекрасный день, сэр, – обратился он внезапно к Бенджамену насмешливо-учтивым тоном. – Погода начинает поправляться после столь продолжительных дождей. Войдите. Чем прикажете вас угощать? Не хотите ли сесть? Карающее правосудие, когда оно не выше вас, лучше смотрится в кресле.

– А обезьяна лучше смотрится в клетке, – возразил Бенджамен, рассерженный издевательским намеком на его низкий рост.

Возражение не произвело никакого действия на Мизериуса Декстера, он, по-видимому,

даже не слышал его. В нем произошла уже новая перемена, он был теперь задумчив и кроток, глаза его были устремлены на меня с грустным и пристальным вниманием. Я села в стоявшее перед ним кресло и сделала знак Бенджамену. Он понял меня и сел позади Декстера, немного наискось, так что мог видеть меня. Ариэль, молча пожиравшая пирожки, скорчилась на скамейке у ног хозяина и глядела на него как преданная собака. Некоторое время мы все молчали, и я могла разглядеть Мизериуса Декстера без помехи.

Я была удивлена и испугана, заметив, как он изменился к худшему с тех пор, как я видела его в последний раз. Мягкость его глаз исчезла. Они были теперь испещрены кровавыми жилками и смотрели жалобно и рассеянно. Его когда-то крепкие руки похудели и дрожали. Бледность его лица, может быть, несколько преувеличенная черным бархатным сюртуком, имела какой-то темный, болезненный оттенок. Многочисленные мелкие морщинки около углов его глаз обозначились яснее. Голова его клонилась вниз. Казалось, что не месяцы, а годы прошли с тех пор, как я не видела его. Вспомнив отчет о его здоровье, прочитанный мной у мистера Плеймора, вспомнив утверждение доктора, что состояние его здоровья зависит от состояния его нервной системы, я подумала, что поступила благоразумно, ускорив свое возвращение в Англию. Зная то, что я знала, я решила, что конец его близок. Когда глаза наши встретились, я смотрела на него как на обреченного человека и жалела его.

Да, я жалела его. Я знала, что сожаление было несовместимо с целью, для которой я приехала к нему. Я знала, что он жесток, не сомневалась, что он бесчестен. Я должна была проверить подозрение мистера Плеймора, считавшего его виновником смерти первой жены моего мужа. И, несмотря на все это, я жалела его. Что это – слабость, которая таится в каждом из нас, побуждающая нас жалеть порочных, устремляться толпой в залы суда на уголовные процессы, когда мы ждем при прощании руку самому гнусному из злодеев? Не берусь ответить на эти вопросы. Знаю только, что я жалела Мизериуса Декстера и что он заметил это.

– Благодарю вас, – сказал он внезапно. – Вы видите, что я болен, и жалеете меня. Милая, добрая Валерия!

– Имя этой молодой особы миссис Макаллан, – заметил Бенджамен строгим тоном. – Прошу вас не называть ее Валерией.

Замечание его осталось незамеченным. Декстер, по-видимому, совсем забыл о его присутствии.

– Вы очаровали меня своим видом, – сказал он. – Довершите мое наслаждение, дайте мне послушать ваш голос. Говорите мне о себе. Расскажите, что вы делали с тех пор, как уехали из Англии.

Мне необходимо было завязать как-нибудь разговор, и я решила воспользоваться представившимся случаем. Я рассказала ему откровенно, как я провела время в Испании.

– Так вы все еще любите Юстаса? – спросил он с горечью.

– Больше, чем когда-либо.

Он закрыл лицо руками. Помолчав немного, он спросил меня глухим голосом, не отнимая рук от лица.

– Вы покинули Юстаса в Испании и приехали в Англию одна? Что побудило вас к этому?

– То же самое, что побудило меня приехать к вам в первый раз и просить вашей помощи, мистер Декстер.

Он опустил руки и взглянул на меня с удивлением и испугом.

– Возможно ли, – воскликнул он, – что вы даже теперь не хотите оставить в покое это ужасное дело? Неужели вы все еще не отказались от намерения раскрыть тайну преступления в Гленинге?

– Да, мистер Декстер, я не отказалась от своего намерения и все еще надеюсь, что вы поможете мне.

На лице его появилось прежнее недоверие ко мне, которое я хорошо помнила.

– Как могу я помочь вам? Разве я могу изменить факты? – Он остановился, и лицо его прояснилось как будто от какого-то внезапного радостного предположения.

– Я пробовал помочь вам, – продолжал он. – Я сказал вам, что отсутствие миссис Болл могло быть способом избавиться от подозрения, я сказал вам, что яд могла дать горничная миссис Болл. Не пришли вы сами к тому же заключению? Не нашли вы чего-нибудь в этой идее?

Возвращение к миссис Болл представило мне возможность дать такое направление

разговору, какое мне было нужно.

– Я не нашла ничего в этой идее, – возразила я. – Разве служанка имела какую-нибудь причину быть врагом покойной миссис Макаллан?

– Ни у кого не могло быть причины сделаться врагом покойной миссис Макаллан, – воскликнул он запальчиво. – Миссис Макаллан была воплощенная доброта, воплощенное великодушие. Она никогда не причинила никому зла ни мыслью, ни делом. Она была святая. Чтите ее память. Не тревожьте мученицу в могиле.

И он закрыл опять лицо руками, дрожа от волнения.

Ариэль тихо встала со своего места и подошла ко мне.

– Видите мои когти? – прошептала она, протянув ко мне руки. – Попробуйте еще раз подразнить хозяина, и вы почувствуете мои когти на своем горле.

Бенджамен встал. Он не слышал слов Ариэль, но видел ее угрожающий жест. Я сделала ему знак, чтобы он не вмешивался. Ариэль вернулась на свое место и устремила глаза на хозяина.

– Не плачьте, – сказала она. – Зачем плакать? Вон веревки. Подразните меня. Заставьте меня покричать.

Он не ответил, он не сделал никакого движения.

Ариэль напрягла свой слабый ум, ища средства развлечь его. Я поняла это по ее нахмуренным бровям, по ее глазам, рассеянно устремленным на меня. Минуту спустя она радостно хлопнула кулаком по открытой ладони другой руки. Она торжествовала, она напала на мысль.

– Хозяин, – воскликнула она. – Вы давно не рассказывали мне сказок. Расшевелите мою глупую голову. Расскажите мне хорошую, длинную сказку, полную крови и преступлений.

Не напала ли она случайно на верное средство развлечь его? Я знала, он высокого мнения о своем даре рассказчика. Я знала, что одним из его любимых развлечений было пугать Ариэль сказками, которых она не понимала. Ударится ли он в область чистой фантазии или вспомнит, что мое упорство все еще угрожает ему возобновлением исследования гленингской трагедии, и постарается ввести меня в заблуждение каким-нибудь новым вымыслом?

Лицо Декстера озарилось широкой улыбкой польщенного самолюбия. Он был теперь так малодушен, что даже Ариэль могла затронуть его тщеславие. Когда я заметила это, у меня явилось подозрение, от которого я похолодела: я подумала, что приехала к нему уже слишком поздно.

Мизериус Декстер обратился к Ариэль.

– Жалкое создание, – сказал он снисходительно, глядя ее по голове. – Ты не понимаешь ни слова из моих сказок, и, несмотря на это, я умею привести тебя в трепет. Жалкое создание! – Он спокойно откинулся на спинку кресла и взглянул на меня. Не напомним ли ему мое присутствие нашего неоконченного разговора? Нет. Он смотрел на меня с такой же самодовольной улыбкой, с какой смотрел на Ариэль. – Я обладаю необыкновенным талантом рассказчика, – сказал он. – Несчастное создание может засвидетельствовать это самым наглядным образом. Она может служить предметом для психологического этюда, когда я рассказываю ей одну из моих историй. Занятно видеть, какие отчаянные усилия делает она, чтобы понять меня. Я уверен, что это так же позабавит вас, как я всегда смеюсь над ней.

Ариэль захлопала своими большими неуклюжими руками.

– Он всегда смеется надо мной! – воскликнула она, взглянув на меня с гордым сознанием своего превосходства.

Я была в большом затруднении. Вспышка, которую я вызвала, напомнив ему о покойной миссис Макаллан, показала мне, что я должна была быть осторожней. Но как же иначе могла я выпытать у него тайны, которые он скрывал от меня? Одно только показалось мне несомненным: допустить его рассказывать сказку значило бы допустить напрасную трату времени. Живо помня угрозу Ариэль, я тем не менее решила мешать всеми силами новой затее ее хозяина.

– Слушайте, миссис Валерия, – начал он громко и высокомерно. – Слушай, Ариэль. Я буду импровизировать. Я начну доброй старой формулой волшебных сказок. В некотором царстве, в некотором государстве...

Пока я выжидала случая прервать его, он остановился сам. На лице его выразилось

смущение, он поднял руку, провел ею несколько раз по лбу и тихо засмеялся.

– Я не чувствую вдохновения, – сказал он.

Не изменил ли ему рассудок? Никаких признаков этого не было заметно, пока я не напомнила ему о покойной миссис Макаллан. Не были ли его слабость и его смущение только следствием временного расстройства? Иными словами, не были ли они только первым предостережением для него и для нас? Может быть, он скоро оправится, если мы оставим его в покое? Даже Бенджамен был наконец заинтересован, я видела, что он перегнулся и старался заглянуть в лицо Декстера. Даже Ариэль была удивлена и встревожена.

Мы все ждали, что будет дальше.

– Мою арфу! – воскликнул он. – Музыка возбуждает меня.

Ариэль принесла ему арфу.

– Хозяин, – сказала она с удивлением, – что с вами?

Он махнул рукой, приказывая ей молчать.

– Ода, – объявил он высокомерно. – Поэзия и музыка сочинены экспромтом самим Декстером. Слушайте!

Пальцы его бродили слабо по струнам арфы, но ни музыки, ни слов мы не слышали. Наконец руки его опустились, голова тихо склонилась и оперлась на рамку арфы. Я вскочила и приблизилась к нему. Спал он или впал в забытие?

Я притронулась к его руке и назвала его по имени.

Ариэль поспешно вскочила и устремила на меня грозный взгляд. В ту же минуту Мизериус Декстер поднял голову. Мой голос оживил его. Он взглянул на меня спокойно наблюдательным взглядом, как никогда не смотрел прежде.

– Возьми арфу, – обратился он к Ариэль тоном сильно утомленного человека.

Полоумное создание, по глупости или по злобе, раздражило его снова.

– Что с вами, хозяин? – спросила она, взяв у него арфу. – Когда же сказку?

– Нам не нужны сказки, – вмешалась я. – Я еще не сказала мистеру Декстеру многого, что мне нужно сказать ему.

Ариэль подняла свою тяжелую руку.

– Берегитесь, – сказала она, приближаясь ко мне.

В эту минуту голос хозяина остановил ее.

– Снеси арфу на место, безумная, – сказал он строго. – Я расскажу сказку, когда мне вздумается.

Она покорно отнесла арфу в конец комнаты. Мизериус Декстер подвинул свое кресло ближе ко мне.

– Я знаю, что может оживить меня, – сказал он доверчиво. – Движение может оживить меня. Я не делал моциона в последнее время. Подождите, и вы увидите.

Он положил руки на механизм кресла и покатился по комнате. При этом зловещая перемена в нем выразилась в новой форме. Он уже не мог катать кресло с прежней неистовой быстротой, колеса не трещали и не свистели под ним. Прокатившись взад и вперед по комнате, он остановился, задыхаясь от усталости.

– Я отвык, – сказал он мне слабым голосом. – Я не мог выносить треска колес и дрожания пола, пока вас не было.

Кто не пожалел бы его в эту минуту, кто не простил бы ему всех его проступков? Даже Ариэль почувствовала что-то. Я услышала, что она всхлипывает позади меня. Но тут же она опять затянула жалобным тоном:

– Когда же сказку?

– Не обращайтесь внимания на нее, – прошептала я ему. – Вам нужен свежий воздух. Пошлите за садовником. Покатаемся в вашем кабриолете.

Напрасная попытка. Ариэль не хотела примириться с его невниманием. Она воскликнула опять:

– Когда же сказку? Когда же сказку?

Ей удалось наконец пробудить угасавшую энергию хозяина.

– Негодная! – крикнул он, повернув кресло и остановившись перед ней. – Сказка будет. Я расскажу ее! Вина! Принеси вина, плаксивая идиотка! Как я не подумал об этом раньше? Королевское бургундское, вот что мне нужно, чтобы возбудить мою фантазию. Стаканы для

всех. Воздадим честь царю виноградников, великолепному кло-вужо.

Ариэль открыла шкаф в алькове и достала вино и высокие венецианские стаканы. Декстер опорожнил свой стакан залпом и заставил нас пить или по крайней мере делать вид, что мы пьем. Даже Ариэль не была забыта. Подражая своему хозяину, она выпила свой стакан залпом. Крепкое вино бросилось ей в голову тотчас же, и она запела хриплым голосом песню собственного изобретения, состоявшую из бесконечного повторения одной и той же просьбы:

– Расскажите нам сказку! Хозяин! Хозяин! Расскажите нам сказку!

Ее хозяин молча налил себе второй стакан вина. Бенджамен, воспользовавшись минутой, когда он отвернулся от нас, шепнул мне:

– Послушайте меня хоть раз, Валерия. Уйдем отсюда.

– Еще одно усилие, – прошептала я в ответ, – последнее усилие.

Ариэль продолжала сонно свою песню:

– Расскажите нам сказку! Хозяин! Хозяин! Расскажите нам сказку!

Мизериус Декстер поднял глаза. Вино начало производить свое действие. На лице его появился румянец, в глазах прежний ум. Бургундское оживило его. Я решила сделать последнюю попытку.

– Не нужно сказки, – сказала я. – Мне необходимо поговорить с вами, мистер Декстер. Я вовсе не расположена слушать сказку.

– Не расположены слушать сказку? Я понимаю вас. Вы думаете, что моя изобретательность истощилась, и не хотите сказать это прямо. Я докажу вам, что вы ошибаетесь. Я докажу вам, что Декстер опять стал самим собою. Замолчи, Ариэль, не то я выгоню тебя из комнаты. Моя сказка у меня в голове, с законченными сценами и характерами. Я уверен, что она заинтересует вас. Она называется «Госпожа и Служанка». Вернемся к огню, и я начну.

Сказка о госпоже и служанке! Похоже, что он намеревался рассказать мне в форме сказки что-нибудь о миссис Болл и ее служанке!

Название сказки оживило мои едва не угасшие надежды. Он пришел в себя наконец, его обычная пронзительность и его обычная хитрость вернулись к нему опять. Под предлогом сказки для Ариэль он хотел опять ввести меня в заблуждение насчет миссис Болл. Это было очевидно. Он был прав, сказав, что Декстер сделался опять самим собой.

Возвращаясь к камину, я взяла под руку моего старого друга.

– Я еще не потеряла надежды, – шепнула я ему. – Не забудьте условленных знаков.

Мы заняли свои прежние места. Ариэль опять глядела на меня угрожающим взглядом. Несмотря на выпитый стакан вина, она была начеку, она опасалась нового вмешательства с моей стороны. Но я теперь не имела ни малейшего намерения прерывать рассказ. Я ждала его с таким же нетерпением, как сама Ариэль. Сюжет был опасен для рассказчика. Он мог проговориться, он рисковал выдать себя.

Он обвел нас глазами и начал оживленно:

– Уселась ли моя публика? Готова ли моя публика? Поверните лицо еще немного в мою сторону, – сказал он мне самым мягким и нежным тоном. – Улыбнитесь хоть раз страдающей улыбкой человеку, у которого вы отняли спокойствие и счастье. Благодарю вас, свет моей жизни, благодарю вас. – Он откинулся на спинку кресла. – Сказка, – сказал он. – Сначала заглавие. Краткое и заманчивое заглавие: «Госпожа и Служанка». Сцена – страна романтизма, Италия. Время – век романтизма, пятнадцатое столетие. А! Взгляните на Ариэль. Она знает о пятнадцатом столетии столько же, сколько кухонная кошка, однако она уже заинтересована. Счастливая Ариэль!

Ариэль взглянула на меня с торжеством.

– Я знаю столько, сколько кухонная кошка, – сказала она с широкой улыбкой польщенного тщеславия. – Я счастливая Ариэль. А вы что?

Мизериус Декстер захохотал неудержимым хохотом.

– Разве я не говорил вам? Разве она не забавна? Так вот. Действующие лица драмы – все женщины. Анжелика, благородная дама, благородная по характеру и по происхождению, Кунигунда, дьявол в прекрасном женском образе, и Даморида, ее злосчастная служанка. Первая сцена. Мрачная комната со сводами в древнем замке. Время – вечер. В лесу кричат совы, в болоте квакают лягушки. Взгляните на Ариэль. У нее уже пробегает мороз по коже.

Моя соперница опять взглянула на меня вызывающим взглядом. Декстер остановился,

чтобы взять стакан. Пока он прихлебывал вино, я могла разглядеть его внимательнее. В лице его все еще был румянец, в глазах все еще был блеск. Он поставил стакан на место и продолжал:

– Особы, находящиеся в комнате со сводами – Кунигунда и Даморида. Кунигунда говорит: «Даморида!» – «Что прикажете, сударыня?» – «Кто лежит больной в комнате над нами?» – «Благородная госпожа Анжелика, сударыня». Пауза. Кунигунда начинает опять: «Даморида!» – «Что прикажете, сударыня?» – «Расположена к вам госпожа Анжелика?» – «Сударыня, благородная дама, милостивая и добрая со всеми, добра и со мной». – «Случалось тебе прислуживать ей?» – «Случалось, сударыня, когда сиделка отдыхала». – «Принимала она из твоих рук успокоительное лекарство?» – «Раз или два, сударыня». – «Даморида, возьми этот ключ и отопри шкатулку на том столе». Даморида повинуется. «Видишь в шкатулке зеленый пузырек?» – «Вижу, сударыня». – «Вынь его». Даморида повинуется. «Видишь в пузырьке жидкость? Знаешь, что это такое?» – «Нет, сударыня». – «Сказать тебе?» Даморида почтительно кланяется. «В пузырьке яд». Даморида вздрагивает. Она охотно выпустила бы из рук пузырек, но госпожа делает ей предостерегающий знак и продолжает: «Даморида, я сказала тебе одну из моих тайн. Не сказать ли и другую?» Даморида в тревожном ожидании, госпожа продолжает: «Я ненавижу Анжелику. Ее жизнь стоит между мной и моим счастьем. Ее жизнь теперь в твоих руках». Даморида падает на колени, она набожная особа, она крестится и умоляюще говорит: «Сударыня, вы приводите меня в ужас. Сударыня, что я слышу?» Кунигунда приближается к ней, останавливается над ней, смотрит на нее страшными глазами и говорит шепотом: «Даморида, Анжелика должна умереть, но так, чтобы подозрение не пало на меня. Анжелика должна умереть от твоей руки».

Он остановился. Чтобы хлебнуть опять вина? Нет, чтобы выпить разом весь стакан. Неужели вино уже переставало действовать на него?

Я присмотрелась к нему внимательно. Лицо его горело по-прежнему, но свет в глазах начинал уже потухать. Я заметила, что он говорил все медленнее и медленнее. Мы ждали. Ариэль сидела перед ним с мутным взглядом и с открытым ртом. Бенджамен невозмутимо ждал сигнала, прикрыв рукой записную книжку, лежавшую на его коленке.

Мизериус Декстер продолжал.

– Даморида слышит эти ужасные слова, она сжимает руки в отчаянии. «О сударыня, могу ли я убить добрую благородную даму? Какая у меня причина вредить ей?» Кунигунда отвечает: «У тебя есть причина повиноваться мне». Даморида падает лицом на пол. «Сударыня, я не могу сделать этого, я не смею сделать этого». Кунигунда отвечает: «Ты ничем не рискуешь. У меня есть план, как избавиться от подозрения и меня и тебя». Даморида повторяет: «Я не могу сделать этого, я не смею сделать этого». Глаза Кунигунды сверкают яростью. Она вынимает скрытый на груди...

Он остановился на середине фразы и приложил руку ко лбу, как будто внезапно забыл, что хотел сказать. Надо ли мне помочь ему, или благоразумнее промолчать и ждать?

Я видела цель, с которой он затеял свою импровизацию. Своей сказкой он пытался доказать мне, что у горничной миссис Болл могла быть побудительная причина взять на свою совесть убийство. Но ему нужно было выдумать эту побудительную причину, и тогда он смог бы направить мои поиски по ложному пути, а сам остался бы в стороне. И он нашел ее – с трудом, не очень убедительную, но нашел. После долгого молчания он снова заговорил:

– Кунигунда вынимает скрытый на груди исписанный листок бумаги и разворачивает его. «Взгляни на это», – говорит она. Даморида взглядывает на листок и в отчаянии падает к ногам своей госпожи. Кунигунда знает постыдную тайну в прошлом своей служанки. Кунигунда говорит ей: «Или я открою твою тайну, которая опозорит навсегда тебя и твоих родителей, или ты исполнишь мою волю». Даморида не в силах обесчестить своих родителей. Не надеясь смягчить жестокое сердце Кунигунды, она делает последнюю попытку избавиться от страшного поручения. «Сударыня! – восклицает она. – Как могу я сделать это, когда там сиделка». Кунигунда отвечает: «Сиделка иногда засыпает, иногда уходит». Даморида настаивает: «Сударыня, дверь заперта, и ключ у сиделки».

Ключ! Я тотчас же вспомнила о пропавшем ключе. Не об этом ли ключе говорит он? Я заметила, что когда это слово сорвалось у него с языка, он спохватился, как будто сказал лишнее. Я решила дать сигнал. Я облокотилась на ручку кресла и начала играть серьгой. Бенджамен вынул карандаш и положил свою записную книжку так, чтобы Ариэль не заметила ее, если

взглянет в его сторону.

Мы ждали. Пауза была долгая. Декстер приложил руку ко лбу. Глаза его становились все тусклее.

– На чем я остановился? – спросил он.

Надежда покидала меня. Я постаралась, однако, ответить ему так, чтобы он не заметил этого по моему голосу.

– Вы остановились на том, как Даморида возражала Кунигунде.

– Да, да. Что же она сказала?

– Она сказала: «Дверь заперта, и ключ у сиделки».

Он быстро наклонился вперед.

– Нет! – возразил он с жаром. – Вы ошибаетесь. Ключ? Вздор. Я ничего не говорил о ключе. Вы спутали.

Я не решилась спорить с ним. Мы замолчали. Бенджамен, угрюмо покоряясь моему желанию, записал вопросы и ответы, которыми мы обменялись, и ждал с записной книжкой в руках. Ариэль, поддавшаяся усыпляющему действию вина и рассказа, была встревожена внезапным молчанием. Она оглянулась с беспокойством и устремила глаза на хозяина.

Он сидел безмолвно, приложив руку ко лбу, пытаясь собраться с мыслями.

– Хозяин! – воскликнула Ариэль жалобно. – Что же сказка?

Он вздрогнул и нетерпеливо потряс головой, как будто стараясь стряхнуть с себя какой-то тяжелый гнет.

– Терпение! Терпение! – сказал он. – Сказка продолжается. – И, сделав отчаянное усилие, он глухо заговорил: – Даморида упала на колени. Она залилась слезами. Она сказала... – Он остановился и поглядел вокруг себя смущенным взглядом. – Как назвал я другую женщину? – спросил он, не обращая ни к кому из нас.

– Вы назвали ее Кунигундой.

При звуке моего голоса он повернул голову в мою сторону, но не взглянул на меня. Его бессмысленный, спокойный взгляд был устремлен на что-то далекое. Даже в голосе его произошла перемена, когда он заговорил опять. Это был спокойный, монотонный голос, несколько напоминавший голос, каким Юстас говорил в беспамятстве, когда ум его был слишком слаб, чтобы следовать за его словами. Неужели конец был так близок?

– Я назвал ее Кунигундой, – повторил он. – А другую я назвал... – Он остановился опять.

– А другую вы назвали Даморидой.

Ариэль взглянула на него с изумлением и, чтобы заставить его прийти в себя, нетерпеливо дернула его за рукав сюртука.

– Это сказка, хозяин? – спросила она.

Он ответил, не глядя на нее. Его бессмысленные глаза были все еще устремлены в пространство.

– Да, это сказка, – сказал он рассеянно. – Но для чего Кунигунда? Для чего Даморида? Не лучше ли просто госпожа и служанка? Так легче запомнить.

Он попробовал приподняться и содрогнулся. Минуту спустя он как будто овладел собой.

– Что сказала госпожа служанке? – пробормотал он. – Что? Что? Что? – Он остановился опять. Потом как будто вдруг сообразил что-то. Пришла ли ему новая мысль или он вспомнил что-нибудь забытое? Он вернулся к своему рассказу и прибавил внезапно следующие загадочные слова: – «Письмо», – сказала служанка. – Письмо! О, мое сердце! Каждое слово меч. Меч в мое сердце. О, это письмо! Ужасное, ужасное, ужасное письмо!

О чем он говорил? Как понять эти слова? Не припоминал ли он бессознательно что-нибудь, что действительно случилось некогда в Гленинге? При утрате всех других способностей память, похоже, сохранилась у него дольше всего. Не пробивалась ли истина, ужасная истина, сквозь мрак надвигавшегося безумия? Я едва дышала от волнения, от какого-то безотчетного ужаса, овладевшего всем моим существом.

Бенджамен бросил на меня предостерегающий взгляд. Ариэль сидела спокойная и довольная.

– Продолжайте, хозяин, – сказала она. – Мне нравится сказка. Продолжайте.

Он продолжал как человек, говорящий во сне:

– Служанка сказала госпоже. Нет, госпожа сказала служанке: «Покажите ему письмо. Вы

должны, вы должны показать письмо». Служанка отвечала: «Нет, не должна, не покажу. Вздор! Пустяки! Пусть страдает». – «Мы можем выручить его. Показать?» – «Нет. Пусть случится худшее. Тогда покажете». Госпожа сказала... – Он остановился и быстро замахал руками, как будто стараясь отогнать какой-то воображаемый туман. – Которая говорила последняя? – спросил он. – Госпожа или служанка? Госпожа? Нет. Служанка, конечно. Служанка говорит громко, решительно: «Негодяи! Прочь от этого стола!» В этом столе дневник. Номер девятый. Кальдершо, спросить Данди. Вы не увидите дневника. Я шепну вам по секрету: дневник приведет его на виселицу. Я не хочу, чтобы он был повешен. Как смеете вы трогать мое кресло? Мое кресло – это я. Как смеете вы налагать руки на меня?

Последние слова были для меня проблеском света. Я читала их в отчете, в показании чиновника шерифа. Эти самые слова были сказаны Декстером в то время, когда он старался спасти бумаги моего мужа и когда следователи вытолкнули его кресло из комнаты. Теперь не было сомнения, что память его была занята прошлыми событиями в Гленинге.

Ариэль поощрила его опять. Она была беспощадна к нему. Она опять потребовала продолжения сказки.

– Зачем вы останавливаетесь, хозяин? Продолжайте. Расскажите нам, что сказала госпожа служанке.

Он тихо засмеялся.

– Что сказала госпожа служанке, – передразнил он ее. Затем он принял опять серьезный вид и продолжал свой рассказ, говоря все быстрее и быстрее, все бессвязнее и бессвязнее. – Госпожа сказала служанке: «Мы выручили его». Как быть с письмом? Сжечь его? В камине нет огня. В коробке нет спичек. Весь дом вверх дном. Слуги разбежались. Разорвать его. Бросить в корзину с другим сором. Ненужная бумага. Выбросить вон. Пропало навсегда. О, Сара, Сара! Пропало навсегда!

Ариэль захлопала в ладоши и в свою очередь передразнила его.

– О, Сара, Сара! Пропало навсегда! Славно, хозяин. Теперь скажите, кто была Сара.

Губы его шевелились, но голос был так тих, что едва можно было разбирать слова. Он начал опять прежним меланхолическим тоном:

– Служанка сказала госпоже. Нет, госпожа сказала служанке... – Он внезапно смолк, выпрямился в кресле, поднял руки и разразился страшным визгливым хохотом. – Ха, ха, ха! Как смешно! Почему вы не смеетесь? Ха, ха, ха!

Он откинулся на спинку кресла. Резкий хохот его перешел в тихое всхлипывание. Затем он поднял лицо к потолку. Глаза его были мутны, губы раздвинуты бессмысленной улыбкой. Немезида свершила свой суд наконец! Предсказанная ему участь постигла его. Для него настала ночь.

Когда прошло первое потрясение, единственным чувством, охватившим меня, была безграничная жалость к этому несчастному человеку. Даже его страшный вид только усиливал это чувство. Я вскочила. Не видя ничего, не думая ни о чем, кроме несчастного существа в кресле, я бросилась к нему, чтобы приподнять его, чтобы оживить его, чтобы заставить его прийти в себя, если это было еще возможно. Но тут же я почувствовала, что кто-то крепко схватил меня за руку и потащил назад.

– Разве вы ослепли? – воскликнул Бенджамен. – Смотрите!

Он указал, и я взглянула.

Ариэль опередила меня. Она приподняла своего хозяина в поддерживала его одной рукой. В другой она держала индийскую дубину, которую взяла из коллекции восточного оружия, украшавшего стену над камином. Ариэль преобразилась. Глаза ее сверкали, как глаза дикого животного, она скрежетала зубами.

– Это ваше дело! – крикнула она мне, свирепо размахивая дубиной. – Если вы подойдете к нему, я разможу вам голову. Я буду бить вас, пока не переломаю вам все кости!

Бенджамен держал меня одной рукой, другой отворил дверь. Я не сопротивлялась. Я не могла оторвать глаз от Ариэль, я смотрела на нее как очарованная. Ярость ее утихла, когда она увидела, что мы уходим.

Она бросила дубину, обняла своего хозяина обеими руками, прижалась головой к его груди и зарыдала.

– Хозяин! Хозяин! – выкрикивала она. – Они не будут больше дразнить вас. Взгляните на

меня. Посмейтесь надо мной. Скажите опять: Ариэль, ты глупа. Сделайтесь опять самим собою.

Бенджамен увлек меня в соседнюю комнату. Ариэль продолжала плакать над несчастным существом, которое она любила с преданностью собаки, с самоотверженностью женщины. Тяжелая дверь между нами затворилась. Растроганная до глубины души, беспомощная и бесполезная, я прижалась к моему старому другу и тоже заплакала.

Бенджамен повернул ключ в замке.

– Нечего плакать, – сказал он. – Было бы лучше, если бы вы поблагодарили Бога, что выбрались благополучно из той комнаты.

Он вынул ключ из замка и свел меня вниз, в прихожую. Подумав немного, он отворил выходную дверь. Садовник все еще работал в саду.

– Ваш хозяин заболел, – сказал ему Бенджамен, – а женщина, которая ходит за ним, сошла с ума, если у нее когда-нибудь был ум. Где живет ближайший доктор?

При этом известии садовник обнаружил такую же искреннюю преданность своему господину, как и женщина наверху. Он с проклятьем отбросил лопату.

– Хозяин заболел? – повторил он. – Я сам схожу за доктором. Я найду его скорее, чем вы.

– Скажите доктору, чтобы он взял с собой какого-нибудь мужчину, – прибавил Бенджамен. – Ему может понадобится помощь.

Садовник взглянул сурово.

– Разве я не могу помочь? Это мое дело, и я не уступлю его никому.

Я вернулась в прихожую и села на стул, стараясь успокоиться. Бенджамен начал ходить взад и вперед по комнате.

– И этот и та, оба любят его, – прошептал он задумчиво. – Полуобезьяна-получеловек, а они любят его. Это непостижимо для меня.

Садовник привел доктора, спокойного смуглого решительного человека. Бенджамен вышел им навстречу.

– Я запер его, – сказал он. – Вот ключ. Не пойти ли мне с вами?

Доктор, не ответив, отвел его в угол прихожей. Они заговорили шепотом. Затем доктор сказал:

– Дайте мне ключ! Вы не можете принести никакой пользы, вы только раздражите ее.

Сказав это, он сделал знак садовнику и направился к лестнице. Я решила остановить его.

– Могу я остаться здесь, сэр? – спросила я. – Мне очень хотелось бы...

Доктор поглядел на меня.

– Вам лучше отправиться домой, сударыня, – сказал он. – Знает садовник ваш адрес?

– Знает, сэр.

– Я дам вам знать через садовника, чем это кончится. Последуйте моему совету, отправляйтесь домой.

Бенджамен взял меня под руку. Доктор и садовник пошли наверх.

– Мы не послушаемся доктора, – прошептала я. – Мы подождем в саду.

Бенджамен не хотел и слышать об этом.

– Нет, я увезу вас домой, – объявил он решительно.

Я взглянула на него с удивлением. Мой старый друг, всегда кроткий и уступчивый, выказал теперь настойчивость и силу воли, которых я не подозревала в нем. Он вывел меня в сад. Наш извозчик ждал нас у калитки.

На пути домой Бенджамен вынул из кармана свою записную книжку.

– Что сделать, друг мой, с чепухой, которую я написал здесь? – спросил он.

– Неужели вы записали все? – спросила я с удивлением.

– Когда я берусь за какое-нибудь дело, я исполняю его, – ответил он. – Вы не давали мне знака, чтобы я кончил, и я записал все слово в слово. Что сделать теперь с этими записками? Выбросить их в окно кареты?

– Отдайте их мне.

– Что вы сделаете с ними?

– Я еще сама не знаю. Я посоветуюсь с мистером Плеймором.

Как ни была я утомлена, но в тот же вечер я написала мистеру Плеймору, уведомляя его обо всем случившемся и прося у него помощи и совета.

Записки Бенджамена были большею частью написаны стенографически и в таком виде были, конечно, бесполезны для меня. По моей просьбе он переписал их в двух экземплярах. Одну из копий я вложила в письмо к мистеру Плеймору, другую унесла с собой в спальню.

В долгие часы бессонной ночи я читала и перечитывала последние слова Декстера, стараясь найти в них какой-нибудь полезный для меня смысл. Напрасная надежда. Сколько я ни думала, эти странные слова не поддавались никакому объяснению, и я в отчаянии бросила бумагу. Чем увенчались все мои надежды на успех? Полнейшим разочарованием. Я слишком хорошо помнила все подробности моего последнего свидания с Декстером, и у меня не было надежды на его выздоровление. Я помнила также и слова докторского заключения, с которым меня познакомил мистер Плеймор. «Когда это случится, – писал доктор, – друзья его не должны будут питать надежды на его выздоровление. Равновесие, раз утраченное, будет утрачено навсегда».

Подтверждение этого ужасного приговора не замедлило дойти до меня. На следующее утро садовник Декстера принес мне уведомление, обещанное накануне доктором.

Мизериус Декстер и Ариэль были все в той же комнате, в которой мы оставили их. В ожидании распоряжений ближайшего родственника Декстера, его младшего брата, жившего в провинции и уведомленного о случившемся телеграммой, больной находился под присмотром опытных служителей. Удалить Ариэль от хозяина без насильственных мер, применяемых к безумным больным, оказалось невозможным. Доктор и садовник, оба необычайно сильные люди, не могли удержать ее, когда хотели помешать ей войти в комнату. Но лишь только они уступили ей, ее ярость тотчас же утихла. Пока ей не мешали сидеть у ног ее господина и смотреть на него, она была совершенно спокойна и довольна.

Как ни было это печально, но отчет о положении Декстера был еще печальнее.

«Мой пациент находится в состоянии полнейшего идиотизма», – писал мне доктор, а простой рассказ садовника вполне подтвердил эти слова. Декстер был вполне равнодушен к доказательствам преданности бедной Ариэль, он, по-видимому, даже не замечал ее присутствия. Он сидел по целым часам в состоянии полнейшей летаргии и оживлялся, только когда ему приносили пищу. Он ел и пил с жадностью.

– Сегодня утром, – сказал мне преданный садовник, – нам показалось, что он оживился немного. Он начал озиаться и делал руками какие-то странные знаки. Я не мог понять его, доктор тоже, но она, бедная, она поняла. Она принесла ему его арфу и вложила ее ему в руки. Однако толку было мало. Он не мог играть. Он только щипал струны, смеялся и бормотал что-то про себя. Нет, он не поправится никогда, это ясно для всякого. Кушает с удовольствием, как я уже сказал вам, но и только. Всего лучше было бы, если бы Господь прибрал его. Это все, что я могу сказать вам. Прощайте, сударыня.

Он ушел со слезами на глазах. Я тоже была тронута до слез.

Час спустя пришло известие, ободрившее меня. Я получила телеграмму от мистера Плеймора. В ней говорилось:

«Принужден ехать в Лондон сегодня вечером. Ждите меня завтра к завтраку».

На следующее утро мистер Плеймор был у нас. Он ободрил меня с первых же слов, К моему невыразимому удивлению и облегчению, он вовсе не разделял моего безнадежного взгляда на положение дел.

– Я не отрицаю, – сказал он, – что на вашем пути есть серьезные препятствия, но я не приехал бы к вам, не успев еще сделать главного дела, для которого я прибыл в Лондон, если бы записки мистера Бенджамена не произвели на меня сильного впечатления. По моему мнению, вы получили теперь первый шанс на успех, и я считаю себя теперь вправе предложить вам свою помощь. Помрачение умственных способностей этого несчастного заставило его сделать то, что он никогда не сделал бы в здравом рассудке, заставило его показать нам первые драгоценные проблески истины.

– Вы уверены, что в его словах есть проблески истины?

– Да, я нашел их в двух важных подробностях его рассказа, – ответил мистер Плеймор. – Вы правы, полагая, что память пережила все его другие умственные способности. Я полагаю, что во всем, что он сказал после того, как заговорил о письме, бессознательно высказалась его память.

– Но как объяснить его слова о письме? – спросила я. – Для меня они загадка.

– Так же как и для меня, – ответил он откровенно. – Самое трудное сейчас – разъяснить значение этого письма. Оно касается каким-то образом покойной миссис Макаллан, иначе Декстер не сказал бы, что оно «меч в его сердце» и не соединил бы ее имя с рассказом о том, как письмо было разорвано и брошено. Этот вывод кажется мне весьма правдоподобным, но дальше этого я не иду. Я не имею ни малейшего понятия о том, кем было написано письмо и что в нем. Чтобы попытаться узнать это, мы должны обратиться с расспросами за три тысячи миль отсюда, мы должны послать кого-то в Америку.

Эти слова крайне удивили меня. Я с нетерпением ждала разъяснений.

– Выслушайте меня, – продолжал он, – и решите, стоит ли это дело денежных жертв, которые потребуются от вас, если вы захотите послать кого-нибудь в Нью-Йорк. Я знаю подходящего человека, а сумму издержек, с включением телеграммы, я определяю...

– Не говорите об издержках, – воскликнула я, возмущенная чисто шотландской точкой зрения, ставившей на первый план кошелек. – Я не забочусь об издержках. Расскажите мне, что вы узнали.

– Она не заботится об издержках, – повторил Плеймор шутливо, – это чисто по-женски.

Я могла бы сказать: «Он заботится прежде всего об издержках – это чисто по-шотландски». Но я была слишком заинтересована, чтобы острить. Я нетерпеливо попросила его:

– Говорите, говорите!

Он вынул свою копию с записок Бенджамена и указал мне на следующие слова: «Как быть с письмом? Сжечь его? В камине нет огня. В коробке нет спичек. Весь дом вверх дном. Слуги разбежались».

– Неужели вы понимаете значение этих слов?

– Я припомнил подробности тех дней и легко объяснил их значение.

– И можете объяснить их мне?

– Конечно. Эти загадочные слова передают очень точно некоторые прошлые факты. Мне стоит только рассказать вам эти факты, и вы будете так же проникательны, как и я. Во время судопроизводства ваш муж удивил меня, потребовав, чтобы я отказал немедленно всем слугам в Гленинге. Он поручил мне отдать им жалованье за четверть года вперед, дать им наилучшие аттестаты, вполне ими заслуженные, и потребовать, чтобы час спустя после моего приказа никого из них не было в доме. Побудительной причиной этого странного поступка было почти то же самое, что руководило его поступками в отношении вас. «Если я когда-нибудь вернусь в Гленинг, – сказал он мне, – у меня не хватит духу взглянуть в лицо моим честным слугам после того, как меня судили по обвинению в убийстве». Что я ни говорил ему, ничто не поколебало его решения. Я отпустил слуг. Час спустя после моего приказа они ушли, оставив всю дневную работу неоконченной. Единственными людьми, оставшимися в усадьбе, были сторож, его жена и дочь, жившие на краю парка. В последний день судопроизводства я поручил дочери прибрать комнаты. Она была хорошая девушка, но она никогда не служила горничной и ей не могло прийти в голову наложить дров в камин спальни и наполнить спичечницы спичками. Слова Декстера описывают состояние его комнаты, когда он вернулся в Гленинг с подсудимым и его матерью. Естественно, не найдя возможности сжечь таинственное письмо, он разорвал его и бросил клочки в пустой камин или в корзинку с ненужными бумагами. Во всяком случае, ему нельзя было долго думать над этим. Все в этот день делалось поспешно. Подсудимый, его мать и с ними Декстер уехали в Англию в этот же вечер. Я сам запер дом и отдал ключи сторожу. Условлено было, что сторож возьмет на свое попечение приемные комнаты, а его жена и дочь – спальни. Получив ваше письмо, я тотчас же отправился в Гленинг, чтобы расспросить старуху насчет комнат вообще и спальни Декстера в особенности. Старуха припомнила, что в то время, когда хозяин уехал и дом был заперт, она слегла в постель от боли в пояснице и не выходила из сторожки около недели, если не больше. Все, что было сделано в это время для уборки спальных комнат, было сделано ее дочерью. Она и только она может сказать, куда девался сор,

оказавшийся в комнате Декстера. Теперь в этой комнате, как я убедился собственными глазами, нет ни клочка разорванной бумаги. Где нашла девушка клочки таинственного письма и что она сделала с ними – вот вопросы, за разъяснением которых нам придется обратиться в Америку, по той простой причине, что дочь сторожа год тому назад вышла замуж и переселилась с мужем в Нью-Йорк. Я не хочу оболящать вас обманчивыми надеждами, я не хочу вводить вас в рискованные издержки. Я должен напомнить вам, что если даже дочь сторожа может сказать, что она сделала с сором, который нашла в комнате Декстера, мы едва ли можем надеяться найти по истечении такого долгого времени хоть клочок таинственного письма. Не спешите с решением. У меня есть дело в Сити, и я хочу дать вам целый день на размышление.

– Пошлите кого-нибудь в Нью-Йорк с первым же пароходом. Вот мое решение, мистер Плеймор, – ответила я.

Он покачал головой со строгим укором. В мое первое свидание с ним у нас не было речи о деньгах, и я знакомилась теперь впервые с шотландской стороной характера мистера Плеймора.

– Как! – возразил он, пораженный и сконфуженный. – Но ведь вы не знаете, чего это будет стоить вам. Подождите решать, пока я не определю вам сумму издержек в английских и в американских деньгах.

– Я не могу ждать! Мне нужны новые сведения.

Он не обратил внимания на мое замечание, он продолжал непоколебимо свои расчеты.

– Посланный отправится во втором классе и возьмет билет туда и обратно, – говорил он. – Хорошо. За эту плату он будет иметь и стол. К счастью, он член общества трезвости и потому не будет тратить ваши деньги на вино. В Нью-Йорке он отправится в дешевую немецкую гостиницу, где, как я знаю из достоверных источников, он будет иметь удовлетворительное помещение и содержание за...

К этому времени мое терпение истощилось. Я вынула из ящика стола чековую книжку, написала на чеке свое имя и подала его мистеру Плеймору.

– Напишите тут нужную сумму, – сказала я, – и, ради всего святого, вернемся к запискам Бенджамена.

Мистер Плеймор откинулся на спинку кресла и поднял руки и глаза к потолку. Это торжественное обращение к невидимым силам арифметики и денег не произвело на меня никакого впечатления. Я настойчиво потребовала новых объяснений.

– Скажите мне, – продолжала я, взяв записки Бенджамена, – что значат вот эти слова Декстера: «Номер девятый, Кальдершо, спросить Данди. Вы не увидите дневника. Я шепну вам по секрету: дневник приведет его на виселицу». Как мог узнать Декстер содержание дневника моего мужа? И что значит «номер девятый, Кальдершо, спросить Данди»? Опять факты?

– Опять факты, – ответил мистер Плеймор, – перепутанные факты, но все же факты. Кальдершо – это один из самых подозрительных кварталов в Эдинбурге. Один из моих клерков, исполняющий обыкновенно мои конфиденциальные поручения, взялся узнать, что за человек Данди, в номере девятом. Дело было щекотливое и трудное, и мой клерк хорошо сделал, взяв с собой человека, известного в Кальдершо. Номер девятый оказался лавчонкой старого железа и тряпья. Кроме того, Данди, как ходят слухи, промышляет укрывательством краденых вещей. Благодаря влиянию его спутника и банковского билета, который будет причислен к сумме американских издержек, моему клерку удалось выпытать кое-что у Данди. Я передам вам сущность его рассказа, не обременяя вас излишними подробностями. Недели за две до смерти покойной миссис Макаллан Данди сделал два ключа по образцу двух восковых слепков, присланных ему каким-то неизвестным заказчиком. Таинственность, соблюдаемая агентом этого заказчика, возбудила подозрительность Данди, и, прежде чем отдать ключи, он выследил этого человека и узнал, что ключи были заказаны Мизериусом Декстером. Подождите, я еще не кончил. Прибавьте к этому открытию знакомство Декстера с содержанием дневника вашего мужа, и вы придете к заключению, что восковые слепки, присланные Данди, были слепками с ключей от дневника и от стола, где лежала книга. У меня есть свои предположения насчет открытий, которые ожидают нас, если мы поведем это дело как следует, но теперь не время говорить об этом. Я повторяю вам опять, что Декстер виновен так или иначе в смерти покойной миссис Макаллан, и мне кажется, что вы теперь на прямом пути к открытию, в чем состоит его вина. Мало этого, я скажу теперь, чего не решался сказать прежде. Я считаю долгом относительно правосудия и относительно вашего мужа сделать все возможное, чтобы открыть

истину. Что же касается предстоящих трудностей, мне кажется, что вы не должны смущаться ими. Трудности преодолеваются, когда к ним приступают с соединенными силами терпения, решимости и экономии.

Мой достойный советник сделал сильное ударение на последнем слове и, помня о ходе времени и об ожидавших его делах, встал, чтобы проститься со мной.

– Еще одно слово, – сказала я, когда он протянул мне руку. – Не могли бы вы побывать у Мизериуса Декстера? Судя по тому, что я слышала от садовника, его браг уже приехал. Мне бы хотелось получить последние известия о Декстере, и получить их от вас.

– Посещение Декстера входило в план моей поездки в Лондон, – ответил мистер Плеймор. – Не подумайте, что я имею надежду на его выздоровление. Я хочу только удостовериться, может ли и хочет ли брат его взять его на свое попечение. Для нас с вами, миссис Макаллан, он уже сказал свои последние слова, нам нечего больше ожидать от него.

Мистер Плеймор отворил дверь, остановился, подумал и вернулся ко мне.

– Что касается посылки агента в Америку, я намерен иметь честь представить вам краткую смету...

– Мистер Плеймор!

– Краткую письменную смету расходов, сопряженных с этим предприятием. Вы посмотрите ее внимательно, и если найдете возможным сократить расходы, то сделаете на ней свои замечания. Затем, если смета будет одобрена вами, вы напишете на вашем чеке нужную сумму словами и цифрами. Нет, сударыня, моя совесть не позволяет мне носить с собой такой опасный документ, как пустой чек. Этот небольшой клочок бумаги есть нарушение основных правил осторожности и экономии и прямое противоречие принципам, которыми я руководствовался всю свою жизнь. Я не могу поступить вопреки своим принципам. Прощайте, миссис Макаллан, прощайте.

Он положил мой чек на стол с низким поклоном и вышел из комнаты. Можно ли удивляться после этого, что шотландцы так преуспевают в жизни?

Глава XLII НОВЫЕ СЮРПРИЗЫ

В тот же день вечером клерк мистера Плеймора доставил мне смету.

Это был в высшей степени характерный документ. Издержки нашего агента были рассчитаны с добросовестной аккуратностью не только до шиллингов, но даже до пенсов, инструкции, данные ему на этот счет, были так подробны и мелочны, что его жизнь в Америке должна была быть мучением для него. Из сожаления к нему я решила увеличить немного сумму, назначенную мистером Плеймором. Напрасная попытка. Мне следовало лучше знать человека, с которым я имела дело. К следующему письму, уведомившему меня, что наш посланный отправился в путь, мистер Плеймор приложил формальную расписку в получении денег и весь излишек до последнего фартинга.

К смете было прибавлено несколько спешных строк, в которых мистер Плеймор рассказал мне о своем посещении Мизериуса Декстера.

У больного не было никакой перемены ни к лучшему, ни к худшему. Брат мистера Декстера приехал и привез с собой доктора, специалиста по душевным болезням. Доктор отказался высказать какое-нибудь положительное мнение о состоянии своего нового клиента без тщательного и продолжительного изучения всех симптомов болезни. Вследствие этого решено было перевезти Мизериуса Декстера в приют для умалишенных, содержащийся этим доктором. Единственное затруднение, которое еще предстояло устранить, касалось дальнейшей участи бедной Ариэль, этого преданного создания, не отходившего от своего господина ни днем, ни ночью с тех пор, как случилась катастрофа. Нельзя было, конечно, ожидать, что доктор примет ее в свой приют бесплатно, а брат Декстера сообщил, что, к сожалению, средства его не позволяют ему платить за нее. Насильственное удаление от единственного существа, которое она любила, и заключение в сумасшедший дом – такова была перспектива, ожидавшая ее, если никто не примет в ней участия.

Великодушный мистер Плеймор, подчинив правила экономии требованиям человеколюбия, предложил устроить частную подписку и сам украсил подписной лист щедрым

пожертвованием.

Прочитав письмо мистера Плеймора, я тотчас же написала брату Декстера, предлагая в ожидании результатов подписки взять на себя содержание Ариэли с тем условием, чтобы она сопровождала своего господина, когда его повезут в дом умалишенных. Мое предложение и условия были охотно приняты. Но когда я попросила, чтобы ей и впредь было позволено ухаживать за ее господином, как она ухаживала за ним до сих пор, мне было отказано. Правила заведения воспрещали это. Однако с помощью настойчивости и убеждений мне удалось добиться значительной уступки. Ариэль позволено было проводить известные часы дня и с известными условиями в комнате ее хозяина и сопровождать его во время его прогулок в кресле по саду. К чести человечества, я должна прибавить, что мое обязательство не ввело меня в большие издержки. Наш подписной лист, порученный Бенджамену, привлек многих. Не только друзья его, но и люди совершенно посторонние, выслушав печальную историю Ариэли, охотно открывали свои кошельки.

На другой день после свидания с мистером Плеймором я получила письмо от моей свекрови из Испании. Описать, что я почувствовала, когда сломала печать и прочла первые строки, решительно невозможно. Пусть на этот раз вместо меня говорит миссис Макаллан.

Она писала:

«Моя милая Валерия! Спешу поделиться с Вами радостью. Юстас оправдал мое доверие. Вернувшись в Англию, он вернется к Вам, если Вы ему это позволите. Уверю Вас, что это решение он принял самостоятельно, не под моим влиянием.

Едва он пришел в себя и узнал от меня, что Вы ухаживали за ним во время его болезни, он сказал: «Как только я окажусь в Англии, я пойду к Валерии. Как Вы думаете, простит она меня?» Теперь ответ за Вами. Если Вы любите нас, отвечайте с первой почтой.

Я решила не отправлять сразу это письмо. Я хочу дать ему подумать. Если время изменит его решение, я скажу Вам об этом прямо.

Прошло три дня – и все без изменений. Он живет одним чувством – желанием увидеть Вас.

Но я должна предупредить Вас. Ни время, ни перенесенные страдания не изменили его отвращения к Вашему намерению расследовать обстоятельства смерти его первой жены. Он знать не хочет о том, что это делается ради его интересов.

«Отказалась ли она от этого намерения? Вы уверены в этом?» – вот вопросы, которые он задает беспрестанно. Я отвечаю ему так, чтобы успокоить его. Я говорю, что в силу обстоятельств Вам пришлось отказаться от своего намерения. Что препятствия, которые встретились Вам, оказались непреодолимыми.

Таково и действительно мое мнение – я высказывала его Вам и с тех пор я не слышала от Вас ничего такого, что могло бы заставить меня думать иначе. Если я права, Вам стоит только сказать это в Вашем письме, и все пойдет хорошо. Если же Вы все еще не отказались от своих безнадежных планов, приготовьтесь к последствиям Вашего упрямства. Если Вы пойдете против убеждений Юстаса, Вы лишите себя его благодарности, его раскаяния, его любви и, как мне кажется, никогда его больше не увидите.

Я выражаюсь сильно, моя милая, но я делаю это для Вашей же пользы. Когда будете писать мне, напишите несколько строк и Юстасу.

Что касается дня нашего отъезда, я еще не могу назначить его. Юстас поправляется очень медленно, доктор еще не позволяет ему вставать с постели. Когда же мы наконец пустимся в путь, мы должны будем ехать не спеша, так что пройдет по крайней мере шесть недель, прежде чем мы увидим милую старую Англию.

Любящая вас Катарина Макаллан».

Я спрятала письмо и попробовала успокоиться и овладеть собой. Чтобы понять вполне мое положение, необходимо вспомнить одно обстоятельство. Человек, которому поручено было навести справки о таинственном письме, переплывал в это время Атлантический океан на пути в

Нью-Йорк.

Как я должна была поступить?

Я колебалась. Как ни предосудительно покажется это некоторым людям, но я сознаюсь, что я колебалась. Спешить с решением не было надобности. Передо мной был еще целый день.

Я вышла на одинокую прогулку и обдумала все. Я вернулась домой, села у камина и снова обдумала все. Оскорбить и отвергнуть моего милого, когда он возвращался ко мне добровольно и с раскаянием – этого не сделала бы ни одна женщина в моем положении. С другой стороны, могла ли я отказаться от моего великого предприятия, когда даже благоразумный, осторожный мистер Плеймор возымел такую надежду на успех, что решился предложить мне свою помощь. На какую из этих двух жертв должна я была решиться? Вспомните о собственных слабостях и будьте снисходительны ко мне. Я не решилась ни на ту, ни на другую. Два врага человечества, лицемерие и обман, взяли меня ласково за руку и прошептали мне самым убедительным тоном: «Не принимай на себя никакого обязательства. Отвечай настолько откровенно, чтобы только успокоить свекровь и мужа. Впереди еще много времени. Подожди. Может быть, время окажет тебе услугу и выведет тебя из затруднения».

Коварный совет, однако я приняла его, я, воспитанная так, что я должна была бы отвергнуть его. Вы, читающие эти строки, вы, конечно, отвергнули бы его. Что делать! Я буду хоть настолько добродетельна, чтобы сознаться в своих проступках. В письме к свекрови я написала, что Мизериус Декстер отправлен в дом умалишенных, и предоставила ей вывести из этого факта какое угодно заключение. Мужу я также сказала только половину правды. Я сказала, что прощаю его всем сердцем и что если он вернется ко мне, то я приму его с отверстыми объятиями, и это была истинная правда. Что же касается остального, я могу сказать вместе с Гамлетом: «Остальное – молчание».

Отправив мои недостойные письма, я впала в тревожное, тоскливое расположение духа и почувствовала необходимость в перемене образа жизни. Известия из Нью-Йорка нельзя было ждать раньше, чем через восемь или девять дней. Я простилась на время с моим милым Бенджаменом и отправилась на север, к моему дяде Старкуэзеру. Поездка в Испанию к больному мужу помирила меня с моими почтенными родственниками: мы обменялись дружескими письмами, и я обещала приехать погостить к ним, как только найду возможным покинуть Лондон.

Время, проведенное в моем прежнем доме, было спокойным и сравнительно счастливым временем. Я побывала опять на берегу реки, где встретила впервые с Юстасом, побывала на лугу и в саду, где мы сходились тайно, чтобы поговорить о наших неприятностях, и так часто забывали их в поцелуе. Как печальна была наша жизнь с тех пор! И как сомнительно было будущее!

Обстановка, в которой я жила теперь, произвела успокоительное действие на мое сердце, облагораживающее действие на мой ум. Я начала упрекать себя за то, что мое письмо к мужу было не вполне откровенно. Почему я колебалась, не решаясь расстаться с моими надеждами? Он, бедный, не колебался, его первой мыслью была мысль о жене...

Спустя две недели после моего приезда в дом дяди я получила от мистера Плеймора известие, невыразимо огорчившее и разочаровавшее меня. Наш посланный уведомлял нас телеграммой, что дочь сторожа и ее муж уехали из Нью-Йорка и что ему не удалось пока узнать, куда они переселились.

Нечего было делать. Оставалось только вооружиться терпением и ждать. По совету мистера Плеймора я осталась на севере, чтобы быть вблизи от него на случай, если мне понадобится посоветоваться с ним лично. Прошло еще три недели тяжелого ожидания, прежде чем я получила новое письмо от него. На этот раз нельзя было сказать, хорошо или дурно было известие, но, хорошее или дурное, оно было в высшей степени неожиданным. Даже мистер Плеймор был поражен. Вот загадочная телеграмма (столь краткая вследствие экономических расчетов, конечно), которую прислал нам наш агент из Америки:

«Раскопайте мусорную кучу в Гленинге».

НАКОНЕЦ

Письмо, в котором мистер Плеймор сообщил мне о странной телеграмме нашего агента, не выражало того обнадеживающего взгляда на наше положение, каким он ободрил меня в доме Бенджамена. Он писал:

«Телеграмма не может иметь другого значения, кроме того, что разорванное письмо было выброшено вместе с другим сором и золой в мусорную кучу. В продолжение трех лет весь сор, выметавшийся из дома, и зола из каминов, топившихся в библиотеке и в картинной галерее почти круглый год, выбрасывались в ту же кучу и зарывали драгоценные клочки все глубже и глубже. Если даже мы найдем их, можно ли рассчитывать, что они сохранились настолько, что можно будет прочесть написанное на них? Отвечайте мне, если возможно, с первой же почтой, какого Вы мнения об этом. Если бы Вы приехали посоветоваться со мной лично, мы выиграли бы время, которое может быть очень дорого. Вы теперь недалеко от Эдинбурга. Подумайте об этом».

Я много думала об этом. Единственное затруднение, которое останавливало меня, касалось моего мужа.

Отъезд матери и сына откладывался по совету доктора так долго, что они были еще только в Бордо, когда я дня три или четыре тому назад получила последнее известие от миссис Макаллан. Приняв во внимание время отдыха в Бордо и неторопливость, с которой они должны были продолжать свое путешествие, я все же должна была ожидать, что они возвратятся в Англию раньше, чем мистер Плеймор получит письмо от нашего агента. Буду ли я иметь возможность съездить к юристу в Эдинбург после того, как встречу с мужем в Лондоне, – весьма сомнительно. Я решилась откровенно написать мистеру Плеймору, что я не могу больше располагать своими действиями, и попросила его адресовать свое следующее письмо в дом Бенджамена.

К этому ответу я прибавила несколько своих соображений по поводу разорванного письма.

В последние годы жизни моего отца я путешествовала с ним по Италии и видела в Неаполитанском музее удивительные памятники прошлого, открытые между развалинами Помпеи. Желая поощрить мистера Плеймора, я напомнила ему, что вулканическая зола, под которой был погребен город, сохранила от порчи в течение шестнадцати столетий такие непрочные предметы, как живопись на стенах, носильное платье, солому, в которой была упакована посуда и (что всего замечательнее для нас) лист старинной бумаги, прикрепленный к вулканической золе, упавшей на него. Если такие предметы сохранились в целости в течение шестнадцати столетий под большой массой пыли и золы, почему нам не надеяться найти в целости наше письмо, пролежавшее под небольшой массой тех же веществ только три или четыре года? Приняв за несомненное, что клочки письма отыщутся (что было еще весьма сомнительно), я выразила твердую уверенность, что написанное на них окажется хотя и полинявшим, но все же удобочитаемым. Позднейшие постепенные наслоения пыли и золы не только не были вредны, как, по-видимому, полагал мистер Плеймор, но были, напротив, полезны, потому что предохраняли бумаги от дождя и сырости. Этими скромными намеками я заключила свое письмо. Благодаря сведениям, приобретенным на континенте, я была в состоянии поправить ошибку моего ученого советника.

Прошел еще день. О путниках не было никакого известия. Я начала беспокоиться. Я уложила свои вещи и решила ехать в Лондон на другой день утром, если до тех пор не получу никаких известий о перемене в путевых планах миссис Макаллан.

На следующее утро почта принесла мне письмо от моей свекрови. Это письмо определило мой дальнейший образ действий и прибавило новый достопамятный день к моему личному календарю.

На пути из Бордо в Париж моего мужа постигло новое несчастье. Дорожная усталость и волнение в ожидании свидания со мной сломили его слабые силы. Доехав с трудом до Парижа, он снова слег в постель. В этот раз доктора не опасались за его жизнь, но предписывали ему продолжительный отдых и полнейшее спокойствие.

«Вы одна можете утешить и подкрепить Юстаса в этом новом бедствии, Валерия, – писала мне миссис Макаллан. – Не думайте, что он осуждает или когда-нибудь осуждал Вас за то, что вы покинула его в Испании. «Я сам покинул ее, и она вправе ожидать, чтобы я вернулся к ней первый», – сказал он мне, когда мы впервые заговорили об этом. Таково его мнение, друг мой, и он сделал все что мог, чтобы исполнить то, что он считает своим долгом. Теперь же, когда он слег в постель, он принужден просить Вас принять его намерение за исполнение и приехать к нему самой. Мне кажется, что я знаю Вас достаточно, дитя мое, чтобы не сомневаться, что Вы исполните его просьбу. Я считаю только нужным предостеречь Вас, чтобы Вы избегали всяких разговоров не только о процессе (это Вы и сами знаете), но даже о Гленинге. Вы поймете, как сильна его болезненная раздражительность, когда я скажу Вам, что я не решилась бы пригласить Вас приехать к нему, если бы не знала из Вашего письма, что Вы не видите больше с Декстером. Поверите ли! Его отвращение ко всему, что напоминает о наших прошлых испытаниях, все еще так сильно, что он просит моего согласия на продажу Гленинга».

Так писала мне моя свекровь, но, не полагаясь, вероятно, на силу собственных убеждений, она вложила в свое письмо небольшой лоскуток бумаги с двумя строчками, написанными слабой, дрожащей рукой моего бедного Юстаса. Он писал:

«Я слишком слаб, чтобы ехать дальше, Валерия. Не простишь ли ты меня и не приедешь ли ты ко мне сама?»

Дальше было еще несколько слов, но разобрать их не было возможности.

Прочитав письмо, я немедленно отказалась от всякого дальнейшего участия в отыскании таинственного письма. Я решила, что если Юстас спросит меня об этом, то я буду в состоянии ответить ему искренне: «Да, я принесла жертву, необходимую для твоего спокойствия. В такое время, когда это было особенно трудно, я ради тебя отказалась от моего предприятия».

Перед отъездом из дома дяди я написала мистеру Плеймору новое письмо, в котором объяснила ему откровенно свое положение и навсегда отказалась от всякого дальнейшего участия в попытке открыть тайну преступления в Гленинге.

Глава XLIV НАШ НОВЫЙ МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Не скрою, что на пути в Лондон я была в очень грустном расположении духа.

Отказаться от цели после того, как я уже столько выстрадала из-за нее, – и в такое время, когда я, по-видимому, была уже так близка к осуществлению моих надежд, было, конечно, большим испытанием. Тем не менее если бы мне представился случай вернуть мое письмо, адресованное мистеру Плеймору, я не сделала бы этого. «Дело сделано, и сделано хорошо, – говорила я себе, – и мне остается только дожидаться того дня, когда поцелуй моего мужа примирит меня с моей жертвой».

Я рассчитывала приехать в Лондон вовремя, чтобы отправиться дальше в тот же вечер. Но наш поезд опоздал, и мне пришлось переночевать у Бенджамена.

Я не успела предупредить моего старого друга о перемене в моих планах, и мой приезд был для него неожиданностью. Я застала его в библиотеке над большим столом, освещенным лампами и свечами и усыпанным множеством мелких клочков бумаги.

– Что вы делаете? – спросила я.

Бенджамен покраснел...

– Ничего, ничего, – ответил он, сконфуженный. – Не обращайтесь внимания.

Он протянул руку, чтобы смахнуть со стола клочки бумаги. Я остановила его. У меня явилось внезапное подозрение.

– Вы получили какое-то известие от мистера Плеймора, – сказала я. – Отвечайте мне правду. Да или нет?

Бенджамен покраснел еще больше и ответил утвердительно.

– Где письмо?

– Я не могу показать вам его, Валерия.

Само собой разумеется, что этот ответ заставил меня решиться прочесть письмо во что бы то ни стало. Лучшим средством умиловить Бенджамена было рассказать ему о жертве, принесенной мной ради спокойствия моего мужа.

– Я не имею больше голоса в этом деле, – сказала я в заключение. – Теперь все зависит от мистера Плеймора, и я хочу только воспользоваться последним случаем узнать, что он думает об этом.

Бенджамен был так удивлен и доволен мной, что не мог отказать в моей просьбе и показал мне письмо.

В этот раз мистер Плеймор обращался к нему как к коммерческому человеку с конфиденциальным вопросом, не случалось ли ему во время его долгой практики слышать о документах, которые были разорваны умышленно или случайно и вновь составлены, или не может ли он указать человека, знающего, как это делается. Чтобы объяснить свой странный вопрос, мистер Плеймор рассказал ему, к каким важным открытиям привела «чепуха», записанная моим старым другом у Декстера. Письмо заключалось советом сохранить возникшую переписку в тайне от меня, чтобы не возбудить во мне слишком смелых надежд, которые могли не оправдаться.

Я поняла теперь причину безнадежного тона, которым было написано последнее письмо ко мне мистера Плеймора. Он был, очевидно, так увлечен надеждой отыскать и восстановить разорванное письмо, что осторожность заставляла его скрывать свои чувства от меня. Теперь можно было не опасаться, что он бросит начатое дело вследствие того, что я отказалась от участия в нем. Я взглянула с новым интересом на клочки бумаги, разбросанные по столу Бенджамена.

– Не нашли ли чего-нибудь в Гленинге? – спросила я.

– Нет. Я хотел сделать опыт, прежде чем ответить мистеру Плеймору.

– Так вы разорвали это письмо сами?

– Да, и для того, чтобы труднее было сложить его, я бросил клочки в корзину с ненужными бумагами. В мои годы это, конечно, ребячество, моя милая.

Он замолчал, сильно сконфуженный.

– И удалось вам сложить письмо?

– О, это очень трудно, Валерия, – ответил он. – Однако начало было удачным. Это делается по тому же правилу, которым мы руководствовались, складывая так называемые головоломки, когда я был мальчиком. Стоит только сложить центральную часть, а остальное сложится непременно в более или менее долгое время. Не говорите об этом никому, Валерия. Люди могут сказать, что я впал в детство. Подумать только, что чепуха, которую я записал, имеет смысл! Я получил письмо мистера Плеймора сегодня утром, и – поверите ли? – с тех пор я только и делал, что складывал разорванные письма. Вы не расскажете этого никому, друг мой, не правда ли?

Я ответила милому старику горячим поцелуем. Теперь, когда он утратил свой твердый нравственный баланс и заразился моим энтузиазмом, я любила его больше, чем когда-либо.

Однако я все еще не была счастлива. Как я ни старалась, я не могла заглушить в себе сожаления, что мне пришлось отказаться в такое время от участия в начатом мною деле. Моим единственным утешением было думать о Юстасе и о перемене к лучшему в нашей супружеской жизни. В этом отношении, по крайней мере, я восторжествовала. Мой муж вернулся ко мне добровольно, он уступил не по необходимости, но вследствие своей благодарности и любви ко мне. И я согласилась сойтись с ним опять не потому, что я сделала открытия, не оставившие ему другого выбора, как жить со мной, но потому, что верила ему и любила его безгранично. Разве для такого результата не стоило принести некоторых жертв? Стоило, конечно, стоило, но я все же была не в духе. Впрочем, это должно было скоро кончиться. Утешение было только на расстоянии дня пути.

На другой день я уехала из Лондона с утренним поездом. Бенджамен проводил меня на станцию.

– Я напишу в Эдинбург сегодня же, – сказал он мне, пока мы ждали отхода поезда. – Мне кажется, что я знаю человека, который может быть полезен мистеру Плеймору, если мистер

Плеймор решится продолжать свои исследования. Не нужно ли передать что-нибудь от вас, Валерия?

– Нет, Бенджамен, я покончила с этим делом, мне больше нечего сказать.

– Написать вам, чем кончится попытка мистера Плеймора?

Я ответила с горечью:

– Да, напишите мне, если попытка не удастся.

Мой старый друг улыбнулся. Он знал меня лучше, чем я сама.

– Хорошо, – сказал он покорно. – У меня есть адрес парижского поверенного вашего банкира. Вам придется съездить к нему за деньгами, и вы, может быть, найдете у него письмо от меня, когда всего менее будете ожидать этого. Пишите мне о здоровье вашего мужа. Прощайте, моя милая, да благословит вас Бог.

В этот день вечером я увидела Юстаса.

Он был так слаб, бедный, что не мог даже приподнять голову с подушки. Я опустила на колени около его постели. Его усталые глаза просветлели, когда мои губы коснулись его губ.

– Я теперь постараюсь жить для тебя, – сказал он.

Миссис Макаллан была так деликатна, что оставила нас вдвоем. Когда он сказал эти слова, я не могла устоять против искушения сообщить ему о новой надежде, осветившей нашу жизнь.

– Ты должен жить теперь не для меня одной, Юстас, – прошептала я.

Он взглянул на меня с удивлением.

– Ты говоришь о моей матери?

Я положила голову ему на грудь и ответила:

– Я говорю о твоём ребенке.

Я была вполне вознаграждена за все, чем я пожертвовала. Я забыла мистера Плеймора, забыла Гленинг. С этого дня начался наш новый медовый месяц.

Тихо и спокойно потекла наша жизнь среди парижского шума, которого мы не замечали. Юстас поправлялся медленно, но неуклонно. Доктора скоро оставили его на мое попечение.

«Вы для него лучший доктор, – сказали они. – Чем счастливее он будет с вами, тем скорее он поправится». Спокойное однообразие моей новой жизни вовсе не утомляло меня. Напротив, я сама нуждалась в отдыхе, у меня не было интересов и удовольствий вне комнаты моего мужа.

Один и только один раз тихая поверхность нашей жизни слегка возмутилась намеком на прошлое. Какое-то случайное слово в разговоре напомнило Юстасу наше последнее свидание в доме майора Фитц-Дэвида. Он деликатно намекнул мне на то, что я сказала ему тогда о вердикте и о моем намерении доказать его невиновность, и дал мне понять, что я успокоила бы его, если бы подтвердила уверения его матери, что я отказалась от моего намерения.

Я могла ответить ему искренне и без всякого затруднения, что его желания сделались для меня законом. Но мне кажется, что я поступила бы не по-женски, если бы ограничилась этим ответом. Мне пришло в голову, что я тоже вправе ожидать, чтобы он успокоил меня. И, как это всегда бывает со мной, слова немедленно последовали за побуждением выговорить их.

– А ты, Юстас, – спросила я, – освободился ты от жестоких подозрений, побудивших тебя покинуть меня?

Его ответ заставил меня покраснеть от удовольствия.

– Я не расстался бы с тобой, если бы знал тебя тогда так, как знаю теперь.

Так исчезла последняя тень недоверия между нами.

Все мои прошлые тревожения в Лондоне как будто изгладились из моей памяти. Мы были опять влюбленными, мы были опять поглощены друг другом, нам казалось, что мы обвенчаны не более двух дней. Но при всем этом я не всегда была вполне спокойна и счастлива. В опасные минуты, когда я оставалась одна, мной опять овладевало страстное желание узнать, пытался ли мистер Плеймор отыскать в мусорной куче разорванное письмо. Что мы за странные создания? Обладая всем, что только может пожелать женщина для своего счастья, я готова была скорее рискнуть этим счастьем, чем остаться в неведении насчет того, что делалось в Гленинге. Я благословила день, когда мой опустевший кошелек дал мне случай съездить к поверенному моего банкира и узнать, не получил ли он письма для передачи мне.

Я не помню, как я спросила деньги. Я думала только о письме и украдкой оглядывала столы и конторки. На виду не было писем, но из соседней комнаты вышел какой-то человек, некрасивый человек, но мне он показался красавцем, потому что в руке его было письмо,

которое он подал мне.

Я взглянула на адрес и узнала почерк Бенджамена.

Раскопали они мусорную кучу? И если раскопали, то каков был результат?

Кто-то положил деньги в мой мешок и учтиво проводил меня до кареты, ожидавшей меня у подъезда. Я пришла в себя, только когда на пути домой распечатала письмо. Из первых же слов я узнала, что мусорная куча была разрыта и клочки разорванного письма отысканы.

Глава XLV ПОИСКИ В МУСОРНОЙ КУЧЕ

У меня потемнело в глазах. Я должна была подождать и дать стихнуть своему волнению, прежде чем продолжать чтение письма.

Отдохнув немного, я взглянула опять на письмо и увидела в конце его фразу, которая и удивила, и испугала меня.

Я остановила извозчика и приказала ему ехать в Булонский лес. Мне нужно было выиграть время, чтобы прочесть письмо на свободе и решить, должна ли я сохранить его в тайне от мужа и свекрови или нет.

Приняв эту предосторожность, я приступила к чтению письма моего благоразумного и внимательного друга. Передавая мне события с методической последовательностью, он начал с письма из Америки.

Наш посланный успешно разыскал дочь сторожа и ее мужа в маленьком городке одного из западных штатов, куда они переселились. Рекомендательное письмо мистера Плеймора обеспечило ему самый радушный прием в их доме.

Его первые расспросы привели к далеко не ободрительному результату. Женщина удивилась, смутилась и не могла припомнить ничего сколько-нибудь полезного для нас. К счастью, муж ее оказался рассудительным человеком. Он отвел нашего агента в сторону и сказал: «Я понимаю свою жену, а вы ее не понимаете. Скажите, что именно вам нужно узнать, и предоставьте мне расспросить ее».

Это благоразумное предложение было охотно принято нашим агентом. На другой день рано утром хозяин сказал ему: «Поговорите теперь с моей женой, и вы увидите, что она может сообщить вам кое-что. Только не смейтесь над ее рассказом. Все, что она может рассказать, кажется ей до такой степени ничтожным, что она стыдилась говорить об этом даже со мной. Она думает, что такие пустяки не могут интересовать мужчин. Слушайте спокойно, не мешайте ей говорить, и вы узнаете все, что она помнит».

Наш агент последовал этим инструкциям, и женщина рассказала ему следующее.

Она помнила ясно, что после отъезда хозяина и гостей из Гленинга ей было поручено прибрать спальни. Мать ее была больна в это время и не могла помочь ей. Девушке не хотелось идти одной в большой дом после того, что случилось там. По дороге ей встретились в парке два ребенка из окрестных коттеджей. Мистер Макаллан был добр со своими бедными арендаторами и никогда не мешал их детям играть в парке. Двое детей от нечего делать последовали за ней, и она решила взять их с собой в дом, чтобы не быть там одной.

Она начала свое дело с Коридора гостей, оставив другой коридор, тот, в котором умерла хозяйка, до другого дня.

В первых двух комнатах почти нечего было делать. Девушка не наполнила даже до половины бадью, которую принесла с собой для сора и золы. Дети следовали за ней и, действительно, были для нее большим утешением в пустом доме.

Третья комната, то есть спальня, которую занимал Мизериус Декстер, была в худшем состоянии и доставила девушке значительно больше труда. Занявшись делом, она забыла о детях. Она уже смела пыль с ковра, выгребла золу из камина и сыпала все это в бадью, когда громкий плач напомнил ей о ее спутниках.

Она оглянулась и сначала не нашла их, но новый взрыв плача показал ей, что они были в углу комнаты под столом. Младший забрался в корзинку для бумаги, старший нашел старую бутылку с остатками вишневого клея и с кистью, приделанной к пробке, и пресерьезно принялся размазывать клей по лицу младшего. Естественное сопротивление младшего кончилось тем, что он опрокинул корзинку и разразился громким плачем.

Помочь беде было нетрудно. Девушка отняла у старшего бутылку и дала ему подзатыльник, младшего подняла на ноги и, чтобы они не мешали ей, поставила обоих в угол. Успокоив детей, она собрала бумаги, разлетевшиеся по полу, бросила их опять в корзину вместе с бутылкой, принесла бадью, высыпала в нее все, что было в корзине, и перешла в четвертую комнату, которой и закончила в этот день свою работу.

Она вышла из дома вместе с детьми, отнесла бадью к мусорной куче и вывалила принесенный сор в небольшое углубление на куче. Затем она проводила детей домой и вернулась к себе.

Вот все, что узнал наш агент от дочери сторожа.

Рассказанные подробности привели мистера Плеймора к заключению, что шансы были решительно в нашу пользу. Разорванное письмо, брошенное в середину бадьи, было защищено в мусорной куче и сверху, и снизу. Сор, сваливавшийся в ту же кучу в последующие месяцы и годы, содействовал предохранению бумаги от внешних влияний, а так как мусорная куча пролежала все эти годы нетронутая, то и клочки драгоценного письма должны были отыскаться в том месте, куда они были брошены.

Таково было заключение юриста, и он немедленно сообщил его Бенджамену. А что сделал Бенджамен?

Испробовав свою способность складывать разорванные письма на своей собственной корреспонденции, он не мог устоять против искушения сделать опыт с таинственным письмом.

«Ваша затея свела меня с ума, друг мой, – писал он мне. – Вы знаете, что я имею несчастье быть человеком праздным. У меня есть лишнее время и лишние деньги. Вследствие этого я теперь в Гленинге и, с позволения доброго мистера Плеймора, занимаюсь раскапыванием мусорной кучи».

Затем следовало описание места его деятельности. Для меня это описание было лишним, потому что я сама видела местность и живо помнила ее. Что сделали Бенджамен и мистер Плеймор? Чем увенчались их поиски? Вот что интересовало меня больше всего в рассказе моего друга, и я поспешила перейти к той части письма, в которой это описывалось.

Они принялись за дело с отличавшей их методичностью, не упуская из вида, с одной стороны, цель, с другой – экономию в трате фунтов, шиллингов и пенсов. В Бенджамене юрист нашел то, чего не находил во мне, – сочувствующий ум, способный оценить важность сметы расходов в пользу расчетливости.

За определенную плату в неделю они наняли людей для раскапывания мусорной кучи; за определенную плату в неделю они достали палатку для предохранения кучи от ветра и дождя; за определенную плату в неделю они запаслись услугами молодого химика, которого Бенджамен знал лично. Этот химик занимался в лаборатории известного профессора и прославился искусным восстановлением документов в недавнем деле о мошенничестве в одной лондонской фирме. Покончив с этими приготовлениями, они приступили наконец к делу. Бенджамен и молодой химик поселились в Гленинге, чтобы наблюдать поочередно за ходом работ.

Три дня работы лопатой и решетом не принесли никаких сколько-нибудь важных результатов. Но предприятие было в руках двух твердо решившихся людей, и, не теряя мужества, они продолжали.

На четвертый день показались первые клочки бумаги. Они оказались разорванным счетом торговца. Бенджамен и молодой химик, ободренные, продолжали свое дело. В конце третьего дня появились новые клочки бумаги. Они были исписаны чернилами. Мистер Плеймор, приезжавший в Гленинг каждый вечер, после тщательного рассмотрения объявил, что это был, несомненно, почерк покойной миссис Макаллан.

Это открытие довело энтузиазм искателей до крайней степени напряжения.

Лопаты и решета сделались с этих пор воспрещенными орудиями. Дальнейшие раскопки проводились руками, как ни неприятна была такая работа. Извлеченные клочки помещались в том порядке, как их находили, в большие картонные коробки. Настала ночь, работники были отпущены, но Бенджамен и его два товарища продолжали работу при свете ламп. Клочки появлялись теперь не по одному и не по два, как сначала, а целыми дюжинами. Так продолжалось некоторое время, потом клочки перестали появляться. Все ли они были собраны?

Дальнейший незначительный слой сора был осторожно снят, и под ним лежала горлышком вниз бутылка, о которой говорила дочь сторожа. И, что было еще драгоценнее, под бутылкой оказались новые клочки бумаги, склеенные последними каплями клея, вытекшими на них из бутылки.

Действие перенеслось затем внутрь дома. Искатели объединились вокруг большого стола в библиотеке.

Бенджамен, основываясь на опыте, приобретенном в детстве над складыванием головоломки, выразил предположение, что клочки, сбившиеся в кучку, должны были, по всей вероятности, прийтись один к другому и могли послужить точкой отправления для дальнейшей работы.

Трудное дело разъединить эти клочки, сохранив порядок, в каком их нашли, было поручено искусным пальцам химика. Но этим далеко не ограничивалась трудность задачи. Письмо, как и большая часть писем, было написано на обеих сторонах листа, и для того, чтобы перевести написанное на другую бумагу, необходимо было раздвоить каждый клочок, чтобы получить чистую сторону, которую можно было бы намазать тонким цементом, употребляемым для соединения клочков бумаги.

Мистер Плеймор и Бенджамен, встретясь с такими затруднениями, едва не потеряли надежду на достижение цели, но их искусный товарищ поспешил ободрить их.

Он обратил их внимание на плотность бумаги (почтовой бумаги лучшего качества), на которой было написано разорванное письмо. Она была вдвое плотнее той, над которой он произвел свой опыт в деле о подлоге. Вследствие этого он находил раздвоение клочков (с помощью механических приспособлений, привезенных им из Лондона) делом сравнительно легким и обещал им, что они в ту же ночь будут в состоянии прочесть часть письма.

После этого объяснения он спокойно принялся за свое дело. Пока Бенджамен и юрист пробовали сложить разъединенные клочки, которые были найдены первыми, химик успешно раздвоил большую часть порученных ему клочков и сложил пять или шесть фраз письма.

Они взглянули с любопытством на сложенные слова.

Первый результат опыта был так важен, что мог вознаградить их за все труды. Сложенные фразы ясно указывали на лицо, которому было адресовано письмо.

Этим лицом был мой муж.

А разорванное письмо было, по всей вероятности, то самое, которое Мизериус Декстер утаил и хранил у себя до произнесения приговора над моим мужем, а после приговора разорвал.

Таковы были открытия, сделанные до того дня, как Бенджамен написал мне свое письмо. Он уже готовился отправить его на почту, когда мистер Плеймор посоветовал ему удержать его на несколько дней, чтобы сообщить мне сразу все, что им удастся открыть.

«Все это ее дело, – сказал мистер Плеймор. – Если бы не ее решимость и не ее влияние на Мизериуса Декстера, нам никогда не удалось бы узнать тайну, скрытую в мусорной куче, нам никогда не удалось бы увидеть даже проблеск истины. Она больше всех нас имеет право узнать все, что нам удастся открыть».

Письмо было оставлено на три дня, но по истечении этого срока к нему было прибавлено только несколько поспешных строк, которые смутили и испугали меня невыразимо.

«Химик быстро продвигался вперед со своей частью работы, а мне удалось сложить другую часть письма, – писал Бенджамен. – Сопоставление результатов его работы с результатами моей привели нас к поразительным выводам. Дай Бог, чтобы мы были в полнейшем заблуждении, но если наши выводы справедливы, Вы не должны говорить никому о восстановлении письма. Открытия, сделанные нами, так ужасны, что я не могу принудить себя написать о них. Простите, пожалуйста, что я беспокою Вас этим известием. Рано или поздно мы обязаны будем посоветоваться с Вами, и мы считаем нужным приготовить Вас к тому, что Вам предстоит узнать».

Далее было несколько строк, прибавленных мистером Плеймором.

«Обратите серьезное внимание на предостережение мистера Бенджамена, – писал он, – и примите предостережение от меня: Ваш муж – последний из людей, которому я решился бы показать отысканное письмо».

Глава XLVI КРИЗИС ОТСРОЧЕН

– Берегитесь, Валерия, – сказала миссис Макаллан. – Я не хочу расспрашивать вас, я хочу только предостеречь вас. Юстас, как и я, заметил перемену в вас. Будьте осторожны.

Это было сказано в тот же день вечером, когда мы остались вдвоем. Я сделала все, что могла, чтобы скрыть впечатление, произведенное на меня странным и тревожным известием из Гленинга. Но, прочитав то, что я прочитала, чувствуя то, что я чувствовала, возможно ли было сохранить невозмутимое внешнее спокойствие?

Высказав свое предостережение, миссис Макаллан действительно не сделала никакой попытки выведать мою тайну. Она была, очевидно, права, но мне очень тяжело было остаться одной, не услышав ни слова совета или участия, и решать самой, как я должна была поступить относительно мужа.

Показать ему письмо Бенджамена при слабости его здоровья и имея в виду сделанные мне предостережения было решительно невозможно. Вместе с тем, после того как я уже выдала себя, нельзя было не сказать ему ничего. Я думала об этом всю ночь и к утру решила обратиться к его доверию ко мне.

Я приступила к делу прямо.

– Юстас, – начала я, – твоя мать сказала мне вчера, что ты заметил во мне перемену после того, как я вернулась домой. Это правда?

– Правда, Валерия, – ответил он тихим голосом и не глядя на меня.

– Между нами, – продолжала я, – не может быть недомолвок. Я должна сказать тебе, что я получила вчера у банкира письмо из Англии и это письмо встревожило меня. Но я хочу просить тебя, чтобы ты не требовал у меня объяснений до тех пор, пока я не получу возможность дать их тебе. Поверь, что я прошу этой отсрочки только рада тебе. Поверь моей любви к тебе.

Я замолчала. Он не отвечал. Он, видимо, боролся с собой. Не слишком ли смело я поступила? Не слишком ли я понадеялась на свое влияние? Мое сердце замерло, но я овладела собой настолько, чтобы взять его руку и обратиться опять к его доверию.

– Юстас, – сказала я, – ты знаешь меня. Можешь ты верить мне?

Он взглянул на меня. Когда глаза наши встретились, в его глазах исчезла последняя тень сомнения.

– Обещаешь сказать мне со временем всю правду? – спросил он.

– Обещаю.

– Я верю тебе, Валерия.

В этот же день я написала Бенджамену, уведомляя его, как я поступила, и умоляя его сообщать мне дальнейшие открытия в Гленинге.

После десятидневного промежутка, казавшегося мне бесконечным, я получила второе письмо от моего друга с новой припиской от мистера Плеймора.

«Наша работа успешно подвигается вперед, – писал мне Бенджамен. – Единственное новое открытие, которое мы сделали, имеет важное значение для Вашего мужа. Мы сложили несколько фраз, в которых говорится прямо, что мышьяк был куплен мистером Макалланом по просьбе его покойной жены и был передан ей. Заметьте, что письмо написано рукой покойной миссис Макаллан и подписано ее именем. К сожалению, я принужден прибавить, что причина, делающая нежелательным, чтобы муж Ваш прочел это письмо, остается в прежней силе. Мы сами (из снисхождения к памяти покойной) охотно бросили бы его назад в мусорную кучу, если бы могли руководиться только своими чувствами. Я удержу свое письмо дня на два. Если в это время прибавится еще что-нибудь новое, Вы узнаете это от мистера Плеймора».

Приписка мистера Плеймора помечена двумя днями позже.

«Я не имею теперь ни времени, ни желания писать Вам подробно все, что я должен сказать Вам по поводу этого прискорбного письма. Недели через две мы пришлем Вам полную копию с него. Теперь же я скажу Вам только, что в этом во всех других отношениях печальном документе есть и светлая сторона. Он ясно доказывает юридически и нравственно невиновность Вашего мужа и может послужить средством для его публичного оправдания, если только муж Ваш решится предъявить его в суде. Постарайтесь понять меня. По некоторым юридическим причинам, которых я не буду объяснять Вам, Ваш муж не может быть судим вновь по уголовному обвинению. Но если можно доказать, что факты, замешанные в уголовном процессе, имеют значение и в гражданском (а в настоящем случае это возможно), то дело может быть пересмотрено вновь, и, таким образом, муж Ваш может добиться оправдательного вердикта от нового состава присяжных. Держите это пока в тайне. Сохраните положение, в которое Вы так умно поставили себя относительно мужа, пока не прочтете восстановленного письма. Я почти уверен, что у Вас не хватит духа показать это письмо мужу. Как в таком случае нам сохранить наше открытие в тайне от него – об этом вопросе мы потолкуем впоследствии. Теперь же я могу только повторить Вам мой совет: ждите, пока не получите нового извещения из Гленинга».

Я ждала. Что я выстрадала в это время, как смотрел на меня Юстас – об этом лучше не говорить. Я ограничусь передачей фактов.

Около двух недель спустя восстановление письма было окончено. За исключением нескольких слов, затерявшихся безвозвратно и добавленных составителями, письмо было сложено с начала до конца, и мне была прислана обещанная копия с него.

Прежде чем я приведу здесь это письмо, позвольте мне напомнить вам вкратце обстоятельства, при которых Юстас женился на своей первой жене.

Вспомните, что несчастная влюбилась в него, не пробудив в нем взаимной любви, вспомните, что, узнав это, он тотчас же удалился от нее, вспомните, что она приехала к нему на его лондонскую квартиру, не предупредив его ни одним словом, что он сделал все что мог, чтобы спасти ее репутацию, что это не удалось ему и что он в минуту отчаяния решился сделать ее своей женой, чтобы положить конец скандалу, который мог бы испортить все ее будущее. Примите во внимание все эти обстоятельства (они доказаны клятвенными показаниями почтенных свидетелей) и не забывайте, пожалуйста, что, как ни предосудительны его отзывы о жене на секретных страницах его дневника, он делал все что мог, чтобы скрыть отвращение, которое она внушала ему, и был всегда (по свидетельству людей, хорошо знавших его) учтивым и внимательным мужем.

Теперь читайте письмо. Оно просит вас только об одном снисхождении, оно просит, чтобы вы прочли его при свете заповеди Христа: не судите, да не судимы будете.

Глава XLVII ПРИЗНАНИЕ ЖЕНЫ

*«Гленинг, 19 октября 18**»*

Мой муж!

Я должна сказать тебе нечто весьма печальное об одном из твоих старых друзей.

Ты никогда не поощрял меня к откровенности с тобой. Если бы наши отношения были так коротки, как отношения других мужей и жен, я объяснилась бы с тобой на словах. Но при наших отношениях я не знаю, как ты примешь то, что я хочу сказать тебе, и я предпочитаю сказать это письменно.

Человек, против которого я хочу предостеречь тебя, – твой гость Мизериус Декстер. Во

всем мире нет существа лживее и порочнее Мизериуса Декстера. Подожди бросать мое письмо. Я не хотела говорить тебе это, пока не буду иметь доказательств, которые могут подтвердить мое мнение. Теперь я их имею.

Ты, может быть, помнишь, что я выразила неудовольствие, когда ты сказал мне, что пригласил этого человека приехать погостить к нам. Если бы ты дал мне время подумать, я, может быть, решила бы сказать тебе причину моего нерасположения к твоему другу. Но ты не хотел ждать. Ты объявил, что я предубеждена против него вследствие его уродства. Это несправедливо. Я никогда не чувствовала к калекам ничего, кроме участия, родственного участия, потому что я сама немногим лучше калеки, я безобразная женщина. Причиной моего неудовольствия при известии о посещении Декстера было то, что он некогда предлагал мне быть его женой, и я имела основание опасаться, что его ужасная любовь ко мне не угасла после моего замужества. Не должна ли я была, как честная жена, воспротивиться его приезду в Гленинг? И не должен ли ты был, как добрый муж, поощрить меня объяснитьсь?

Как бы то ни было, но случилось так, что Мизериус Декстер приехал, прогостил у тебя несколько недель и осмелился заговорить со мной опять о своей любви.

Он оскорбил меня и тебя. Он осмелился уверять, что он обожает меня, а что ты будто бы ненавидишь меня. Он обещает мне невозмутимое счастье в жизни с ним за границей, он предсказывает мне нестерпимое мучение в жизни дома с моим мужем.

Почему я не пожаловалась тебе раньше и не попросила тебя прогнать это чудовище раз навсегда из нашего дома?

Уверен ли ты, что ты не усомнился бы в справедливости моих слов, если бы я пожаловалась тебе, а твой задушевный друг стал бы уверять, что у него и в мыслях не было оскорбить меня? Я слышала, как ты сказал однажды, не подозревая о моем присутствии, что некрасивые женщины всегда тщеславны. Ты, может быть, заподозрил бы и меня в тщеславии. Как знать?

Впрочем, я не хочу оправдывать себя этим опасением. Я несчастное, ревнивое создание, постоянно сомневающееся в твоей любви, постоянно опасющееся, что другая женщина заняла мое место в твоём сердце. Мизериус Декстер воспользовался этой слабостью. Он предложил доказать, что ты втайне ненавидишь меня, что тебе противны мои прикосновения, что ты проклинаешь день, в который назвал меня своей женой. Я долго боролась против искушения позволить ему представить его доказательства. Для женщины, далеко не уверенной в твоей любви, это было большим искушением. Кончилось тем, что я поддаюсь ему. Я скрыла отвращение, которое я чувствую к этому негодяю, я позволила ему объяснитьсь. Что побудило меня к этому? То, что я люблю тебя и только тебя, и то, что предложение Мизериуса Декстера усилило подозрение, которое давно тяготило меня.

Прости, Юстас. Это мое первое прегрешение против тебя. Оно будет и последним.

Я не хочу щадить себя. Я расскажу тебе все, что он сказал мне и что я сказала ему. Ты можешь заставить меня поплатиться за мой поступок, но ты будешь предупрежден вовремя, ты увидишь своего лживого друга в настоящем свете.

Я сказала ему: «Как можете вы доказать, что муж втайне ненавидит меня?»

Он ответил: «Я могу доказать это его собственным признанием, написанным его собственной рукой. Я покажу вам его дневник».

Я сказала: «Он пишет свой дневник в книге с замком и хранит эту книгу в запертом ящике стола. Как вы отперете книгу и ящик?»

Он ответил: «Я могу отпереть и книгу и ящик без малейшего риска, что муж ваш узнает об этом. Если вы дадите мне средство войти тайно в вашу комнату, когда вы будете одна, я обещаю принести вам дневник».

«Как могу я дать вам средство войти ко мне тайно? Что вы хотите сказать?»

Он указал на дверь, выходящую из моей спальни в маленький кабинет.

«С моей неподвижностью, – сказал он, – я, может быть, долго не найду случая войти к вам незаметно из коридора. Позвольте мне взять этот ключ, оставив дверь запертой. Если вы скажете, когда заметят пропажу, чтобы слуги не трудились искать ключ, в доме не будет по этому поводу никакой тревоги, ключ останется у меня и даст мне возможность войти к вам тайно в первую удобную минуту. Согласны вы на это?»

Я согласилась.

Да, я сделалась сообщницей этого двуличного негодяя, я унизила себя, я оскорбила тебя, я согласилась заглянуть в твой дневник. Я знаю, как низок мой поступок, я и не думаю оправдывать его. Я могу только повторить, что люблю тебя, но терзаюсь опасением, что ты меня не любишь, а Мизериус Декстер предлагает познакомить меня с твоими сокровенными мыслями и положить конец моим сомнениям.

Он придет ко мне с этой целью в течение двух следующих часов, когда тебя не будет дома. Я не ограничусь одним разом. Я потребую, чтобы он принес мне дневник завтра в то же время. До тех пор сиделка передаст тебе эти строки. Уйди по обыкновению из дому, но вернись раньше времени, отопри ящик своего стола и, убедившись, что дневника там нет, войди потихоньку в маленький кабинет, и ты найдешь его в руках твоего друга, когда он выйдет от меня».

Заметка мистера Плеймора:

«Огромные трудности при реставрации встретились нам в этой первой части письма. В четвертом абзаце с начала мы принуждены были вставить затерянные слова в трех местах. В девятом, десятом и семнадцатом абзацах также недоставало нескольких слов. Во всех этих случаях мы вставляли слова с величайшей осторожностью, стараясь выразить именно то, что хотела выразить покойница».

«Октября 20.

Я читала твой дневник.

Наконец я знаю, что действительно ты думаешь обо мне. Я прочла то, что Мизериус Декстер обещал дать мне прочесть, я прочла твое признание в ненависти ко мне.

Ты не получишь сегодня то, что я написала тебе вчера. Как ни длинно мое письмо, но, прочитав твой дневник, я нахожу нужным написать еще несколько слов. Дописав письмо, я запечатаю его в конверт, адресую тебе и положу к себе под подушку. Оно будет найдено, когда меня положат в гроб, и ты прочтешь его, когда надежда или помощь будет уже невозможны.

Да, жизнь опротивела мне, я хочу умереть.

Я уже принесла в жертву тебе все, кроме жизни. Теперь, когда я знаю, что ты не платишь мне за мою любовь взаимной любовью, последняя жертва легка. Моя смерть даст тебе возможность жениться на миссис Болл.

Ты не знаешь, чего мне стоило преодолеть мою ненависть к этой женщине и пригласить ее приехать сюда, не ставя себя в зависимость от моей болезни. Я не сделала бы этого, если бы не любила тебя так сильно и не боялась рассердить тебя. И как вознаградил ты меня за это? Пусть ответит твой дневник: «Я нежно обнял ее и надеюсь, что она, бедная, не заметила, чего мне это стоило».

Теперь я знаю все. Я знаю, что ты считаешь свою жизнь со мной пыткой, знаю, что ты из сожаления скрывал «отвращение, какое возбуждали в тебе мои ласки», знаю, что я стою между тобой и женщиной, в которую ты так влюблен, что «обожаешь землю, к которой она прикасается ногами». Я не хочу быть препятствием на твоем пути. Я возвращу тебе свободу. Это не жертва и не заслуга с моей стороны. Жизнь моя стала нестерпима с тех пор, как я знаю, что человек, которого я люблю всем сердцем и всей душой, не чувствует ко мне ничего, кроме отвращения.

Средство прекратить жизнь у меня под рукой.

Мышьяк, который я дважды поручала тебе купить, лежит в моей туалетной шкатулке. Я обманула тебя, когда сказала, что он нужен мне в домашнем хозяйстве. Я хотела иметь его для того, чтобы попробовать, не улучшит ли он мой скверный цвет лица. Не тщеславие руководило мной, но единственно желание быть приятней тебе. Часть мышьяка я уже приняла с этой целью, но у меня осталось еще достаточно, чтобы лишиться себя жизни. Яд принесет наконец хоть какую-то пользу. Как средство для улучшения цвета лица он оказался бесполезным, но он поможет как средство для освобождения тебя от безобразной жены.

Не позволяй вскрывать меня после смерти. Покажи это письмо доктору, который лечит меня. Оно докажет, что я самоубийца и что никто не виноват в моей смерти. Я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал из-за меня. Я тщательно опорожню пузырек, в котором был продан

мышьяк, и сниму с него ярлык, чтобы избавить от всяких неприятностей москательщика.

Я должна отдохнуть, прежде чем продолжать письмо. Оно уже достаточно длинно, но это последние мои слова. Я могу позволить себе продолжить еще немного мое последнее письмо к тебе.

21 октября, два часа утра.

Я вчера выгнала тебя из комнаты, когда ты пришел узнать, как я провела ночь. Затем я высказала оскорбительные для тебя вещи сиделке, которая ходит за мной. Прости меня. Я теперь вне себя. Ты знаешь почему.

Половина третьего.

О мой муж! Я сделала дело, которое освободит тебя от ненавистной жены. Я приняла яд, все, что оставалось в бумажном пакете. Если этот прием окажется недостаточным, у меня есть еще мышьяк в пузырьке.

Десять минут шестого.

Ты только что вышел, дав мне успокоительное лекарство. Мое мужество поколебалось при виде тебя. Я подумала: если он поглядит на меня с участием, я сознаюсь в том, что и сделала, и позволю ему спасти мою жизнь. Ты вовсе не взглянул на меня. Ты глядел только на лекарство. Я отпустила тебя, не сказав ни слова.

Половина шестого.

Я начинаю чувствовать последствия отравления. Сиделка спит возле моей постели. Я не разбужу ее, я не позову на помощь, я хочу умереть.

Половина десятого.

Агония была нестерпима, я разбудила сиделку, я приняла доктора.

Никто ничего не подозревает. Мои страдания совсем прошли. Я приняла, вероятно, слишком мало яду. Придется раскупорить пузырек. К счастью, тебя нет возле меня, и моя решимость умереть или, лучше сказать, мое отвращение к жизни остается неизменным. Чтобы не поколебаться и впредь, я запретила сиделке посылать за тобой. Я только что уснула. Я одна и могу вынуть яд из моей туалетной шкатулки.

Десять минут десятого.

Я только успела спрятать пузырек, как ты вошел в комнату.

Я заколебалась опять, когда увидела тебя. Я решила дать себе последний шанс на жизнь, а тебе последний случай выразить мне участие. Я попросила тебя принести мне чашку чая и решила, что, если ты, оказывая мне эту маленькую услугу, ободришь меня хоть одним словом или взглядом, я не приму второй дозы мышьяка.

Ты исполнил мою просьбу, но ты не был добр со мной. Ты подал мне чай так, как подал бы питье своей собаке. Потом ты подивился с рассеянным видом (вероятно, думая в это время о миссис Болл), что я уронила чашку, возвращая ее тебе. Нет ничего странного в том, что руки мои дрожали, когда у меня под одеялом лежал мышьяк, который я намеревалась принять. Уходя, ты учтиво пожелал, чтобы чай принес мне пользу, и даже не взглянул на меня. Ты глядел на осколки разбитой чашки.

Лишь только ты вышел, я приняла яд. В этот раз вдвое больше, чем в первый.

Я вспомнила сейчас, что я должна обратиться к тебе еще с одной просьбой.

Я уничтожила ярлык, который был приклеен на пузырьке с мышьяком, и спрятала пустой пузырек в свою туалетную шкатулку, но я забыла принять ту же предосторожность с пустым

бумажным пакетом, на котором был ярлык другого москательщика. Я бросила его за кровать вместе с другими ненужными клочками бумаги. Моя сердитая сиделка заворчала на сор, подобрала бумаги и куда-то спрятала их. Надеюсь, что москательщик не пострадает из-за моей небрежности. Пожалуйста, не забудь сказать, что он ни в чем не виноват.

Декстер – я почему-то опять вспомнила о нем, – Декстер положил твой дневник обратно в стол и требует у меня ответа на свои предложения. Есть ли совесть у этого человека? Если есть, то и он будет страдать, когда мое самоубийство послужит ему ответом.

Сиделка вошла опять в мою комнату. Я выслала ее, сказала, что хочу быть одна.

Какое теперь время? Я не нахожу своих часов. Не предвещает ли эта слабость возвращающееся страдание? Оно еще не сильно пока.

Оно может усилиться ежеминутно, а мне осталось еще запечатать письмо, адресовать его тебе и спрятать под подушку, чтобы никто не нашел его до моей смерти.

Прощай, мой милый. Жаль, что я не была более красивой женщиной. Более любящей женщиной я не могла быть. Даже теперь боюсь взглянуть на твое милое лицо. Если бы я доставила себе наслаждение взглянуть на тебя еще раз, я даже теперь могла бы поколебаться и сознаться тебе в своем поступке, пока еще не поздно спасти меня.

Но тебя нет здесь. Тем лучше. Тем лучше.

Прощай. Будь без меня счастливее, чем был со мной. Я люблю тебя, Юстас. Я прощаю тебя. Вспоминай иногда с добрым чувством твою бедную безобразную

Сару Макаллан».

Заметка мистера Плеймора:

«Затерянные и добавленные слова в этой последней части письма так незначительны, что не стоит и упоминать о них. Клочки, которые были найдены склеенными вытекшим на них клеем и были сложены первые, составили часть письма, начинающуюся со слов: «Я высказала оскорбительные для тебя вещи сиделке» – и кончающуюся словами: «Я решила, что, если ты, оказывая мне эту маленькую услугу, ободрить меня хоть одним ласковым словом или взглядом, то я не приму». Благодаря склеенным клочкам, вторая часть письма (начиная с куска, помеченного 20-м октября) была сложена нами несравненно легче, чем первая, в которой мы встречали почти непреодолимые трудности».

Глава XLVIII МОГЛА ЛИ Я ПОСТУПИТЬ ИНАЧЕ?

Когда я пришла в себя и осушила глаза после чтения этого ужасного письма, моей первой мыслью была мысль о Юстасе, моей первой заботой была забота о том, чтобы он никогда не прочел этого письма.

Да, вот до чего я дожила. Я посвятила свою жизнь достижению единственной цели и достигла ее. На столе передо мной лежало торжественное доказательство невинности моего мужа. Но из сострадания к нему, из снисхождения к памяти его покойной жены единственным желанием моим теперь было скрыть это доказательство от него и от всего света.

Я припомнила странные обстоятельства, в результате которых было отыскано письмо.

Оно никогда не нашлось бы, если бы не я. Однако все, что я сделала, было сделано почти бессознательно. Ничтожный случай мог изменить весь ход событий. Я неоднократно пыталась остановить Ариэль, когда она упрашивала своего хозяина рассказать ей сказку. Если бы она, несмотря на мое сопротивление, не добилась исполнения своего желания, последние усилия памяти Мизериуса Декстера, скорей всего, не обратились бы к гленингской трагедии. И опять: если бы я не забыла дать Бенджамену знак прекратить запись, он не записал бы слов, в которых, по-видимому, не было никакого смысла, но которые привели нас к открытию истины.

Взглянув на прошлые события, я прокляла день, в который клочки ужасного письма были вынуты из их грязной могилы. В то самое время, когда Юстас начал поправляться, когда мы

только что соединились опять и были так счастливы, когда мы надеялись сделаться вскоре отцом и матерью, перед нами внезапно восстал, как карающий дух, этот ужасный рассказ о страдании и грехе. Он лежал передо мной, угрожая не только спокойствию моего мужа, но, при тогдашнем критическом положении его здоровья, даже его жизни.

Часы на камине пробили час, когда Юстас приходил обыкновенно по утрам в мою маленькую комнатку. Он мог войти, увидеть письмо и отобрать его у меня. В ужасе и отчаянии я схватила письмо и бросила его в огонь.

Хорошо, что мне была прислана только копия письма. Если бы у меня в эту минуту был оригинал, его постигла бы та же участь.

Едва успел истлеть последний листок, как Юстас вошел в комнату.

Он взглянул в камин. За решеткой все еще виднелся черный пепел сожженной бумаги. Юстас видел за завтраком, что я получила письмо. Не догадался ли он, что я сожгла его? Он остановился и некоторое время молча глядел на огонь. Потом повернулся и взглянул на меня. Я была, вероятно, очень бледна, потому что он прежде всего спросил, не больна ли я.

Я давно решила не обманывать его даже в пустяках.

– Я немного расстроена, Юстас, – ответила я.

Он глядел на меня, как будто ожидая, что я объяснюсь. Я молчала. Он вынул из бокового кармана сюртука какое-то письмо и положил его на стол передо мной, на то самое место, где за несколько минут до того лежало предсмертное признание его покойной жены.

– Я тоже получил письмо сегодня утром, – сказал он. – У меня, Валерия, нет секретов от тебя.

Я поняла упрек, заключавшийся в последних словах мужа, но не стала оправдываться.

– Ты хочешь, чтобы я прочла это письмо? – спросила я, указывая на конверт, который он положил на стол.

– Я уже сказал, что у меня нет секретов от тебя, – повторил он. – Конверт распечатан. Взгляни сама, что в нем.

Я взяла конверт и вынула из него не письмо, как я ожидала, а вырезку из шотландской газеты.

– Прочти, – сказал Юстас.

Я прочла следующее:

«Странные деяния в Гленинге. В сельском доме мистера Макаллана, по-видимому, происходят какие-то загадочные события. В мусорной куче (да простят нам наши читатели упоминание о таком неприятном предмете), лежащей в парке, производятся таинственные поиски, увенчавшиеся, вероятно, каким-то открытием. В чем состоит это открытие, мы не знаем. Достоверно только то, что два джентльмена из Лондона, руководимые нашим достопочтенным согражданином мистером Плеймором, на протяжении нескольких недель просиживали дни и ночи в гленингской библиотеке над каким-то таинственным занятием. Будет ли тайна когда-нибудь обнародована? И не разъяснит ли эта тайна загадочного и ужасного события, которое наши читатели привыкли соединять с прошлой историей Гленинга? Может быть, мистер Макаллан, возвратясь на родину, будет в состоянии разъяснить эти вопросы. До тех же пор мы можем только ждать и следить за событиями».

Я положила газету на стол с не совсем христианскими чувствами к тем, кто издавал ее. Какой-нибудь репортер в погоне за новостями, вероятно, заглянул и в Гленинг, а какой-нибудь услужливый человек из местных жителей послал газету Юстасу. Не зная, что сказать, я ждала, чтобы муж заговорил первый. Он не заставил меня ждать, он немедленно приступил к расспросам.

– Понимаешь ты, что это значит?

Я отвечала правду. Я созналась, что газетное известие не было для меня загадкой.

Он глядел на меня, ожидая объяснений. Но я молчала. Молчание было теперь моим единственным прибежищем.

– Разве я не имею права узнать больше того, что знаю теперь? – спросил он, подождав немного. – Разве ты не обязана сказать мне, что делается в моем собственном доме?

Вообще замечено, что в затруднительном положении люди соображают быстрее. Был только один выход из затруднительного положения, в которое поставили меня последние слова моего мужа, и я нашла его.

– Ты обещал верить мне... – начала я.

Он согласился, что действительно обещал.

– Я должна попросить тебя ради тебя самого не требовать у меня объяснения еще некоторое время. Подожди, и ты узнаешь все.

Его лицо омрачилось.

– Долго ли еще ждать? – спросил он.

Я поняла, что нужно прибегнуть к более сильному средству, чем убеждения и уговоры.

– Я хочу, чтобы ты подождал, пока родится наш ребенок.

Мой ответ, очевидно, удивил его. Он молчал.

– Скажи, что ты согласен, – прошептала я.

Он дал согласие.

Таким образом, я опять отсрочила объяснение и выиграла время, чтобы посоветоваться с Бенджаменом и с мистером Плеймором.

Пока Юстас сидел в моей комнате, я была спокойна и могла разговаривать с ним. Но когда я осталась одна и, думая о случившемся, вспомнила, как великодушно уступил мне мой муж, сердце мое сжалось от сострадания к нему. Чтение трагического письма потрясло меня. Нервы мои не выдержали. Я расплакалась, и это принесло мне облегчение.

Глава XLIX ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Я пишу по памяти, без помощи записок или дневника, и не могу припомнить точно, как долго продолжалось наше пребывание за границей. Я знаю только, что мы прожили в Париже несколько месяцев. Когда Юстас был уже в силах совершить переезд в Лондон, доктора все еще удерживали его во Франции. В одном из его легких обнаружили болезненные симптомы, и доктора предостерегали его от слишком поспешного переселения из сухого климата Франции, который был ему очень полезен, в сырой климат его родины.

Вследствие этого мы были все еще в Париже, когда я получила новое известие из Гленинга. Однажды утром, к моему удивлению и восторгу, в нашу изящную французскую гостиную спокойно вошел мой старый друг Бенджамен. Он был одет так изысканно и так настойчиво старался внушить нам, что он приехал во Францию без всякой другой цели, кроме развлечения, что я тотчас же поняла его роль: он был послан мистером Плеймором для разговора наедине со мной.

Немного позже нам удалось остаться вдвоем, и мое предположение оправдалось. Бенджамен предпринял поездку в Париж для того, чтобы посоветоваться со мной насчет будущего и чтобы просветить меня насчет прошлого. Он вручил мне небольшое письмо от юриста.

«Есть несколько пунктов, – писал мистер Плеймор, – которые найденное письмо не может разъяснить. Я и мистер Бенджамен сделали все, что могли, чтобы найти правильное истолкование этих спорных пунктов. Для краткости я изложил наши соображения в форме вопросов и ответов. Примете ли вы меня как истолкователя после ошибок, которые я сделал, когда вы советовались со мной в Эдинбурге? Позднейшие события доказали, что я был не прав, пытаясь отговорить вас от свидания с Декстером и считая Декстера прямым, а не косвенным виновником смерти миссис Макаллан. Вот мое признание. Вы должны сказать мистеру Бенджамену, считаете ли вы мой новый труд достойным рассмотрения, или нет».

Я признала его новый труд вполне достойным рассмотрения.

Бенджамен достал вопросы и ответы и по моей просьбе прочел мне вслух следующие строки:

«Вопросы, возбуждаемые письмом, отысканным в Гленинге.

Первая группа: вопросы, относящиеся к дневнику.

Первый вопрос: был ли Мизериус Декстер предварительно знаком с содержанием дневника, когда старался получить доступ к нему?

Ответ. Сомнительно, чтобы он имел предварительное знакомство с содержанием дневника. Естественнее предположить, что он заметил, как тщательно оберегал мистер Макаллан свой дневник от нескромных глаз, и заключил из этого, что он содержит опасные семейные тайны, которые могут пригодиться ему для достижения его преступных целей.

Второй вопрос: какими побуждениями объяснить вмешательство Мизериуса Декстера, когда полицейские делали обыск в комнате мистера Макаллана?

Ответ. Чтобы разрешить этот вопрос, мы должны быть справедливы к Мизериусу Декстеру. Хотя он жестоко и бесчестно воспользовался дневником, он все-таки не был отъявленным негодяем. Несомненно, что он втайне ненавидел мистера Макаллана и сделал все, что мог, чтобы побудить несчастную жену покинуть мужа. Но весьма сомнительно, чтобы он способен был допустить умышленно и не сделав попытки помешать этому, чтобы человек невиновный и считавший его своим другом был по его вине предан суду по обвинению в убийстве. Мистеру Макаллану, неповинному в смерти жены, не пришло в голову уничтожить письма и дневник как опасные для него документы. Он никак не ожидал, что подозрение может пасть на него. Но Декстер должен был смотреть на дело иначе. «Дневник приведет его на виселицу. Я не хочу, чтобы он был повешен», – говорит он, припоминая бессознательно прошлое, когда рассудок уже начал изменять ему. Если бы он нашел случай овладеть дневником раньше, если бы полицейские не опередили его, он, по всей вероятности, уничтожил бы его. Он был так проникнут опасениями последствий открытия этого документа, что даже решился помешать полицейским исполнить их обязанность. Мистер Плеймор, которого он пригласил на помощь, видел его волнение и может поручиться, что оно было непритворное.

Вопросы второй группы, относящиеся к признанию жены.

Первый вопрос: что побудило Декстера сохранить письмо, вместо того чтобы уничтожить его тотчас же после того, как он нашел его под подушкой?

Ответ. То же самое, что побудило его отстаивать дневник и потом дать в суде показания в пользу подсудимого. Некоторые из его последних слов, записанных мистером Бенджаменом, заставляют предполагать, что в случае обвинительного вердикта он не замедлил бы спасти невиновного предъявлением предсмертного признания его жены. Всякая порочность имеет границы. Декстер способен был утаить письмо, оскорблявшее его самолюбие, Декстер способен был подвергнуть ненавистного соперника мучениям и унижениям публичного суда по подозрению в убийстве, но Декстер не способен был допустить, чтобы невиновный человек был казнен по его вине. Постарайтесь представить себе, что он должен был почувствовать, когда впервые прочел признание покойной. Он рассчитывал поколебать ее привязанность к мужу. И как оправдались его ожидания? Он узнал, что его поступок довел ее до самоубийства. Примите это во внимание, и Вы поймете, что угрызения совести могли побудить даже такого человека принести искупительную жертву.

Второй вопрос: какие чувства руководили поведением Мизериуса Декстера, когда миссис Валерия Макаллан объявила ему, что она намерена возобновить расследование преступления в Гленинге?

Ответ. Вероятно, Декстер опасался, что кто-нибудь подсматривал за ним, когда он был в комнате, где лежало тело покойной миссис Макаллан. Не стыдясь подслушивать у дверей и подсматривать в замочные щели, он готов был заподозрить в этом и других. Под влиянием этого опасения ему, вероятно, пришло в голову, что миссис Макаллан может встретиться с человеком, подсмотревшим за ним, и он решил с самого начала направить ее усилия в ложную сторону. Ее ревность к миссис Болл давала ему возможность исполнить это без труда, и он тем охотнее воспользовался этой возможностью, что сам ненавидел миссис Болл. Он знал ее как соперницу, расстроившую семейное счастье миссис Макаллан, и, любя миссис Макаллан, он, естественно, ненавидел ее соперницу. Сохранение своей преступной тайны и отмщение миссис Болл – вот две причины, руководившие его поведением относительно миссис Валерии Макаллан»⁵.

⁵ Примечание автора: это мнение подтверждается сценой в доме Бенджамена (глава XXXV), когда Декстер в

Бенджамен положил на стол свои записки и снял очки.

– Это все. Как вам кажется, не осталось ли еще необъясненных деталей?

Я подумала и не могла найти ни одного сколько-нибудь важного пункта, который был бы оставлен необъясненным. Но имя миссис Болл напомнило мне одно обстоятельство, которое мне хотелось разъяснить вполне.

– Говорили вы когда-нибудь с мистером Плеймором о прежней привязанности моего мужа к миссис Болл? – спросила я. – Не говорил ли вам мистер Плеймор, почему Юстас не женился на ней после суда?

– Я сам задал однажды этот вопрос мистеру Плеймору, и он ответил мне без колебаний, – сказал Бенджамен. – Ваш муж советовался с ним, когда писал после суда письмо миссис Болл, и мистер Плеймор передал мне содержание этого письма. Хотите, чтобы я в свою очередь повторил вам его как запомнил?

Я кивнула. Бенджамен сказал, что миссис Болл была свидетельницей публичного унижения моего мужа. Это само по себе было достаточной причиной, чтобы отвратить его от женитьбы на ней. Он разорвал с ней по той же причине, которая побудила его покинуть меня. Он не чувствовал в себе достаточно мужества, чтобы жить с женщиной, знавшей, что его судили как убийцу и что ему угрожала виселица. Объяснение мистера Плеймора согласовалось во всех подробностях с объяснением Декстера. Мое ревнивое любопытство было наконец удовлетворено вполне, и Бенджамен мог оставить в покое прошлое и перейти к более интересному разговору о будущем.

Его первые расспросы касались Юстаса. Он спросил, имеет ли мой муж какие-нибудь подозрения насчет того, что произошло в Гленинге.

Я рассказала ему, что случилось и как мне удалось отсрочить на время неизбежное объяснение.

Лицо моего старого друга прояснилось.

– Это будет хорошей новостью для мистера Плеймора, – сказал он. – Наш добрый друг сильно опасается, что сделанные нами открытия повредят вашему супружескому счастью. С одной стороны, ему очень хочется освободить вашего мужа от страданий, которые причинит ему чтение предсмертного признания его покойной жены, с другой стороны, он считает решительно непозволительным утаить документ, имеющий такое важное значение для ваших будущих детей, документ, очищающий имя их отца от пятна, оставленного на нем шотландским вердиктом.

– Как же он думает выйти из этого затруднения? – спросила я.

– Он находит только один исход. Он намеревается запечатать восстановленный документ вместе с подробным изложением обстоятельств, при которых он был отыскан, подписанным мною и вами как свидетелями, и передать конверт вам. Вы же объяснитесь с мужем, когда сочтете это удобным, и предоставите Юстасу решить, распечатает ли он конверт сам или оставит его нераспечатанным в наследство своим детям, с тем чтобы они, достигнув совершеннолетия, могли поступить с письмом как им заблагорассудится. Одобряете вы такое решение, друг мой? Или вы предпочтете, чтобы мистер Плеймор объяснился с вашим мужем сам?

Я не колеблясь предпочла взять ответственность на себя. Мое решение было вполне одобрено Бенджаменом. Он сказал, что сегодня же напишет мистеру Плеймору и успокоит его.

Единственный вопрос, который предстояло теперь решить, касался нашего возвращения в Англию. Решение этого вопроса зависело от докторов, и я намеревалась посоветоваться с ними в их ближайший визит к Юстасу.

– Не хотите ли вы спросить меня еще о чем-нибудь? – сказал Бенджамен, открывая свой портфель.

Я вспомнила Декстера и Ариэль и спросила, не знает ли он, что с ними. Мой добрый друг вздохнул и предупредил меня, что я коснулась очень печального предмета.

– Лучшее, что может случиться с этим несчастным, по всей вероятности, случится скоро, – сказал он. – Очень может быть, что вы услышите о его смерти прежде, чем вернетесь в Англию.

– А Ариэль?

– Ариэль нисколько не изменилась. Она вполне счастлива, пока находится со своим хозяином. Судя по тому, что я слышал о ней, она не причисляет Декстера к числу смертных. Она смеется, когда говорят, что он умрет, и вполне уверена, что он когда-нибудь опять узнает ее.

Последние известия огорчили меня и отняли у меня охоту продолжать разговор.

Глава L ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА

Десять дней спустя мы возвратились в Англию в сопровождении Бенджамена.

Дом миссис Макаллан в Лондоне был предоставлен в наше полное распоряжение. Мы охотно приняли ее предложение остаться у нее, пока не родится наш ребенок и пока не определятся наши планы на будущее.

Вскоре по возвращении в Англию я получила из дома умалишенных печальное известие, к которому Бенджамен приготовил меня в Париже. Мизериус Декстер освободился наконец от бремени жизни. За несколько часов до кончины он ненадолго пришел в себя и узнал Ариэль. Он произнес ее имя, поглядел на нее и спросил обо мне. Окружающие хотели послать за мной, но было уже поздно. Прежде чем посланный успел выйти из дома, Декстер сказал со своим прежним высокомерием: «Молчите все! Мой мозг утомлен, я хочу спать». Он задремал и больше не проснулся. Так скончался без горя и страданий этот странный человек. Так протекла и исчезла, как сон, эта странная жизнь с ее ошибками и страданиями, с ее капризными проблесками поэзии и юмора, с ее жестокостью и тщеславием.

Бедная Ариэль! Она жила только для хозяина. Когда хозяина не стало, ей осталось последовать за ним.

Ей позволили присутствовать на похоронах Мизериуса Декстера в надежде, что эта церемония убедит ее в его смерти. Ожидание не оправдалось, она по-прежнему не хотела верить, что хозяин покинул ее. Несчастную могли удержать на месте только силой, когда гроб опустили в могилу, и силой увели ее с кладбища. С этих пор ее жизнь была непрерывной сменой припадков бешенства и летаргического спокойствия. Наконец, в день ежегодного бала в доме умалишенных, немного раньше полуночи, разнеслась тревожная весть, что Ариэль пропала. Сиделка, ходившая за ней, видя, что она уснула, поддалась искушению сойти вниз и поглядеть на танцы. Когда она вернулась наверх, Ариэли уже не было. Присутствие посторонних и суэта, всегда сопровождающая бал, дали Ариэль возможность уйти из дома незамеченной. Все ночные поиски были тщетны, но утром на рассвете ее нашли умершей от холода и истощения на могиле Мизериуса Декстера. Преданная до конца – Ариэль последовала за своим хозяином, преданная до конца – Ариэль умерла на могиле своего хозяина.

Написав эти печальные строки, я охотно перехожу к менее тяжелому предмету.

После моей встречи с леди Клариндой на обеде майора судьба удалила меня от современного донжуана. Я долгое время ничего не слыхала о нем и, сознаюсь со стыдом, уже почти забыла его, когда он внезапно напомнил мне о себе пригласительным билетом на свою свадьбу. Майор решил наконец жениться! И, что еще удивительнее, майор избрал законной властительницей своего домашнего очага и своей особы «будущую царицу пения», разодетую молодую особу с круглыми глазами и резким голосом.

Мы нанесли новобрачным поздравительный визит и от души пожалели майора Фитц-Дэвида.

Женитьба так изменила моего прежнего веселого и любезного поклонника, что я едва узнала его. Он отказался от всяких претензий на молодость, он открыто и безнадежно признал себя стариком. Стоя позади кресла, на котором восседала его повелительница, он смотрел на нее так, как будто ждал ее позволения, чтобы открыть рот. Когда она перебивала его, что она делала беспрестанно и без всякой церемонии, он умолкал с такой старческой покорностью и с таким восторженным взглядом, что мне было совестно смотреть на него.

– Не правда ли, как она прекрасна? – сказал он мне в присутствии жены и настолько громко, что она могла слышать. – Что за фигура и что за голос! Вы помните ее голос? Да, оперная сцена понесла незаменимую утрату. Когда я думаю, что могла бы сделать эта талантливая женщина, я спрашиваю себя, имел ли я право жениться на ней? Поверите ли, мне иногда кажется, что я совершил кражу у публики.

Что касается виновницы этих восторгов и сожалений, она соблаговолила принять меня как старого друга. Пока Юстас говорил с ее мужем, она отвела меня в сторону и объяснила мне с самой бесстыдной откровенностью причины, побудившие ее выйти за майора.

– Семейство наше большое и нисколько не обеспечено, – сказала мне эта странная молодая женщина. – Я знаю, что я никогда не сделалась бы «царицей пения» или чем-нибудь в этом роде. Все это одни слова. Бывая в опере и учась сама, я поняла, как трудно сделаться хорошей певицей. У меня нет такого терпения, как у этих черномазых иностранок. Я ненавижу их. Гораздо легче было сделаться богатой, выйдя замуж за этого старика. Теперь я обеспечена и все мое семейство обеспечено, и у меня нет другого занятия, как только тратить деньги. Я люблю свое семейство, я добрая дочь и добрая сестра. Взгляните, как я одета, взгляните на убранство дома. Я поступила неглупо, не правда ли? Иметь мужем старика – большое преимущество. Вы можете вертеть им как угодно. Счастлива ли я? О да, я вполне счастлива! Надеюсь, что вы тоже счастливы? Где вы живете теперь? Я приеду к вам, мне хочется поболтать с вами. Вы всегда нравились мне, а теперь, когда я ничем не хуже вас, я хочу подружиться с вами.

Я отвечала на это кратко и учтиво, но в душе решила, что она не войдет в дверь моего дома, когда придет навестить меня. Она была мне противна. Когда женщина продает себя мужчине, этот позорный поступок, по моему мнению, одинаково ужасен, совершается ли он с освящением церкви и закона или без оно.

Когда я сижу теперь у моего письменного стола, припоминая прошлое, майор и его жена изглаживаются из моей памяти, и мое внимание сосредоточивается на сцене, которой я заключаю мой рассказ.

Действие происходит в моей спальне. Действующие лица (оба в постели, если вы извините их) – я и мой сын, которому уже три недели. Мой добрый дядя Старкуэзер скоро придет в Лондон, чтобы окрестить его. Миссис Макаллан будет его крестной матерью, а его крестными отцами будут Бенджамен и мистер Плеймор. Желала бы я знать, пройдут ли крестины моего ребенка веселее, чем прошла моя свадьба?

Доктор только что ушел от нас несколько встревоженный на мой счет. Он нашел меня, как всегда в последнее время, полулежащей в моем кресле, но в этот раз он заметил во мне симптомы слабости, показавшиеся ему необъяснимыми, и предписал мне лечь в постель.

Я не сказала ему, что удивившие его симптомы были следствием двух причин – беспокойства и сомнения.

В этот день я наконец собралась с духом и решила исполнить обещание, которое дала мужу в Париже. Юстас уже знает, как было отыскано признание его жены, знает, что это признание, по мнению такого авторитетного лица, как мистер Плеймор, может послужить средством для его публичного оправдания в суде, и, главное, знает, что наши открытия хранились до сих пор в тайне от него ради его спокойствия и из снисхождения к памяти его покойной жены.

Эти необходимые признания я сделала мужу не устно – когда настало время, у меня не хватило духу заговорить с ним о его первой жене, – но посредством письменного рассказа, основанного преимущественно на письмах ко мне Бенджамена и мистера Плеймора. Он уже имел достаточно времени, чтобы прочесть мой рассказ и чтобы подумать над ним в уединении своего кабинета. Я жду с роковым письмом в руке услышать его решение. Свекровь моя ждет в соседней комнате.

Проходит еще десять минут, а его все нет. Чем долее я жду, тем сильнее мучают меня сомнения. Самое обладание письмом при расстроенном состоянии моих нервов тяготит меня. Мне противно держать его, мне противно видеть его. Я беспокойно перекалдываю его с места на место на постели и все никак не могу забыть о нем. Наконец мне приходит странная фантазия. Я беру письмо и кладу его под ручку спящего младенца и, соединив таким образом это странное признание с младенческой прелестью и невинностью, как будто очищаю и освящаю его.

Проходит еще полчаса, и наконец на лестнице слышатся шаги Юстаса. Он тихо стучит в дверь и входит в комнату.

Он смертельно бледен, и мне кажется, что на лице его видны следы слез. Но он ничем не выдает своего волнения, когда садится возле меня. Я понимаю, что он ради меня не шел ко мне, пока не овладел собой.

Он берет мою руку и нежно целует меня.

– Валерия, – говорит он, – я должен попросить у тебя еще раз прощения за то, что я говорил и делал в былое время. Если я не понял ничего другого, дорогая моя, я понял, по крайней мере, то, что доказательство моей невиновности отыскано и что я обязан этим исключительно мужеству и преданности моей жены.

Я молчу, вполне наслаждаясь счастьем слышать эти слова и видеть любовь и благодарность, которыми светятся его глаза. Потом я собираюсь с духом и задаю вопрос, от которого зависит наше будущее.

– Ты хочешь прочесть письмо, Юстас?

Вместо того чтобы ответить прямо, он начинает расспрашивать меня.

– Письмо у тебя?

– У меня.

– Запечатанное?

– Запечатанное.

Он молчит, обдумывая то, что намеревается сказать.

– Позволь мне увериться, что я понимаю свое положение, – продолжает он. – Положим, что я решусь прочесть письмо...

Я прерываю его. Я знаю, что я обязана воздерживаться от выражения своих чувств, но в этот раз я не в силах исполнить свою обязанность.

– Милый мой, не читай письма, пощади себя...

Он останавливает меня.

– Я думаю не о себе, – говорит он. – Я думаю о моей покойной жене. Считаешь ли ты, как и мистер Плеймор, что если я откажусь от публичного оправдания себя в течение своей жизни, если я оставлю письмо нераспечатанным, то я пощаду этим память моей покойной жены?

– О, Юстас, в этом не может быть сомнения!

– Искуплю ли я этим хоть сколько-нибудь страдания, которые неумышленно причинил ей во время ее жизни со мной?

– Да, да!

– Но будешь ли ты довольна мной, Валерия?

– Да, милый мой.

– Где письмо?

– В руке твоего сына, Юстас.

Он переходит на другую сторону постели и подносит к губам розовую ручку младенца. Он стоит так несколько минут в грустном созерцании с самим собой. Я вижу, что его мать тихо отворяет дверь и следит за ним, как и я слежу за ним. С тяжелым вздохом он опускает ручку младенца на запечатанное письмо и этим как бы говорит: я оставляю его тебе!

Вот как это кончилось. Не так, как ожидала я, не так, как, наверное, ожидали вы. Можем ли мы знать наперед, как исполнятся наши лучшие желания? Будущее известно одному Богу, и это к лучшему.

Закрывать ли мне рукопись? Да. Мне больше нечего сказать вам. Кроме нескольких слов в заключение. Не будьте слишком строги к увлечениям и ошибкам моего мужа. Браните меня сколько угодно. Но прошу вас, думайте снисходительно о нем.